II-22

В.Т. ПАШУТО · Б.Н. ФЛОРЯ · А.Л. ХОРОШКЕВИЧ

Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян

К 1500-летию Киева

В.Т. ПАШУТО • Б.Н. ФЛОРЯ • А.Л. ХОРОШКЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1982

П $\frac{0505010000-127}{042(02)-82}$ КБ—57—2—1981

© Издательство «Наука», 1982

От авторов

История нашей Родины — закономерный, уходящий корнями в глубь веков процесс, в котором Древняя Русь выступила в качестве преемницы предшествующих и заняла ведущее место среди современных ей государственных образований на территории СССР.

Собственно Русь стала территориально, экономически, политически и этнически преобладающим ядром обширного Древнерусского (со столицей в Киеве) государства, объединившего в IX—XI вв. земли европейской части нашей страны. В рамках этого государства делали первые шаги в своем общественно-политическом развитии также более двадцати неславянских народов Прибалтики, Севера, Поволжья, Северного Кавказа, Причерноморья.

Древняя Русь стала исторической колыбелью трех братских народов — великорусского, украинского и белорусского.

Заложенные ею исторические связи между народами нашей страны сыграли важную роль в национальном возрождении после монголо-татарского нашествия, в процессе образования Русского централизованного государства, в борьбе за свержение иноземного господства, воссоединения всех восточнославянских земель и превращения России в крупнейшую державу Европы.

Если характеризовать пути и основные этапы исторического развития России, Украины и Белоруссии после страшного разорения Древней Руси ордами монголо-татарских ханов и оценивать роль древнерусского наследия в истории трех братских народов, то можно сказать, что это были три варианта закономерного, но неравномерного развития народов, длительное время осложненного иноземным господством Золотой Орды, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Венгрии, Австрии и др.

Древнерусское наследие имело важное историческое значение для развития этих народов: в Великороссии оно содействовало национальному возрождению, на Украине и Белоруссии — национальному самосохранению, а в конечном итоге послужило их воссоединению, решающая роль в котором принадлежала централизованному Российскому государству. Это наследие имело устойчивый структурный формационный характер, с присущей ранним этапам феодализма системностью самого политического имперского целого. Древнерусская традиция — широкое понятие с глубоким содержанием. Она использовалась в России в основном в прямой генетической преемственности общественно-политической структуры феодальной раздробленности, что дополнялось нередким, особенно в сфе-

ре политической борьбы и культуры, прямым обращением к памятникам древнерусского прошлого.

Монголо-татарское разорение привело к подрыву материальной и духовной культуры страны, политическому ее расчленению и иноземному игу. В новых исторических условиях складывались предпосылки формирования трех братских народностей.

Начало возрождению было положено Москвой. Русское централизованное государство возникло как национальное, ибо его основное этническое ядро, преобладающее в экономическом, политическом и культурном отношениях, составляла русская (великорусская) народность, генетически восходящая к народности древнерусской, сложившейся на восточнославянской основе еще в эпоху Древней Руси. Русское централизованное государство выступает, таким образом, как преемник Древнерусского. В этом одно из условий его жизнеспособности. Но преемственность — не просто реставрация старой формы, а новообразование — результат длительного процесса этнического, социально-экономического, политического и культурного развития в условиях борьбы за национальную независимость.

Особенно важное значение имела древнерусская общественно-политическая мысль для выработки государственной доктрины централизации России и ее борьбы за утверждение в качестве одной из великих держав в политической системе Европы и для выработки политической идеологии народно-освободительного движения на Украине и в Белоруссии.

Роль древнерусского прошлого в национальном возрождении России, в истории Украины и Белоруссии и в воссоединении братских народов освещается с учетом преемственности языка, территории, материальной культуры, социальной структуры (общины, семьи, сословий и т. п.), классовой борьбы (веча), политического строя (княжений, съездов, совладений и т. п.), религии и церковных установлений, внешней политики (проблемы собирания древней «отчины»), культуры (традиций, фольклора, летописания, распространения книжного просвещения, права, архитектуры, живописи).

Выдающееся место в исторических судьбах восточных славян заняла Куликовская битва, в которой впервые отчетливо проявилось тяготение белорусских и украинских земель к воссоединению с Великороссией, битва, подготовка и победный исход которой освящены мыслью о защите «отчины», связаны с памятью о беспримерной доблести воинов и полководцев Древней Руси, битва, восславленная автором «Задонщины» в прямой связи со «Словом о полку Игореве».

Авторский коллектив приносит сердечную благодарность академику М. В. Нечкиной, д. и. н. Я. Н. Щапову и к. и. н. В. Б. Кобрину за ценные замечания, которые помогли при доработке рукописи. Научно-техническая подготовка рукописи проведена к. и. н. Г. В. Глазыриной.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В. Т. ПАШУТО

Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян

Монголо-татарское нашествие и его последствия для восточнославянских земель

В летописи истории человечества немало мрачных страниц, к ним относятся и те, что посвящены монголо-татарскому нашествию на страны Азии и Европы, когда ордами Чингисхана и его преемников целые государства и народы были стерты с лица земли, «как стирают письмена с листа бумаги». Это произошло в начале XIII в. Возникло Древнемонгольское государство, и возглавлявшие его кочевые феодалы обрушили свои рати на более передовые, оседлые земледельческие страны. К тому времени они переживали период феодальной раздробленности и взаимного политического, экономического и религиозного разобщения империй, королевств, ханств и княжеств: междоусобные распри правителей лишили народы, попавшие под удар завоевателей, возможности оказать им организованный отпор.

В течение столетия были захвачены и разорены цветущие земли и государства — Сибирь, Китай, Корея, Центральная и Средняя Азия, Кавказ, Крым, Поволжье, Русь, Польша, Венгрия, Хорватия, Болгария, Иран, Ирак. Повсеместно растущее сопротивление завоевателям вынудило их наконец остановиться у границ Индии, Индокитая, Сирии и Египта, покинуть пределы католической Европы, а также Болгарии (1300 г.), отказаться от высадки на побережья Японии и Индонезии. И тем не менее возникла огромная империя со столицей в Каракоруме. Китайские и русские, польские, венгерские и персидские, арабские, армянские и грузинские летописцы с ужасом повествуют о полном разорении некогда процветавших городов — Чжунду и Чхольчжу, Бухары и Самарканда, Владимира, Киева и Галича, Кракова и Пешта, Тебриза и Багдада. Они сообщают, что тысячи горожан угонялись в глубь новой империи, что систематическими нашествиями, грабежами и убийствами имперские правители стремились терроризировать подвластное население, а когда убедились, что, «сидя на коне, можно завоевывать страны, но нельзя ими управлять», то, поделив их между представителями своей династии, провели перепись населения и обложили его тяжкими ежегодными денежными и натуральными данями, добавив к ним военную, подводную, почтовую и прочие повинности. Все это отбросило цивилизацию значительной

←

На шмуцтитуле:
Битва на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. Миниатюра из «Лицевого летописного свода» XVI в.

части Азии и Европы вспять, затормозило исторический прогресс, не принеся никакой пользы самому трудовому населению собственно Монголии. Захваченное добро и богатые дани расходились по рукам кочевой знати — ханов, нойонов и их приспешников, не оплодотворяя народного хозяйства страны [1].

Сколоченная путем завоеваний, лишенная единой экономической основы, паразитирующая на эксплуатации земледельческих народов, эта империя оказалась недолговечной и уже в 60-е годы XIII в. фактически распалась на самостоятельные государства — улусы, которые на свой страх и риск еще некоторое время продолжали воевать на Востоке и в Передней Азии.

После окончательного завоевания Китая (1276 г.) здесь возникла империя внука Чингисхана великого хана Хубилая, включавшая также Маньчжурию и Монголию. Под властью потомков Чагатая, сына Чингисхана, обособился улус, охвативший Среднюю Азию к востоку от Амударьи и другие земли. Западная часть Средней Азии, Иран, Ирак и Закавказье составили улус Хулагу, внука Чингисхана. Наконец, улус Джучи, старшего сына Чингисхана, расположенный к западу от Иртыша, включал Поволжье, Хорезм, Северный Кавказ, Крым, Русь, Молдавию. В русских летописях этот улус, образовавшийся после неудачного исхода попытки хана Бату завоевать всю Европу (1243 г.), именовался позднее Золотой Ордой. Ее столицей был Сарай на Нижней Волге.

Монгольская империя и государственные образования, возникшие в результате ее распада, охватили в основном земли Монголии, Китая, нашей страны, Центральной и Передней Азии. Общность исторических судеб народов этих регионов, ставших жертвой завоевания, очевидна; она скажется и далее на будущем их освободительной борьбы против власти правителей всех четырех улусов.

В Сарай должны были отныне являться русские и другие князья для получения ханских ярлыков (грамот), утверждавших их власть; здесь теперь решались их династические споры, нередко стоившие им головы; отсюда направлялись численники, данщики, отряды баскаков, чтобы переписывать население, собирать с него дань и жестоко расправляться с непокорными. Сюда свозили они серебро и меха, оружие и ткани, сгоняли захваченных при набегах пленных. Из этого «глухого царства» шли распоряжения об участии русских в чуждых им ханских походах.

Завоевания Чингисхана и его преемников ничего не дали монгольскому народу. Население в Монголии уменьшилось, награбленное добро не содействовало ее подъему.

Международное положение Руси резко ухудшилось. Она потеряла свои владения в Причерноморье, Прибалтике, Поволжье. Надолго прервались ее связи с Кавказом и Средней Азией. Юго-Западной Русью (Украиной) в середине XIV в. завладели Польша, Литва и Венгрия, под чью власть попала и Молдавия, Литва также присоединила земли Белоруссии и Смоленска. Русь с трудом удерживала устье Невы и защищала Каре-

[1] Источники и историографию вопроса см.: Татары в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977; *Пашуто В. Т.* «И въскипе земля Руская».— История СССР, 1980, № 4, с. 66—91.

лию, западную часть которой отторгла Швеция. Ценой больших жертв русские люди сохраняли Псков, отражая вторжения рыцарей Ливонского ордена и наступление Литвы. Следовательно, процесс возрождения и централизации будущей Великороссии протекал лишь на части территории Древней Руси.

В этих условиях восстановление и укрепление тенденции к единству страны наталкивались на огромные трудности. Но все же, восходя к периоду феодальной раздробленности, она получила новые импульсы. Общественно-политическое наследие Древней Руси было воспринято Великороссией прежде всего в его органической феодально-раздробленной форме.

Возрождение Великороссии и общественно-политическое наследие Древней Руси

В свое время Н. М. Карамзин писал, что «битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума» и «сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца»[2]. Попытки осмыслить политическую раздробленность в свете «родовой» теории С. М. Соловьева[3] и «колонизационной» теории В. О. Ключевского[4] успеха не принесли. Эти авторы рассматривали время от Мономаха до монголо-татарского нашествия как нарастающий экономический, политический и культурный упадок. Из всей огромной территории Руси они делали некоторое исключение лишь для Владимиро-Суздальской земли, видя в ней предтечу последующего подъема уже в «московский период»; притом органически закономерная связь между «киевским», «владимирским», «московским» периодами оставалась вне поля их зрения.

Буржуазная (особенно украинская) наука оставила нам серию монографий по истории отдельных земель (М. С. и А. С. Грушевских, Д. И. Багалея, П. В. Голубовского, Н. П. Дашкевича, И. И. Линниченко, А. М. Андрияшева, В. Е. Данилевича, В. С. Борзаковского, А. И. Никитского и др.). Но методологически и эти локальные исследования традиционны («хаос» и «анархия» господствуют на Руси), а потому их совокупность не создает цельного представления о судьбах всей Руси XII—XIII вв. В русской эмигрантской историографии такой взгляд оказался довольно живучим. «На Руси,— писал П. Б. Струве,— существовало мно-

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842, т. 1, с. X.
[3] *Соловьев С. М.* История России. М., 1959, т. 1, с. 270, 746.
[4] *Ключевский В. О.* Соч. М., 1956, т. 1, с. 30--32 и сл.

го земель-государств, но Русская земля не была государством, и княжье, опираясь на свой коллективный суверенитет, осуществляет его sit venia verbo в порядке анархии» [5]. Эти воззрения господствуют и в современной буржуазной историографии о России (труды Г. Вернадского, Г. Штёкля и др.) [6].

В советской науке разработка истории Древней Руси времен феодальной раздробленности стала возможной лишь после того, как Б. Д. Греков раскрыл сущность общественно-политического строя Древней (Киевской) Руси. Но Б. Д. Греков специально временем раздробленности не занимался и, стараясь привлечь к нему внимание исследователей, писал: «Как ни может показаться странным с первого взгляда, но это несомненный факт, что мы „киевский период" нашей истории в отношении общественного строя знаем лучше, чем следующее за ним время раздробленного существования Руси» [7].

После Великой Отечественной войны историки, археологи, историки культуры повели исследование этого периода по двум линиям: изучались коренные социально-экономические проблемы — история сельского хозяйства (А. В. Кирьянов, В. И. Цалкин и др.), ремесла, города и торговли (Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, М. В. Фехнер и др.), история культуры (Д. С. Лихачев, Н. Н. Воронин, В. Н. Лазарев и др.), этнической эволюции (В. В. Мавродин, Л. В. Черепнин и др.) и одновременно развертывались локальные исследования истории земель — Черниговской (В. В. Мавродин опубликовал посвященную ей работу перед войной), Киевской (М. К. Каргер, П. П. Толочко), Галицко-Волынской (В. Т. Пашуто), Новгородской (В. Л. Янин), Полоцко-Минской (Л. В. Алексеев), Владимиро-Суздальской (В. А. Кучкин), Смоленской (В. В. Седов).

Названные разработки открывали путь поискам в истории Руси тех же закономерностей социально-экономической и политической эволюции, которые Ф. Энгельс выявил на средневековом материале других стран Европы. Эти поиски нашли отражение и в создании основ периодизации истории Руси в обобщающих трудах по отечественной и всемирной истории.

Новейшие изыскания в сфере нумизматики и внешней торговли (В. В. Кропоткин [8], В. М. Потин [9], В. П. Даркевич [10]), а также внешней политики Руси подкрепляют основательность доныне полученных

[5] *Струве П. Б.* Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего... Париж, 1952, с. 81.

[6] Впрочем, стали появляться и работы, признающие прогрессивность феодальной раздробленности на Руси — правда, без ссылок на труды советских ученых (см. статью Д. Ворна: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1979, Bd. 27, H. 1, S. 1—40).

[7] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949, с. 253.

[8] *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962; *Он же.* Экономические связи Восточной Европы в первом тысячелетии нашей эры. М., 1967.

[9] *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

[10] *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966; *Он же.* Художественный металл Востока VIII—XIII в. М., 1976.

главных выводов; они находят подтверждение и в сравнительно-историческом аспекте, о чем свидетельствуют, в частности, труды наших польских коллег, плодотворно вскрывающих черты общности в общественно-политической эволюции Польши и Руси; то же подтверждают исследования отдельных институтов, дипломатических союзов и т. п.

Попытаемся теперь ответить на вопрос, каковы выводы советской науки о значении средневековой Руси периода феодальной раздробленности для преемственного развития и подготовки будущей централизации России. Это важно подчеркнуть потому, что доныне в международной историографии не преодолен ложный взгляд, будто история России развивалась по византийской «культурной модели»[11]. Сторонники этого странного взгляда, высказанного недавно и на XV Международном конгрессе исторических наук, не замечают, что (при всем значении византийской культуры) основу культурного возрождения России составило не наследие политически исчезнувшей Византии, а в первую очередь живые традиции Древней Руси.

Выводы нашей науки предопределены самой новой трактовкой периода феодальной разобщенности Руси. Относительно единая государственная структура, сложившаяся ко времени княжения Владимира Святославича (980—1015) и Ярослава Мудрого (1019—1054), оказалась недолговечной. Причина этого кроется не в упадке страны, а в ее социально-экономической эволюции, где наблюдаются два ряда причинно взаимосвязанных явлений: развитие феодализма вширь и ослабление экономической и политической мощи центральной власти[12]. Решение общерусского съезда князей в Любече (1097 г.) закрепило перераспределение собственности в пользу местных княжений (по формуле «Пусть каждый держит землю своего отца»); этот порядок окончательно восторжествовал в 1132 г. (в Польше по статуту Болеслава Кривоустого — в 1138 г.). На Руси утвердился полицентрический политический строй. Пережив столетия, эта формула стала основой правопорядка на заре централизации, приобретя лишь новый вид — «Тобе знати своя очина, а мне знати своя очина»[13].

Политическая структура Руси утратила форму раннефеодальной монархии, ей на смену пришла монархия периода феодальной раздробленности. Государственный строй приобрел новую форму правления, при которой киевская столица и подвластный ей домен «Русской земли» сделались объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей; все князья, отвечавшие за судьбы «Русской земли», требовали себе в ней доли собственности и доходов, а свои права и обязанности определяли на общерусских снемах — съездах.

Подобный же порядок после монголо-татарского разорения страны возродился в модифицированной форме на заре Русского централизован-

[11] *Condurachi A., Theodorescu R.* L'Europe de l'Est, aire de convergence des civilisations.— In: Rapports, Buc., 1980, vol. 1, p. 47.

[12] *Пашуто В. Т.* Эволюция политического строя Руси (X—XIII вв.).— In: L'Europe aux IX-e — XI-e siècles. W-wa, 1968, p. 241—247.

[13] ДДГ, № 5, с. 20; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 182.

ного государства в Северо-Восточной Руси рубежа XIII—XIV вв. относительно Владимирского княжества, однако без раздачи вассалам-князьям «причастий». Одну из разновидностей коллективного сюзеренитета Л. В. Черепнин видел и в «третном» владении князьями Москвой в XIV—XV вв.[14] Феодальная раздробленность порождала тенденцию к единству.

Изучая эволюцию политических органов в XIV—XVI вв. и зарождение земских соборов, Л. В. Черепнин обратился к выводам нашей науки о соборе, вече, снеме, думе и других формах сословных совещаний древнерусской поры, в ходе политической централизации преобразовавшихся в новые институты[15].

Социальные основы этой тенденции сложились в XII—XIII вв. и обнаружились по всей Руси. Развитие сеньориальной земельной собственности в обособившихся княжениях отражено в сохранившихся источниках по истории Владимиро-Суздальской, Галицко-Волынской, Новгородско-Псковской земель. Оно влекло за собой возрастание политической роли провинциальной, светской и духовной знати, в свою очередь враждебной политическому единству и сильной государственной власти новых княжеств. Выступая против сепаратизма знати, теперь уже местные князья (галицко-волынские — Ярослав Владимирович, Роман Мстиславич, Даниил Романович; владимиро-суздальские — Андрей и Всеволод Юрьевичи, Ярослав Всеволодович и Александр Ярославич Невский) использовали киевские и местные государственные земельные фонды для укрепления набиравших силу служилых феодалов — дворян, милостников («милость» — земельное пожалование[16]), служилых бояр и (в Новгородской земле) детей боярских.

Ряды этого служилого дворянства и боярства пополнялись не только по наследству. Источники называют бояр, вышедших из среды зажиточного крестьянства — смердов[17] (расслоение крестьянства содействовало распространению натуральной ренты); из простого духовенства — попов[18]; до бояр выслуживалось мелкое рыцарство младшей дружины[19]; наконец, управители всех рангов двигались по пути лихоимства в служилый, обеспеченный землею люд. Следовательно, решающая роль служилого дворянства и боярства в процессе централизации страны тоже постепенно вырисовывается в период феодальной раздробленности.

Нет нужды входить в подробное объяснение того, что основу преемственности всех политических преобразований времен централизации составляло продолжающееся развитие материальной культуры деревни и (там, где он уцелел или возрождался) города, социальной структуры и

[14] *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 29.
[15] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 55—63.
[16] *Тихомиров М. Н.* Условное феодальное держание на Руси XII в.— В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 100—104.
[17] ПСРЛ. СПб., 1908, т. 2, стб. 790.
[18] Там же, стб. 789.
[19] Там же, стб. 536.

социально детерминированных прав и обязанностей сословий, форм классовой борьбы и т. п. Все эти процессы глубоко освещены в фундаментальном труде Л. В. Черепнина [20] и дополнены исследователями истории сословий [21], города, социальной мысли [22], русской культуры [23].

Окончательно сложилась политическая и военная иерархия, соответствующая расчлененному характеру феодальной собственности на землю; иерархия, связанная с использованием вооруженных дружин, при которой высшая военная и судебная власть принадлежит собственникам земли; ассоциация земельных собственников, классово противостоящая угнетаемому ими крестьянству [24]. Системе вассалитета на Руси, как выяснилось [25], были присущи хорошо известные и другим странам формы регулирования внутренних противоречий, возникавших среди феодалов в ходе их борьбы за землю, ренту, за иммунитет. Источники рисуют эти формы — подручничество, кормление, местничество, разные виды вассальной службы, княжеский суд и пр. Таким образом, политическая структура достигла соответствия с происшедшим ранее перераспределением собственности в пользу местных княжеских династий, бывших у них на службе бояр и дворян.

Хотя до конца еще не решен вопрос о превращении расчлененных форм собственности в централизованную при одновременной трансформации государственной собственности из раннефеодальной в зрелую — в форме поместных, в принципе пожизненных, а фактически наследственных держаний за военную и иную службу,— преемственность норм и институтов не вызывает сомнений. Это относится и к эволюции иммунитета светских феодалов [26], и к истории «двора» и «дворянства» [27].

Политический статус был поддержан городами, которые также считали обременительной власть киевской монархии и ее знати. Новые города превращались в силу, которая наряду с дворянством (милостниками) все энергичнее подрывала значение старых центров, окрепших при киевских монархах. Напрасно киевская знать третировала новгородцев, называя

[20] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках.

[21] *Веселовский С. Б.* Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 107—108; *Зимин А. А.* Холопы на Руси. М., 1973, с. 346.

[22] *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XV в. М., 1960, с. 85—157.

[23] Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. 1. Материальная культура. Ч. 2. Духовная культура. М., 1970.

[24] *Черепнин Л. В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.).— Вопр. истории, 1953, № 4, с. 38—63.

[25] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 11—76.

[26] *Флоря Б. Н.* Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств.— В кн.: Польша и Русь, с. 308—334.

[27] *Назаров В. Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XV вв.).— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 104—130; *Он же.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в.— В кн.: Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975, с. 40—54; *Он же.* Русь накануне Куликовской битвы (К 600-летию сражения на р. Воже).— Вопросы истории, 1978, № 8; *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 18, сн. 21.

их «плотниками»: нужно было иметь «две головы», чтобы самовольно занять новгородский стол; напрасно ростовская знать обзывала владимирцев «холопами»: Владимир-на-Клязьме стал во главе Северо-Восточной Руси, чтобы затем уступить место Твери, Нижнему Новгороду, Москве; то же произошло и на юго-западе, где Перемышль уступил свою роль Галичу, тот — Холму и Львову.

Договоры («ряды») вольных городов с князьями — ясный признак укрепления их коммунальных прав; они порождены той же действительностью, что и договоры князей и их вассалов о разделе Руси. Договоры бесспорно свидетельствуют о признании верховной государственной властью за вольными городами прав собственности на землю; а городские советы, в затруднительных случаях использовавшие поддержку той или иной части горожан, выступали как корпорации сеньоров с присущими им правами на иммунитет. Главным условием договоров с князьями было то, что все территории, приобретенные ими или их наместниками и полученные за услуги, оказанные горожанам, захваченные или купленные, подлежали возврату по оставлении князем города.

Но в средневековой Руси вольность городов — понятие сложное. Она была стеснена постоянным пребыванием в них боярских дружин, почти постоянным — вооруженного княжеского отряда. С вольного города не спускала глаз церковь, представители которой входили в городской совет и располагали внушительной силой городских монастырей. Надо иметь в виду и стесненное по сравнению с феодалами правовое положение купечества. Наконец, городской патрициат («городские мужи»), как правило, делился на враждующие партии, тяготевшие к различным коалициям князей, борьба между которыми за власть постоянно осложняла политическую жизнь Руси.

Исследование роли города в процессе образования Русского централизованного государства ясно свидетельствует о том, что при всех осложнениях и нарушениях его политических функций, внесенных ордынским игом, русский городской строй вырос из условий феодальной раздробленности, а не создан заново [28].

Политический статус власти был поддержан и церковью. Рост земельной собственности духовной знати, особенно с XII в., как это доказал Я. Н. Щапов, нашел свое отражение в широком распространении по всей Руси церковного устава Владимира Святославича, модифицированного в духе церковного земельного стяжательства, которым пронизаны смоленский и новгородский уставы середины XII в. Княжеские уставы фиксировали формы и размеры материального обеспечения, епископий, получаемой ими доли феодальной ренты [29]. Это обеспечение складывалось первоначально из десятины, быстро возраставшей земельной собственности и доходов от церковного суда. Центры обособившихся княжеств ста-

[28] *Черепнин Л. В.* К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства.— В кн.: Города феодальной России: Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966, с. 105—124; *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья.— В кн.: Русский город. М., 1976, с. 58—59.

[29] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972.

новились, как правило, и церковными центрами, епископиями (ко времени монгольского нашествия их насчитывалось 16); быстро росли монастыри, число которых только во Владимиро-Суздальской и Новгородско-Псковской землях, по данным XII—XIII вв., собранным И. У. Будовницем, достигло 84[30], создавались и свои политические установления, определявшие место церкви в новых условиях. Уставы возникли в процессе борьбы между церковной и светской знатью за раздел земель и доходов. Они порождены той же действительностью, что и договоры князей и их вассалов между собой и с городами.

Церковная историография обширна и сделала немало в собирании, публикации источников и решении конкретных вопросов; ее оценка — назревшая задача науки, тем более что видные досоветские исследователи канонической и общественно-политической истории русской церкви обычно создают идеализированную фигуру «бескорыстного самодержавия», свято хранящего византийское благочестие во имя защиты православной народности от «лживых папежников» и «зловредных араплян». Не удивительно, что историю русской церкви эти авторы накрепко привязывали к истории Византии, а гражданскую историю, особенно права, культуры и быта,— к истории церкви.

Лишь с огромным трудом, опираясь на разыскания археологов, искусствоведов, лингвистов, советские историки докапываются сквозь окаменевшие наслоения многовековой церковной традиции до истинных корней культуры, до изменявшегося соотношения в ней церковной и светской идеологии и практики, определяя место, занимаемое иноземными — византийскими, скандинавскими, западными (славянскими и неславянскими), восточными (арабскими, иранскими) — элементами. Особенно горячие споры вызывает византийская тема потому, что в международной историографии идеологи антикоммунизма в стремлении создать ложную, чуждую Европе родословную нашего общества давно ищут его корни в мнимом византийском духовном засилье на Руси.

Новое исследование Я. Н. Щапова, подготовленное трудами С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина, Л. В. Милова и особенно В. Н. Бенешевича, освещает большую проблему византийского правового наследия на основе такого фундаментального источника, как Кормчие книги[31]. Кормчие (т. е. номоканоны, или «путеводные книги») — византийские правовые сборники, объемистые фолианты, включающие до 200 и более отдельных памятников: сочинения христианских идеологов, нормативные акты церковных соборов, императоров, патриархов, а также местные права, правила, уставы, толкования, справочники... Эти сборники служили епископам и их чиновникам в управлении и суде.

Комплексное исследование наиболее представительных древнерусских, византийских и западнорусских составных элементов кормчих, таких, как Русская Правда, княжеские церковные уставы, Закон судный людем,

[30] *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XV вв. М., 1966, с. 48—72.

[31] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

Прохирон, Летописец Никифора и других, раскрыло их истинное место в древнерусском праве, а также позволило ответить на вопрос, как они переделывались, сокращались, пополнялись — словом, применялись на Руси на протяжении XII—XVII вв.

Оказалось, что в богатом мире древнерусской мысли, самобытного светского и церковного права византийские кормчие книги занимают скромное место, меняющееся по мере развития и усложнения общественно-политического строя страны. После монголо-татарского разорения, когда на Руси погибло огромное число памятников письменности, киевский митрополит Кирилл при посредничестве болгарского князя, русского родом, Святослава выписал с Балкан в 1262 г. Сербскую кормчую, которая вскоре была значительно переработана в Русскую кормчую в Киеве, Великороссии, а также в Молдавии, на Волыни и в других славянских землях Великого княжества Литовского.

Наследуя правовые нормы Древнерусской кормчей, московская митрополия фактически перенимала киевское идейное наследие, ибо созданные на его основе номоканоны ревнители византийского канонического права считали столь далекими от их ортодоксальных прототипов, что называли «худыми номоканунцами», которые «годятся съжечи». Оно и понятно: дополнение местных норм привнесенными из византийского права, подчиненность последних специфически русским сферам церковной юрисдикции, местным особенностям взаимоотношений церкви и государства, идеологической борьбе в русском обществе XIV—XVI вв. и социальному заказу князей превратили Русскую кормчую в своеобразную средневековую энциклопедию.

Можно полагать, что Древнерусская кормчая и «Правила» Кирилла — верного сподвижника выдающегося государственного деятеля Александра Невского, как и государственные документы этого князя, относятся к числу актов, которыми великий князь и переживший его митрополит стремились укрепить основы единства Киева, Владимира и Новгорода, имея в виду последствия монголо-татарского нашествия, в условиях напора папского католицизма, литовского язычества, ордынского варварства и мусульманства. С этим, конечно, связаны и создание православного епископства в Сарае (1262 г.), и ханские льготы русской церкви, и ее идеологический нажим на общество, в котором светское и церковное права подчас объединяются в общие сборники вроде «Закона судного людем», «Мерила праведного» [32] и усиливается клерикальный дух в летописании, повести превращаются в жития. Так продолжается до возрождения и централизации России.

Досконального исследования роли церкви в процессе централизации России еще нет, но ясно, что церковь (при всех отклонениях, вызванных властью Орды и соперничеством Литвы) продолжала путь, начатый в период феодальной раздробленности, передвинув свой центр из Киева во Владимир, а затем в Москву [33].

[32] Подробнее см.: *Леонтьев А. К.* Право и суд.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV веков, ч. 2. с. 5—47.

[33] Церковь в истории России (IX в.— 1917 г.): Критические очерки. М., 1967, с. 51—91.

Естественно, что исторический процесс вызревания самостоятельных славянских и иноязычных государств, связанных властью сначала единой, а затем феодально-раздробленной Руси, тоже не заглох в результате вторжения монголо-татарских полчищ и немецких рыцарских войск. Он не заглох потому, что в отличие от непрочных империй (Византийской, Монгольской и др.) Древнерусское государство имело преобладающее славянское ядро, глубокие корни в дофеодальной народной колонизации, давние традиции борьбы народов против социального гнета, за независимость[34]. Часть народов Севера, Прибалтики, Поволжья удерживалась под властью Руси, и процесс воссоединения славянских и объединения неславянских земель получил продолжение в ходе ее централизации.

К сожалению, на Руси не сохранились труды, подобные «De administrando imperio» или «Dictatus papae», но летописи и другие источники не оставляют сомнения в том, что и во времена феодальной раздробленности, которая не была абсолютной, жители всех частей страны ясно сознавали свою принадлежность к русской (древнерусской) народности и осуждали любые попытки иностранцев занять земли Руси; да и князья придерживались той мысли (или, выражаясь современно, доктрины), что занимать княжеские столы на Руси могут только члены русской правящей династии, что все они «одного деда внуки» и что вне Руси им земли «в Угрех нетуть ни в Ляхох»[35].

Начавшийся в XIV в. процесс формирования великорусской народности, как и украинской и белорусской, на основе древнерусской разносторонне изучен нашими языковедами[36] и историками[37].

В сфере культуры, особенно в хронографии и литературе, сложились сильные идеологические течения, представленные волынскими и суздальскими летописными сводами, «Словом о полку Игореве», «Молением Даниила Заточника», великокняжескими житиями и т. п., которые выступали в поддержку единства страны и его носителей — великих князей.

Это наследие тоже нашло свое место в идеологическом фонде московского «предвозрождения». Естественно, что унаследована была и делопроизводственная практика, столь ясно отраженная в памятниках дипломатии. В работе «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» Л. В. Черепнин привел убедительные аргументы в пользу того, что формуляр договорных грамот Новгорода с князьями, который известен по текстам XIII—XV вв., складывался уже в конце XII в.[38] Отдельные статьи этого формуляра попали на страницы летописи. Исследование фонда новгородских берестяных грамот позволило выявить переходные виды и других формуляров[39]. Исследование Л. В. Черепнина ясно доказало, какую

[34] *Пашуто В. Т.* Особенности этнической структуры Древнерусского государства.— Acta Baltico-Slavica, Białystok, 1969, t. 6, s. 174.

[35] ПСРЛ, т. 2, стб. 405.

[36] *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 633; *Котков С. И.* Московская речь в период становления русского национального языка. М., 1972.

[37] Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей. М.; Л., 1958.

[38] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948, с. 224 и сл.

[39] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 36—112.

значительную роль в развитии права и законодательства централизуемой России сыграло стягивание в Москву архивных фондов воссоединяемых земель. Правовые статуты этих земель, как свидетельствуют, например, кодексы права Новгорода, Пскова, Двинской земли да и уставные грамоты некоторых земель (а если брать шире, то и политических центров Белоруссии и Украины), в свою очередь, генетически восходили к Русской Правде. Следовательно, московские легисты в своем правотворчестве (в частности, и при создании Судебника 1497 г.) черпали материал и непосредственно из древнерусских, и из трансформированных в процессе общественно-политического развития правовых норм [40].

Как Русская Правда стала тем корнем, из которого разрослось разновидное право феодально-раздробленной Руси, чтобы потом в преобразованном виде воплотиться в общерусских судебниках, так и Повесть временных лет — ствол разветвленного древа великорусского летописания (а отчасти и летописания Великого княжества Литовского), которое затем, по мере воссоединения земель, было сконцентрировано в Москве. Не раз переработанное на значительную хронологическую глубину, а нередко и пополненное древнейшими источниками [41] это общерусское летописание служило идейно-политическим целям растущего единодержавия князей сперва Великороссии, а затем и России. (Впрочем, вопрос о том, кто и как читал летописи, т. е. о механизме их воздействия на класс или хотя бы на его правящую группу, изучен пока недостаточно).

Исследования М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, Я. С. Лурье, Б. М. Клосса, О. В. Творогова, Л. А. Дмитриева [42] и ряда других ученых хорошо осветили этот процесс. Последние работы Л. Л. Муравьевой характеризуют сложные переходные формы от летописания времен раздробленности к сводам общегосударственного значения XV—XVI вв.

Древнерусское летописное наследие использовалось не только по этому официальному назначению: оно было, если можно так выразиться, «на слуху» у русских книжников — и придворных, и митрополичьих, и еще недостаточно изученных монастырских [43]. Обосновывая традиционную политику наступления княжеской власти на Новгородскую боярскую республику, автор Московского свода писал, что новгородцы «беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни... Кого от князь не прогневаша, или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославичь не уноровил им?.. И аще хощеши распытовати, разгни книгу Летописец великий руський и прочти от великаго князя Ярослава и до

[40] Памятники русского права, М., 1955, вып. 3, с. 342; см. также: *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971.

[41] Вопрос о степени этих пополнений остается предметом дискуссий и исследований (*Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979, с. 340; ср.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, с. 186—189).

[42] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 6—7; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—XVIII вв. М., 1969, с. 169 и сл.; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 232—234; *Дмитриев Л. А.* Литература начала — третьей четверти XIV века.— В кн.: История русской литературы X—XVII веков. М., 1980, с. 185.

[43] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XI—XV вв. Л., 1976, с. 258.

сего князя нынешнего»[44]. Нас не занимает сейчас вопрос, что это за Летописец, но отмечаем сам факт подчеркнутой преемственности в использовании источника, восходящего к XIII в. Примеров подобного рода обращений к традиции можно было бы привести немало. Это и обращение к тексту Даниила Заточника в рассказе о битве на Воже[45], и к Киево-Печерскому патерику в пору борьбы за влияние на умы тверитян[46], и к Повести временных лет при описании нашествия Едигея[47] и т. п.

Поддержанные служилым дворянством и быстро растущими городами (накануне монгольского вторжения упоминается 300 больших и малых городов, только в Галицко-Волынской земле их было более 80, в Полоцко-Минской — 40), местные князья повели энергичную борьбу с боярским сепаратизмом. Новые княжества — иные из них превосходили размерами целые государства тогдашней Европы, так Владимиро-Суздальская земля была больше Англии,— соперничали из-за земель, городов и политической власти на Руси, довершая упадок политического значения Киева.

Это соперничество отразилось на составе и результатах последних известных нам общерусских княжеских съездов 1223 и 1231 гг. в Киеве; оно роковым образом сказалось на исходе героической борьбы русского народа с монгольским нашествием на этом этапе.

Основатели Русского централизованного государства в иных исторических условиях продолжали ту же политику решительного перераспределения собственности бояр и княжат, обеспечивая крепнувшую стабильность великокняжеской власти.

Следовательно, историческое значение наследия Древней Руси состоит в том, что оно подготовило материальные и социальные предпосылки образования централизованного государства так, как оно представлено в исследованиях Л. В. Черепнина и его школы (работах А. М. Сахарова, А. Д. Горского, В. Д. Назарова и др.). Внешнеполитические условия лишь сузили территориальную основу этого процесса, осложнили и замедлили его.

Централизация государства России — это длительный процесс усложнения политической структуры, вызванный сдвигами в хозяйстве страны, в ее общественном строе, в характере и размахе классовой борьбы.

Исследования академика Л. В. Черепнина позволили убедительно датировать главные этапы формирования Русского централизованного государства, связав их с укреплением основ будущего могущества Москвы в годы княжения Ивана Калиты (1325—1340), с признанием за ней руководящей роли в освободительной борьбе в правление Дмитрия Донского (1359—1389), с торжеством Москвы как оплота централизации в феодальной войне начала XV в., с завоеванием государственной независимости и закреплением главных принципов нового политического строя в годы правления Ивана III (1462—1505), когда выявились такие его признаки,

[44] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950, с. 439.

[45] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, с. 596.

[46] Там же, с. 303—304.

[47] ПВЛ. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 142; ПСРЛ. СПб., 1913, т. 18, с. 155—159 (1408 г.).

как единство территории, государева двора, законодательства, войска, финансов[48].

Централизация рождалась, а позднее и развивалась в условиях напряженной национально-освободительной борьбы. Лишь оценивая характер этой борьбы и особенности Русского централизованного государства, можно правильно понять место России в формирующейся политической системе Европы.

Что же представляла собой Великороссия и почему именно она осмелилась открыто с оружием в руках выступить против ненавистного ханского господства?

Великороссия состояла из конфедерации 11 княжеств с их почти 20 уделами[49]. Исторически сложившейся, а генетически восходящей к Древней Руси политической структуре были присущи такие институты, как единство правящей династии, коллективный сюзеренитет сильнейших, прежде всего московских, тверских, нижегородских, князей над номинальным центром — Великим княжеством Владимирским. Как некогда Киевская земля оберегалась сильнейшими князьями за «причастье» в ней, так позднее охранялась с помощью сложных вассальных союзов «земля Владимирская». Съезды князей, церковные соборы и вся система светского и церковного вассалитета также унаследованы Великороссией.

Орда, сохранив эту структуру, сломать которую она оказалась не в силах, правила Великороссией через Великое княжество Владимирское, стараясь использовать великокняжеский титул, стол и связанные с ним земли, доходы и права для разжигания взаимных распрей князей. Неоднократно пускала она в дело и свою военную мощь. Достаточно бросить взгляд на составленную И. А. Голубцовым карту «Борьба Северо-Восточной Руси с татарским игом с середины XIV в. до 1462 г.»[50], чтобы убедиться, в каких нечеловечески трудных условиях приходилось народу возрождать страну: набегами, пожогами, поборами, полонами кочевые властители не раз отбрасывали ее вспять. Потому события, приведшие к Куликовской битве, должны рассматриваться и как великая моральная победа народа.

Москва распространилась в XIV в. далеко за пределы Кремля, обросла обширным торгово-ремесленным посадом (будущий Китай-город), вышла за реки Неглинную, Яузу, Москву.

Москва в окружении княжеских и боярских сел, на пересечении дорог стала важнейшим политическим центром, где сосредоточивались дворы князей, бояр, княжат, располагались учреждения их власти и управления — великокняжеский дворец, казна, боярская дума. Дьяки-легисты, слуги княжеского двора чинили суд и расправу над холопами, беднотой, беглыми, искавшими в большом городе укрытия от своих господ.

[48] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках.

[49] Этот вопрос недавно был всесторонне изучен (*Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 1979).

[50] Очерки истории СССР (XIV—XV вв.). М., 1953; подробнее см.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М., 1940.

Московские горожане — около 40 тыс. к концу XIV в.— были заметной экономической и политической силой. Богатейшие купцы — «гости» вели оптовую торговлю с Западом (по традиции их именовали «суконники») и с Югом (их называли «сурожане», от города Сурож—Судак в Крыму). Как и повсюду в Европе, эти купцы были связаны с княжеским двором, проникали в среду знати, возводили богатые хоромы, например купца Таракана, влияли на выбор князем тысяцкого, ведавшего (до 1373 г.) торговым судом в Москве (затем его сменил великокняжеский «большой» наместник). Вместе с феодальной знатью они противостояли городской бедноте, которая подчас играла решающую роль в судьбах города, как было в 1382 г., когда горожане, собрав вече, сами ведали обороной столицы от войск Тохтамыша. Лично свободные горожане — ремесленники, «черные люди», объединялись в «сотни», а зависимые — холопы бояр и других феодалов — в «белые слободы», свободные от государственных податей. Те и другие страдали от тяжелых поборов в пользу казны и господ.

Главные улицы столицы (Тверская, Юрьевская, Волоцкая, Арбат, Ордынка и др.) перерастали в дороги на крупнейшие города страны.

Московское боярство по мере экономического оживления края постепенно внедрялось в земли великого княжества, а к Москве, вливаясь в ее служилое сословие, все сильнее тянулась и местная феодальная знать. Это предопределило последующее (при Дмитрии Донском) слияние Московского и Владимирского великих княжений. Уже первые шаги по укреплению значения Москвы как центра Великого княжества Московского обнаружили тяготение к ней земель, населенных этнически близкими народами. Это отразилось и на политике правящего сословия славянских земель. Начались «отъезды» в Москву: по преданию, уже в 1332 г. из Киева в Суздальскую землю ушел боярин Родион Несторович с 1700 своих дворян. Это первая ласточка. Много прольется крови, пока осуществится воссоединение восточнославянских земель.

Упрочение могущества Москвы при Иване Калите позволило ему энергично выступить в защиту новгородско-псковских и смоленских земель от посягательств Литвы[51].

В 1340—1341 гг. один за другим сошли с политической арены галицко-волынский князь Болеслав-Юрий II, золотоордынский хан Узбек, московский великий князь Иван Калита и «король Литвы, Руси и Земгалии» Гедимин, при котором небольшая Литва превратилась в Великое княжество Литовское.

Политическое наследство, оставленное ими, было далеко не равноценным. Галицко-Волынская земля, выдержав новое боярское самовластье, попала под господство феодалов Литвы, Польши и Венгрии; Золотая Орда, претерпев очередные династические смуты, достаточно окрепла, чтобы пережить роковой день Куликовской битвы. В расцвете могущества оставил свою державу Гедимин, но оно не было прочным. Небольшое Великое княжество Московское стало ядром Великороссии, которая упорно шла к единству и в дальнейшем, освобождая себя от иноземного ярма,

[51] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 389—398.

смогла оказать содействие освобождению братских народов Украины и Белоруссии.

Заря национального государства в России возвестила начало заката экономически и политически, культурно и этнически разнородного Великого княжества Литовского. Это стало ясно в пору княжения Дмитрия Донского.

Внуку Калиты Дмитрию досталось в наследство немалое по тем временам владение — Великое княжество Московское с его расположенными вдоль реки Москвы городами (Можайск, Звенигород, Коломна), с селами и слободами в княжествах Углицком, Галицком и самом Великом княжестве Владимирском, которое уже почти традиционно рассматривалось и на Руси, и в Орде как принадлежащее Москве. Это означало, что московский князь, помимо политической власти — финансовой, военной, внешнеполитической — в Великом княжестве Московском, располагал экономическим и военным потенциалом таких крупных центров, как Владимир, Переяславль, Юрьев Польский, Ярополч, Кострома, Ростов (наполовину), и имел освященное древнерусской традицией преимущественное право на управление Великим Новгородом (с доходами с Волока, Торжка, Вологды). Весьма существенно и то, что в этом качестве он ведал сбором и доставкой в Сарай большей части ордынской дани.

Великий князь Дмитрий Иванович, как это было свойственно давним династическим обычаям эпохи, с детства, с девяти лет, оказался вовлеченным в политическую жизнь и военные походы. В ту пору сильные характеры в княжеской среде складывались очень рано. Остроконтрастные впечатления, вызванные участием с детских лет в походах в разные, порой очень несхожие по жизненному укладу земли, зрелища кровавых битв, пожаров, неоднократных моров (1364—1366 гг.), изнурения голодных лет, горя и нужды развивали потребность познавать, наблюдать, обобщать — словом, ускоряли формирование князя Дмитрия как государственно зрелой личности.

Мысленным взором окидывая его жизнь, можно уверенно утверждать, что она была исполнена ратных и государственных трудов, отмечена дальновидностью политических военно-стратегических целей и умением окружать себя служилым боярством и опытными государственными советниками, среди них находились такие крупные люди, как соправитель первых лет власти митрополит Алексей, печатник Дмитрий (Митяй), неизменный военный помощник — серпуховской князь Владимир Андреевич, прозорливый церковный деятель Сергий Радонежский и др.

Великий князь был человеком решительным, здравомыслящим и политически искушенным. Он пресекал и деятельность, и жизнь враждебных его политическому курсу бояр (вспомним судьбу сына московского тысяцкого Вельяминова или бояр — сторонников Пимена) [52] и купцов (вроде Некомата) [53]; он гневно поносил как язычников-«литовцев» [54]

[52] ПСРЛ. М., 1965, т. 15, вып. 1, стб. 137 (1379 г.); Там же. М., 1965, т. 11, с. 45 (1379 г.); РИБ. СПб., 1880, т. 6. Прилож. № 133, стб. 210.
[53] ПСРЛ. М., 1949, т. 25, с. 211 (1383 г.).
[54] *Прохоров Г. М.* «Повесть о Митяе». Л., 1978, с. 50, 201.

погрязших в распрях властителей Византии, спекулировавших русской митрополией на Руси, в Литве и в Польше[55]. Он, сослав митрополита Пимена в Чухлому, без колебаний выдворил из Москвы склонившегося было к поддержке Великого княжества Литовского митрополита-болгарина Киприана[56] и вернул сперва второго, а потом и первого, когда после смерти собственного ставленника Митяя очевидная перемена церковно-политического курса Вильнюса, казалось, гарантировала ему лояльность этих духовных деятелей[57]. Ратная жизнь князя началась с участия в походе на Суздаль, после которого Великое княжество Владимирское было решительно объявлено «отчиной» московских князей (1363 г.). Именно с этого политического шага Дмитрия формула «отчины» — патримониальный принцип объединения под властью Москвы всех древнерусских земель и владений — становится все более действенным инструментом политики воссоединения. Отстаивать этот принцип было не просто на Руси и особенно за рубежом.

Надо только на миг представить себе положение Великого княжества Московского, отрезанного от всех морей, центрального района политически раздробленной Великороссии. После монголо-татарского нашествия зе́мли Финляндии и части Карелии были захвачены Швецией. Немецкие рыцари завладели исконно связанными с Русью землями Эстонии (1227 г.) и Латвии (1290 г.), где установилось господство Ливонского ордена, и землями Пруссии (1283 г.), где утвердился Тевтонский орден; 150 крепостей Ливонии поддерживали господство Ордена, а союз 72 городов немецкой Ганзы — ее торговую монополию на Балтийском море. Земли Белоруссии попали под власть Великого княжества Литовского, с которым москвичам приходилось воевать из-за Смоленска, Брянска, Вязьмы; оно завладело также Волынью и потом распространилось до Киева. Галичина была завоевана Польшей; Карпатская Русь оказалась под владычеством Венгрии. Волжский путь был в руках Золотой Орды, а на Черноморском побережье с ее одобрения обосновались (в Кафе, Тане, Судаке) итальянские — генуэзские и венецианские фактории[58].

Зарубежные историки, ученые и школьные дидактики, сторонники концепции «европеизации» России (Г. Вернадский, Б. Шпулер и др.)[59], утверждают, что наша страна после монголо-татарского нашествия на целые два столетия вообще выпала из всемирной истории, растворившись в Золотой Орде до той поры, пока Иван III своим «еще варварским ку-

[55] О трудном положении патриархии с Галицкой митрополией см.: РИБ, т. 6. Прилож. № 22 (1370 г.), 23, 25 (1371 г.).

[56] *Прохоров Г. М.* Указ. соч., с. 55, 196—201.

[57] Иную трактовку см.: *Прохоров Г. М.* Указ. соч., с. 104, 111. Автор этого интересного исследования, думается, без достаточных оснований пишет о перемене политического курса Дмитрия под влиянием группировки церковных деятелей, примыкающих к Киприану — Сергию Радонежскому: вряд ли князю «уже не нужна была великорусская митрополия» (с. 112).

[58] Подробнее см.: Итоги и задачи изучения внешней политики России до 1917 г. М., 1981.

[59] *Vernadsky G.* The Mongols in Russia. New Haven, 1963. См. рец. Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто (Вопросы истории, 1955, № 8); *Spuler B.* Geschichte der Mongolen, nach östlichen und europäischen Zeugnissen des 13—14. Jh. Zürich — Stuttgart, 1968.

лаком постучал в окно перепуганной Европы»[60]. Факты, однако, свидетельствуют об ином — о тесной взаимосвязи национального возрождения России с переменами в окружающем ее мире и о ее растущем влиянии на их ход и исход.

Спору нет, международное положение Великого княжества Московского было сложным, далеким, однако, от политической изоляции. Новгородская Русь при деятельной поддержке Москвы уже свыше полустолетия имела, несмотря на отдельные конфликты, устойчивые отношения с Данией (с 1302 г.), Швецией и Норвегией (с 1326 г.). Неоднократные попытки немецкого Ордена захватить земли Пскова и Новгорода встречали неизменный отпор, и он был вынужден и в XV в. придерживаться положений русско-немецкого договора, заключенного еще Александром Невским (1262 г.). Московская политика осложнялась тем, что русско-ливонская граница протяженностью свыше 500 км с русской стороны лишь на 20 км была новгородской, а на 480 — псковской. Новгородское же боярство вовсе не было склонно отождествлять свою политику в Ливонии с псковской, особенно после того, как Псков стал самостоятельной вечевой республикой. Н. А. Казакова прекрасно раскрыла взаимосвязь торговой монополии Ганзы с агрессивной политикой Ордена[61].

Первые торговые льготы Ганза, как и итальянские купцы в Крыму, получила еще от Менгу-Тимура (1270 г.). Ганза лишила Русь «чистого пути» за море и извлекала огромную прибыль из разницы единиц веса в местах купли и продажи товаров; с другой стороны, она не допускала на русский рынок купцов из Англии, Нидерландов и других стран, более того, решительно препятствовала даже изучению ими русского языка. И все же экономика оказалась сильнее запретов: Новгород, зачастую при поддержке Великого княжества Московского, умело противопоставлял интересы некоторых ливонских и шведских городов, вел торговлю через Нарву и Выборг, привозил товар из Стокгольма, все чаще проникал в города Пруссии, а потом до Руси стали добираться и фламандцы, и ломбардцы[62].

У нас, к сожалению, еще нет труда, последовательно освещающего формирование внешнего рынка России на этапе ее перехода от естественно-географического разделения труда к более зрелым формам внутриэкономических связей. Но уже отмечен А. Л. Хорошкевич, И. Э. Клейненбергом и другими размах новгородской торговли со странами Северной Европы: десятки тонн воска, десятки тысяч беличьих шкурок приносили боярской республике немалый доход, позволяя, пусть с издержками, ввозить сукна, соль, серебро, золото, цветные металлы и влиять на восточную политику своих агрессивных соседей. Опираясь на поддержку Москвы, новгородцы все энергичнее настаивали на праве иметь «чистый

[60] Это старая, в остфоршунге восходящая к евразийцам точка зрения (*Пашуто В. Т.* Реваншисты — псевдоисторики России. М., 1971, с. 30—32).

[61] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XV в. Л., 1975.

[62] Впрочем, уже в XIV—XV вв. на Руси отмечены английские и нидерландские «noble» — корабельники (*Потин В. М.* Корабельники на Руси.— В кн.: НЭ. М., 1970, вып. 8, с. 101—107).

путь» в Балтийское море. Московское правительство твердо поддерживало этот курс, чего нельзя сказать о самом новгородском боярстве, которое, опасаясь властной руки московских князей, перенесло свое тоже традиционное лавирование между сильнейшими князьями Древней Руси в область внешней политики, стараясь выгодно чередовать свои связи с Москвой и Вильнюсом.

Если на Севере Руси удавалось противопоставлять шведские города ганзейским, то на Юге московское правительство находило пути к использованию противоречий между колониальными владениями Венеции и Генуи. М. Н. Тихомиров обратил внимание на тесную взаимосвязь торговых и политических взаимоотношений Руси, Золотой Орды, итальянских колоний и Византии. Думается, дело не только в том, что в итальянские колонии вывозились рабы, меха, воск, мед, моржовый клык, ловчие птицы и через их накладное посредничество Русь получала нужные товары (ткани, оружие, вина) из Византии, и даже не в том, что русский экспорт (зерно, соленая рыба) интересовал Италию. Гораздо важнее, что итальянское и русское купечество достигало на Юге в Причерноморье того, в чем ему препятствовала Ганза с Севера. А следовательно, Великое княжество Московское по мере сосредоточения торговых путей в одних руках все больше сводило на нет усилия своего беспощадного ганзейского торгового соперника.

Сама Византия, возрожденная после изгнания крестоносцев, не просуществовав и двух столетий, пала под нарастающими ударами османов (1453 г.). Исследования М. Н. Тихомирова ясно показали взаимозависимость церковной политики московского правительства в Византии и его отношения к генуэзско-ордынским и ордынско-турецким противоречиям, при использовании венецианских связей, и защиты собственных экономических интересов. Византийское правительство год от года все больше тяготело к русской поддержке и не раз получало щедрую «милостыню». Огромная русская митрополия становилась важным фактором московской политики в борьбе за влияние не только в Белоруссии и на Украине, но и в Сербии, Болгарии, Венгрии, в образующихся дунайских княжествах и особенно в Великом княжестве Литовском.

Возрождение Великороссии и древнерусские традиции национально-освободительной борьбы

Отпор литовскому наступлению на Русь

Готовясь вступить в открытую борьбу с Золотой Ордой, московское правительство должно было в наибольшей мере считаться с Великим княжеством Литовским. Но и здесь действовали важные исторические факторы, которые, несмотря на видимые успехи восточной экспансии литовских князей, подтачивали политическую мощь их государства. Эти факторы (они изучаются Б. Н. Флорей, А. Л. Хорошкевич, Р. К. Батурой, Ю. М. Юргинисом, М. А. Ючасом и другими учеными[63]) таковы.

Во-первых, этнографический. Коренные земли Литвы (Аукштайтия и Жемайтия) составляли лишь около $^1/_{10}$ в сравнении с попавшими под ее власть восточнославянскими землями Белоруссии, Украины, Великороссии. К тому же эти земли относились к высокоразвитым в общественно-политическом и культурном отношениях регионам Древней Руси и были в основном мало задеты монголо-татарским разорением и игом. Издревле связанные с другими русскими землями, они, по мере возрождения Великороссии, все сильнее тяготели к ней. Несмотря на политические трудности, московское правительство умело использовало вековые торговые связи между Великороссией (с ее 85 городами) и Великим княжеством Литовским (вобравшим около 80 славянских городов) для подрыва торговой монополии Ганзы в интересах централизации и воссоединения.

Другой фактор — конфессиональный. Литва — последнее раннефеодальное языческое государство Европы. Языческой оставалась Литва и в качестве господствующей силы в Великом княжестве Литовском (Аукштайтия — до 1387 г., Жемайтия — до 1414 г.). Язычество осложняло социальные и национальные противоречия в стране, подавляющая часть населения которой была православной. Осложняло оно и ее международное положение, ибо под лозунгом католического «просвещения» уже свыше 100 лет против нее воевали соединенные силы крестоносцев — немецких рыцарей Ливонии, Пруссии и союзных им держав, поддерживаемых папством. Опасаясь московского влияния, литовское правительство, хотя и дальновидно проявляло веротерпимость, не решалось сделать православие официальной религией. Стремясь лишить рыцарей-крестоносцев их

[63] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973; *Хорошкевич А. Л.* Очерки социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV в.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 1974. См. историографию: *Батура Р. К., Пашуто В. Т.* Культура Великого княжества Литовского.— Вопросы истории, 1977, № 4; История Литовской ССР. Вильнюс, 1978.

идеологического подспорья, оно все более склонялось к принятию католичества при посредничестве Польши и к союзу с ней. Это вело, однако, к обострению отношений с влиятельной православной церковью, со всеми славянскими подданными и усиливало их тяготение к Великому княжеству Московскому.

И наконец, фактор внешнеполитический. Надо вспомнить, как возникло Великое княжество Литовское, тем более что по этому вопросу высказываются подчас малообоснованные суждения. Древнелитовское государство образовалось на коренной аукштайтско-жемайтской основе, и нет смысла возвращаться к устаревшему взгляду на его якобы славянскую сущность да еще утверждать, что оно наряду с Московским княжеством выступало как равнозначный потенциальный центр объединения народов нашей страны. Этого мнения придерживается И. Б. Греков[64]. Принимая подобное утверждение, мы должны будем отождествить по существу политику Дмитрия Донского и Ольгерда (Альгирдаса). Но источники — против такого отождествления: они характеризуют Ольгерда не как собирателя, а как разорителя, как яркого выразителя воинственного, решительного, проникнутого духом экспансии сравнительно молодого литовского феодального класса. М. А. Ючас уже давно, основываясь на сопоставлении русских, немецких и польских источников, доказал это. Думается, однако, что многие нечеткости вызваны недостаточной источниковедческой разработкой темы. Трактовка русско-литовских отношений меняется на протяжении от свода 1408 г. к своду 1479 г., переходя от примирительной, «семейной» схемы Киприана к государственно-политической концепции Ивана III, внося новые элементы осуждения в оценку политики Ольгерда и Ягайло. Используя русские летописи для освещения истории Великого княжества Литовского, «мы должны постоянно иметь в виду, к какому этапу истории Русского централизованного государства они относятся»,— справедливо писал М. А. Ючас[65].

Может быть, в борьбе с экспансией Великого княжества Литовского значение древнерусских традиций восточнославянской общности языка, общественного строя, веры и культуры выступает особенно явственно.

Объем, характер и эволюция внешнеполитических функций властей Новгорода, Твери, Рязани и других центров заслуживают специального изучения, чтобы ответить на вопрос, в какой мере государственный полицентрический статус власти Великороссии был деформирован вмешательством соседних держав и насколько правомерно рассматривать взаимоотношения московского правительства с этими русскими землями как внешнеполитические. Изучение формуляров всех взаимных договорных грамот под этим углом зрения представляет интересную исследовательскую задачу. Ориентация того или иного русского князя на иностранную державу, думается, еще не дает оснований видеть в ней потенциальный, наряду с Великим княжеством Московским, центр объединения восточнославянских земель.

[64] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 17, 39, 41, 156.

[65] *Ючас М. А.* Русские летописи XIV—XV вв. как источники по истории Литвы.— Lietuvos TSR Mokslu Akademijos Darbai, Ser. A, Vilnius, 1958, t. 2, p. 81.

Дело происходило иначе. Охватив значительную часть Древней Руси набегами, используя последствия монголо-татарского нашествия и готовность западнорусских феодалов, напуганных Ордой и Орденом, к политическому компромиссу, литовские князья постепенно пришли к соглашению: поделившись рентой с литовским господствующим классом, белорусские и другие феодалы вошли в его состав в качестве субвассалов, сохранив значительную часть своих прежних прав. Это была неравноправная федерация.

В течение 100 лет (1240—1340) возникало этнически сложное государство, о равноправии славянской и литовской частей которого не может быть и речи. Славянские феодалы поддерживали его, пока вокруг Москвы не сложился собственно русский центр объединения — Великое княжество Московское. Это был качественный сдвиг в политической системе Восточной Европы, который, однако, отказывались замечать правители Литвы. На интересующее нас время как раз и падают решающие события, когда правительство Дмитрия Ивановича заставило Великое княжество Литовское считаться с политической реальностью.

Белорусы, украинцы и великороссы, подвластные Великому княжеству Литовскому, активно участвовали в его освободительной борьбе против немецкого Ордена и Золотой Орды. Но литовское правительство, не имея сил одновременно противостоять Ордену и наступать на Русь, вело непоследовательную политику, поступаясь Жемайтией ради соглашения с Орденом и идя на уплату дани со славянских земель ради сближения с Золотой Ордой. Наблюдая эту политику, славянские народы все больше тяготели к России, что обнаруживалось не раз, особенно в переломные моменты ее истории, к каким принадлежит и Куликовская битва.

Сказанное объясняет своеобразие внешней политики Великого княжества Московского. Находясь в зависимости от Сарая, оно умудрялось вести относительно самостоятельную политику в соседних странах Северо-Восточной Европы, как видим, успевших по кускам растащить значительную часть древнерусской «отчины». Можно только удивляться, читая сочинения иных зарубежных авторов[66], готовых ставить знак равенства между политикой Вильнюса и Москвы, немецкого Ордена и Руси и писать о русской экспансии в Восточной Европе, закрывая глаза на то, что это была борьба за воссоединение узурпированных земель.

Нужно подчеркнуть, что для Руси взаимоотношения с Литвой — дело давнее. С той поры, когда Литва, используя политическое ослабление Руси, вышла из ее вассальной сферы и превратилась в самостоятельное Литовское государство при Миндовге (1219—1263), ее политика относительно русских земель характеризовалась значительной и всевозраставшей военно-политической активностью. Правда, до монголо-татарского разорения это не принесло ей территориальных приобретений в восточнославянских землях. Набеги литовских дружин всегда встречали надлежащий отпор со стороны и галицко-волынских, и владимиро-суздальских

[66] *Perry M.* Man's Unfinished Journey. A World History. Boston. 1978. p. 423; *Wallenbank J. W.* and oth. History and Life. The World and its People. Illinois, 1977, p. 376—377.

князей, создав тем самым устойчивую, отраженную и в летописях, и в житиях (Александра Невского, Довмонта) традицию[67]. Надо думать, что она была в поле зрения московского правительства и тогда, когда происходили столь важные события в истории великорусско-литовских отношений. О том, что это именно так, свидетельствует эпос.

Во взаимоотношениях с самими ханами, где действия московского правительства особенно тесно переплетались с ограничением вассальных прав других князей, оно теперь не только откупалось от Орды, оно использовало самые разнообразные приемы, постепенно меняя и чередуя их: и деньги, и содействие митрополии, и вмешательство во внутренние распри, и, наконец, открытую вооруженную борьбу. Нетрудно заметить, что в прямой зависимости от усиления Великого княжества Московского и сужения вассальных свобод князей и бояр других русских земель находилось ограничение их внешнеполитических функций, и прежде всего установившегося вскоре после монголо-татарского нашествия права самостоятельно «знать Орду», т. е. сноситься с ней. То же можно сказать и о связях с Литвой, в разной степени зависимости от которой находились Новгород, Тверь, Псков, Смоленск...

Продолжавшееся экономическое оживление страны вело к расширению пахотных земель, налаживанию связей сельской округи с городами, к расширению торговых сношений между ними. Это создало основу для начатых Дмитрием Ивановичем преобразований: для централизации суда в Москве; организации здесь чеканки монеты; поддержки сословных прав ремесленно-торгового населения Москвы и других городов; ограничения прав отъезда русских бояр в другие земли при охотном включении в великокняжеский двор князей и бояр, особенно оставлявших службу в Литве; тесного сотрудничества с церковными феодалами в упрочении московских позиций в Новгороде, Нижнем Новгороде, Твери и сооружении стойких в обороне монастырей; быть может, для создания первой поокской линии — «засечной черты»; введения территориального принципа организации войск и усиления военной роли в ополчении городов и городов-крепостей — для присоединения Дмитрова (1360 г.); укрепления Переяславля (1369 г.), строительства Серпухова (1374 г.), а главное, для возведения каменного Кремля в Москве (1367 г.). Враждебно настроенные тверские летописцы прямо связывали его с самовластными побуждениями Дмитрия: «...на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою на великую силу, князи руськыи начаша приводити в свою волю, а которыи почал не повиноватися их воле, на тых почали посягати злобою»[68].

Среди тех, кто «почал не повиноватися», на первом месте стоял тверской князь Михаил Александрович, искавший у Великого княжества Литовского и Золотой Орды поддержки против Москвы. Тверь и по географическому положению (между землями Новгорода, Москвы и Литвы), и по традиции соперничества с Москвой и связей с Вильнюсом стала на

[67] Подробнее см.: *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства.
[68] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 84.

ближайшие десятилетия ключевым объектом в столкновении трех стран. Но экономический потенциал Твери не мог идти в сравнение с московским — свой стольный город тверской князь смог укрепить лишь деревянным кремлем (1369 г.) с земляным валом (1372 г.), который, однако, не устоял перед московскими войсками.

Союзником Твери был известный воитель с Орденом и Ордой — литовский великий князь Ольгерд (1345—1377). Очевидец и участник превращения небольшого Литовского государства в Великое княжество Литовское, он был, естественно, проникнут идеями его великодержавия. Поскольку в историографии этот период литовской истории изучен недостаточно, что и порождает ложные оценки самой природы Великого княжества Литовского, а следовательно, и положения подвластных ему славянских земель, есть смысл остановиться на нем подробнее.

Ольгерд, сын Гедимина (Гедиминаса), начал свою долголетнюю политическую жизнь в 1318 г., когда женился на витебской княжне Марии и вскоре (1320 г.) стал местным князем[69]. Вместе с отцом он боролся против немецкого Ордена (он упомянут литовско-немецким договором 1338 г.)[70] и наступал на русские земли Великого княжества Московского (на Можайск — 1341 г.), Пскова (1341, 1348 гг.)[71] и Новгорода (на Шелоньскую волость — 1346 г.)[72], тщетно искавшие тогда литовской защиты от Ордена и Орды.

В 1341—1345 гг. Ольгерд — вассал великого князя Явнута (Явнутиса), которого он устраняет в сговоре с братом Кейстутом (Кейстутисом), и с согласия последнего делается великим князем с титулом «великий (высший) князь (supremus princeps) Литовский», или «великий король (magnus rex) всего королевства», наконец, «господин король литовский»[73].

Пользуясь ослаблением Орды, он вытеснил ее за Днепр, выйдя к Черному морю (1362 г.)[74], присоединил Малую Подолию[75], старался удержать Волынь от посягательств Польши, энергично наступал на земли Смоленска (1356 г.), Брянска (1359 г.)[76], поддерживал тесный союз с

[69] ПСРЛ. СПб., 1907, т. 17, стб. 72; Хроника Быховца. М., 1966, с. 54; SRP. Leipzig, 1863, t. 2, S. 712.

[70] Послания Гедимина, Вильнюс, 1966, № 18; LUB, Reval, 1863, Bd. 2, N 796, p. 333.

[71] НПЛ, с. 354 (1341 г.); ПЛ, М.; Л., 1955, вып. 2, с. 25, 27, 29; 1941, вып. 1, с. 21; Псков не очень доверял Ольгерду (ПЛ, вып. 1, с. 19; вып. 2, с. 25, 95); его войска не помогли Пскову, а «толко хлеб и сено около Пскова отравиша», брал он с псковичей и «окупы». См.: ПЛ, вып. 1, с. 21; вып. 2, с. 27, 99; ПСРЛ. Пг., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 271 (1341 г.).

[72] НПЛ, с. 358; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 276.

[73] SRP. Leipzig, 1861, t. 1, p. 723; Codex Masowiensis. Breslau, 1845, N 80 (1358); CDL. Wroclaw, 1845, p. 55—56; LUB. Reval, 1857, Bd. 3, N 1152; Codex epistolaris saeculi XV. Kraków, 1876, t. 2, N 191.

[74] *Batūra R.* Lietuva tautų kovoje prieš Aukso Ordą. Vilnius, 1975, p. 220—300; ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 75; т. 11, с. 2. В Киеве стал княжить Владимир, сын Ольгерда (ПСРЛ, т. 11, с. 26); он упомянут: LUB, Bd. 2, № 1041 (7 ноября 1367 г.).

[75] ПСРЛ, т. 17, стб. 99—100 (Увар. сп.), стб. 81—84 (Супр. сп.).

[76] LUB, Bd. 2, № 796, p. 333 (1340 г.); договор Юрия Святославича с Ягайло (1386 г.) см. в кн.: Грамоти XIV ст. Киев, 1974, № 37; ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 65, 68 (1359 г.— Смоленск, Ржев, Брянск).

Тверью (вторым браком он был женат на дочери тверского князя Михаила) [77], старался укрепить свое влияние в Новгороде и Пскове.

Решая внешнеполитические задачи, Ольгерд опирался на помощь династии, и особенно соправителя Кейстута («герцога Литвы и господина Трокая и Гродно»), которому хранил «великую верность», деля «пополам» и горе утрат в Литве, и радость приобретения «многих замков» на Руси [78]; их поддерживали крупные бояре (сатрапы), их «сородичи и друзья (вассалы)» [79], «все люди земли» и «все другие крепости» [80]; их владельцы, князья — «герцоги» [81] и бояре, заседали в придворном совете [82] и ходили с великим князем в походы с войсками, состоявшими из «смердов» и «язычников» [83].

Опираясь на поддержку литовско-славянских ополчений, Ольгерд был, однако, чужд социальным низам: вступив в охваченную антинемецким «восстанием Юрьевой ночи» Ливонию (1345 г.), он встретил близ Риги «одного из руководителей», который заявил ему, что «избран в короли восставшим народом» и если Ольгерд последует его совету, то подчинит этот край, откуда предполагается изгнать немцев. «Мужик, ты не будешь здесь королем»,— гневно ответил Ольгерд и приказал отрубить ему голову [84]. Королю-феодалу крестьянин казался страшнее Ордена, с которым шла смертельная борьба. «Сородичи и друзья» Ольгерда владели дворами и деревнями [85], он сам «имел множество сильно укрепленных замков», табуны коней [86] и жаловал земли вассалам на феодальном праве, судя по внешнеполитическим прерогативам Любарта-Дмитрия, довольно широком [87]; поддерживал он и права свободной торговли городов (Вильнюса) [88]; в договоре о перемирии с Великим княжеством Московским (1371 г.) отмечено, что «торговцам путь чист» с обеих сторон [89].

Ольгерд соблюдал древние обычаи и мог на переговорах с рыцарями дать им сверх угощения «меда и хлеба предостаточно» [90] (1377 г.). Он

[77] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 370 (1349 г.).
[78] SRP, t. 2, p. 712 (vil huzer).
[79] Ibid., p. 80, 88 (consangvineis et amicis).
[80] Ibid., p. 712.
[81] Codex diplomaticus Masowiae. W-wa, 1919, N 80 (1358), p. 73—74 (seniores duces, duces).
[82] ПСРЛ, т. 17, стб. 72, 143, 193.
[83] SRP, t. 2, p. 533. Ольгерд «cum suis bayoribus et smyrdens», Кейстут «cum suis baioribus et paganis» (p. 603).
[84] SRP, t. 2, p. 72.
[85] Ibid., p. 553, 573, 576 (о вильнюсском воеводе Дирсуне), 576 (о Вирдоте близ Трокая).
[86] «Plurima habet fortissima castri»,— писал венгерский король Людовик. См.: Miesiecznik Heraldyczny. W-wa, 1935, t. 14, N 7/8, s. 102; «equirarium regis» (800 голов близ Каунаса) — SRP, t. 2, p. 559.
[87] См. договор Любарта-Дмитрия с Казимиром 1366 г. (Грамоти XIV ст., № 19; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства, с. 350; РИБ, т. 6. Прилож. № 3, 7, стб. 31 (сношения с Византией). Сыну Андрею Ольгерд «выделил и отдал» Полоцкое княжество. Орден это подтвердил как «jure feodali possidendum» (Codex diplomaticus Prussicus. Königsberg, 1857, t. 4, p. 39—40).
[88] Собрание древних грамот и актов городов. Вильно, 1843, ч. 1, № 6.
[89] ДДГ, № 6, с. 22.
[90] SRP, t. 2, p. 576.

был вспыльчив и не терпел оскорблений: объявил Новгороду войну, когда тамошний посадник назвал его на вече «псом» (1346 г.)[91]. Смелый воин, человек горячего темперамента и живых чувств, Ольгерд вместе с Кейстутом «со смятенной душой»[92] наблюдал осаду Каунаса рыцарями, не будучи в силах помочь. Закоренелый язычник, «огнепоклонник», как называли его в Византии, Ольгерд пожаловал православным жителям Вильнюса под их церковь место, где стояла виселица, как «более соответствующее, высокое и светлое»[93], но ради политических выгод держал принявших православие сыновей наместниками славянских земель Великого княжества Литовского; сам был дважды женат на православных княгинях и дочерей выдал: Агриппину — за суздальского князя Бориса, а Елену — за серпуховского Владимира[94]. Он сумел добиться от константинопольского патриарха основания литовской православной митрополии, а затем и назначения своего кандидата Киприана на митрополию всея Руси (1375 г.)[95].

Ольгерд не был чужд и идее соглашения с католическими державами, но на явно неприемлемых для них условиях: на предложение польского короля Казимира Великого, папы Климента VI и императора Карла IV принять католичество (1358 г.) он ответил, что готов, если ему вернут земли, простиравшиеся от Преголи до Даугавы, а Орден ликвидируют с тем, чтобы он «поместился в пустынях между татарами и русскими для защиты их от нападения татар и чтобы Орден не сохранял никаких прав у русских, но вся Русь принадлежала литовцам»[96]. Он искал антиорденского соглашения с католическими державами за счет Руси, которая бы подчинялась Литве и оберегалась Орденом от Орды. Собственно литовско-ордынские связи осуществлялись и через послов (1365 г.), и при посредстве тверского князя (1370 г.), но привлечение ордынских вспомогательных отрядов (как в битве при Рудаве — 1370 г.) против Ордена больше не отмечено: оно, видимо, казалось сомнительным в глазах и славянских подданных, и католической Европы. В московской летописи (свод 1408 г.) сохранилась такая оценка Ольгерда: он «не пил ни вина, ни пива, ни кваса, имел великий разум и подчинил многие земли, втайне готовил свои походы, воюя не столько числом, сколько уменьем»[97]. Вот с каким противником свела судьба великого князя московского (с 1375 г.— «всея Руси») Дмитрия Ивановича.

Рассматривая русскую политику Ольгерда, невольно поражаешься ее нереалистичности: не понятно, как можно было отрывать силы для походов на Русь, когда немецкие рыцари (числом от 10 тыс. до 40 тыс.) ежегодно, да еще по нескольку раз, как свидетельствуют хронисты-совре-

[91] НПЛ, с. 358.
[92] SRP, t. 2, p. 533 (1362 г.).
[93] *Сперанский М. Н.* Сербское житие литовских мучеников. М., 1909, с. 26.
[94] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 392.
[95] *Прохоров Г. М.* Указ. соч., с. 48; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства, с. 390. Ольгерд подкреплял претензию на Русь тем, что якобы воевал за москвитян с немцами («Мы за них воюем с немцами»,— писал он патриарху Филофею.— РИБ, т. 6, Прилож. № 24, стб. 140, 1371 г.).
[96] SRP, t. 2, p. 79—80.
[97] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 402.

менники (ливонский — Герман Вартберге, прусские — Виганд из Марбурга, торуньские анналисты, Иоанн из Поссильге, Детмар из Любека и др.), опустошали земли Понеманья и Подвинья, коренной Литвы и подвластной ей Белоруссии, обрушиваясь на Каунас, Тракай, Вильнюс, Велюону, Гродно, зачастую привлекая крестоносцев из Германии, Англии, Франции, Австрии[98]. Ответные походы Литвы при участии белорусских, смоленских, волынских полков направлялись в Занеманье и в глубь Ливонии, вплоть до Риги.

Правителям Литвы нужна была решающая победа на Руси, чтобы удержать свою державу от политического развала. При таких условиях и состоялись три известных похода Ольгерда на Москву, формально связанные с литовскими союзными обязательствами перед Тверью. Все они (в ноябре 1368 г., в ноябре 1370 г., осенью 1372 г.) закончились неудачно для литовцев. Примечательно, что это годы ожесточенной борьбы Великого княжества Литовского с Орденом. Первому походу предшествовали вторжения (1367 г.) ливонцев на территорию пяти литовских земель, а прусских рыцарей — в Виелоне и еще в четыре земли[99]. В это время часть немецких сил отвлекли острые столкновения с псковичами[100], но все же ливонцы сумели дойти до Упите и штурмовали Новое Ковно[101]. В 1367 г. Литва подписала мир с Орденом в Ливонии[102], а уже в 1368 г. рыцари разрушили Новое Ковно[103].

В этом году состоялся первый поход на Москву.

В начале 1369 г. Ольгерд с литовско-славянским войском воевал в Ливонии[104]. Орден соорудил у бывшего Нового Ковно свою крепость Готисвердер[105], а войска Ольгерда и Кейстута разрушили ее[106]; 1370 год открылся вторжением ливонцев в земли Упите и Рамигалы и походом в псковские владения, впрочем без успеха[107]. В феврале Ольгерд вместе с Кейстутом и большим литовско-славянским войском взяли Рудаву, неподалеку (в 18 км) от Кенигсберга, где в битве погибли предводители прусского рыцарства; тогда же Кейстут совершил поход до Ортельсбурга[108]. В августе прусские крестоносцы опустошили девять литовских земель, а ливонцы одновременно грабили Упите[109]. Русские (псковско-новгородские силы) вскоре вторглись в земли Дерптского епископства[110].

Осенью этого года и состоялся второй поход на Москву.

[98] SRP, t. 1, p. 724 (1348 г.— 40 тыс. немецких, французских и английских войск в битве при Стреве); t. 2, p. 75 (1348), 520—521 (1355), 165 (1377); Leipzig, 1866, t. 3, p. 106 (1377).
[99] SRP, t. 2, p. 88—89, 559—560.
[100] НПЛ, с. 369—370 (1367 г.).
[101] SRP, t. 2, p. 560.
[102] LUB, Bd. 2, N 1041, p. 772—773.
[103] SRP, t. 2, p. 92.
[104] Ibid., p. 93—94.
[105] Ibid., p. 561.
[106] Ibid., p. 94—95, 562—563.
[107] Ibid., p. 94—96.
[108] Ibid., p. 96, 565—568; t. 3, p. 89—90.
[109] Ibid., t. 2, p. 98—99, 569.
[110] НПЛ, с. 371 (1370 г.).

Находясь в перемирии с Великим княжеством Московским, Ольгерд в 1371 г. «ходи ратью на немцы и много зла сътвори Неметцкой земле»[111], а летом того же года Ганза подписала мир с Новгородом и Псковом[112]. В феврале следующего года ливонцы предприняли поход на землю Лаукиники[113], а в августе прусские и ливонские силы совместно опустошили семь литовских земель[114].

Осенью состоялся третий поход Ольгерда на Москву.

Последующие годы были отмечены разорительными набегами на Литву: в 1373 г. их было пять. Казалось бы, участие славянских сил в обороне Литвы и сама логика освободительной борьбы диктовали укрепление литовско-русского союза.

Новая столица москвичей, предводимых Дмитрием Ивановичем и будущим серпуховским князем Владимиром Андреевичем, выдержала боевое крещение. Первый, неожиданный («в таю») и самый сильный поход сопровождался разорением пригородов[115]; после второго — восьмидневной осады Москвы — Ольгерд подписал перемирие (26 октября 1371 г.) и уходил «съ многым опасанием, озираяся и бояся за собою погони»[116]. Конечным итогом стало признание им «отчинных» прав московского князя на Великое княжение Владимирское в рамках ордынской вассальной системы[117]. Это означало провал литовских планов восточной экспансии. В разгар сражений с Орденом в мае 1377 г. Ольгерд умер. С 18 боевыми конями и снаряжением он был сожжен, видимо, близ Майшягалы[118]. Вместе с ним на костре сгорели и несбыточные мечты литовского боярства о завоевании Москвы.

Начало открытой борьбы с Ордой. Победа на Куликовом поле и ее исторические последствия

Переходя к рассмотрению важного этапа освободительной борьбы, связанного с Куликовской битвой, нужно иметь в виду и международный, и собственно русский ее аспекты. Международное значение Куликовской битвы определяется ее неразрывной связью с национальным возрождением России как централизующегося государства. Во внутренней истории эта битва — апофеоз древнерусской традиции борьбы народа со степными кочевыми завоевателями. Следовательно, оценка Куликовской битвы зависит от ее места в истории образования Русского централизованного го-

[111] ПСРЛ, т. 11, с. 14; ср.: SRP, t. 2, p. 571.
[112] НПЛ, с. 371 (1371 г.); *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 392; ГВНП, № 42.
[113] SRP, t. 2, p. 99; ср.: p. 571.
[114] Ibid., p. 101—103, 571—572.
[115] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 387—388.
[116] Там же, с. 391; ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 95.
[117] ДДГ, № 6.
[118] SRP, t. 2, p. 113 («по их обычаю»); *Dlugosz J.* Historiae Polonicae. Cracoviae, 1873, t. 3—4, lib. X, p. 144.

сударства и, в свою очередь, от определения его роли в международной истории.

Всемирная история убедительно свидетельствует, несмотря на многочисленные войны и битвы, о преобладании мира над войной, созидания и прогресса над разрушением и регрессом. Она же сохранила поучительные факты о незавидной судьбе кочевых держав-завоевательниц и торжестве правого дела борьбы народов за независимость. Одним из таких примеров является освободительная борьба русского народа против Орды. В этой борьбе древнерусские традиции сыграли немалую роль.

Бросается в глаза историческая обусловленность событий, связанных с национальным возрождением Великороссии. Золотая Орда — гигантская держава, простиравшая свою власть от Оби и Иртыша до Дуная и от Тебриза до Булгара и Москвы,— вступила во второй половине XIV в. в полосу необратимого политического дробления, отражавшего новый этап закономерного упадка созданных монгольскими завоевателями государств. Под напором освободительного движения народов они теряют Иран (1336 г.), Китай (1368 г.), Среднюю Азию (1370 г.). Созданная ради завоеваний, лишенная исторических корней, прочной экономической и этнической основы (в которой преобладали не социально обособленная монгольская аристократия и не пришедшие некогда с ней татары, а поглотившая их местная тюркская, половецкая и булгарская стихия) сама мусульманская Орда раскололась на две части[119]. На левобережье Волги со столицей в Сарае ад-Джедиде правила местная аристократия, использующая поддержку среднеазиатской Кок-Орды. На правобережье, властвуя в междуречье Волги и Дона, на Северном Кавказе, в степном Причерноморье и в Крыму утвердился (1361 г.) бывший беклярибек Мамай. На Руси жителей Золотой Орды традиционно называли татарами.

Политический упадок Золотой Орды повлек за собой утрату ею Хорезма (1361 г.); с образованием Молдавского государства (1359 г.) она была оттеснена с Дуная за Днестр[120], а после литовской победы над ордынцами при Синих Водах — и за Днепр (около 1363 г.)[121]. Следовательно, она теряла пути в Среднюю Азию, на Балканы, а с ростом могущества османов, установивших контроль над Дарданеллами (1354 г.), была отрезана от Средиземного моря и дружественного ей Египта[122].

[119] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. Автор наблюдает в Золотой Орде перерождение удельной суюргальной системы (с. 145), рост имущественных привилегий, т. е. еще один вариант процесса, типичного для социально-экономической эволюции подобного рода обществ (ср.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 322; *Егоров В. Л.* Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде.— Вопросы истории, 1974, № 8).

[120] *Параска П. Ф.* Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 175—190. Автор интересно анализирует сложный процесс высвобождения Молдавии из-под непосредственной власти ханов. Говоря о роли Польского, Венгерского и Литовского государств в этом процессе, нужно, однако, непременно учитывать их сложную этническую структуру и роль славянских полков в их вооруженных силах.

[121] *Batūra R.* Op. cit.

[122] *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971, с. 206; *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966.

Неудачи в литовской восточной политике облегчали московскому правительству накопление сил для столкновения с Ордой, которая оставалась главным врагом. Отношения с ней после начала междоусобиц ханов складывались крайне трудно. Московское правительство стремилось создать возможно более широкую, прочную систему политических союзов княжеств Великороссии и в случае решающего столкновения с Ордой избежать одновременного удара со стороны Великого княжества Литовского. В годы литовских походов оно последовательно и целеустремленно укрепляло «одиначество» с Новгородом и Псковом (1371 г.), удерживало Ржеву [123], заняло Мценск, Калугу, Новосиль, Вязьму, Козельск [124], дополнительно к союзу с Рязанью, Пронском привлекало Смоленск, часть брянских сил.

Вся эта система союзов пока еще была зыбка и непрочна, ибо основывалась на недостаточно глубоко проросших экономических связях, но примечательно возрастающее упорство возобновления династических комбинаций на расширяющейся, пусть медленно, территориальной основе.

Упрочению этой системы в интересах московской политики содействовала и митрополия. Она пригрозила интердиктом нижегородскому князю, когда он обнаружил строптивость [125]; добивалась отлучения смоленских князей за поддержку Ольгерда [126]; устроила владыке Новгорода «истому» и «протор велик», чтобы подбить бояр к антитверскому и антилитовскому выступлению после мира с Тверью (1368 г.) [127]; а когда Михаила обманом захватили в Москве, но были вынуждены по вмешательству Мамая освободить, митрополит отпустил Дмитрию Ивановичу вину в нарушении клятвы (1368 г.) [128]. Понять митрополита можно. Ведь в середине века, после смерти митрополита Феогноста (1353 г.), произошел «мятеж во святительстве», когда патриарх византийский столкнулся с необходимостью выбирать кандидата не только от Москвы (им был Алексей), но и от Вильнюса (им был сперва Феодорит, потом тверитин Роман). И патриарх, уступая давлению Великого княжества Литовского, сделал первый шаг к разделу русской митрополии на две части: «всея Руси» (с центром во Владимире и Киеве) и «Малой Руси» (с центром в Новгородке [129], а потом и с третьим, для Польши, центром — в Галиче, где была восстановлена митрополия в четвертый раз). И хотя патриархия надеялась, что «цвет мира» между двумя митрополиями сохранится «во всей красе и свежести» [130], этого не случилось, и у русской митрополии, по мере усиления прокатолического курса виленской княжеской группировки Ягайло, были все основания для беспокойства.

[123] ПСРЛ, т. 11, с. 10 (1368 г.).
[124] РИБ, т. 6. Прилож. № 24, с. 135—140 (1371 г.— Ольгерд пишет патриарху Филофею о девяти русских походах и занятии этих и еще десяти городов).
[125] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 379 (1363 г.).
[126] РИБ, т. 6, Прилож. № 20/21 (1370 г.).
[127] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 84; ср.: РИБ, т. 6, Прилож. № 19, стб. 117—118 (1370 г.).
[128] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 386 (1368 г.); ср.: РИБ, т. 6, Прилож. № 24, стб. 136.
[129] РИБ, т. 6, Прилож. № 13 (1361 г.); о давлении папства см.: *Winter E.* Russland und das Papsttum. Berlin, 1960, Bd. 1, S. 118—119.
[130] РИБ, т. 6, Прилож. № 15, стб. 94.

Это, однако, не значит, что, как любила повествовать русская православная историография, князь Дмитрий правил в полной гармонии с церковной знатью. Показательна его попытка поставить после кончины Алексея (1378 г.) в митрополиты своего духовника и придворного печатника (канцлера) Дмитрия. Такое поставление было вполне в традициях борьбы церкви и государства и во Владимиро-Суздальской, и в Галицко-Волынской землях XII—XIII вв. Попытка не удалась из-за смерти кандидата буквально у стен Константинополя, породив в среде церковников круга Сергия Радонежского и иже с ним примечательную своей политической направленностью памфлетную «Повесть о Митяе»[131]. В этой связи достойно внимания и то, что после Куликовской битвы очередной литовский ставленник — болгарин митрополит Киприан — перебрался в Москву, где позднее (1390—1406 гг.) осторожно сотрудничал с русским правительством в его объединительной политике.

Отношения с Золотой Ордой отличались неустойчивостью, порождаемой «великой замятней» по смерти хана Джанибека (1357 г.) — борьбой между правителями право- и левобережной орд. Мамай — кризисная фигура истории распада Золотой Орды. Беклярибек, не Чингизид родом, он поднял руку на старую монгольскую аристократию. Властитель, ненадежно поддерживаемый феодалами правобережной Орды, он неоднократно бывал то на одном, то на другом берегу Волги, где подталкивал к трону очередного из своих подставных ханов, Абдуллаха или Мухаммед-Булака, и выбрасывал на рынок Сарая монеты со своим именем, чтобы потом, спасаясь от местной знати, спешно укрыться за Волгой. Коварный и нетерпеливый, вспыльчивый и мстительный, волею судьбы правитель-импровизатор, остро нуждавшийся в военных успехах и не имевший устойчивой силы, чтобы их осуществить, лишенный доверия всеми невольными и вольными союзниками (и русскими, и литовскими, и итальянскими), он столкнулся в лице Дмитрия с политическим деятелем, знавшим цену столетней государственной традиции укрепления русского единодержавия.

Поначалу московское правительство сочло целесообразным обзавестись ярлыком на великое княжение владимирское и в Сарае, и у Мамая. Орда, в свою очередь, нуждаясь в средствах и стараясь ослабить московское великое княжение, сделала попытку передать ярлык князю нижегородскому (1364 г.), но тщетно. Тогда главной фигурой в руках Орды стал тверской князь Михаил.

Мамай, занявший в ту пору Сарай, помог ему избежать московского плена, потом в поддержку Михаила выступил Ольгерд. После неудачи первого литовского похода Мамай послал Твери свой ярлык на великое княжение, но сам утратил тогда Сарай, и союзники Дмитрия попросту не пропустили его послов в Тверь (1370 г.).

После неуспеха второго литовского похода Мамай, обретший вновь власть над Сараем, опять поддержал Тверь своим ярлыком. В Москве сперва недооценили этот акт: слишком калейдоскопично сменялись властители на волжских берегах. Поэтому, прикрыв войском Владимирское

[131] *Прохоров Г. М.* Указ. соч.

великое княжество, Дмитрий Иванович велел передать мамаеву послу Сырохоже: «...к ярлыку не еду, а в землю на княжение на великое не пущаю, а тебе, послу, путь чист»[132]. По этому пути посол и прибыл вместо Владимира в Москву (1371 г.). Тут его одарили, получили нужную информацию и решили, что в предвидении нового похода Ольгерда на Москву следует как-то урегулировать отношения с Мамаем. Дмитрий Иванович поехал в Орду. Мамай признал его великим князем, не лишив, однако, ярлыка и тверского князя. Да и за это полупризнание пришлось столько заплатить, что вернулся князь «съ многыми длъжникы»[133], и тяжелая дань легла на города и людей. Все тяготы и успехов и неудач политики падали на простой народ.

Провал московских походов Ольгерда предопределил на ближайшие годы судьбу Твери. Для московского правительства наступление на Тверь, с санкции Мамая не раз разорявшую земли Великого княжества Владимирского и Новгорода (Дмитров, Кашин, Торжок), было естественным шагом в политике объединения.

Дальнейшие события показывают, что политическая неустойчивость в Орде лишала Мамая возможности в одиночку посягать на Великое княжество Московское. Он начал военные действия на Руси, но не против самой Москвы, а нападая на ее ближайших к Орде союзников — на Рязанскую землю (1373 г.). Ордынско-московская борьба развертывалась как бы по касательной. Поход Мамая ослабил Рязань («грады пожгоша, а людии многое множество плениша и побиша»[134]), что сказалось на ее связях с Москвой. Дмитрий Иванович, опасаясь Мамая, привел свои войска к Оке, но тот в глубь Руси не пошел. Довольно скоро Мамай вновь утратил Сарай и Дмитрий прекратил выплату ему дани (1374 г.). Попытка хана нанести удар по Нижнему Новгороду не удалась: там «побиша послов Мамаевых, а с ними татар с тысящу»[135].

В эту пору тверской князь то признавал Владимирское великое княжение «отчиной» Дмитрия (1374 г.), то получал вновь от Мамая великокняжеский ярлык; в Литве ему серьезной поддержкой заручиться не удалось. Со своей стороны, Дмитрий Иванович осуществил новую важную меру — созвал в Переяславле съезд князей и церковных иерархов, после чего направил на Тверь большое объединенное войско из городовых полков и княжеских дружин земель московских, великокняжеско-владимирских, нижегородских, ростовских, ярославских, белоозерских, мологских, стародубских, кашинских, новосильских, оболенских, тарусских, части смоленских и брянских. Муромские, рязанские и пронские силы, видимо, прикрывали русско-ордынский рубеж. Даже новгородцы подошли к стенам Твери. После месячной осады тверской князь капитулировал. В отличие от тверского князя Дмитрий Иванович русских городов не разорял, предвидя в них опорные центры воссоединения. Михаил Тверской подписал договор на московской воле (сентябрь 1375 г.), признав себя васса-

[132] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 95.
[133] Там же, стб. 430—431.
[134] Там же, стб. 104.
[135] Там же, стб. 106.

лом («молодшим князем») Дмитрия и обязавшись выступать под русским стягом против Орды и Литвы [136].

События вели к открытой войне с Ордой независимо от того, какова будет позиция Мамая в Поволжье. Поэтому в 1376 г. князь Дмитрий ходил с ратью к Оке «стерегася рати татарьское», а в следующем году отправил нижегородский полк на Булгар, где ставленник Мамая был заменен московским. Князь обеспечивал себе тылы и контроль над Волгой. С Дмитрия исследователи (М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков [137]) ведут начало нового этапа московской восточной политики в Поволжье, не без оснований видя в нем предтечу Ивана Грозного. Тому свидетельство не только действия великого князя в Булгарии и Мордовии, но и его стремление жестко контролировать разбойную стихию новгородских ушкуйников в Поволжье. Дела шли не всегда удачно. На Нижней Волге появилась новая орда Араб-шаха (1377 г.). Дмитрий, чтобы охранить Нижний Новгород, пришел к нему «в силе тяжце» и, не найдя здесь непосредственной угрозы, оставил пять великокняжеских городовых полков. Однако из-за беспечности воевод они были вместе с нижегородцами неожиданно разгромлены на реке Пьяне (август 1377 г.) ратью «из Мамаевой Орды» и подвластными ей мордвинами, после чего войска сперва Мамая, а потом Араб-шаха опустошили Нижний Новгород.

Хотя два важных опорных центра московской обороны — Рязань и Нижний Новгород — сильно пострадали, военный потенциал московского князя был настолько высок, что московско-нижегородская рать прошла войной по Мордовии, а когда осмелевший Мамай направил «воп многи» во главе с воеводой Бегичем «на всю землю Русскую» (1378 г.), то Дмитрий вышел ему навстречу «в силе тяжце» на Оку. Противники встретились в Рязанской земле у реки Вожи, неподалеку от Переяславля-Рязанского. Неожиданно увидевшие русских воины Бегича нерешительно потоптались на месте, потом перешли реку и попали под удар трех ратей — окольничего Тимофея, пронского князя Даниила и стоявшего в центре Дмитрия. Разгром был полным: в битве пали пятеро ордынских князей [138]. К. Маркс в «Хронологических выписках» отметил это событие как первое выигранное правильное полевое сражение с Ордой [139]. Разгневанный Мамай обратил свою ярость на Переяславль-Рязанский, опустошив его и прилежащие земли; причем рязанский князь Олег, едва из вражеских рук «бежа, изстрелян» [140]. Эти первые шаги опаленной и истерзанной страны к освобождению невольно поражают воображение историка.

Между тем крупные политические перемены назревали в Великом княжестве Литовском, где после смерти Ольгерда великим князем стал

[136] ДДГ, № 9, с. 25—28; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства, с. 52—54.

[137] *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва. 1380 г.— Вопросы истории, 1955, № 8; *Рыбаков Б. А.* Военное искусство.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 1, с. 387.

[138] Подробнее см.: *Назаров В. Д.* Русь накануне Куликовской битвы (К 600-летию сражения на р. Воже), с. 98—114.

[139] См.: Архив Маркса и Энгельса, т. 8, с. 151.

[140] ПСРЛ. СПб., 1851, т. 5, с. 237; т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 308.

Ягайло. Этим переменам была суждена важная роль в исходе предстоящего столкновения Руси с Ордой.

Ягайло, видя неуспех восточной политики Ольгерда, твердо решил добиваться ее поддержки католическими державами и папством ценою принятия христианства и политической унии с Польшей. К этому его побуждали и сдвиги в общественном строе Литвы, которой была необходима не языческая (к тому же одолеваемая искушенным в поддержке политического курса Москвы православием), а феодальная, притом поднаторевшая в агрессии против «схизматиков» католическая идеология [141].

Новый курс Ягайло не встретил, однако, сочувствия в той части Литвы, которая уже второе столетие особенно жестоко воевала с католическими державами: трокайская группировка князей во главе с братом Ольгерда Кейстутом и его сыном Витаутом выступила против виленской группировки Ягайло. Вмешательство в их борьбу Ордена (с которым Ягайло заключил сепаратный договор от 31 мая 1380 г.) [142] настолько накалило отношения, что практически лишало Ягайло вооруженной поддержки Жемайтии и Западной Аукштайтии.

Со своей стороны Дмитрий Иванович делал все, чтобы использовать временное ослабление Орды и разногласия в Великом княжестве Литовском для привлечения симпатий подвластных Ягайло славянских земель. Действия московского князя имели успех. Опасаясь нового курса Ягайло, пришел через Псков служить Дмитрию полоцкий князь Андрей, сын Ольгерда. Вместе с его литовскими боярами и псковско-полоцкой дружиной и волынским выходцем воеводой Дмитрием великий князь послал своего соратника Владимира Андреевича в глубокий рейд в южном направлении, по брянским землям. Заняв Трубчевск и Стародуб Северский, они ослабили связи Литвы с Ордой. Сидевший в Трубчевске князь Дмитрий, другой сын Ольгерда, также со своими боярами перешел («в ряд») на московскую службу [143].

В ответ Ягайло пытался закрепиться в Новгороде, вынудив бояр принять своего наместника на важные пригороды. Москва выразила свое недовольство этой акцией, и новгородским боярам пришлось посылать к Дмитрию большое посольство, чтобы восстановить мир «по старине» (март 1380 г.) [144]. Предвидя обострение борьбы, местное боярство старалось остаться над схваткой, признавая власть Дмитрия как великого князя в Новгороде и патронат Ягайло в некоторых пригородах. Притом в решающем походе против Мамая новгородцы не участвовали.

К 1380 г. положение властителя правобережной Орды Мамая вновь осложнилось. В Сарае вместо Араб-шаха утвердился Тохтамыш, поддер-

[141] *Батура Р. К., Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 111—112.

[142] CDL, p. 55—56. Обзор историографии и источников вопроса см.: *Ючас М.* Литовское великое княжество во второй половине XIV — начале XV в. и борьба литовского народа за независимость: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1956.

[143] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 138. 1379 г. Вместе с этими князьями на московскую службу пришли литовские бояре и приняли участие в Куликовской битве (*Batūra R.* Lietuvos kova su Aukso Orda.— Mokslas ir gyvenimas, 1966, № 10, p. 30; Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М. Н. Тихомиров, Ф. В. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, с. 17).

[144] НПЛ, с. 376.

жанный Кок-Ордой и могущественным Тимуром. Он завладел основными центрами Левобережья: столичным Сараем ад-Джедидом, старым Сараем ал-Махрусом и Хаджитарханом. Беклярибек Мамай поэтому связывал с походом на Москву надежды на укрепление своего господства в Поволжье, рассчитывая на денежные поборы и людские ресурсы. По сведениям летописей, он настаивал на уплате «выхода» в размере, который взимался еще при хане Джанибеке, а «не по своему докончанию» с Дмитрием, когда дань была, видимо, уменьшена. Насколько можно судить по нашим довольно запутанным и противоречивым летописным и повествовательным источникам[145], он обеспечил себе военную поддержку со стороны Ягайло и заручился если не открытым выступлением, то нейтралитетом Рязанской земли. Вместе с тем рязанский князь Олег Иванович счел нужным сохранить отношения и с Дмитрием, предупредив его о замыслах хана («поведая Мамаев приход»). Наконец, Мамай использовал наемников из подвластных владений Поволжья, Крыма и Кавказа (армян, черкесов, буртасов, итальянцев, булгар). По мнению известного статистика Б. Ц. Урланиса, это пестрое, состоявшее в основном из кочевников войско насчитывало до 60 тыс. человек[146].

Войско Великого княжества Московского состояло из великокняжеских дружин, дружин вассальных князей, не менее 14 городовых полков и пешего народного ополчения. Это было общерусское войско, к которому присоединились дружины сыновей Ольгерда из Полоцка и Трубчевска. Повествовательный источник называет среди участников битвы Юрку-сапожника, Васюка Сухоборца, Сеньку Быкова, Гридю Хрулеца — «черных», «молодых», словом, простых людей. Вооружено это войско было и для ближнего боя — мечами, саблями, топорами, сулицами, кинжалами, ножами, и для дальнего — луками и самострелами[147]. Пушек тогда в походы еще не брали, хотя на кремлевских стенах они уже стояли. Воинов предохраняли в бою щиты, шлемы, кольчуги, латы, наколенники. В среднем каждый воин нес на себе около 16 кг вооружения. К этому времени на Руси на традиционной восточнославянской основе выработался пятичленный порядок деления на полки — сторожевой, передовой, большой, правой и левой руки; к ним добавлялся резервный (засадный) полк. Такое построение обеспечивало и должную глубину боевых порядков, и возможность маневра.

Сохранившиеся источники — летописи, повести, предания, возникшие на протяжении XIV—XVI вв.,— не содержат подробного описания хода

[145] О них см.: *Адрианова-Перетц В. П.* Историческая литература XI — начала XV в. и народная поэзия.— ТОДРЛ. Л., 1951, т. 8, с. 128—137; *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г.— В кн.: Повести о Куликовской битве, с. 335—376; *Он же.* Куликовская битва. 1380 г.— Вопросы истории, 1955, № 8, с. 11—25; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства, с. 596—623; *Азбелев С. Н.* Об устных источниках летописных текстов: (по материалам Куликовского цикла).— В кн.: Летописи и хроники. М., 1976, с. 78—101; см. также статьи Ю. К. Бегунова, Л. А. Дмитриева, М. А. Салминой, О. В. Творогова в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.

[146] *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960, с. 38—39.

[147] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. М., 1976; *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII—XVI вв. М., 1962.

Куликовской битвы; даже самое раннее из них — «Слово» рязанца Софония создано им не на основании строгих свидетельств документов и очевидцев, а «по делом и по былинам», когда факты осмысляются поэтически. Но примечательная черта всех повествований — осознание великого значения битвы, несомненно отражающее нарастающее стремление русского народа возвеличить битву и ее победоносных участников.

Имея в виду эти особенности сохранившихся описаний, мы все же можем восстановить если не детальный ход сражения, то народное представление о нем.

Численность русских войск в наших описаниях достигает фантастической цифры — 428 тыс., а понесенных потерь — 250 тыс. Соответственно и число павших бояр и воевод колеблется от 400 до 600; среди них лишь численность потерь великих московских бояр (40), суздальских (50) и муромских (40) неизменна. Судя по происхождению павших бояр, число городов, пославших на битву свои полки, было от 11 до 15, причем, по мере объединения Великим княжеством Московским земель Великороссии, в сказания включались все новые участники битвы — и Рязань, и Великий Новгород, и Тверь... Этим подчеркивалось значение битвы для судеб всей тогдашней России.

Из упомянутых источников складывается такая картина.

Готовя отпор в этот решающий момент, Дмитрий Иванович призыв собирать войско «разосла по вся князи русскыя, и по воеводы, и по вся люди». Он собрал войско с «полуотчины» (как говорили в Древней Руси), но решать предстояло судьбу всей Родины. Широкие военные сборы последних лет и неоднократные походы к Оке, бесспорно, создали должную мобильность войск, усовершенствовали их оружейное и провиантское снабжение, разведку и т. п.

Местом сбора войск стала Коломна. Здесь был смотр полкам, собранным под «многим труб ратных гласы»; они были уряжены воеводами и распределены между полководцами. Отсюда после смотра русские и выступили в поход 20 августа 1380 г. Мамай со своей ратью находился «в поле близ Дону», дожидаясь подхода союзных сил Ягайло, когда на разведку в сторону Мамая были отправлены три отряда разведчиков; из них последний, воеводы боярина Семена Мелика, сообщил, что Мамай распорядился по улусам не пахать и не сеять — «хощет бо на осен быти на роусския хлебы». Эти хлеба обернулись ему полынью. Мамай напрасно ждал Ягайло: тот опоздал примерно на сутки — «и неуспе за едино днищо и меньше». Можно полагать, что он и не стремился прийти вовремя: у него, кроме восточноакштайтских, не было надежных сил — ни белорусские земли, ни украинские (Киев, Чернигов, Волынь), в большинстве пережившие ужасы золотоордынских нашествий и лишь недавно вышедшие из-под ордынского ярма, издревле связанные с Русью и тяготевшие к ней, не были заинтересованы ни в восточной экспансии, ни в торжестве прокатолического курса Ягайло.

Пока Мамай выжидал на Дону («подвинемся к Дону», прежде чем «приспеет к нам Ягайло», решил Мамай), Дмитрий Иванович предпринял продуманный марш-маневр, двинувшись вдоль Оки, чтобы опередить Ягайло, не втягивать в военные действия рязанского князя (он «заповеда

коемуждо плъку и въеводам: „Да аще кто пойдет по Рязанской земли, то же не коснися ни единому власу!“») и преградить ему путь к соединению с войском Ягайло. Одновременно его правый фланг прикрывали от Ягайло полки Дмитрия и Андрея, сыновей Ольгерда. На Лопасне рати русского войска соединились, перешли Оку (здесь к ним примкнули силы Дмитрия и Андрея) и двинулись к Дону. Подойдя к Дону, провели военный совет, на котором решение главного вопроса, переходить реку или нет, вызвало разногласия: одни опасались, попав под удар, лишиться путей отхода; другие, напротив, видели в реке прикрытие от возможного удара с тыла литовцев или рязанцев. Сражение было решающим и при любом варианте определяющим судьбу и войска, и, вероятно, Руси. И тогда князь Дмитрий «повеле мосты мостити черес Дон и бродов пытати в нощи». В густом тумане почью с 7 на 8 сентября русские переправились через Дон и расположились на Куликовом поле, лежащем при впадении Непрядвы в Дон (западнее нынешнего села Монастырщина Куркинского района Тульской области).

В происшедшей трехчасовой битве главными руководителями с русской стороны были Дмитрий Иванович, его ближайший боярин Михаил Бренок, стоявший во главе засадного полка Владимир Андреевич и волынец Дмитрий Боброк. При этих полководцах состояли помощники — князья и воеводы.

По традиции битва началась единоборством богатырей, в котором погибли и русский, родом из Брянска, Пересвет (погребен в Москве в Симоновом монастыре), и Темир-мирза — «и спадоша оба на землю мертви и ту конец приаша оба». А затем «бысть сеча велика, и брань крепка» и «паде множество трупу обоих».

За схваткой сторожевого и передового полков с легкой конницей Мамая последовало фронтальное столкновение главных сил: «сступишася обои силы велицеи на долг час въместо, и покрыша полки поле, яко на десять верст от множества вой; и бысть сеча зла и велика и брань крепка, трус велик зело, якоже от начала миру сеча не бывала такова великим князем руским...». Русские были потеснены, и даже поник великокняжеский стяг, под которым пал Михаил Бренок. «Уже поганые поля наши наступают, а храбрую дружину у нас стреляли, и в трупу человечью борз конь не может скочити, в крови по колено бродят». Правое крыло приступ отбило, а левое было смято и отходило к Непрядве, потеряв павшими всех воевод: кое-кто из «небывальцев» — ополченцев [148], впервые попавших на поле боя, не устоял.

Но в дело вступил засадный полк. Едва сдерживал его порыв воеводa Дмитрий до решающего часа, когда его «буеви сынове» «единомысленно и борзо», подобно соколам, ринулись на застигнутых врасплох врагов. Мамай потерпел сокрушительное поражение. «Тогда князь великый Дмитрий Иванович и брат его Володимер Андреевич полки поганых вспять поворотил и нача их бити гораздо», а «поганыи» в страхе «покрыша руками главы своа».

С русской стороны в битве пали и князья, и несколько сот бояр,

[148] Повести о Куликовской битве, с. 36.

а прочих воинов такое множество, что, как говорят летописцы, и перечислить невозможно («а прочих остави множества ради»). Мамай бежал, потеряв войско («избиша их многое множество») и все имущество («и взяша все богатство их и стада»). Князь Дмитрий, весь доспех которого был «бит и язвен», объехал поле кровавой битвы, где «един за единого умре», где рядом лежали простые люди и полегли все двенадцать белозерских князей; среди павших был и «тверъдый страж» — разведчик Семен Мелик.

Потом Дмитрий «повеле трубити в събранные трубы, съзывати люди», чтобы предать павших земле. Восемь дней стояла русская рать «на костех», хороня соратников. Ягайло, которого весть об исходе битвы настигла у Одоева, пограбил русские арьергарды (так смутно сообщают немецкие хроники[149]) и повернул обратно. Рязанский князь в дело не вмешался. Сорокатысячное население Москвы колокольным звоном встречало победителей. Великий князь Дмитрий Иванович получил в народе прозвание Донского.

Прошли столетия. Советский народ, знающий цену национальной свободы, глубоко чтит память своих мужественных предков. В годы Великой Отечественной войны имя Дмитрия Донского прозвучало на историческом параде войск на Красной площади среди тех, чей пример воодушевлял наш народ на ратные подвиги во имя защиты социалистического Отечества. На Куликовом поле бережно сохраняется мемориальный ансамбль, 100 лет назад возведенный на народные пожертвования. Ныне он включает и церковь, талантом А. В. Щусева воплощенную в формы древнерусского хоромного строения[150]. Славная битва вдохновляла поэтический гений не только современников. Ей посвятили проникновенные строки В. А. Жуковский и К. Ф. Рылеев, А. А. Блок и В. М. Саянов. Она живет в живописи В. А. Серова и И. С. Глазунова, в музыке Ю. А. Шапорина. Она живет в наших сердцах.

Итак, грозный властелин был разбит. Он потерял доверие улусной аристократии, а вместе с ним надежды не только на Сарай, но и на правобережное Поволжье. Опрокинутый Тохтамышем, он бежал и погиб. Сам Тохтамыш вскоре (1382 г.) хитростью разорил Москву, ордынское иго было восстановлено и просуществовало еще 100 лет.

Спрашивается, не напрасно ли русские пролили столько крови на Куликовом поле? Именно так и думают современные зарубежные апологеты Золотой Орды. Следуя прадедовским схемам русской дворянской историографии и дополняя их в угоду тем, кто тщится создать

[149] SRP, t. 3, p. 114—115. В известиях Торуньских анналов, хроник Детмара и Иоанна Поссильге сообщение о победе русских приурочено к Синим Водам. Это контаминация известий Куликовской и Синеводской битв. Хроники Детмара и Иоанна восходят к Торуньским анналам, однако о нападении войск Ягайло на уходивших с добычей русских не сообщают. В контексте постоянных тенденциозных дополнений Детмаром и Иоанном их торуньского источника и стремления этих хронистов разжечь войну Литвы с Русью сообщение 1380 г. представляется весьма сомнительным. Подробнее см.: *Ючас М. А.* Литовское великое княжество...; ср.: *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 507—509.

[150] *Ашурков В. Н.* На поле Куликовом. Тула, 1967.

ложную родословную советской внешней политики, целый ряд зарубежных авторов (Б. Шпулер, Г. Франке, Дж. Соундрс, П. Г. Силфен, Ш. Коммо, Р. Траузеттель и др.[151]), силясь доказать антиевропейскую сущность России, идеализирует ее «мирный симбиоз» с Золотой Ордой[152]. Приложили руку к этой теме и маоистские историки, старающиеся выдать Монгольскую империю за великий пример прогрессивного объединения народов, а Чингисхана и его преемников — за своих политических предтечей. Но это тенденциозный и близорукий взгляд. Исследования А. Н. Насонова, А. Ю. Якубовского, М. Г. Сафаргалиева, Г. А. Федорова-Давыдова, В. Л. Егорова[153] и других советских ученых, а также их монгольских коллег — Ш. Биры, Н. Ишжамца, Ш. Нацагдоржа, Д. Гонгора и других[154] ясно показали глубинный закономерный смысл происшедшего — ближние и дальние последствия этой исторической битвы в реальной политике и в общественно-политической мысли. Перечислим важнейшие.

Отныне Великое княжество Московское становится организатором и идеологическим центром воссоединения и национального освобождения Руси из-под ига, в то время как его главные внешнеполитические противники — Золотая Орда и Великое княжество Литовское — вступают в полосу безысходного кризиса.

Куликовская победа вызвала национальный подъем духа, укрепление самой великорусской народности. «И въскипе земля Руская в дне княжениа его»,— сказано в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя руського»[155]. Битве посвящены летописные повествования, художественная поэма («Задонщина»), воинские повести («Сказание о Мамаевом побоище»), отражающие взгляды различных групп светских и духовных феодалов — участников события. При общей высокой оценке самой битвы они не сходны в изложении событий. Дошли эти сочинения во многих списках, художественная форма изложения затрудняет исторический анализ. Всестороннее исследование этого драгоценного фонда памятников — назревшая задача. Но уже

[151] *Spuler B.* Die Mongolen in Russland. 1223—1502. Wiesbaden, 1965; *Ejusdem.* Der mongolische Nomadismus in einer sesschaften Gesellschaft: Die Goldene Horde. San Francisco, 1975; *Franke H.* Asien und Europa in Zeitalter der Mongolen. Freiburg u. a., 1970; *Sanders J. J.* The History of the Mongol Conquests. London, 1971; *Comeaux Ch.* La vie quotidienne chez les mongols de conquête (XIII-e siècle). Paris, 1972; *Silfen P. H.* The Influence of the Mongols on Russia: A Dimencional History. N. Y., 1974 etc.

[152] Странно, что подобные идеи встречаются доныне и в нашей историографии (*Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». М., 1970, с. 192, 202, 389; ср.: Дружба народов, 1977, № 2, с. 251).

[153] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси); *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; *Егоров В. Л.* Золотоордынский город: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1973.

[154] История Монгольской Народной Республики. М., 1954; Общественные науки в МНР: Сб. статей. М., 1977; *Матвеева Г. С.* Историческая наука в МНР.— Вопросы истории, 1978, № 8.

[155] ПСРЛ. Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 353.

и ныне ясно, какой огромный общественно-политический подъем переживала Великороссия и как велика в нем роль древнерусского наследия. Наши литературоведы, прежде всего школы Д. С. Лихачева, собрали немало тому свидетельств.

Они выявили в повестях о Куликовской битве «сочетание двух идейно-поэтических тенденций, одна из которых восходит к светским эпическим (литературным и фольклорным) традициям, а другая — к церковно-книжным» [156], притом каждая на свой лад наследует древнерусскую традицию. В «Задонщине» господствует первая тенденция, восходящая к «Слову о полку Игореве»; в «Летописной повести» начинает возобладать вторая, получающая наибольшее развитие в «Сказании». Сопоставление поисков «чести и славы» в эпосе и «Задонщине», мотивов битвы-пира, гиперболизации, комплексов образов убедительно подтверждают эту преемственность. А. Н. Робинсон справедливо заключает, что, основываясь на древнерусских традициях и развивая их, повести о Куликовской битве приближаются к государственному пафосу возрождения страны под главенством «богохранимого града Москвы» [157].

Отмечена литературоведами и та примечательная черта памятников, что в отличие от древнерусских, черпавших ретроспективный материал в основном из византийского историографического наследия, московские авторы широко сопоставляли в свое время современность уже с отечественной древностью киевских времен: Калку (Каялу) — с Непрядвой, Мамая — с Батыем, татар — с половцами и печенегами, Олега рязанского — со Святополком Окаянным, Дмитрия Ивановича — с Ярославом Мудрым, Владимиром Мономахом и Александром Невским, с последними в том плане, что на их стороне — древнерусские святые — Борис и Глеб [158]. Вывод «о дальнейшем росте и развитии исторического самосознания» и роли древнерусской традиции в нем вполне оправдан [159]. Естественно и то, что Дмитрий Донской в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя руського» рассматривается как продолжатель деятельности своего деда Ивана Калиты — «събрателя Русской земли» [160].

Корни этого обращения московских мыслителей к «своей античности», к исторической памяти народа раскрывает Д. С. Лихачев, когда относит объединение древнерусского эпоса вокруг Владимира Святославича к XIV—XV вв., с чем связывает и развертывание борьбы за киевскую отчину, и выраженную в «Задонщине» идею о реванше на Куликовом поле за поражение на Калке [161]. Объединительной политике московского правительства и его книжникам была близка, видимо,

[156] *Робинсон А. Н.* Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве.— В кн.: Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980, с. 34.
[157] Там же, с. 38.
[158] *Кусков В. В.* Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла.— Там же, с. 39—51.
[159] Там же, с. 51.
[160] *Салмина М. А.* «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя руського».— ТОДРЛ. М.; Л., 1970, т. 25, с. 29.
[161] *Лихачев Д. С.* Великое наследие. М., 1979, с. 278—289.

мысль, что после битвы на Калке, хотя Русская земля и сидела «невесела», все же не «перевелись» богатыри на Руси, а сообща воевали за Русь и Муромец Илья, и говорливый галичанин Дунай, и ростовец Алеша ...

«Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю, возврзем печаль на восточную страну», т. е. на Орду,— приглашал автор «Задонщины».

Вершиной национального подъема стали и бессмертная живопись Андрея Рублева, и развитие архитектурного ансамбля столицы. Н. Н. Воронин обратил внимание на первые опыты реставрации старых зданий и обновления древних росписей. При Дмитрии Донском реставрировали Успенский собор во Владимире.

Куликовская символика посвящения храмов перерастает в общевоинскую, общегосударственную [162]. Народный эпос не отразил Куликовскую битву в особом сюжете, но и Куликово поле, и Мамай, и союзные ему литовские короли, которые тщетно пытались «каменну Москву под себя забрать», широко представлены в нем [163]. Примечательно, что и в «Сказание о Мамаевом побоище» вставлена песня, отражающая думы простых новгородцев, которые в отличие от корыстных бояр сетуют на «великом вече», что им «не поспеть на пособь к великому князю Димитрию» [164].

В «Задонщине», чей автор творчески использовал «Слово о полку Игореве», оценивается и международный отклик на Куликовскую победу: «... кликнуло диво в Русской земли, велит послушати рожным землям, шибла слава к Железным вратом [Дербенту], к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду [Константинополю] на похвалу. Русь великая одолеша Мамая на поле Куликове» [165].

Среди городов назван и Тырнов, тогдашняя столица Болгарии. Куликовская битва — важная веха в истории взаимоотношений Руси с южнославянским балканским миром. Ведь вскоре он стал жертвой Османской империи. Завоевание Болгарии, Сербии, Балкан привело к резкому упадку южнославянской культуры, сопоставимому лишь с последствиями монголо-татарского разорения для Руси. И важно отметить, что в ту пору, особенно тяжелую для России, а чуть позднее — для южных славян, эти страны и народы старались возродить давнее общее свое достояние, взаимно обогатить его, искали опоры в культуре друг друга, в частности и в культуре Руси, пережившей свой взлет после Куликовской победы, и в итоге создали такую культурную традицию, значение которой в их последующей многовековой борьбе за национальное возрождение да и в нынешнем мире трудно переоценить. Понятно, что и

[162] *Борисов Н. С.* Русская культура и монголо-татарское иго: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1977, с. 14, 12.

[163] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958, с. 312, 411. В сочинениях Куликовского цикла Ольгерд ведет с собой «татар», «варяг», «огарян» (Повести о Куликовской битве, с. 59, 58, 93, 138, 183).

[164] *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор. XIII—XVI вв. М., 1960, с. 135; *Он же.* Куликовская битва в фольклоре.— ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. 17, с. 107—129.

[165] Повести о Куликовской битве, с. 13.

автор «Задонщины» вспомнил недавно разоренную Болгарию. Понятно и то, что Куликовская битва была воспета в сербском народном эпосе, где она вплетается в тему борьбы славянства с османским игом [166].

Куликовская битва — не только яркая победа русского народа, это и светлая страница в истории народов Белоруссии и Украины, которые остановили литовский меч, занесенный тогда над Великороссией. С другой стороны, победа на Куликовом поле повлекла за собой расширение зоны русского влияния на юго-восточные земли и закрепила результаты Синеводской битвы (около 1363 г.), высвободившей Правобережную Украину из-под ига Орды, что содействовало великорусско-украинскому сближению на почве совместного освоения степных просторов [167]. Отношения с Великим княжеством Литовским с тех пор определялись крахом восточной экспансии литовских феодалов. Они пытались найти выход в политической и церковной унии с Польшей (1386 г.), возобновляя которую все более поступались собственным суверенитетом в ее пользу. Это не спасло их от поражения в решающем столкновении с Ордой на Востоке (1399 г.), хотя и принесло славную победу над Орденом под Грюнвальдом. В этой битве украинские, белорусские и русские «хоругви» плечом к плечу сражались вместе с литовцами и поляками: они давно ждали дня, когда смогут рассчитаться с немецкими рыцарями за все их злодеяния [168].

В «Задонщине» упомянуты и Рим, и Константинополь — важнейшие церковные центры Европы. Русская церковь — огромная идеологическая сила — после Куликовской битвы освятила ее, канонизировав споспешествовавшего Дмитрию Сергия Радонежского. Будучи реальными политиками и к тому же опасаясь распространения католичества на Восточную Европу, церковные иерархи действовали заодно с московским правительством в политике воссоединения.

Отныне московское правительство активизировало военно-дипломатическую подготовку свержения ига. После битвы размер дани уменьшился [169], но тяжелые поборы и разорения продолжались: Тохтамыш, Тимур, Едигей, Улу-Мухаммед — зловещие фигуры в нашей истории.

В то же время Золотая Орда в силу феодального дробления и сопротивления народов вступила в заключительный этап политического распада на ханства Крымское, Казанское, Астраханское и Большую Орду. Это открывало перед Великим княжеством Московским новые военно-дипломатические возможности, хотя и осложнялось выходом на восточноевропейскую политическую арену Османской державы. При Иване III правительство, умело сочетая военные походы с дипломатией, нейтрализуя и даже привлекая на свою сторону отдельных ханов, до-

[166] *Погодин А.* Српска народна песма о Куликовом боју 1380 г.— Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1938, кн. 18, с. 500—508.

[167] *Хорошкевич Г. Л.* Політичні наслідки Куликовської битви.— Український історичний журнал, Київ, 1980, № 9, с. 53.

[168] *Пашуто В. Т., Ючас М. А.* 550-летие Грюнвальдской битвы.— Воен.-ист. журн., 1960, № 7.

[169] *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду.— Учен. зап. Красноярского пед. ин-та, т. 13. Сер. истор.-филол., 1958, вып. 2, с. 74—112.

стигло решающего экономического и военного перевеса, воссоединив значительную часть Великороссии, а также Новгородскую землю.

Правители Великого княжества Литовского препятствовали победе сил централизации на Руси и делали все, чтобы московская политика не увлекла за собой подвластные им земли. Но тщетно: и Полоцк, и Смоленск, и Брянск все отчетливее тяготели к Москве. После Куликовской победы территория страны непрерывно росла. Вслед за Нижегородским княжеством (1393 г.) стала московским владением Пермская земля народа коми. Становилось все яснее, что лишь при твердом единодержавии и сильном войске можно сбросить иго Орды, оттеснить Литву и Польшу с древнерусских земель, защитить торговлю на Волге, вернуть выходы к Балтийскому и Черному морям, а главное, уберечь растущий класс дворянства от крестьянского топора.

Исторически назревшая прогрессивная задача воссоединения страны была облечена в средневековую форму воссоздания древней «отчины», Киевской Руси, а в ее основе лежало признание феодальными сословиями объединяемых земель русского самодержавия.

Решающим, переломным этапом в укреплении московской политики стала феодальная война второй четверти XV в. в России. В истории Европы она стоит в ряду таких событий, как война Алой и Белой розы в Англии (1485 г.), события воссоединения земель Франции (1491 г.), Испании (1492 г.). Она сопровождалась захватом сепаратистами Москвы, сожжением ее ордынцами, ослеплением московского великого князя Василия (прозванного поэтому Темным), сильным разорением всего края. Все же благодаря поддержке москвичей и жителей связанных с ними городов война закончилась победой князей московских над сепаратизмом Твери, Новгорода, Рязани и их литовскими и ордынскими союзниками и привела Великороссию к централизации, к политическому, церковному и этническому сплочению.

Если московское правительство твердой рукой поддержало борьбу славянских земель с немецким Орденом, завоевывая политические позиции в Пскове и в Новгороде, то литовское правительство не раз использовало соглашения с немецкими рыцарями в напрасной попытке превратить боярские республики в свои «русские воеводства». Московское правительство выиграло первый этап борьбы с Великим княжеством Литовским за земли Великороссии.

У агрессивного Ордена не было сил захватить земли Руси даже в худшую для нее пору, а с укреплением Московского великого княжества при Калите и Дмитрии и особенно после разгрома тевтонских рыцарей при Грюнвальде шансов у него и вовсе не осталось. Русская граница стала для Ордена неприступной. Опираясь на систему сильных укреплений, Русь уверенно противостояла неоднократным попыткам Ордена, Дании и Швеции нарушить ее рубежи. История свидетельствует, что при возраставшей помощи московского правительства русские купцы проникали на ливонские, прусские, датские, норвежские и шведские рынки; расширялось число охраняемых торговых путей на суше и по воде, а неоднократные попытки Ордена захватить русские земли обнаружили его растущую слабость.

Москва все явственнее становилась опорой русских земель в вооруженной и дипломатической борьбе против Ордена и его союзников. Постепенно московское правительство пробивало русским товарам и самим купцам пути на Вильнюс, Львов, Познань, Краков, Кошице, Лейпциг и другие торговые центры Европы.

С течением времени балтийский вопрос из ливонского все более превращался в общеевропейский, с его решением неразрывно связывались и судьбы Белоруссии и Украины.

В продолжительных войнах с Великим княжеством Литовским русская граница была к 1503 г. продвинута на линию Чернигов — Гомель — Стародуб — Брянск. Решающие столкновения были впереди.

Постепенно оживали маршруты русского купечества в Поволжье, в украинские земли Причерноморья (Олешье, Белгород-Аккерман и др.), на Северный Кавказ и даже в Среднюю Азию. Возродилась и русская колония в Константинополе, куда добиралось купечество не одной Москвы, а и Твери, и Новгорода, и Нижнего Новгорода. Московское правительство широко использовало и в торговле, и в политической практике услуги «фрягов» — генуэзцев и венецианцев.

По мере соединения прибалтийских, литовско-польских, южных, а также восточных торговых путей Москва постепенно связывала внутренние и внешние торговые пути в один узел и возвышалась как главный экономический центр России, в возрастающей мере влиявший на экономические связи и исторические судьбы Белоруссии и Украины.

Политическая централизация России оказала и экономическое влияние на судьбы восточного славянства. Россия переживала национальный подъем. Сознание современников не хотело больше мириться с господством Золотой Орды.

Чувствуя свою силу, Иван III прекратил выплату дани в Орду. Попытка большеордынского Ахмед-хана вооруженным путем добиться подчинения окончательно провалилась, натолкнувшись на четырехдневное противостояние русского войска на Угре (8—11 октября 1480 г.).

Россия обрела национальную независимость, за которую бились воины Дмитрия Донского на Куликовом поле и о которой думал сорокалетний князь, умирая. В его духовной грамоте-завещании сказано: «А переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду и который сын возмет дань на своем уделе, тому и есть» [170].

Московское правительство, объединяя страну, ломало и видоизменяло прежнее разнохарактерное управление: союз земель под главенством великого князя начинал заменяться единым государством, на смену пестрым договорам с князьями-вассалами шла единообразная административная система. Бывшие удельные князья неуклонно теряли свои земли и низводились до положения служилых вотчинников. И в самой столице «третное» управление сменялось великокняжеским единовластием.

Усложнялась политическая структура, кроме боярской думы власть осуществляли дьяки — по тому времени высокообразованные аднинист-

[170] ДДГ, № 12, с. 36. Подробнее см.: *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига.— Вопр. истории, 1980, № 10, с. 104—120.

раторы, которым князь «приказывал» ведать определенными отраслями управления: посольскими делами, раздачей земель служилым людям (испомещением их), военной службой (будущие разрядные), связью (ямским делом). Зарождалась приказная система. Креп государев двор, упорядочивались и централизовались право, суд, финансы, вооруженные силы, в которых служилое боярство — опора центральной власти, князья и знатное боярство, вовремя поддержавшее Москву, занимают место в боярской думе. В отличие от Великого княжества Литовского и Польши в России процесс централизации совпадал со слиянием отдельных групп в единый господствующий класс.

Русская церковь тоже обрела самостоятельность: с 1448 г. митрополит, которого прежде назначала Византия, стал избираться собором епископов по назначению великого князя.

В составе государства постепенно объединялись обширные земли, различные как по естественно-географическим условиям, так и по уровню экономики и общественных отношений. Это предопределило сложность эволюции феодализма в России. Решение назревших национальных задач было возможно с применением единственно доступных в истощенной Золотой Ордой стране средств — поместной системы, барщины, крепостничества. Правительство активно укрепляло крепостническую базу централизованного государства. Поэтому возрождение России не принесло облегчения крестьянской доли.

Вот почему московские князья старались повсюду скрутить крестьян узами государственного закона, привязать их к собственникам земли. Судебником 1497 г. Иван III ввел закон, запрещавший крестьянам своевольно покидать владения господ: отныне крестьянин мог менять владельца около осеннего Юрьева дня 26 ноября, и то погасив задолженность. Попытки крестьян протестовать, бежать, восставать подавлялись. Это, как показали Л. В. Черепнин и А. Д. Горский, был шаг к их закрепощению. Их жизнь регулировал суровый закон. Вот как по статье 62 охранял он границы господских владений: того, кто перепахал межу, «бити кнутием да истцу взяти на нем рубль»; статьей 9 закон повелевал «ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью».

Итак, централизованная и возрожденная Россия вновь заняла подобающее ей место в истории Европы, и иностранные державы спешили установить или возобновить с ней дипломатические отношения. Москва сносится с Испанией, Молдавией, Венгрией, Австрией, Францией[171]. Централизация России породила обширную литературу о «Московии», державшей в своих руках торговые пути на Восток; этот своеобразный информационный взрыв затмил предшествующие сведения о России и создал ложное впечатление о ее «открытии» Европой, подобном открытию ею Америки.

На территории современной Европы было немного феодальных полиэтнических государств, еще меньше было среди них централизованных, и ни одно по своей прочности не могло сравниться с Российским.

[171] *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв. Л., 1980.

В самом деле, история стала свидетельницей упадка всех этнически неоднородных феодальных государств, простиравших свою власть на территорию Восточной Европы,— Хазарии, Византии, Булгарии, Золотой Орды, немецкого Ордена, Великого княжества Литовского, Польши, Швеции, Турции, Австрии. Лишь Россия сохраняла и увеличивала свой славянский, а затем и неславянский ареал с той поры, как ее централизованное государство, сбросив иго Орды, возродило и укрепило древнерусское ядро [172].

К куликовским временам восходят корни торжества патримониальной концепции внешней политики централизуемой России (политики, провозгласившей приведение государственных границ в соответствие с этническими) над агрессивной политикой децентрализуемых держав. С Дмитрия Донского начинается действенное влияние «русского» элемента Великого княжества Литовского и Польши на судьбу их политических проектов поглощения России. В сущности, три бескоролевья, интервенцию в Россию и крах восточной политики — вот что получило Великое княжество Литовское, доведя унию 1386 г. до унии 1569 г., после безуспешных попыток Ольгерда и его преемников продолжать восточную политику Гедимина в условиях политической централизации Великороссии.

В своем последнем труде Б. Н. Флоря показал [173] тупиковый, химерический характер последующих магнатских и шляхетских проектов русско-польской и русско-литовской уний, поразительную неосведомленность их творцов, их превратное представление о русском, как теперь принято говорить, хронотопе, органическую связь с внутренней политикой правящих сословий Речи Посполитой, с их взаимоотношениями между собой и с династическими группировками.

То же относится к оценкам планов русской стороны с ее защитой своеобразной модификации сословной монархии, попытками столкнуть шляхту с магнатерией, Великое княжество Литовское с Польшей. Впрочем, русское дворянство, долгие десятилетия наблюдавшее за политическими судьбами Речи Посполитой, уже прошедшее, пусть кратковременную, школу выборной монархии, не привлекли «вольности» польско-литовской шляхты.

Стоит подчеркнуть пагубное влияние восточной экспансии Речи Посполитой и ее союзников на само ужесточение форм российского самодержавия и абсолютизма, тем более что последние учебники США и ФРГ по всемирной и русской истории не только отождествляют собирание централизуемой Россией своих исконных земель с агрессивной политикой захвативших их немецкого Ордена, Великого княжества Литовского, Польши, Швеции, но и противопоставляют «враждебный Европе» русский деспотизм овеянным западным влиянием «демократическим институтам» этих держав.

[172] *Пашуто В. Т.* Пути изучения истории Древней Руси.— В кн.: Будущее науки. М., 1978, вып. 11, с. 279.

[173] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.

Культурное возрождение Великороссии и роль древнерусского наследия

Подъем культуры России связан с использованием лучших традиций древнерусской и южнославянской письменности, достижений владимиро-суздальского, новгородского и византийского искусства, итальянского церковного и кастельного зодчества [174].

Но именно наследие школы великого А. Рублева и его знаменитого преемника Дионисия предопределило то совершенство русской станковой живописи, которое ставит ее в один ряд с шедеврами итальянского Возрождения, а также то, что с икон на библейские сюжеты на нас смотрят «руссифицированные, индивидуально трактованные лица» [174а]. Окружая кротких небожителей, введенных в нашу живопись А. Рублевым, они своей эмоциональной сущностью удивительно точно вписываются в события, переживаемые Русью, с ее горестями ига и с радостями национального освобождения и возрождения. Для русских этой эпохи икона была историческим произведением.

«Город — всегда диалог прошлого с настоящим»,— сказал поэт [175]. И Москва, и другие связанные с ней города интенсивно вели этот диалог.

При преемниках Дмитрия Донского обновляются храмы и росписи в них в Переяславле-Залесском, Ростове, Твери, не говоря уж о Новгороде. Древнерусские архитектурные формы используются в строительстве храмов Звенигорода, Троице-Сергиевого монастыря и др.[176] В историко-публицистических трудах продолжается начатая в куликовскую пору традиция использования исторических примеров отечественного прошлого в идеологических интересах власти, как свидетельствуют, скажем, сочинения, связанные с перенесением иконы Владимирской Богоматери из Владимира в Москву. Тому пример и послание ростовского епископа Вассиана Ивану III на Угру, которого он призывал решительно выступить против врага и «поревновать преже бывшим прародителем» Игорю, Святославу и Владимиру, «иже на Греческом царе дань имали», а также Владимиру Мономаху, который «како и колико бися со оканными Половци за Русскую землю» [177]. Все яснее начинают проступать и мысли о сходстве и преемственности событий истории России и других великих держав. В том же московском своде конца XV в. грозный Тимур сравнивается уже не с Батыем, а с римскими импе-

[174] *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой России и Запад (XI—XV вв.). М., 1970.

[174а] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М.. 1976, с. 126.

[175] *Рождественский Р.* Двести десять шагов. М., 1979, с. 57.

[176] *Воронин Н. Н.* Архитектура.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 2, с. 206—253.

[177] ПСРЛ. М., 1959, т. 26, с. 269; *Кусков В. В.* Указ. соч., с. 50.

раторами, а автор «Повести о Темир Аксаке» времен Василия Дмитриевича очень недалек от сопоставления судеб Византии и России [178].

Постепенно общественно-политическая мысль выдвигала идеи, ставшие ведущими в политике власти. Прежде всего это мысль о Москве как наследнице политического и культурного достояния Древней Руси. Позднее она была углублена мыслью о всемирном значении России и о московских князьях как преемниках могущества и Византии, и Рима.

Исследование памятников, отражающих эти мысли, имеет почти столетнюю традицию. Оно было начато М. А. Дьяконовым (1889 г.), обогащено публикациями и разысканиями И. Н. Жданова (1895 г.) и В. Н. Малинина (1901 г.), причем первоначально светские и церковные струи общественно-политической мысли тогдашней России методически еще не дифференцировались, а концепция «Москва — третий Рим» рассматривалась как часть общей идеи византийского наследства. А. А. Пыпин (1898 г.), В. О. Ключевский, П. Н. Милюков (1903 г.) считали ее официальной политической идеологией московского правительства.

В советской науке, по мере углубления знаний об общественно-политической истории России и особенно об идеологии отдельных социальных групп господствующего класса, а также о месте страны в формирующейся системе европейских государств, все отчетливее выявлялась идейная сложность системы взглядов этого класса и, по мере развития ее социальной функции, определялось меняющееся соотношение в ней светских и церковных элементов (труды Н. С. Чаева — 1945 г., И. У. Будовница — 1947 г., М. Н. Тихомирова — 1962 г.). Решающий сдвиг в разносторонней разработке всего комплекса идей, в который от ее зарождения и до угасания входила и вне которого не могла быть правильно понята идея «Москва — третий Рим», принадлежит Р. П. Дмитриевой, Н. Н. Масленниковой, А. А. Зимину, Я. С. Лурье, Н. А. Казаковой, Н. Н. Розову, Г. Н. Моисеевой, Б. М. Клоссу, Н. В. Синицыной, М. А. Алпатову, М. Е. Бычковой. Их труды, в свою очередь, основывались на разрабатываемой Д. С. Лихачевым, Л. В. Черепниным, М. П. Алексеевым и их школами общей концепции истории общественной мысли, литературы и права в феодальной России как составной части общеевропейского историко-культурного процесса. Итоги вычленения идеи «Москва — третий Рим» из системы официозных идей правительственной политики подведены недавно А. Л. Гольдбергом.

Но, к сожалению, среди зарубежных авторов нашлись люди, с готовностью последовавшие за формулой Н. А. Бердяева, восходящей к консервативным публицистам конца прошлого века — К. Н. Леонтьеву и В. С. Соловьеву, о якобы всеобщем значении этой идеи для всех течений русской общественной мысли вплоть до новейшего времени.

Русская и украинская (В. Крупницкий, И. Мирчук, Н. Василенко-Полоньска и др.) контрреволюционная эмиграция, и светская и цер-

[178] *Гребенюк В. П.* Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV века.— В кн.: Куликовская битва в литературе и искусстве, с. 67.

ковная, также следуя за Н. А. Бердяевым, провозгласившим идею «Москвы — третьего Рима» предельной внеклассовой, всеобщей мечтой русского народа, предшественницей «Москвы — третьего Интернационала», не внеся нового в исследование проблемы, придала ей агрессивный смысл, и она используется в качестве идейного оружия против СССР советологами США и ФРГ (Э. Саркисянц, Г. Кох, Ф. Степун и др.) и некоторыми далекими от подлинной науки школьными дидактиками [179].

Политические и церковные доктрины московского правительства генетически восходят к совокупности светских и церковных идей, постепенно сложившихся в систему мировоззрения идеологов политически централизованной России.

Идея единства Русской земли была одной из древнейших и всеобъемлющих [180]. Возникнув в полиэтничной Древней Руси, она служила сперва обоснованию имперских претензий киевских великих князей — «самовластцев», «царей», «каганов» [181], а затем вошла в придворную письменность крупнейших из княжеств (размерами равных иным государствам Европы), на которые расчленилась Русь [182], и наконец стала главной в системе идей, легших в основу патримониальной, государственной доктрины политической централизации России.

Питаемая древнерусской традицией и неизгладимой народной памятью о былом единстве страны, обостренная условиями борьбы правительства с удельно-княжеской оппозицией и побед народа в Куликовской и последующих битвах над захватившими его земли ордынскими, литовскими, польскими, немецкими, шведскими и иными властителями, эта идея единства до поры по-разному использовалась идеологами различных социальных групп господствующего класса.

[179] *Чаев Н. С.* «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства XVI в.— В кн.: ИЗ. М., 1945, т. 17, с. 3—23; *Каштанов С. М.* Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии.— В кн.: ВВ, 1956, т. 11, с. 310—324; *Лурье Я. С.* О возникновении «теории» Москва — третий Рим.— ТОДРЛ. Л., 1960, т. 16, с. 626—633; *Масленникова Н. Н.* К истории создания теории «Москва — третий Рим».— ТОДРЛ. Л., 1962, т. 18, с. 569—581; *Гольдберг А. Л.* У истоков московских историко-политических идей XV в.— ТОДРЛ. Л., 1969, т. 24, с. 147—150; *Он же.* Три послания Филофея: (Опыт текстологического анализа).— ТОДРЛ. Л., 1974, т. 29, с. 68—97; *Он же.* Историко-политические идеи русской книжности XV—XVI вв.— История СССР, 1975, № 4, с. 60—77; *Он же.* К истории рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха.— ТОДРЛ. Л., 1975, т. 30, с. 208—216; *Он же.* Отражение историко-политических идей русской письменности в западноевропейской печати XVI—XVII вв.— В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 127—138; *Он же.* К предыстории идеи «Москва — третий Рим».— В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Л., 1976, с. 111—116; *Он же.* Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв. Л., 1978: Автореф. дис. ...докт. ист. наук; *Goldberg A.* Historische Wirklichkeit und Fälschung der Idee «Moskau — das Dritte Rom».— In: Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, 1971, Bd. 15/2, S. 123—141.

[180] ПВЛ, ч. 1, с. 13.

[181] Там же, с. 101 (1036 г.).

[182] ПСРЛ. Л., 1927, т. 1, вып. 2 (Лаврентьевская), стб. 357 (1169 г.); СПб., 1908, т. 2 (Ипатьевская), стб. 352 (1147 г.), 715 (1205 г.); *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 8—9; *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Если московская великокняжеская власть видела в ней мощный стимул в борьбе за политическое объединение Великороссии, дополнив ее после Куликовской победы мыслью о Москве как преемнице Киева и всего древнерусского наследства [183], то идеологи противников централизации из княжеских и боярских рядов Твери, Рязани, Новгорода и других городов, а также Великого княжества Литовского старались использовать ее для апологии политического сепаратизма. Понятно, что сходная борьба противоположных идейных тенденций пронизывает и все столь разнообразное и яркое русское летописание противоборствующих политических центров, причем по мере возобладания и торжества московской политики местные летописные своды доставлялись в Москву, включались в состав общерусских, а содержащаяся в них трактовка исторического прошлого, их взаимоотношения со столицей перерабатывалась (как показали М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Я. С. Лурье и др.) на значительную хронологическую глубину в стремлении подкрепить воссоединение Новгорода (1478), Твери (1485), Пскова (1510), Рязани (1521) и других земель исторической традицией. Вместе с тем первооснову летописей составляла «Повесть временных лет», а идейным стержнем все явственнее становилась мысль об исторической преемственности власти московских государей от киевских великих князей. «Мы божией милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы...» — гордо ответил Иван III на предложение германского императора принять королевскую корону [184].

Поскольку после свержения ига Орды (1480 г.) главными противниками воссоединения выступили Великое княжество Литовское, Польша и Орден, то названная доктрина служила и внешнеполитическим задачам. Но условия заметно изменились, ибо централизованная Россия, как мы видели, восстанавливала свое место в развивающейся политической системе государств Европы.

Россия становилась известной в литературе. Появились специальные труды о России, их авторы — Матвей Меховский (1517, Польша), Паоло Джовио, епископ Комо (1537, Италия), Сигизмунд Герберштейн (1549, Австрия), Олаус Магнус (1555, Швеция), Александр Гваньини (1582, Польша). Особенно достойно внимания то высокое место, которое заняла Россия в трактатах таких выдающихся ученых, как Т. Кампанелла и Ж. Боден.

Советские историки показали, как московское правительство стремилось использовать свой возрастающий международный авторитет для завершения политики воссоединения всех древнерусских земель, а если удастся, и для выхода к берегам Балтийского и Черного морей.

Новое положение требовало новых идей, которые и в светском и в церковном аспектах подкрепляли бы эти политические цели России

[183] Повести о Куликовской битве, с. 51; ПСРЛ, т. 25, с. 309 и др.

[184] См. также: *Бычкова М. Е.* Общие традиции легенд правящих домов Восточной Европы.— В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 294—295.

(термин появился в начале XV в.). Нужно подчеркнуть, что правительства и Ивана III, и Василия III весьма умело разобрались в международной обстановке и, добиваясь своего, в то же время ловко отклоняли попытки лучших, весьма искушенных дипломатов империи втянуть еще не окрепшую Россию в антиосманскую борьбу, ослабив ее нажим на союзные им воинственные державы Северо-Восточной Европы. Вот почему в Москве рождаются новые идеи, касающиеся уже не роли Киевской Руси и Московского княжества в истории Великороссии и России, а роли самой России в мировой истории. На рубеже XVI в. новые идеи о связи истории Руси с мировой историей уже отразились в Русском хронографе[185]. В противовес настойчивой антирусской пропаганде, которую вели не только набившие на ней руку немецкие — ливонские и имперские — публицисты, но и папство и Великое княжество Литовское, русская публицистика выдвигает и развивает тезисы о преемственности власти и исторических прав московских государей, возводя их в наследники византийских базилевсов и (в противовес литовским княжеским генеалогиям) римских императоров, решительно отстаивая равноправие Российской державы среди королевств и империй современной Европы.

Популярные в европейской христианской историософии идеи «Roma aeterna» и связанная с ней «translatio imperii» широко использовались в аналогичных целях идеологами Византийской и Германской империй, а подчас и другими странами (Францией, Испанией, Сербией, Болгарией); не остались они неизвестны и на Руси, уже к XIII в. в лице киевского великого князя помышлявшей и о цезарстве (самодержстве), и патриаршестве[186]. Ордынское разорение и иго на столетие заглушили эти помыслы. Национальный подъем возрожденной России вновь воскресил интерес к былым идеям, особенно после падения Константинополя.

А. Л. Гольдбергу удалось показать два пути формирования подобного рода идей, связанных с первым Римом и Римом вторым. Древние связи Руси во время средневековья (как выяснили исследования внешней политики Древней Руси) существовали и с тем, и с другим. Наблюдается использование и модификация разного рода литературно-легендарных традиций, распространенных в этой связи на Руси XIV—XVI вв. в форме рассказа о переходе на Русь византийских императорских регалий и о происхождении русских государей от императора Августа. К Августу возвели родословную Рюрика, а к Константину — приобретение регалий Владимиром Мономахом. Август в качестве родоначальника был популярен в ряде правящих домов православной Европы, но соединили Россию с ним через Пруса. Сделали это, возможно, в пору кратковременного сближения с Тевтонским орденом при Василии III (договор 1517 г.) и сделали в пику правителям Великого княжества Литов-

[185] ПСРЛ. СПб., 1911, т. 22, ч. 1.

[186] Там же, т. 2, стб. 709—710 (летописец славословит «самодержца» Рюрика Ростиславича и княжескую чету, «совершающую патриаршеский труд» поддержания церкви. 1199 г.). *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 201; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков.

ского, которых начиная с Гедимина объявили слугами русских князей [187]. Литовская сторона ответила собственной новой родословной, возведя ее к римскому Палемону, а глубокую древность собственно литовского правящего дома подкрепив легендой (последней в ряду европейских эпонимических преданий) о призвании князей Борга, Коунаса и Спера [188].

Русские светские памятники, хранящие подобного рода идеи,— это Послание Спиридона-Саввы, Рассказ-сборник каллиграфа Медоварцева, Повесть об Аугусте-кесаре (Чудовская повесть), Сказание о князьях Владимирских, Повести о разделении вселенной Ноем. Вопрос об их взаимоотношении является предметом интенсивного обсуждения в кругу литературоведов и историков [189].

Все редакции возводили русский правящий дом к великому Риму и к Константинополю, а император Константин предрекал Владимиру, что «все православие... пребудет под сущею властью нашего царства и твоего волнаго самодержавства Великия Русия...» [190], т. е. исходит из суверенитета двух держав, откуда недалеко и до преемственности. Памятники сформировались после свержения ига Орды и до середины XVI в., в пору попыток папы Льва X навязать Василию III королевскую корону, когда нужно было ясно определить место России в кругу «европейских стран королей». К числу их возможных авторов относят кто известного русского дипломата Д. Герасимова, кто опального митрополита Спиридона-Савву...

Судя по числу редакций и списков памятников, идея оказалась своевременной и пользовалась спросом и у поборников укрепления внутренних устоев самодержавия, и у сотрудников посольского приказа (сложился к 1549 г.). Она вошла в московское летописание: в исходную редакцию (1533 г.) Воскресенской летописи, в Лицевой свод, в Степенную книгу и в Государев родословец (1555 г.). Развитию идеи весьма способствовало венчание Ивана Грозного на царство (1547 г.) и широкое использование русской дипломатией и самим царем мысли о древности и размахе русских владений. «Наши великие государи, почен от Августа кесаря, обладающего всею вселеною, и брата его Пруса и даже до великого князя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя его царского самодержьства все государи самодержьцы и нихто же им ничем не может указу учинити» [191]. Через зарубежных дипломатов (вроде С. Герберштейна, Д. Принтца и др.) и хронистов (вроде М. Стрыйковского) эта идея распространялась по Европе.

Идея отразилась и в росписи Грановитой палаты, где придворные и иноземные послы могли видеть изображения Рюрика, Игоря и Святослава в сопровождении текста Степенной книги: «В Руси самодержавное царское жезлоправление начася от Рюрика, иже приде из Варяг с двема братома своима и с роды своими, иже от племени Прусова. Прус

[187] ПСРЛ, т. 17, стб. 413.
[188] Там же, стб. 228; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства, с. 70—71.
[189] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955; *Она же.* К истории сказания о князьях Владимирских.— ТОДРЛ, т. 17, с. 343—346.
[190] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских, с. 177.
[191] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951, с. 260.

же брат бысть единоначалствующего на земли римского кесаря Августа...». Идея пережила Смутное время и вошла в идеологический арсенал нарождавшегося русского абсолютизма.

По мере превращения истории в науку и общеевропейского процесса ее секуляризации, так отчетливо выраженного Жаном Боденом в решительном отрицании самой исторической схемы четырех монархий[192], в ней все громче звучал призыв «ad fontes» и все настойчивее пересматривались легендарные источники истории. Россия тоже не осталась в стороне от этого процесса. Сперва идея трансформировалась («История еже о начале Руския земли», на Украине — Густынская летопись, «Синопсис» и т. п.), а в XVIII в., изменившем само представление о национальном достоинстве страны, и вовсе захирела. Слова о ней: «Вероятности отрещись не могу, достоверности не вижу»[193],— стали своего рода эпитафией. В. Н. Татищев и другие рационально мыслящие историки доделали остальное. К XIX в. от блестящей некогда идеи осталась одна тень.

Идея «Москва — третий Рим» тоже не сразу приобрела свой окончательный вид[194]. Если многие из предшествующих идей были так или иначе светскими по теме и говорили о преемственности, то эта в основном посвящена противопоставлению судеб христианских церквей. Потому ее истоки ищут в исходе борьбы между церковью и государством по основному экономическому вопросу — секуляризации земли. Примечательно, что именно в 20-х годах XVI в. она на время закончилась отказом правительства от секуляризации, торжеством иосифлян и закатом нестяжателей (эта тема глубоко исследована Н. А. Казаковой, С. М. Каштановым, А. А. Зиминым); отвергнута была как неуместная и попытка Максима Грека отрицать право на существование самостоятельной московской митрополии. Личность и взгляды этого выдающегося деятеля всесторонне изучены Н. В. Синицыной.

Идеологи торжествующих иосифлян — сам Иосиф Волоцкий и новый митрополит Даниил (с 1522 г.) хотели видеть в государстве гаранта интересов церкви, и если внутренние задачи казались им в основном решенными, то угроза папежников, особенно после того, как в Великом княжестве Литовском появился свой «митрополит всея Руси» (с 1470 г.), вставала в полный рост. Как видим, и эта идея эволюционировала из круга задач внутренней политики в область политики внешней.

Формирование идеи о православии как силе, возродившей Русь, можно наблюдать по таким памятникам, как Духовная повесть суздальца Симеона[195], Слово похвальное тверского инока Фомы[196], Слово избран-

[192] *Bodinus J.* Methodus ad facilem historiarum cognitionem. Lugduni Bataviorum, 1583, p. 298, 304; *Chtchapov J.* Jean Bodin et la science sociale russe.— Czasopismo prawno-historyczne, 1977, t. 29, z. 2, s. 21—27.

[193] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 6, с. 216.

[194] Идея восходит к древнерусскому преданию о богоизбранности Киева, по пророчеству апостола Андрея,— будущей столицы новых христиан (ПВЛ, ч. 1, с. 12).

[195] Повесть священноинока Симеона суждальца...— В кн.: Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послание. Киев, 1901, Прилож., с. 11.

[196] *Лихачев Н. П.* Инока Фомы «Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1908, с. 173.

ное от святых писаний еже на латыню (1460 г.)[197] и, наконец, послание митрополита Геронтия Ивану III на Угру[198]. Россия уже не просто приравнивалась Византии, а заступала, как хранитель веры, место этой погрязшей в грехах державы, где «православие изрушило». Митрополит Зосима уже прямо именовал Москву во вступлении к «Изложению пасхалии» новым градом Константина, имея в виду новый центр православного христианства[199]. Та же мысль отразилась и в Русском хронографе, в переработке фрагмента болгарской хроники Манассии[200].

На датировку формулирования идеи ученые смотрят по-разному, но большинство сходится во мнении, что ее автор — игумен псковского Елеазарова монастыря, писавший в 1520—1530 гг., человек близкий митрополиту Даниилу. Он-то и счел нужным опровергнуть существенное утверждение папистов о том, что старый Рим сохраняет свое былое значение. «Латыни глаголют,— писал он,— наше царство ромейское недвижимо пребывает: аще быхом неправе веровали, не бы господь снабдел нас»[201]. Опровергая, Филофей утверждал: «...аще убо великого Рима стены и столпове и трекровные полаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша»[202]. Мало того, и «второй Рим» — Константинополь утратил свою роль — «греческое царство разорися и не созиждется... понеже они предаша православную греческую [христиан] веру в латынство [в латынскую]»[203].

Воплощением нового Рима стала Москва, а «вся христианская царства придоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя»; Россия отныне олицетворяла вечно длящийся Рим: «два убо Рима падоша, а третий — стоит, а четвертому — не быти»[204].

А. Л. Гольдберг справедливо отметил, что в «Послании» Филофея центр полемики не Византия, а Рим. Относительно же «второго Рима», напротив, сказано: «...еще убо агарины внуци греческое царства приаша, но веры не повредиша, ниже насилствуют греком от веры отступати»[205]. Филофей знал, о чем писал, ибо русские правительственные «милостыни» константинопольской патриархии продолжались не зря.

Во второй половине XVI в., в пору укрепления союза государственной власти и церкви, интерес к этой идее временно возродился в связи с активизацией борьбы русской церкви против папистов-идеологов империи, папства и Речи Посполитой. Своего апогея практическое применение идеи «Москва — третий Рим» достигло при учреждении русского патриаршества (1589 г.), когда она нашла отражение в официальном документе — «Грамоте об учреждении патриаршества»[206]. Тем самым

[197] *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемистских сочинений против латинян. М., 1875, с. 360—395.
[198] ПСРЛ, т. 26, с. 273 (1480 г.).
[199] РИБ. 2-е изд. СПб., 1908, т. 6, стб. 799.
[200] ПСРЛ. СПб., 1910, т. 20, ч. 1, с. 439—440.
[201] *Малинин В. Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей... Прилож., с. 38.
[202] Там же, Прилож., с. 43.
[203] Там же, Прилож., с. 41—42.
[204] Там же, Прилож., с. 45.
[205] Там же, Прилож., с. 43.
[206] Русский текст грамоты см. в кн.: *Шпаков А. Я.* Государство и церковь в их взаим-

была подтверждена, но в основном и исчерпана ее практическая ценность в укреплении внутренних и международных позиций русской церкви.

Сама идея в форме разного рода духовных сочинений приобрела «историографический» характер, войдя в круг церковной литературы московской патриархии и в круг светского чтения (вроде «Повести о зачале Москвы»). Попала она в составе патриаршей речи 1589 г. и во вторую публикацию Кормчей патриархией времен Никона (1653 г.). Дальнейшее развитие национального самосознания России и включение ее мыслителей в общеевропейский процесс секуляризации мысли породили сперва резкую критику идеи во имя «своей страны» — России Крижаничем, отрицавшим в борьбе с лютеранством идею «длящегося Рима»[207]. А затем церковный раскол и широкое использование старообрядческими поборниками этой идеи[208] тотчас вывели ее из круга официальной печатной книжности, и можно (вслед за А. Л. Гольдбергом) считать, что само существование ее как историко-политической идеи завершилось в XVII в.

История идеи «Москва — третий Рим», несомненно, свидетельствует о разнообразии и богатстве духовной жизни страны и исторической преемственности, начиная от самых ее древнерусских истоков.

На пути к воссоединению

Укрепление Российского государства продолжалось при Иване Грозном. Время Грозного (1533—1584) сложное, противоречивое. О нем доныне спорят историки. В памяти встают кровавые казни бояр в Москве и победоносное вступление русских войск в Казань (1552 г.) и Астрахань (1556 г.), в Полоцк (1563 г.) и Венден (1577 г.); созыв сословно-представительных земских соборов и опустошения городов, усадеб и сел мрачными опричниками; разорение Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем (1571 г.) и сибирский поход Ермака (1582 г.); разгром Ливонского ордена и поражение в Ливонской войне. Трудное время. Жестокий, мятущийся правитель, не желающий считаться с реальными возможностями страны, подорванной ордынским игом и все еще расхищаемой и терзаемой враждебными державами, видящими свою цель в подрыве ее национального возрождения.

Освобождение от гнета Орды, разгром Казанского и Астраханского ханств, продвижение в Сибирь решительно изменили положение России в Европе, вызвав повышенный интерес к ней со стороны Германии,

ных отношениях в Московском государстве: Царствование Федора Ивановича. Одесса, 1912, Прилож., ч. 2, с. 42—43.

[207] *Крижанич Ю.* Политика / Подг. к печати В. В. Зеленин: Пер. А. Л. Гольдберга. М., 1965, с. 626.

[208] См. слова Никиты Пустосвята: Материалы для истории раскола. М., 1878, т. 4, с. 159, 309, 254.

Венгрии, и других держав. Опасаясь усиления Турции, которая подчиняла Сербию, Болгарию, Грецию, Албанию, Молдавию, Валахию и держала в вассальной зависимости Крым, они пытались использовать против нее Россию. Кроме того, богатый русский рынок, его окрепшие поволжские связи со странами Кавказа и Азии (Ираном, Индией) привлекали купечество Англии, Италии и других стран, способствуя развитию торговли с Москвой, Архангельском, Новгородом...

Однако на пути сношений России с крупными странами Европы было еще немало препятствий. Среди них главное — немецкий Ливонский орден. Он блокировал балтийский путь. Правительство Ивана Грозного решило восстановить былые позиции в Прибалтике, которая давно экономически тяготела к России и сулила русскому дворянству и купечеству новые владения и внешнеторговые доходы. Эти действия России совпали с аналогичными мероприятиями Англии и Нидерландов — то была закономерность эпохи упадка посреднической торговли.

Продолжение объединительной политики при Иване Грозном привело к разорению Ливонского ордена. И здесь ясно обнаружилась связь «балтийского вопроса» с воссоединением земель Украины и Белоруссии.

Польские и литовские феодалы не только прибрали к рукам большую часть Ливонии, но и решительно выступили против России, опасаясь окончательно потерять все захваченные в XIV в. белорусские и украинские земли. Местная магнатерия осуществляла объединение страны за счет интересов феодалов и мещан удельных «земель». Потому централизованного государства здесь не сложилось, а господари попали в зависимость от магнатов. Не зря Иван Грозный писал о Сигизмунде II с презрением: «...худейша худейших рабов суща, понеже от всех повелеваем». Активизация восточной политики усиливала тяготение не только славянской, но и собственной литовской шляхты к России.

Отечественная война начала XVII в. обнаружила полный крах агрессивной восточной политики польских и литовских феодалов, предопределивший последующий упадок Речи Посполитой. Несомненно, что компрометация нелепой шляхетской демократии с ее сеймами и бескоролевиями лишь содействовала упрочению веры русского дворянства в принцип единодержавного монархизма, к тому же нашедшего самобытную форму сословного представительства.

Плоды героической борьбы народа присвоило дворянство. Был созван Земский собор (1613 г.) из представителей бояр, духовенства, городских посадских людей, казаков, стрельцов и, может быть, государственных крестьян. Он избрал царем Михаила Федоровича Романова.

Интервенция отдалила воссоединение Украины и Белоруссии с Россией и восстановление ее позиций в Прибалтике, а вызванное войной разорение усилило крепостнические тенденции в общественно-политическом развитии страны.

Возрождение России связано с образованием и развитием в ней централизованного государства, которое складывалось не благодаря Орде, а в условиях напряженнейшей борьбы народа с ханским игом, борьбы за воссоединение других восточнославянских земель, захваченных соседними державами.

Последующая политическая централизация России, укрепление самодержавия при одновременном развитии сословно-представительных земских соборов — результат крупных перемен в общественном строе страны, которая, изживая последствия монголо-татарского разорения, осваивала громадную территорию с разнообразными формами аграрного строя. В состав государства оказались объединенными области, различные как по географическим условиям, так и по уровню развития экономики и общественных отношений. Это одна из причин сложности эволюции феодализма в России.

Можно наметить несколько регионов, представлявших разные варианты общественных отношений.

Там, где господствовало наследственное вотчинное и обусловленное несением военной службы поместное землевладение, получило распространение барщинное хозяйство, и феодализм принял характер крепостного строя, легшего в основу государственной централизации.

На Севере, в Подвинье, землях, некогда подчиненных Новгородской республике, почва для развития поместной системы и крепостного права была менее благоприятна. Для этого региона характерны государственные формы эксплуатации «черных» земель, которые находились во владении зависимых крестьян (государственный феодализм). Отсутствие крепостнического режима благоприятствовало хозяйственной (особенно промысловой) деятельности черносошного крестьянства, его имущественному расслоению, накоплению капиталов, применению наемного труда. При благоприятных условиях это сулило возможность зарождения буржуазных явлений.

Южные и восточные окраины были регионом, куда в XVI—XVII вв. бежало крестьянство, спасаясь от крепостной неволи. На Дону, на Яике, Тереке скоплялась казачья вольница и складывались очаги антифеодального сопротивления, хотя и само казачество социально дифференцировалось и частью феодализировалось: зажиточная верхушка начинала эксплуатировать бедноту.

При отсутствии всероссийского рынка, господстве феодального способа производства, заторможенности первоначального накопления экономическая консолидация отставала от государственных, внешнеполитических — военных, финансовых — потребностей в ней. Поэтому большую роль в процессе централизации играл фактор политический. Государственная власть использовала и тот ореол славы, который окружал династию московских князей, официально олицетворявшую быстрое и многократное увеличение территории России.

Налицо взаимосвязь решения назревших задач национального возрождения России с применением единственно доступных в истощенной Золотой Ордой стране средств — поместной системы, барщины, крепостничества. Понятно, что крупные этапы внешнеполитической активности генетически связаны с внутриполитическими осложнениями и взрывами классовой борьбы. Например, для Ливонской войны и восстания И. И. Болотникова такая связь бесспорна.

С середины XVII в. единая поместная система в общегосударственном масштабе законодательно опиралась на крепостное право, приглу-

шая завязи капиталистических отношений. Однако они появились, началось развитие всероссийского рынка, активно выступал торговый капитал, питавший и промышленность, возникали предприятия простой кооперации и мануфактуры (и не только казенные), складывался, хотя еще очень узкий, рынок рабочей силы. Новые явления позднего феодализма не означали краха формации. Она господствовала и сохраняла достаточные резервы для дальнейшего развития. Консолидация сословий дворян и горожан сопрягалась с непрерывной классовой борьбой, порождавшей могучие крестьянские войны (Болотников, Разин). В этих условиях тенденция к самодержавию (крепостнической диктатуре) постепенно возобладала над сословно-представительной монархией с ее земскими соборами, боярской думой, городским и сельским самоуправлением.

Из отечественной войны самодержавие вышло ослабленным, и правительство первого Романова стремилось опереться на земские соборы, которые собирались почти ежегодно. На них выносились вопросы борьбы с народными движениями, восстановления хозяйства, податного обложения, вооруженных сил, внешней политики и т. д. Некоторые соборы действовали в условиях социальных волнений, когда царской власти особенно нужна была поддержка дворянства и купечества. И власть тоже должна была считаться с их запросами. Потом деятельность земских соборов стала постепенно замирать: они сыграли свою роль в укреплении централизованного государства. Менее чем за полтора столетия (1549—1683) они собирались, как показал Л. В. Черепнин, свыше 50 раз. На смену сословно-представительной монархии шел абсолютизм.

Но эти особенности общественно-политического строя вовсе не ставили Россию вне основных закономерностей истории Европы. Напротив, Россия, ломая торговые барьеры, втягивалась в более широкие экономические взаимоотношения с другими странами, что деформировало крепостничество и ускоряло генезис капитализма в ней [209].

Русское централизованное многонациональное государство развивалось от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Из современных государств Европы лишь немногие в то время были централизованными, и их исследование тоже обнаруживает как закономерности всеобщей истории, так и особенности, присущие отдельным странам.

И в основе формирующейся системы европейских государств, как и внутри самих государств, причудливо переплетались и взаимодействовали феодально-крепостнические и буржуазно-капиталистические порядки, дополняемые обширной, в большей части внеевропейской, сферой колониальных владений. Формы сочетания феодальных и капиталистических явлений в Европе многообразны. Одни страны — особенно Англия, Франция, Нидерланды — раньше пошли по пути к капитализму, другие — в их числе Россия — сделали в этом направлении лишь первые шаги; третьи — как Италия, Германия, Испания — надолго приостановились в своем движении; наконец, были народы, еще не знавшие капиталистического раз-

[209] *Преображенский А. А.* Об эволюции классово-сословного строя в России.— В кн.: Общество и государство феодальной России, с. 67—85.

вития. Но Европа в целом шла от феодализма к капитализму, и в этом движении определенную прогрессивную роль играла Россия.

Русское централизованное государство выступало как оплот национального освобождения и возрождения восточного славянства. Притом политика России встречала противодействие со стороны держав, завладевших (или стремившихся завладеть) ее землями. История засвидетельствовала упадок и Золотой Орды, и немецких Орденов и Великого княжества Литовского, и Польши. В большинстве окружавших Россию многоэтнических держав, также простиравших свою власть на земли Европейского региона страны, отсутствовали централизованные государства [210].

Россия объединяла земли, этнически, экономически и конфессионально тяготевшие к ней, притом, что важно, не имевшие в большей части традиций самостоятельной государственности, и поэтому ей не было нужды прибегать к помощи разного рода династических комбинаций и уний, федераций и автономий, чтобы удержать над ними свою власть. Московское правительство, проводя политику объединения, использовало все ее объективные и субъективные преимущества: историческую традицию, восходящую к многоэтнической структуре Древнерусского государства; религиозную общность; обширность страны; экономическую заинтересованность держав Северо-Восточной Европы; численное превосходство народонаселения; византийское, южнославянское, итальянское культурное наследие; умелую дипломатию, намечавшую достижимые цели,— играя на противоречиях среди политических противников. Централизованное государство феодальной России доказало свою прочность.

Именно история России — с ее огромными просторами, с большим разнообразием естественно-географических условий, с длительным взаимовлиянием оседлых, полукочевых и кочевых структур, с ее связями с соседними странами и регионами — содержит богатый материал для анализа как ведущих, общих закономерностей истории феодализма глобального характера, так и разнообразных его вариантов и особенностей.

Одну из наиболее ярких страниц истории борьбы восточного славянства за воссоединение с Россией составляют события освободительной войны 1648—1654 гг.

Крестьянство и казачество вели борьбу за высвобождение Украины из-под иноземного гнета. В результате польско-шведской интервенции Россия потеряла Смоленск, Чернигов, опорные пункты на побережье Финского залива. Крымские татары разоряли русскую землю, доходя до Оки. Правительство по мере укрепления страны считало важнейшей задачей восстановление государственного единства, воссоединение отторгнутых земель и борьбу с вассальным Турции мусульманским Крымом, католической Речью Посполитой и протестантской Швецией.

Несмотря на тяжелые последствия интервенции, международное положение России в системе европейских и азиатских государств постепенно улучшалось, главным образом благодаря оживлению и росту хозяйства,

[210] *Черепнин Л. В., Пашуто В. Т.* Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте.— Вопр. истории, 1978, № 2, с. 41—53.

экспортных возможностей страны и торговых взаимосвязей со странами Балтийского региона. Другим фактором было столкновение между противниками России — сперва шведско-польская война (1617—1629 гг.), а затем Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.). Россия тогда сохраняла враждебный габсбургской империи нейтралитет, поддерживая крупными скрытыми субсидиями (до 100 тыс. рейхсталеров в год) Швецию, поставляя ей большие партии зерна по себестоимости. Русско-шведское сближение привело к Смоленской войне (1632—1634 гг.), которая связала польские силы в кульминационный момент Тридцатилетней войны — во время германских походов Густава-Адольфа. Срыв союза со Швецией после гибели короля, а также крупное крестьянско-казацкое движение в центре страны побудили Россию к миру.

Широкая волна народных движений, охватившая экономически подорванную Европу в 40—50-х годах и повлиявшая на исход долгой войны, естественно распространилась и на Россию. Современник — шведский уполномоченный на Вестфальском мирном конгрессе Сальвиус писал (1648 г.): «Представляется каким-то великим чудом, что во всем мире слышно о восстаниях народа против государей, как-то: во Франции, Англии, Германии, Польше, Московии, Турции... Является ли причиной тому некое общее расположение звезд на небе или же что-то вроде всеобщего сговора народов в отношении дурных правителей,— один бог может знать» [211]. Последнее из серии этих народных движений, антипольское, переросло в освободительную войну.

Народы Украины и Белоруссии стремились сбросить ненавистное польско-шляхетское ярмо. Крестьянско-казацкие восстания, то и дело потрясавшие власть магнатов, были потоплены в крови. Массовое истребление населения шляхтой и крымскими татарами ставило под угрозу само существование украинского народа.

Но стремление к освобождению из-под гнета Польши и к воссоединению с братской Россией было неодолимо и наконец вылилось в освободительную войну.

Левобережная Украина воссоединилась с Россией в результате освободительной войны 1648—1654 гг. Ее возглавил Зиновий (Богдан) Михайлович Хмельницкий (ок. 1595—1657 гг.). Человек, прошедший со своим народом тяжелый путь борьбы против польской шляхты, участник многих войн, он подвергался преследованиям и арестам, его сын был убит шляхтичем. Вот почему, когда Богдан Хмельницкий повел за собой из низовьев Днепра отряды беглых крестьян и в январе 1648 г. занял центр казачества — Запорожскую Сечь, его провозгласили гетманом. Пламенными универсалами (воззваниями) он собрал под свои знамена до 70 тыс. воинов. Восстание охватило всю Украину и к осени 1648 г. Белоруссию.

В течение шести лет крестьянско-казацкие полки Богдана Хмельницкого и его соратников Максима Кривоноса, Ивана Богуна и других сражались со шляхтой, не раз наголову громили польские войска под Жел-

[211] Цит. по: *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976, с. 426.

тыми Водами и Корсунем, под Белой Церковью, Пилявцами и Батогом. Борьба была тяжелой, с тыла по Запорожью наносили предательские удары крымские ханы. Богдан Хмельницкий с первых же дней добивался помощи России и воссоединения с ней Украины.

Уже в 1648 г. он просил защиты у Алексея Михайловича, «а когда не будет милости твоего царского величества и не восхошешь нам выручки и помощи давать и против неприятелей наших и своих наступать, тогда мы,— писал Хмельницкий,— вземше бога на помочь, потуду с ними станем биться, докуда нас станет, православных».

Русские казаки и крестьяне сражались в его войске. Правительство Алексея Михайловича широко поддерживало казаков продовольствием и снаряжением, содействовало проходу их отрядов в Белоруссию и готовилось к войне с Польшей.

На освобожденных от панов землях складывалось новое, украинское военно-административное управление, основанное, однако, не на народовластии; здесь правили зажиточные казаки, из среды которых вышел и сам Хмельницкий. В июне 1653 г. царь известил гетмана о намерении воссоединить Украину с Россией: «И мы, великий государь... изволили вас принять под нашу царского величества высокую руку... А ратные наши люди по нашему царского величества указу збираютца и ко ополчению строятца».

В трудное для восставших время 1 октября 1653 г. в Москве был созван Земский собор, который принял решение о воссоединении Украины. 23 октября русское правительство объявило Польше войну.

Русское посольство прибыло в Переяславль, где 8 января 1654 г. собравшаяся Рада по призыву гетмана Богдана Хмельницкого торжественно приняла присягу верности России.

Воссоединение Украины с Россией имело прогрессивное значение. Оно укрепило союз и дружбу двух братских народов, совместно боровшихся против иноземных захватчиков, за социальное и национальное освобождение.

Война с Польшей, а затем и со Швецией была тяжелой и продолжалась долго. Крестьянство и мещанство Белоруссии мужественно поддерживали эту борьбу; несмотря на сохранение власти польской магнатерии, постоянно росло тяготение белорусского народа к воссоединению с Россией. По Андрусовскому перемирию 1667 г. Россия не только вернула Смоленск, но и удержала за собой Левобережную Украину, включая Киев. Украинский народ благодаря России сохранил себя как нацию, хотя и попал под власть царизма [212].

[212] *Тронько П. Т.* Историческое значение воссоединения Украины с Россией.— Вопр. истории, 1979, № 10, с. 3—13. Отклики в Париже, Лондоне и Вене на эти события см.: *O'Brien C. B.* Muscovy and the Ukraine from the Pereiaslavl Agreement to the Truce of Andrusovo, 1654—1667. Berkely; Los Angelos, 1963, p. 114—125.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV—начале XVI в.

Территория, язык, население

История отдельных районов бывшего Древнерусского государства в XIII—XV вв. сложилась по-разному. Северо-Восточная Русь с 1258 г. оказалась в подчинении Джучиева улуса, северо-западные земли (Новгородская, Псковская, отчасти Тверская) остались независимыми. Юго-западные земли, подвергшиеся разорению монголо-татарами, которые в 1240 г. взяли Киев, Каменец и другие города, сумели сохранить свою государственность в течение столетия после этого. Галицко-Волынское княжество, ослабленное, но не сломленное нашествием, пыталось отобрать у монголо-татар Киевщину.

Западные и юго-западные земли вошли в состав Литовского княжества, что было предопределено крайне неблагоприятными внешнеполитическими условиями. Агрессия Тевтонского и Ливонского орденов с севера и северо-запада, ордынских ханов — с юга и юго-востока вынуждали некоторых русских князей и верхушку боярства искать защиты. Северо-Восточная Русь, как и остальные районы бывшего Древнерусского государства, переживавшая период феодальной раздробленности, с одной стороны, и разорения в результате установления монголо-татарского ига, с другой,— не могла оказать действенной помощи населению западных и юго-западных земель Древнерусского государства.

Стремлению русского населения обезопасить себя от агрессии с севера и юго-востока отвечала политика Литовского княжества, на протяжении XIII—XIV вв. предпринимавшего активные военные усилия для инкорпорации русских земель [1].

Серединой XIII в. датируется заключение первых соглашений русских земель с Литвой, хотя окончательное вхождение их в Литовское княжество произошло значительно позднее: Волынской земли — в 1340—1569 гг., Киевской — в 1363—1569 гг., Подольской — в 1363—1430 гг. (а в XV в.— ее восточной части), Черниго-Северской — в 1360—1490 гг., Полоц-

[1] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 375, 68, 49—53. Еще до монголо-татарского нашествия целью литовских походов стало завоевание различных земель — Чернигова (1220 г.), Пскова (1213 г.), Новгорода (1225 г.), Твери (1248 г.), Старой Руссы (1224 г., 1234 г.), Торопца и Торжка (1225 г.) (там же, с. 17, 34, 44, 48).

←

На шмуцтитуле:
Князь Владимир на троне. Миниатюра из «Лицевого летописного свода» XVI в.

кой — в XIV в., Витебской — в конце XIV в. и др. Все эти земли принадлежали к высокоразвитым районам Руси, не попавшим под иноземное иго[2], но страдавшим (наиболее северные районы, будущая Северная Белоруссия) от агрессии Тевтонского и Ливонского орденов и (наиболее южные районы, будущая Украина) от нападений Орды и Крыма.

Вхождение русских земель в состав Литовского княжества[3] предопределило главную особенность этого политического образования, отныне получившего название Великого, а именно: «синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с развитыми институтами феодально-раздробленного строя»[4] подчиненных ей земель Западной и Юго-Западной Руси.

В зависимости от условий перехода русских земель в Литовское княжество (прямого захвата отдельных районов, признания русскими князьями власти литовских князей или призвания местным боярством литовских князей на тех же условиях, на которых княжили русские) варьировался статус этих земель.

Важно лишь подчеркнуть, что вышеназванные территории Древнерусского государства, в особенности наиболее развитые, сохранили единство даже в пределах Великого княжества Литовского. Они по-прежнему назывались «землями» (термин подчеркивал их внутреннее политико-географическое единство), некоторые из них по традиции сохранили даже собственных князей (в частности, Киевская земля)[5]. Наиболее высокоразвитые княжества сумели добиться сохранения «старины», т. е. тех же условий, на которых призывались русские князья.

Это, в частности, относится к Полоцкой и Витебской землям. Обстоятельства перехода первой из них в состав Литовского княжества неизвестны. В середине XIII в. здесь княжил литовский князь Товтивил, затем Гердень, после чего временно утвердился князь Изяслав. Принято считать, что в начале XIV в. какой-то литовский князь подчинил Полоцк верховной власти рижского архиепископа, но ливонские рыцари

[2] Следы зависимости Киева от Орды исследователи усматривают в денежном деле — в наличии татарской плетенки на монетах киевского князя Владимира Ольгердовича, хотя относят монеты такого типа к разному времени: М. Гумовский — до 1386 г., Н. А. Соболева — после 1399 г. (*Gumowski M.* Numismatyka litewska wieków srednich. Kraków, 1930, s. 70—71; *Соболева Н. А.* К вопросу о монетах Владимира Ольгердовича.— НЭ. М., 1970, т. 8, с. 86; ср.: *Лихачев И. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики.— Тр. Музея палеографии. М., 1930, вып. 2, с. 101—105).

[3] В нем оказались будущие украинские и белорусские земли. Это отчасти способствовало сохранению особой близости народов Украины и Белоруссии (Исторические корни дружбы и единения украинского и белорусского народов). Киев, 1978. Рец. А. Д. Скабы (УІЖ, 1979, № 4, с. 113—114).

[4] *Пашуто В. Т.* Образование..., с. 7; *Багура Р. К., Пашуто В. Т.* Культура Великого княжества Литовского.— ВИ, 1977, № 4, с. 100.

[5] См. уставные грамоты землям Киевской, Полоцкой, Витебской, Волынской начала XVI в. (АЗР, т. 2, № 30, 1507 г.; № 70, 1511 г.; ПГ, вып. 3, № 323, 1511; АЗР, т. 1, № 204, 1503 г.; т. 2, № 54, 1509 г.). О князьях см.: УГ XV ст., № 2, с. 29, 18 марта 1450 г. Даже потеряв Киев, в 1486 г. Михаил Олелькович назывался киевским князем, но избранным: «князь олект киевский» (РИБ, т. 27, стб. 229, 1486 г.) Термин «олект» употреблялся также по отношению к виленскому князю: «князь Войтех, олект виленский» (АЗР, т. 1, № 100, с. 115, 1492 г. Указала И. П. Старостина).

перепродали верховное право на Полоцк литовцам. Тем не менее в Полоцке XIV в. сохранились князья: Воинь, брат Витеня и Гедимина, и позднее Андрей Ольгердович, принявший титул великого князя. Лишь в конце XIV в. Полоцком стали управлять наместники литовского князя Витовта. Именно этим временем и следует датировать потерю Полоцком самостоятельности[6]. В это же время лишился независимости и Витебск, также ставший наместничеством. Важную роль в переходе Витебска в состав Литовского княжества сыграл брак Ольгерда с дочерью князя Ярослава Васильевича[7].

Предпосылкой вхождения в Великое княжество Литовское Киевской земли было ослабление Киева в результате монголо-татарского нашествия. В 1300 г. митрополит покинул Киев и переселился во Владимир. Вслед за Максимом жители города потянулись в Брянск, Суздаль и другие города Северо-Восточной Руси[8].

Во второй половине XIV в. Киевская земля потеряла независимость. Она стала уделом сына Ольгерда Владимира. С 1395 по 1440 г. здесь сменились литовский князь Скиргайло (правил один год), наместники Иван Олгимунтович Гольшанский, Михаил Иванович. В 1440—1455 гг. «государем отчичем киевским» был князь Олелько (Александр) Владимирович, а с 1455 по 1470 г.— его сын Семен. В 1470 г. Киев был превращен в воеводство — «и так княжство Киевское в воеводство есть обернено»[9]. Тем не менее в глазах константинопольского патриарха Киев сохранил роль центра Руси. Патриарх Максим 14 июня 1481 г. называл его «богоспасаемым градом, он же наречется мати градовом Руское земли, а не инако»[10].

При вхождении Волынской и Витебской земель в состав Литовского княжества большое значение имел династический союз Любарта и дочери владимирского князя Андрея Юрьевича. В 40-е годы XIV в. Волынь переходила из рук поляков в руки литовцев, власть последних утвердилась на Волыни в начале 80-х годов XIV в., но не полностью. Часть Подолья захватил Ягайло, Свидригайло уступил Польше Подолье в ходе феодальной войны 30-х годов XIV в.[11] Соседнее с ним Галицкое княжество находилось в составе Польши с 1349 по 1370 г., Венгрии — с 1379 по 1387 г. и снова Польши — с 1387 по 1772 г.

Более отсталые в экономическом и политическом отношении Подвинские и Поднепровские земли вошли в Литовское княжество в качестве

[6] *Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896.

[7] ПСРЛ. СПб., 1908, т. 2, с. 358. См. подробнее: *Антонович В.* Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетия (1362—1569). Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885, т. 1.

[8] ПСРЛ. М., 1965, т. 10, с. 172.

[9] ПСРЛ. М., 1975, т. 32, с. 90, 1488 г., должно быть 1471 г. Один из наместников (Роман Олизар Волчкевич) носил титул «господаря», т. е. независимого князя (УГ XV ст., № 2, с. 27, 18 марта 1450 (?) г.); *Антонович В.* Киев, его судьба и значение... Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. 1.

[10] АрхЮЗР. Киев, 1859, ч. 1, т. 1, № 1, с. 2.

[11] *Андрияшев А. М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887; *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892, с. 39.

великокняжеских владений. Это были Черная Русь, область в бассейне левых притоков рек Немана и Свислочи (Новгородок, Волковыйск, Слоним, Здитов и Гродно). В этих районах было довольно значительное литовское население, так что в актовых источниках XV в. районы Новгородка (Новогрудка) и Гродно иногда назывались литовскими. Земли Черной Руси со времен сыновей Гедимина, каждый из которых получил удел, делились на Виленскую и Трокскую половины.

Великокняжескими владениями стали и Поднепровские земли: Свислочь, Любошаны, Бобруйск, Кричев, Пропойск, Чичерск, Горволь, Речица, Мозырь, Бчичь. С 1358 г. они зависели от «ключей» виленского и трокского, а также великокняжеской казны — «скарба» [12]. Поднепровские волости включали и бассейны рек Сож, Березина и нижняя Припять.

Минская земля вошла в Литовское княжество либо при Гедимине, либо вскоре после его смерти. За исключением краткого времени, когда он был дан Скиргайле в придачу к Трокам, Минск в качестве великокняжеского двора «тянул» к Вильнюсу.

Подляшье, включавшее Бельск, Мельник, Дорогичин, Берестье, Кобрин и Каменец, вошло в Литовское княжество при Гедимине и испытало в конце XIV — начале XV в. процесс феодального дробления. Берестейская земля оказалась в составе Трокского воеводства, выделились Дорогичинская земля с Мельником, Бельская и Каменец, получивший название Литовского. Около 1513 г. из Бельского, Дорогичинского и Мельникского поветов было сформировано Подляшское воеводство.

Особое положение в Великом княжестве Литовском сохраняло Кобринское княжество, выделившееся в 1286 г., когда этот район составлял часть Волынской земли. Князья удержались и в некоторых районах Полесья, где в XII—XIII вв. в результате феодального дробления образовалось несколько самостоятельных княжеств: Туровское — на Припяти, Пинское — на р. Пине, Слуцкое — на р. Случи, левом притоке Припяти, Клецкое — на верхней Лани. Из местных правителей наиболее известен Давыд Дмитриевич Городецкий, основатель Давыд-городка, женатый на дочери Ольгерда Марии. До 1392 г. существовало независимое Слуцкое княжество, позднее Слуцк был присоединен к Киевской земле. Слуцкое княжество сохранило ту особность, которая ранее была характерна для Киевской земли. Здесь и после установления наместничества в Киеве оставались местные князья [13]. Слуцк вместе с Копылем выделился после смерти Владимира Ольгердовича (1440 г.) в качестве удела его сына Олельки и его наследников (Семена, Михаила, Семена, Юрия и Семена).

В Полесье получали земли и переезжавшие из Северо-Восточной Руси князья. Так, Иван Васильевич Ярославича, правнук Владимира Андреевича Серпуховского, в 1456 г. получил Городок, Клецк, Рогачев, которыми в конце XV — начале XVI в. владел его сын Федор Иванович Ярославича.

[12] АЗР, т. 2, № 75, с. 99—100, 2 октября 1511 г.; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 13. Впрочем, в Свислочи сохранялись местные князья (ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 215, 1478 г.).

[13] РИБ, т. 27, стб. 691, 15 января 1498 г.

В бывших древнерусских землях сохранилось прежнее внутреннее административное деление на волости и поветы [14].

В связи с особым положением ряда древнерусских земель в политическом строе Великого княжества Литовского отчетливо прослеживаются давние традиции. Их сохранение стало необходимым принципом политической деятельности литовских князей. Не в силах воздействовать на устоявшиеся порядки судопроизводства в западных и юго-западных русских землях [15], они провозгласили лозунг неприкосновенности традиций. В жалованной грамоте (привилее) Ивану Андреевичу Можайскому от 12 апреля 1456 г. содержится наставление князю: «... суды судить по старому, как у вас издавна пошло, а своих новых судов, а никоторых пошлин новых не уводити». Позднее говорилось: «Мы никому новины не велим уводити, а старины рухати». Великие князья постоянно провозглашали лозунг «Старины не рухати» [16].

Консервации древнерусских традиций содействовал не только способ формирования этого политического образования (где отдельные княжества вошли в федерацию), но и его дальнейшая судьба. Кревская уния 1385 г. усилила позиции литовских феодалов, в начале XV в. на всех видных постах в Западной и Юго-Западной Руси оказались литовцы. Позднее в Полоцке наместником был Товтко (Тойто), в Витебске — Румбольд, подольским наместником стал Юрий Гедигольд. Укрепление позиций литовских феодалов в русских землях Литовского княжества в результате Городельской унии 1413 г. способствовало формированию предпосылок феодальной войны 30-х годов XV в.

Если в Северо-Восточной Руси феодальная война завершилась упрочением единодержавия, выразившегося в том, что великий князь московский принял титул «государя» (по определению И. А. Голубцова, «непосредственного хозяина, владельца [17]»), то феодальная война 30-х годов

[14] См. в привилее Полоцку: ПГ, вып. 3, № 323, с. 88, 1511 г.; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 172. Во главе волостей стояли либо старцы (в Могилевской, Бчицкой, Кричевской), либо старцы и наместники (*Грушевский А. С.* Господарские уставы о доходах наместников-державцев. Пг., 1916, с. 19—20).

[15] Термины «Русь» и «русские земли» здесь и далее употребляются в их древнерусском значении, т. е. объединяющих все восточнославянские земли. Историко-географический термин «Украина» в современном территориально-этническом и политическом смысле появляется только в XVI в. (Сб. РИО. СПб., 1884, т. 41, с. 119, 1491 г.; 314, 1500 г.; *Гуслистый К. Г.* Вопросы истории Украины и этническое развитие украинской народности (период феодализма). Киев, 1963). Как обозначение окраинных земель этот термин известен и ранее (ПСРЛ, т. 2, стб. 653, 1187 г.; стб. 663, 1189 г., стб. 732, 1213 г. Благодарю Я. Н. Щапова за это указание). Как синоним Украины в XIX в. употреблялись термины «Малая Русь» и «Малороссия», сложившиеся в конце XVIII в. для противопоставления этого региона Великороссии. В Новгороде вплоть до конца XIV в. не делали разницы между Северо-Восточной, Северо-Западной и Западной Русью. Так, в Новгородской первой летописи под 1335 г. Витебск назван городом «на Руси» (НПЛ, с. 346), однако эту разницу стали отмечать в XV в. В 1445 г. Брянск отнесен к «литовским» городам (там же, с. 424).

[16] РИБ, т. 27, стб. 123, 549, 26 мая 1494 г.; ср.: стб. 595—596; 11 апреля 1495 г.; АЗР, т. 1, № 90, с. 110, 1486—1490 гг., № 129, с. 151, 27 июля 1495 г.

[17] АСЭИ. М., 1964, т. 3, с. 632. Впервые термин «государь» употребляется в новгородской берестяной грамоте XI в. в значении «хозяин» (*Арциховский А. В., Борков-*

XV в. в Великом княжестве Литовском привела к иным результатам. Все претенденты на великокняжеский престол в ходе этой войны предоставляли или подтверждали уставные грамоты русским землям, упрочивая тем самым положение местного боярства и князей. Она способствовала сохранению децентрализаторских тенденций. Были подтверждены уставные грамоты отдельным землям и городам. Укрепило свои позиции городское население княжества — мещане, которые в бытность Свидригайлы великим князем получили подтверждение прежних прав. Чтобы сохранить в своем составе вновь присоединенные исконно русские земли, прослойке господствующего (в основном инонационального) класса Литовского княжества пришлось пойти на большие уступки политическим и социальным силам протобелорусского и протоукраинского общества. С этим процессом не мог не считаться и Казимир, как и его непосредственные предшественники, подтвердивший все права местных феодалов. Общеземский привилей 1447 г., способствуя консолидации класса феодалов, закрепил тем не менее существование остатков внутренней самостоятельности русских областей, предоставив феодалам-государям право суда над своими подданными, он ослабил позиции государственной власти, подняв роль некоторых феодалов. Закрепление права суда за отдельными землевладельцами показывает, что Великое княжество Литовское в силу особенностей своего политического строя шло по пути, противоположному Великому княжеству Московскому, но близкому к развитию Польши[18]. Между тем глава Литовского княжества носил титул, восходящий к древнерусскому,— титул «осподаря»[19].

ский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 годов). М., 1963, с. 69, 71; ср.: *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 138). В Киеве сохранялся и древнерусский собирательный термин «госпóда». Его встречаем в духовной Андрея Владимировича, внука Ольгерда от 16 июня 1446 г.: «...и иных господы нашее старцев много» (АЗР, т. 1, № 49, с. 59—60). Распространение термина «государь» после феодальной войны постепенно сокращается. К концу XV в. он как титул применяется исключительно к великим князьям. Одновременно этим же словом обозначается холоповладелец, землевладелец, владелец пожни, хозяин тиуна, как об этом можно судить по Судебникам 1497 и 1550 гг. (*Хорошкевич А. Л.* Из истории великокняжеской титулатуры в конце XIV — конце XV вв. (на примере Московского княжества и Русского государства).— В кн.: Русское централизованное государство: Образование и эволюция. М., 1980, с. 26—29; Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1552, с. 27, 161—163, 172, 173). О ходе и результатах феодальной войны в Северо-Восточной Руси см.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 743—813.

[18] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915, с. 80; *Он же.* Литовско-русский сейм. М., 1900, с. 99.

[19] По-видимому, районами, где этот термин приобрел значение княжеского титула в связи с аннексией этих земель Польским королевством, были Волынь и Галичина (*Андрияшев А. М.* Очерк истории Волынской земли..., с. 211—215. Король Казимир получил титул «господара Руское земле» (впервые в 1349 г.: ЮГ, № 2. с. 3) который сохранил и его преемник Владислав (ЮГ, № 12, с. 23, 26—31 декабря 1377 г.). Впрочем, на этот же титул претендовали и представители местной знати, в частности Александр Кориатович, называвший себя «господарем Подольской земли» (ЮГ, № 10, с. 20, 17 марта 1375 г.). Этот же титул носил и Свидригайло в 1445 г. (УГ XV ст., № 10, с. 37).

Таким образом, национальная борьба, когда правящим классом была ничтожная по численности часть одних только литовских феодалов, способствовала сохранению остатков политического самоуправления. Традиции стали энергично ломаться лишь тогда, когда во главе государства наряду с литовскими феодалами стали белорусские и украинские магнаты. Это произошло на протяжении первой половины XVI в., причем под влиянием не только внутренней политической борьбы, но и напряженной борьбы Русского государства за воссоединение древнерусских земель.

Стремясь сохранить русские земли в составе Великого княжества Литовского и учитывая печальный опыт «восстания Глинского», литовская великокняжеская власть стала шире привлекать белорусских и украинских магнатов к управлению государством. В ответ на это магнаты всемерно укрепляли государство, стремясь удержать только что полученные привилегии. Ради этого они не только отказывались от православия, но и охотно вводили различные политические новшества.

Неудача внешнеполитической программы Великого княжества Литовского при Витовте (стремление быть центром объединения русских земель) к середине XV в. привела к постановке иной цели — сохранения прежних границ Литовского княжества под властью литовских князей и удержания его в составе русских земель, для которых заметным притягательным центром становилось Московское княжество.

Предоставляя правящему классу право суда над тяглым населением, литовские князья пытались создать преграду на пути воссоединения русских земель с Московским княжеством, а после 1478 г.— с Русским государством. Эта мера оправдывала себя лишь на протяжении полувека, после чего она стала недостаточной.

Древнерусские традиции пронизывали не только политическую жизнь западных и юго-западных русских земель. Население этих территорий бережно хранило устоявшиеся принципы материальной и духовной культуры. Старыми путями продолжалось развитие социально-экономических отношений. Для того чтобы выяснить их существование, попытаемся сравнить институты, сохранившиеся в Великом княжестве Литовском, с теми же или аналогичными институтами Древней Руси, с одной стороны, и будущей Великороссии, т. е. северо-западных и северо-восточных русских земель: Новгородской, Псковской, Тверской, Московской и др.,— с другой.

Предпосылкой сохранения древнерусских традиций было и поддержание экономических, политических и культурных связей отдельных земель, входивших в состав Дневнерусского государства в XIV—XV вв. В настоящем разделе речь пойдет о тех землях, которые позднее, в XVI—XVII вв., получат название белорусских и украинских. Процесс формирования последних, некоторые признаки которого можно обнаружить в XIV — начале XVI столетий, к концу XV в. приобретает более законченный вид. Такие признаки народности, как общность языка, территории, некоторые элементы общности хозяйственной жизни, существуют на протяжении всего изучаемого времени, однако в XIV—XV вв. сохраняется общность языка и культуры, близких к древнерусскому, общерусское самосознание. Становление белорусской и украинской народностей проис-

ходило параллельно становлению другой народности — будущей великорусской. В центре внимания автора — те черты социального развития, которые роднят эволюцию этих земель с другими древнерусскими землями, в частности Северо-Запада и Северо-Востока Руси, те древнерусские традиции, которые лежат в основе социальных отношений всего славянского Восточноевропейского региона.

Население западных и юго-западных земель Древнерусского государства в XIII—XV вв. унаследовало от единой древнерусской народности язык летописей, выразительный, живой и образный, язык юридических памятников, точный и краткий, сохранивший не только «канцелярские» обороты речи Древней Руси, но и ее разговорную речь. Древнерусский язык послужил основой для формирования трех восточнославянских языков — великорусского (русского), украинского и белорусского. Исследователи XIX в. датировали сложение этих языков XIV веком[20]; в настоящее время принято считать, что сложение их происходило на протяжении XIV — первой половины XV в., но об украинском и белорусском языках как сформировавшихся можно говорить лишь со второй половины XV и даже конца XV в.[21] Большим препятствием для уточнения хронологии формирования этих языков является отсутствие точных датировок памятников, на основании которых делаются столь ответственные выводы[22]. Датированные памятники восходят преимущественно к концу XV — началу XVI в., и в это время действительно можно говорить о формировании независимых украинского и белорусского языков.

На каком же языке говорило население будущих украинских и будущих белорусских земель в XIV — первой половине XV в.? Для XIII в. этот вопрос не встает. Ясно, что в это время население по-прежнему пользовалось древнерусским языком. Общность языка у западной и юго-западной ветви восточных славян сохранялась и в XIV — первой половине XV в., однако языка уже недревнерусского.

Характеризуя язык юридических памятников (а это основной источник знаний о языке XIV — первой половины и даже второй половины XV в.), некоторые исследователи называют его белорусским деловым языком или славянским канцелярским[23]. Подчеркивается, что этот язык

[20] *Карский Е. Ф.* Белоруссы. Вильно, 1903, т. 1, с. 113. Автор обращал внимание на то, что сложение белорусского языка происходило в тесном контакте с формированием украинского и великорусского языков (там же, с. 118—123; см. также: *Булыка А. М.* Даунія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972). О сложении великорусской народности см.: *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.— В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958, с. 7—105.

[21] *Жураускі А. І.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Минск, 1967, т. 1, с. 31; *Шакун Л. М.* Помнікі дзелавой пісьменнасці як крыніцы гісторыі беларускай літаратурнай мовы.— В кн.: Лексікалогія і грамматыка. Мінск, 1969.

[22] Об источниках по истории старобелорусского языка см.: Грамоти XIV ст. / Упорядк., вступна стаття, комментарі і словники-покажчики М. М. Пещак. Київ, 1974. О датировке опубликованных в этом издании грамот см. рец.: Studia źródloznawcze. W-wa; Wroclaw; Kraków, 1978, t. 23, s. 213—216.

[23] Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970, с. 163; *Жураускі А. І.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, с. 240—262; УГ. Київ, 1928; *Анічэнка У. В.* Беларуска-украінскія пісьмова-моуныя сувязі. Мінск, 1969, с. 48—49, 122—133,

играл такую же роль в пределах Великого княжества Литовского, что и латинский в таких странах, как Франция, Польша, Англия и т. д.

С такой характеристикой и определением функции этого языка трудно согласиться. Неосновательно сравнение языка юридических памятников земель Украины и Белоруссии XIV—XV вв. с латынью. Канцелярским языком может быть назван только тот, который употреблялся исключительно для написания тех или иных юридических памятников, но не использовался в быту в качестве разговорного. Таким языком по праву может быть названа латынь для ряда стран Европы, в том числе и для земель Украины и Белоруссии, когда она стала применяться там в этом качестве. Однако в западных и юго-западных районах Древнерусского государства один и тот же язык служил в качестве разговорного и в качестве языка юридических памятников (наиболее ясно показывают это многочисленные судные дела, сохранившие высказывания истцов, записанные с их голоса, а потому и наиболее выразительные и близкие к разговорной речи). Для земель будущей Украины и Белоруссии можно говорить о «канцелярском языке» в той же степени, в какой этот последний термин употребим по отношению к Русской Правде, Псковской и Новгородской судным грамотам, Судебникам Русского государства и т. д.

Вернемся к национальному определению языка населения древнерусских земель Великого княжества Литовского в XIV—XV вв. В нем появились особенности, отличавшие его от языка других районов Руси и самого древнерусского языка[24], но эти особенности еще не локализовались между будущей Украиной и Белоруссией, они были во многом общими для населения всех изучаемых районов[25]. Пожалуй, по национальной и временной принадлежности его можно было бы назвать средневековым западнорусским языком или старобелорусско-украинским, имея в виду, что в недалеком будущем, т. е. в конце XV и окончательно на протяжении XVI и XVII вв., на его основе сложатся украинский и белорусский языки. М. Н. Тихомиров в соответствии с источниками называл его «русской мовой» и для XV—XVII вв. Может быть, это и есть наиболее удачный термин.

Для данной темы важна, пожалуй, не дефиниция языка, на котором

176—180; *Zinkevicius Z.* Slaviskoje kanceliarine kalba.— Mokslas ir gyvenimas, 1976, N 2, p. 30—31; *Шакун Л. М.* Помнікі дзелавой пісьменнасці як крыніцы гісторыі беларускай літаратурнай мовы, с. 204—211; *Waring A. G.* The Influence of Non-Linguistic Factors on the Rise and Fall of the Old Byelorussian Literary Language.— The Journal of Byelorussian Studies, 1980, vol. 4, N 3/4, p. 136.

[24] *Тихомиров М. Н.* Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов.— ВИ, 1954, № 6, с. 23.

[25] Само же население по-прежнему продолжало называть себя русским (Грамоти XIV ст., см. указатель), подчеркивая общность всех восточных славян. В послании папе Сиксту смоленского епископа Мисаила, архимандрита Киево-Печерской лавры Иоанна Федора Бельского, Дмитрия Константиновича Вяземского, Евстафия Васильевича Полоцкого и других от 1476 г. встречается даже форма «российский»: «...и мы российские сыны и весь наш великородныи и многии словеньский язык и вси единым пивом духовным напояхомся» (АрхЮЗР. Киев, 1887, ч. 1, т. 7, с. 215). Возможно, впрочем, что это послание более позднего происхождения и является фальсификатом, изготовленным в XVI в. Формы «российский» и «Россия» характерны для памятников Северо-Восточной Руси середины XVI в.

говорило население будущих белорусских и украинских земель, а его тесная связь, не менее тесная, чем в Москве, Новгороде, Рязани, Твери, с древнерусским языком.

Источниками, по которым можно судить о сохранении древнерусских традиций в различных сферах, служат уставные грамоты отдельным землям, жалованные грамоты великих князей, русских князей и их наместников, судные дела, в небольшой степени летописи, памятники искусства и материальной культуры [26].

Распределение их во времени и в пространстве крайне неравномерно. Лучше изучены раннесредневековые памятники материальной культуры Южной Руси [27]. Новгородские, псковские и общерусские летописи содержат отрывочный материал относительно внутреннего развития южнорусских и западнорусских районов. Они, как и памятники дипломатических сношений (последние с 80-х годов XV в.), характеризуют в основном связи этих земель с северо-западными и северо-восточными. Жалованные грамоты светским владельцам сохранились по преимуществу в составе метрики Великого княжества Литовского и содержат материал середины и второй половины XV в. [28] Более древнюю основу имеют жалованные грамоты церковным феодалам, большинство же датировок, содержащихся в этих грамотах, оспаривается исследователями, которые по праву считают их произведениями конца XV — начала XVI в.

Выдача сохранившихся уставных грамот тесно связана с общим политическим и особенно внешнеполитическим положением Великого княжества Литовского, той или иной земли в частности. Киевская земля получила уставную грамоту в начале XVI в.— в то время, когда на Киев как столицу Древнерусского государства стал претендовать великий князь всея Руси, борясь за воссоединение в Русском государстве всех древнерусских земель [29]. Борьба за Киев осложнялась и тем, что попытку его захвата в 90-е годы XV в. предпринял крымский хан Менгли-Гирей, ко-

[26] Подробную характеристику источников XIII—XIV вв. см.: *Пашуто В. Т.* Образование..., с. 9—76, 148, 161; *Ісаевич Я. Д.* Джерела з історії української культури доби феодалізму XVI—XVIII ст. Київ, 1972; ср.: *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973; *Ковальский Н. П.* Источники по истории Украины XVI—XVII вв. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепропетровск, 1979. Часть документов хранится в ПНР (*Русанівський В. М.* Пам'ятки давньої українсько-білоруської діловой мовы в архівах ПНР.— Мовознавство, Київ, 1974, № 6, с. 30—40). На некоторые источники внимание автора обратили И. П. Старостина, В. Г. Кобрин, Б. Н. Флоря, Я. Н. Щапов, А. И. Комеч, Э. С. Смирнова.

[27] В особенности важна работа С. А. Беляевой (*Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV в.: (по материалам археологических исследований): Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1978).

[28] ПСРЛ, т. 6, Пг., 1917, т. 4, ч. 1, вып. 2; Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 3; т. 32; М., 1980, т. 35; ПЛ, М.; Л., 1940, вып. 1; М.; Л., 1956, вып. 2. Западнорусские летописи относятся, как правило, к более позднему времени. Им свойственна идеализация политического и общественного строя западных и юго-западных земель. Русские посольские книги опубликованы: Сб. РИО. СПб., 1882, т. 35. Отдельные документы см.: РИБ, т. 27. Актовый материал по истории Великого княжества Литовского см.: РИБ, т. 27; ЦГАДА, ф. 389 (Литовская метрика), кн. 5—9.

[29] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.

торый в начале XVI в. провозгласил: «Киев пак в опришнину мой»[30]. В целях удержания Киева в составе Великого княжества Литовского литовским властям представлялось целесообразным закрепить старые привилегии Киевской земли в лице ее бояр, земян и мещан.

Выдача уставных грамот Витебской и Полоцкой землям (1503 и 1511 гг.) рассматривалась как важное идеологическое мероприятие в годы войн Русского государства за возвращение древнерусского наследия. Эти войны самым непосредственным образом затрагивали жителей Полоцкой и Витебской земель, почему великокняжеской литовской власти необходимо было заручиться сочувствием местных феодалов и мещан.

Сохранившиеся до нашего времени уставные грамоты, как показал И. Якубовский[31], являются памятниками не только начала XVI, но и XIV и XV вв. Он выделил в них несколько слоев, наиболее древний восходит к «ряду» горожан Полоцка и Витебска, вернее боярства этих городов с князьями, второй — ко времени присоединения земель к Великому княжеству Литовскому, третий — ко временам феодальной войны, четвертый — к началу княжения Казимира, пятый — к началу княжения Александра. Таким образом, «слоеный пирог», который представляют из себя уставные земские грамоты, позволяет судить о социально-экономическом и политическом строе бывших древнерусских земель начиная с XIV в. Обращает на себя внимание тот факт, что уставные грамоты имели самые северные и восточные территории Великого княжества Литовского — земли Полоцкая, Витебская, Смоленская и Киевская, а также наиболее западная окраина восточнославянской территории — Волынь. Дело не только в том, что эти земли были наиболее развитыми территориями Древнерусского государства, но и в особенностях их географического положения. Окраинное расположение и близость большей части их к Русскому государству создавали возможность более легкого выхода из состава Великого княжества Литовского и заставляли поэтому литовскую власть тщательнее соблюдать старые порядки и обычаи, чтобы тем самым не возбуждать недовольство местного населения.

В силу этих особенностей прежнее политическое положение и старые порядки управления в этих наиболее восточных районах Великого княжества Литовского сохранились дольше.

Бывшие окраины Древнерусского государства раньше вошли в состав Литовского княжества и на несколько иных условиях. О сохранении древнерусских традиций в этих районах можно узнать из многочисленных жалованных грамот, позволяющих заглянуть в глубь социального устройства этих земель. Если о социальном строе Полоцкой, Витебской, Киевской земель данных довольно мало — непосредственные задачи управления ложились на местные власти, а местные архивы частично сохранились лишь с 30-х годов XVI в.,— то эти земли управлялись великокняжескими урядниками, распоряжения которым и их отчеты отложились в великокняжеском архиве — так называемой Литовской метрике.

[30] Сб. РИО, т. 41, № 100, с. 539, ноябрь 1504 г.

[31] *Якубовский И.* Земские привилеи Великого княжества Литовского.— ЖМНП, 1903, № 5, с. 239—278; № 6, с. 245—303; ср.: *Ясинский М.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889.

Поэтому жалованные, указные и уставные грамоты Подвинским и Поднепровским волостям позволяют судить главным образом о сохранении древнерусских традиций в области социальных отношений, тогда как уставные грамоты Киевской, Полоцкой и Витебской земель — о древнерусских традициях политической жизни.

Эту диспропорцию, обусловленную степенью сохранности источников, в свою очередь зависящую от особенностей политического положения той или иной территории в пределах Великого княжества Литовского, нужно иметь в виду при конкретном рассмотрении того или иного вопроса.

Материальная культура

Природные условия, в которых развертывалась деятельность трудового населения будущих белорусских и украинских земель, немногим отличались от условий древнерусского времени. Пожалуй, лишь более редкими стали леса, уничтожавшиеся отчасти в результате войн, отчасти под напором новых поселенцев, вырубавших их для заведения пашни [32], а с конца XV в.— для производства золы на экспорт. Однако в целом географические условия не изменились. По-прежнему большую часть земель Белоруссии и часть Севера Украины занимали леса [33].

Несмотря на последствия монголо-татарского нашествия, вызвавшего застой в развитии населенных пунктов (больше всего это касается городов, пострадавших в первую очередь [34]; застой заметен и на селищах, площадь которых в послемонгольское время резко сократилась), традиции материальной культуры сохранились.

Сельское хозяйство независимо от района (хотя земли будущих Белоруссии и Украины резко разделялись по своим географическим условиям) оставалось прежним, его ведущей отраслью было земледелие. Среди возделываемых культур, как и в Древней Руси, много злаковых — пшеница, овес, ячмень, пшено, просо, жито. Сеялась гречиха, горох, в более северных районах — лен. К середине XVI в. в сельском хозяйстве прочно утвердилась паровая система. В документах упоминается «паренина». Для яровых культур употреблялись, как и в Северо-Восточной Руси, названия «ярь, ярины, ярицы».

[32] Ф. И. Ярославича с княгиней Еленой в Пинском повете за р. Ясолдой дал Олизару Любельскому «бору на 12 колод местское меры на пашню ему» (РППЗ, с. 112, 1509 г.), а церкви Пречистой в Купятичах — «дуброву на колоду жита» (там же, с. 219. 10 июля 1511 г.). Об освоении новых земель свидетельствует спор Василия Копачевича с неким Бесаком из-за Острова, где «сел» Бесак. По утверждению В. Копачевича, «то были ловы звериныи за отца его Копача и хмелнища» (AS, t. 3, N 17, s. 13, после 21 марта 1468 г.).

[33] *French R. A.* The Historical Geography of the Forests of Bielorussia in the Sixteenth Century.— The Journal of Bielorussian Studies. London, 1967, vol. 1, N 3, p. 168—183.

[34] О судьбе знаменитого города Василева см.: *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981, с. 118.

Сельскохозяйственный инвентарь претерпел некоторые изменения сравнительно с древнерусским. Усовершенствовался плуг; хотя лемех и имел ту же величину, что и домонгольский, но конструкция его несколько изменилась. Несколько иные пропорции сравнительно с древнерусскими получили серпы и косы. Исследователь этого вопроса С. А. Беляева пишет, что «основные достижения древнерусских земледельцев не только не были утрачены, но и получили дальнейшее развитие» [35].

Благодаря сохранению традиции и некоторым усовершенствованиям стало возможным преодолеть последствия монголо-татарского нашествия и обеспечить новый подъем хозяйства на юго-западных землях Руси, заметный с 60-х годов XIV в. На протяжении второй половины XIV—XV в. площадь освоенных для сельского хозяйства земель постоянно расширялась. Происходила распашка лесов, пущ, «островов». Место «ловов» в Белоруссии в середине XV в. занимали села. «Приробливаются» новины, получающие, как и на северо-востоке, название «роспаши». Динамика развития сельского хозяйства как на западе, так и на северо-востоке бывшего Древнерусского государства схожа. Особенно заметный рост земледелия происходил в обоих районах в конце XV в. В жалованных грамотах этого времени постоянно встречается разрешение «расширить» предоставляемые земли, т. е. осваивать новые участки. Так, Федор Иванович Ярославича передал село Остров с правом «держати и ужывати, разробаючи себе пахати» [36]. Процесс освоения земель на Украине был остановлен запустением в результате нашествия Менгли-Гирея.

Как и в Древней Руси, значительное место в хозяйстве занимали пчеловодство и бортничество, в конце XV в. имевшие, пожалуй, большее значение на белорусских и украинских землях, нежели на великорусских. Борти, бортные «входы», «уходы» (великорусские ухожаи) и «улеи» часто называются в составе владений. О роли этих отраслей хозяйства говорит существование медовой дани [37].

Традиционный характер носили животноводство и птицеводство. В источниках наиболее часто упоминаются овцы, а также гуси и утки. Важную часть владений составляли сеножати. Рабочий скот, как и в Древней Руси, носил название «гаудядо» [38].

Подсобными промыслами оставались охота и рыболовство. На реках, в особенности в феодальных хозяйствах, забивались ёзы, зимой ходили

[35] *Беляева С. А.* Южнорусские земли..., с. 14, ср.: *Похилевич Д. Л.* Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVII вв. Львов, 1957.

[36] AS, t. 3, N 17, s. 13, после 21 марта 1468 г.; АВАК. Вильно, 1897, т. 24, № 8, с. 7—8. 13 июля 1503 г. Тот же процесс происходил в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси (*Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980, с. 125—126; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966, с. 146—147; *Горский А. Д.* Сельское хозяйство и промыслы.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV веков. М., 1969, ч. 1, с. 39—105; *Черепнин Л. В.* Образование..., с. 160—178; *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965).

[37] РИБ, т. 20, кн. 1, № 230, стб. 308, 7 марта 1516 г.; *Горский А. Д.* Сельское хозяйство и промыслы.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV веков, ч. 1, с. 130—137.

[38] Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977, вып. 4; *Сержпутовский А. К.* Очерки Белоруссии.— СПб., 1908, с. 6.

на реку с пешней [39]. Среди предметов охоты первое место занимали пушные звери, которые сдавались феодалам в виде дани. Охота на кабанов, вепря, лося считалась привилегией феодалов. «По всему великому князству нигде панские мужики ловов своих не мают»,— говорилось о Любече в 1499 г. [40]

Охота на мелкого зверя в имениях феодалов не запрещалась. В жалованной Илье Вячкевичу на земли в Луцком и Владимирском поветах (подложной конца XV в.) говорилось: «А в тых именях следу не гонити... а пана Ильиным людем следу не брати». Население переданных феодалам земель (в Пинской волости, например) освобождалось от участия в охоте на крупного зверя: «в облаву не ходить». Часть зависимого населения несла «ловецкую службу» [41].

Железоделательное производство по-прежнему было занятием сельского населения. Следы его (в виде горнов, криц, шлаков) обнаруживаются повсеместно. Способ получения стали был тождественным домонгольскому, равно как и техника изготовления железного инвентаря (материал из Любеча и Озаричей). Это свидетельствует об общности развития традиций металлообработки на всей территории Восточной Европы [42].

Основной единицей сельского поселения был двор, или «дворище». Термином «дворище» в Пинском повете обозначалась усадьба зависимого крестьянина с прилегающими к ней угодьями [43].

В западных и юго-западных районах Руси сохранилось древнее наименование сельского поселения — «село», с течением времени смененное на северо-востоке другим — «деревня». Слово «село» в Великороссии стало применяться для иного типа поселения, как это доказал С. Б. Веселовский [44]. Сами селения удержали старинные названия даже в том случае, если они были перенесены на другое место. Центрами поселений феодалов были имения [45].

Для массовой застройки характерны такие же, как и в Древней Руси, наземные и несколько углубленные жилища столбовой и срубной конструкции. В некоторых местах (Выдубичи, Комаровка, Озаричи) были обнаружены наземные жилища с подклетом. Традиции жилищного строительства хорошо прослеживаются в с. Комаровка, существовавшем непре-

[39] Так было под Пинском, около Гродно (АВАК, т. 24, № 2, с. 2, 1 июня 1495 г.; АЗР, т. 2, № 87, с. 114, 20 апреля 1514). Об употреблении термина «пешня» см.: ПГ, вып. 1, № 6, с. 44, 1381—1387 гг. Он соответствует великорусскому (*Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV веков, № 7, с. 51).

[40] РИБ, т. 27, стб. 774—775, 1 июня 1499 г.

[41] АЛРГ, № 2, с. 3, 20 мая [1407 г.]; РППЗ, с. 104—105, 30 мая 1495 г.; с. 113—114, 1 января 1498 г.; РИБ, т. 27, стб. 768—769, 11 сентября 1498 г.

[42] *Беляева С. А.* Южнорусские земли..., с. 14.

[43] РППЗ, с. 63—64, 72—73, 85, 95—96, 104—105.

[44] *Веселовский С. Б.* Село и деревня: К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926; *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство..., с. 125. В Новгороде эта смена произошла после его вхождения в Русское государство. Ср.: *Харузин А.* Славянское жилище в Северо-Западном крае: Из материалов по истории русских и славянских жилищ. Вильно, 1907, с. 142; *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота..., с. 125—126; *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

[45] *Беляева С. А.* Южнорусские земли... с. 8; РППЗ, с. 104—105, 30 мая 1495 г.

рывно с XI по XV в.[46]. Из письменных источников известны названия жилищ — хоромы, дома со светлицей и сенями, усадьбы феодалов и дворы, огороженные тыном и расположенные в ряд. Названия отдельных частей двора и жилищ были общими, как правило общеславянскими[47].

Все славянские земли, находившиеся в XIV—XV вв. в составе Великого княжества Литовского, изобиловали городами. На территории будущей Украины располагались центры ремесла и торговли, не только внутренней, но и внешней, большая часть которых существовала и в Древней Руси[48] — Киев, Владимир-Волынский, Вручий, Вышгород, Житомир, Звенигород, Каменец, Канев, Кременец, Луцк, Чернигов и другие, на территории будущей Белоруссии — Полоцк, Витебск, Борисов, Друцк, Дубровна, Изяславль, Клецк, Копысь, Логожск, Лукомоль, Минск, Невель, Орша, в Полесье — Высоцк, Давыд-городок, Мозырь, Пинск, Туров и, наконец, в Черной Руси — Волковыйск, Гомель, Здитов, Гродно, Слоним, Турийск, Новгородок и др. Условия их развития в Великом княжестве Литовском существенно отличались как от древних, так и от современных им на северо-западных и северо-восточных русских землях.

В ремесле также наступили некоторые перемены. В городском гончарстве в XIV—XV вв. в отличие от сельского, где применялся ручной круг легкого и тяжелого типов, входит в употребление высокопроизводительный ножной[49]. Набор ремесленных специальностей, типичный для средневекового города, напоминает и древнерусский. В Минске конца XVI в. упоминаются кравцы (древнерусские — швецы), кушнеры (скорняки), ковали (кузнецы), чеботари (сапожники), золотари (литейщики). Как и в каждом средневековом городе, многочисленными были ковали и чеботари. Об отделении городского ремесла от занятий сельским хозяйством, даже подсобным, свидетельствует появление хлебников, пекших хлеба и калачи на городской рынок[50].

Города Западной и Юго-Западной Руси под воздействием монголо-татарского ига на будущих украинских землях и на Северо-Востоке Руси оказались отрезанными от путей международной торговли, что серьезно повлияло на темп их развития. Ведущей отраслью городского ремесла оставалось, как и в Древней Руси, производство потребительских товаров. Предметы бытового назначения имели типологическую близость к древнерусским. Так, горшки настолько похожи по формам, что лишь в

[46] *Малчанава Л. А.* Белорускае селянскае жылле феадальнай эпохі.— ВАН БССР. Сер. гум. навук, 1956, № 4, с. 55—64, особ. 63; *Кубышев А. И.* Раскопки поселения X—XV ст. у с. Комаровка.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Киев, 1967, вып. 1, с. 24—27; *Он же.* Раскопки средневекового поселения XI—XVI вв. у с. Комаровка.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968, вып. 2, с. 49—51.

[47] *Харузин А.* Славянское жилище..., с. 49, 51, 60, 64 и др.

[48] *Брайчевський М.* Перспективи дослідження українських старожитностей XIV—XVIII ст.— В кн.: Середні віки на Україні. Київ. 1971, вип. 1, с. 25.

[49] *Беляева С. А.* Южнорусские земли..., с. 15.

[50] БА, т. 3, № 7, с. 6, 17 июня 1499 г. О термине см.: ИЮМ, т. 30, прилож. № 176, с. 152—153, 19 сентября 1577 г.; АЗР, т. 2, № 3, с. 2, 1506 г.; т. 1, № 120, с. 144—146, 26 мая 1494 г.; № 170, с. 195, 14 мая 1499 г.; АрхЮЗР. Киев, 1886, ч. 7, т. 1, № 14, с. 88, 1552 г.; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

недавнее время удалось обнаружить группу керамики XIV—XV вв., которую раньше постоянно относили к XI—XII вв.[51]

Чаще всего в источниках упоминаются швец и кожемяк[52]. Развито было и производство оружия: существовали лучники и стрельники. Вооружение, состоящее из боевых топоров, копий, сабель, луков и стрел было традиционным. Как и в Северо-Восточной Руси, в Великом княжестве Литовском в середине XV в. к этим видам оружия добавились панцирь, пушки, секиры (сокера, секера). Таким образом, совершенствование вооружения на базе древнерусского шло приблизительно одним темпом и в том же направлении в разных частях Древнерусского государства[53]. Одинаково назывались и воины-стрельцы[54].

В оборонном зодчестве, и прежде всего городском, развивались приемы, унаследованные от Древней Руси. Стены укрепленных городов строились из одного или нескольких рядов деревянных срубов, часть их — так называемые городни — засыпались землей, часть — клети — первоначально оставались пустыми. Примером такого строительства может служить замок Сокилец на Южном Буге. Такими же принципами строительства укреплений руководствовались и зодчие Северо-Востока Руси, воздвигавшие стены из косых «тарас» — клетей трапециевидной формы, причем наружная часть стены составлялась из основания трапеции[55]. Строились на Северо-Востоке и городни[56].

Города этого региона в значительной степени, как и раньше, сохраняли свой сельскохозяйственный характер, то же самое можно сказать и о «местечках». Жители города занимались подсобным сельским хозяйством и владели сельскохозяйственными угодьями. Вокруг каждого города располагались пожни. Уставная грамота киевским мещанам предусматривала сохранение старых порядков пользования землями вокруг города: «А вольно бывало из старины мещанам на болони сено косити и островы за Днепром, чим ся место кормливало»[57]. Мещане беспрепятственно пользовались и лесом вокруг города. Еще Свидригайло дал луцким мещанам право рубки леса для строительства, кошения сена и пастьбы скота (Александр подтвердил это пожалование с некоторыми изменениями: мещане не имели права валить бортные деревья и добывать из них мед, их право пользования лесом распространялось отныне на владыч-

[51] *Кучера М.* Про одну групу середньовічної керамікі на території УРСР.— В кн.: Словьянорускі старожитності. Київ, 1969, с. 174—181.

[52] РИБ, т. 27, стб. 590, 31 марта 1495 г. Названия видов одежды также были общерусскими. Одной из наиболее распространенных верхних одежд была однорядка, которую носили и светские и духовные лица (РППЗ, с. 221. 1504 г.).

[53] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, с. 77—95.

[54] AS, t. 1, N 18, s. 17, 29 июня 1394 г.

[55] *Беляева С. А.* Южнорусские земли..., с. 9; *Кучера М. П.* До питання про традиції оборонного будівництва Київської Русі в дерев'яній архітектури XV—XVII ст.— В кн.: Середні віки на Україні. Київ, 1973, вип. 2, с. 127—130; *Он же.* Середньовічне городище біля с. Сокільці на Південному Бузі.— В кн.: Археологія, Київ, 1965, т. 19; *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, М.; Л., 1961, № 105, с. 141.

[56] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, М.; Л., 1956, № 52, с. 139—140.

[57] РИБ, т. 27, стб. 547, 1494 г.

ные, княжеские, панские и земянские владения, которые были пожалованы Казимиром, и ни на какие другие). На две мили от города пользовались строевым лесом мещане города Владимира и Полоцка [58].

Подсобные занятия сельским хозяйством не составляли особенностей городов изучаемого района, они характерны и для других русских городов, как северо-восточных, так и северо-западных [59]. Возможно, на землях, принадлежавших горожанам, земледелие велось силами челяди.

В торговле, основные особенности которой сложились в Древней Руси, в XIV—XV вв. существовали многие обычаи, что и раньше. Специальными мытниками взимались пошлина за провоз товаров — мыто [60], также «мыто мостовое» [61] и промыто — штраф за неуплату [62], померное [63], обвестка (пошлина с новоприбылого) [64], осмничее. Последняя пошлина, согласно уставной грамоте киевским мещанам, взималась осмником еженедельно в каждую субботу «от товару до дензе». Платили его «перекупники», что «на ряду седят и хлебы продают». Таковы же были обязанности осмника в Москве, Твери и Новгороде [65].

[58] АрхЮЗР, Киев, 1869, ч. 5, т. 1, № 5, с. 20, 24 июля 1502 г.; № 6, с. 29, 17 июля 1509 г.

[59] *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959; *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота..., с. 128—134.

[60] О бытовании этого слова в белорусском языке вплоть до XVII—XVIII вв. см.: *Германовіч У. К.* З гісторыі некаторых слоу у беларускай літаратурнай мове.— В кн.: Лексікалогія і граматыка. Мінск, 1969, с. 3—5.

[61] АЛРГ, № 96, с. 120, 10 июля 1506 г. В Киеве осмник воеводы таким образом «обмычивал» просольную и вяленую рыбу, привезенную с верха или низа Днепра: «на город» с бочки рыб он брал 6 грошей, а с вяленых и свежих рыб — десятую часть. Со свежих осетров он брал каждого десятого, «не мают целком продавати, олиж мусит осмьник от каждого осетра по хребтине взяти» (АЗР, т. 1, № 170, с. 194. 14 мая 1499 г.).

[62] Так в жалованной Илье Вячкевичу, датированной 20 мая 1407 г., а в действительности написанной в конце XV — начале XVI в., на земли в Луцком и Владимирском поветах предусматривалась уплата мыта в размере 1 гроша с воза соли, а промыта — 20 грошей с такого же воза (АЛРГ, № 2, с. 3). Обоснование датировки жалованной см.: *Kuraszkiewicz Wł.* Gramoty halicko-wołyńskie XIV—XV wieku. Studium językowe. Kraków, 1934, s. 132—133; *Аристов Н.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866, с. 221—222; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 512; БА, т. 3, № 8, с. 7.

[63] РИБ, т. 27, стб. 214, 27 июля 1486 г. Померное — это пошлина, взимавшаяся и в Северо-Восточной и в Северо-Западной Руси с товаров, которые измерялись по объему, по мнению И. И. Срезневского, с сыпучих товаров (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895, т. 2, стб. 1174; ср.: АСЭИ, М., 1952, т. 1, № 220, с. 155, 1448—1454 гг.).

[64] *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912, т. 1. Литовский период, с. 85. Согласно привилею киевским мещанам от 14 мая 1499 г. о купцах и казаках, останавливавшихся на подворье у мещан, последние должны были «обестити воеводе киевскому» или его наместнику. За нарушения на них возлагался штраф («вина») 20 коп грошей (АЗР, т. 1, № 170, с. 194).

[65] АЗР, т. 1, № 120, с. 144—148, 26 мая 1494 г. Осмник должен был облагать мытом рыбу, привезенную в Киев из «Черкас», прямо на берегу, а рыбу — с верха Днепра — на торгу (РИБ, т. 27, стб. 546; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского. М., 1900, т. 1, с. 394). Об обязанностях осмника см.: ДДГ, с. 8, 10, 15, 18, 33, 42, 46, 73, 188, 191; *Семенов А. И.* Осменники «Устава о мостех».— Новгородский исторический сборник. Новгород, 1962, вып. 10, с. 253—255; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 96.

Из Древней Руси происходят и меры товаров: кади, коробьи, бочки для тех, которые измерялись объемами; безмены и пуды — для весовых; локти и аршины — для материи, импортных сукон в первую очередь.

Сходные социально-экономические условия порождали и сходные явления в области денежного дела и денежного обращения. В XIV—XV вв. на западные и юго-западные русские земли серебро поступало тем же самым путем, что и в остальные русские земли, т. е. с запада и северо-запада. На это ясно указывает надпись на одном из так называемых новгородских слитков — «Павел рижянин». Импортное серебро в белорусских и украинских землях в это время, как и в XII—XIII вв., переливалось в слитки. При этом черниговские слитки очень близки по весу новгородским. Черниговские слитки находят в Чернигове, Пскове, Киеве. Обращались в западных и юго-западных русских землях и новгородские слитки. В Киевской земле их находят вместе с джучидскими, ордынскими и русскими монетами Владимира Ольгердовича, в Волынской — вместе с пражскими грошами первой половины XIV в.[66]

На территории украинских и белорусских земель обращались и так называемые литовские слитки, которые проникали и в собственно русские земли, как об этом свидетельствует рязанский клад слитков с очень колоритными надписями: «Тимошка изрой», «Тивун ми велел», «Витовто» и др.[67] Одинаков был обычай их клеймения (вплоть до последней трети XV в.).

Прекращение чеканки собственных монет, наступившее в так называемый безмонетный период (вторая половина XII — начало XV в.), заставляло изыскивать различные способы замены денег. В качестве одного из наиболее распространенных и долго использовавшихся эквивалентов денег выступали шубы, постоянно входившие в состав княжеских «пожалований» их слугам. На украинских землях шубами заменялось даже «весное серебро», как явствует из продажной грамоты Хоньки Васковой, жены Дедьковича, Каленникову монастырю в Перемышльском повете: продавщица согласилась вместо 20 гривен «серебра весного» получить шубы и шкуры лисиц: «платят серебро шубами под брунатным сукном и лисицами... А Губка дал шюбу свою куничюю дорогим сукном брунатьным пошита за 5 гривен... и еще 12 лисици...»[68]. И в судебных решениях, и даже в законодательстве Литвы предусматривалась весьма часто и уплата штрафов «статками», т. е. домашним скарбом.

[66] По-видимому, долго сохранялись особенности местных мер. Серебро в XV в. измерялось киевскими мерами («о двух штуках сребра ваги киевской» идет речь в грамоте XV в. (?) УГ XV ст., № 2, с. 27, 18 марта 1450 г.). Преобладающей мерой благородных металлов оставалась гривна (*Янин В. Л.* Деньги и денежные системы.— В кн.: Очерки русской культуры XIV—XV веков, ч. 1. Материальная культура, с. 324—325). См. также: *Ильин А. А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 1921, с. 9, 10.

[67] *Сотникова М. П.* Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв.— Тр. Гос. Эрмитажа, 1961, т. 4, с. 66—68; *Она же.* Рязанский клад литовских серебряных слитков в Эрмитаже.— Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1957, т. 12, с. 15—17.

[68] ЮГ, № 13, с. 25—26, 1378 г.

По пути контактов славянских земель с Чехией (по Днепру через Юго-Восточную Польшу и Русь и через Черниговскую землю) в украинские и русские земли стали проникать пражские гроши (в Галицко-Волынской Руси они обращались с XIII в.). В конце XIV — начале XV в. (массовое поступление пражских грошей относится к 1378—1419 гг.[69]) они стали проникать и в более восточные земли. По путям в Тверь, Псков, Новгород и Рязань найдено 40 кладов пражских грошей на территории Великого княжества Литовского. Когда Вацлав IV стал чеканить плохую монету, в качестве счетной единицы в Великом княжестве Литовском утвердился общерусский термин, но с характерным дополнением «рубль грошей»[70], соответствовавший 2 копам, или 120 грошам[71]. Одна литовская гривна или новгородская приравнивались к копе, 30 пражских грошей соответствовали полтине или малой литовской гривне. Пражские гроши вновь поступили в обращение на изучаемых территориях в 1489—1495 гг.[72]

Наряду с ними здесь же обращались и золотые импортные монеты — золотые угорские, английские нобели, носившие во всех районах Восточной Европы одно и то же название — «корабельник»[73]. Возрождение чеканки монет в Киеве при князе Владимире Ольгердовиче сопровождалось восстановлением техники древнерусской чеканки, характеризующейся использованием заготовки для монет из проволоки. Не исключена и возможность приглашения в Киев денежников из Северо-Восточной Руси[74].

В одежде, наряду со старинными, известными еще в Древней Руси сермягами, овчинами, кожухами для челяди и слуг и различными типами шуб (обычная «посполитая белинная», беличья с пухом, «белинная голая», баранья, лисья, кунья, горностаевая, крытые камкой или тафтой), предназначенными для верхушки общества, получили распространение, как и в Северо-Восточной Руси, торлопы (беличьи, куньи, горно-

[69] *Рябцевич В. Н.* К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV—XV вв.— НС. Киев, 1965, т. 2, с. 126, 128; *Он же.* Топография монетных кладов на территории Белоруссии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1965; *Соболева Н. А.* Хронология и области распространения пражских грошей на территории СССР.— Numismatický sbornik, Praha, 1973, t. 13, z. 4/5, s. 153—164.

[70] Термин «рубль» появился в Великом княжестве Литовском в XIV в., по-видимому, одновременно с Северо-Восточной Русью, хотя и в специфическом значении (Грамоти XIV ст., 11, 10, 6, 42, 41; ср.: *Котляр М. Ф.* Нариси історії обігу й лічби монет на Україні XIV—XVII ст. Київ, 1981, с. 26, 61—62).

[71] АЛРГ, № 33, с. 64, 1496 г.; № 38, с. 67, 21 марта 1496 г.; РИБ, т. 20, стб. 3, 6, 8, 11, 18, 28, 44, 46, 48 и др., 1516 г.; *Соболева Н. А.* Экономические связи Южной и Западной Европы с Чехией в XIV—XV вв. (по данным нумизматики): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1967, с. 12—13; *Котляр М. Ф.* Нариси..., с. 28—30.

[72] Об этих монетах говорилось: «ческое монеты, а полское личбы». См.: РИБ, т. 27, стб. 569, 20 января 1495 г.

[73] Там же, стб. 41, 182, 214, 215; т. 20, стб. 742, 749, 750, 871; АЗР, т. 2, № 46, с. 58, 1508 г.; *Потин В. М.* Золотые западные монеты на территории Русского государства XIV—XVII вв.— В кн.: Русская нумизматика XI—XX веков. Л., 1979, с. 11—19; *Котляр М. Ф.* Нариси..., с. 38—46.

[74] *Котляр Н. Ф.* Монеты Владимира Ольгердовича.— НС. Киев, 1971, т. 2, с. 63—64. О датировке монет ср.: *Соболева Н. А.* К вопросу о монетах Владимира Ольгердовича, с. 86.

стаевые), охабни, сукни, изготовлявшиеся из импортных тканей — новогонского (из Нев-Еглиз во Фландрии), колтришевого (на г. Колчестер в Англии), настрадамского (амстердамского) сукна. Одежда украшалась пошвой (ср. московское — вошва) [75]. Модными украшениями мужчин были пояса (серебряные и позолоченные). О богатейших боярах Новгорода ливонские купцы в 1331 г. писали как о 300 золотых поясах. Из-за такого же, вероятно, пояса в Москве произошел в 1433 г. конфликт, знаменовавший начало феодальной войны [76]. И мужчины, и женщины из состоятельных сословий украшали свою одежду серебряными пуговицами. Женщины носили перстни и прилбицы (вероятно, другое название для височных колец, известных еще с VIII в.). Для ношения денег служили сумки и калиты, иногда приделанные к поясу [77]. Традиционными были и столовые принадлежности — скатерти, ручники, котлы, ковши и т. д.

Основными продуктами питания населения были различные изделия из зерна — калачи, хлебы, крупяные кушанья, обильно снабженные салом. Дорогóй приправой служил перец, из напитков, как и прежде, наиболее любимыми были мед и привозное пиво [78].

Этот краткий обзор бытовых особенностей показывает, что даже в мелких деталях быт населения отдельных районов бывшего Древнерусского государства почти не различался.

В целом в материальной культуре народов Восточной Европы на протяжении XIV—XV вв. было больше объединявших черт, чем разъединявших. Материальная культура того времени выступает в качестве непосредственной преемницы древнерусской. Некоторые исследователи полагают даже, что единая древнерусская культура существовала по крайней мере до конца XIV в.[79]

Подъем материальной культуры, оживление торговли со второй половины XIV в.[80] способствовали не только упрочению достижений материальной культуры Древней Руси, но и ее совершенствованию и формированию предпосылок для создания национальных культур — белорусской и украинской. Более медленная эволюция сельскохозяйственных орудий сравнительно с развитием торговли была, тем не менее, органическим следствием таких особенностей отдельных регионов, к которым приспосабливалось развитие производительных сил. Значительные сдвиги произошли в области денежного обращения (были приняты к обращению иностранные монеты, в частности чешские), их, вероятно, можно косвенно связать с результатами тяжкого ордынского ига, на краткое

[75] ДДГ, № 87, с. 350, 1503 г.; № 98, с. 407, 1506 г.

[76] ПСРЛ, т. 6, с. 148; СПб., 1859, т. 8, с. 97; М., 1965, т. 12, с. 17; М., 1965, т. 15, с. 250; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1964, с. 327; *Черепнин Л. В.* Образование..., с. 743 и далее.

[77] РИБ, т. 20, стб. 260, 261, 36, 1404, 1516 г.

[78] *Арциховский А. В.* Пища и утварь.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV веков, ч. 1, с. 297—306; *Горская Н. А.* Пища.— В кн.: Очерки русской культуры XVI века. М., 1977, ч. 1, с. 217—223.

[79] *Беляева С. А.* Южнорусские земли..., с. 13.

[80] Для юго-западных земель это хорошо показано М. Ф. Котляром. (*Котляр М. Ф.* Галицька Русь у другій половині XIV — першій чверті XV ст. Київ, 1968).

время разорвавшего полностью и на более продолжительное — ослабившего экономические контакты юго-западных и западных земель с северо-восточными. Предпосылки формирования украинской и белорусской народностей складывались не только в тесной связи с древнерусской культурой и культурой русских северо-восточных и северо-западных земель, но и в известной связи с культурой стран Центральной Европы [81].

Сословия и повинности

Северо-западные и юго-западные древнерусские земли вступили в эпоху феодализма еще накануне монголо-татарского нашествия. Основные классы и сословия общества после перехода этих районов в состав Литовского княжества не изменились, поскольку славяно-балтийский синтез происходил в основном в государственно-договорной форме [82]. Положение некоторых прослоек феодалов (в частности, церковных и князей) изменилось к худшему. Исчезли многие князья Рюриковичи. Лишь немногие из оставшихся в XV в. князей в отличие от князей Северо-Восточной Руси могли возвести свое происхождение к легендарному Рюрику. Это были Друцкие (сторонники Свидригайлы — Михаил Семенович Болобан, Дмитрий и Василий Семеновичи, Иван Семенович Баба, Иван Семенович Путята), Чернигово-Северские (Михаил Иванович Хотетовский, Патрикий и Александр Звенигородские), Пинские и Волынские (Константин Курч и его сын Михаил Ольшанский, Иван Александрович Четвертинский, Дмитрий Павлович Городецкий, Федор Козека, Федор Несвижский, Александр Нос, Павел и Андрей Федорович Острожские и др.) [83]. Наряду с ними большим влиянием пользовались князья Гедиминовичи. В вассальной зависимости от князей находились бояре, получавшие от них земельные пожалования.

Процесс возвышения в привилегированное сословие носил название «бояриться», а земли, перешедшие в руки бояр, именовались «боярскими». Этот процесс был успешным в Галицко-Волынской Руси уже в XIII в. К боярам принадлежали и так называемые «болоховские князья» [84].

Вслед за владимирскими князьями Андреем Боголюбским и Всево-

[81] Это выразилось, в частности, в распространении магдебургского права (*Отамановский В. Д.* Развитие городского строя на Украине в XIV—XVII вв. и магдебургское право.— ВИ, 1958, № 3, с. 124—125).

[82] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 7.

[83] См. подробнее: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 91.

[84] В Новогрудке во время конфликта мещан и «мужей»-церинцев по поводу исполнения подводной повинности Александр приказал мещанам относительно волошан: «а которыи будут церинцы бояритися, тых мают к себе приискизати» (АЛРГ, № 69, с. 93—94, 19 ноября 1499 г.; см. также: РИБ, т. 27, стб. 416, 18 мая 1487 г.). О «болоховских князьях» см.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 143—149.

лодом, галицкими — Романом Мстиславичем и его сыном Даниилом практику наделения населенными землями частных владельцев, получавших права сеньора за службу, князья проводили в XV в. Так, княгиня Марья, вдова Семена Александровича Олельковича, со своим сыном Василием Семеновичем пожаловала боярину Даниле Русановичу дворище Каплино, «мает (он.— *А. Х.*) службу земьскую с иншыми боярами нашыми пинскими конем служити»[85]. Великокняжеский боярин Карп Карпович, получивший от Федора Ивановича Ярославича землю Остров под Пинском, обязан был служить ему «как иншие бояре пинские», т. е. «винен... на войну з нами и с потомками нашыми он сам и дети его ездити»[86]. Ему же, согласно привилею Жигимонта I, должен был служить пинский боярин Прон Оксентьевич Ноздрин, владевший с. Плотницы и двумя дворищами в с. Морозовичи. Не случайно все вышеприведенные примеры относятся к Пинску. Можно указать еще один пример. 13 мая 1507 г. Жигимонт I Старый дал подтвердительную грамоту пинским боярам Григорию Прасоловичу и Василию Сачковичу в соответствии с жалованной Казимира на их право служить «службою боярскою» вопреки попыткам кн. Юрия Семеновича Пинского вернуть их «в тяглы»[87]. Благодаря особенностям политического и, вероятно, социального развития этой земли здесь дольше всего, как и в Слуцке, сохранялась княжеская власть, поэтому и оказался наиболее развитым институт вассалитета князьям.

Большая же часть бояр обязана была службой самому великому князю. Это были многочисленные русские боярские роды — Глебовичи, Ильиничи, Немировичи, Олехновичи, Митковичи, Володковичи в Витебске; Шиловичи и Гулевичи — на Волыни; Корсаковичи и Радковичи — в Полоцке; Полозовичи — в Киеве[88].

Владения крупных феодалов (дворы или села «со всем с тым, што к тым селам тягнет») характеризовались тем же самым глаголом «тянет», что и в Северо-Восточной Руси[89].

Условия пожалования владений были различными, они даровались либо в отчину, либо в именье, «до живота», т. е. до смерти держателя. В конце XV в. наибольшая часть пожалований была предоставлена «навечно», в связи с чем фонд великокняжеских земель быстро таял. С таким же явлением хорошо были знакомы и феодалы Русского государства. Земельный голод дал отчетливо себя знать в центре государства уже в конце XV в.[90]

[85] АВАК, т. 24, № 2, с. 2, 1 июня 1495 г.
[86] Там же, № 8, с. 7—8, 13 июля 1503 г.
[87] АВАК, т. 24, № 12, с. 13, 21 июля 1507 г.; № 11, с. 12—13, 13 мая 1507 г.
[88] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 68, 154.
[89] AS, t. 1, N 46, s. 44, 20 апреля 1448 г. Те же термины см. в жалованной великого князя Свидригайлы Каленику Мишковичу на села в Житомирском повете и Михаилу Олехновичу на села в Кременецкой волости — «со всим с тым, што к ним з веки и здавна слушало и тягло» (AS, t. 1, № 35, с. 33—34, 1437 г.; № 41, с. 40, 1444 г.).
[90] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947, с. 74—90; *Черепнин Л. В.* Образование...; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 237 и др.

Весьма близкими по положению к боярам были земяне. Они были обязаны ходить на войну наравне с боярами (в частности, «землене Волынское и Володимерское земли»), владели «отчинными» землями и «дельницей», являлись возможными свидетелями на суде (как это было на суде Луцкого старосты кн. Семена Юрьевича с луцким мещанином Манцой в 1498 г. или свидетелями княжеских пожалований (киевский земянин Берендей Пименович — свидетель пожалований Б. Ф. Глинским земли Николо-Пустынскому монастырю), получали земли путных людей (так, дорогицкий земянин Андрей Розвей получил земли путных слуг Репок, которые ранее даны были Антонию Греку), сажали на своей земле людей (так, берестейский земянин взял «отбегщину» с вольного человека, жившего у него и ушедшего «не отповедившеся» [91]).

Сопоставление земян с псковскими и новгородскими земцами и своеземцами, как бы ни отличались эти термины, заставляет предполагать, что эта низшая прослойка феодального класса существовала значительно раньше конца XV в. и была унаследована от времен если не Древнерусского государства, то феодальной раздробленности, когда процесс дифференциации в обществе зашел достаточно далеко [92].

Следующая категория населения — мещане, жители городов, которые имели земли вне города и подобно земянам должны были нести военную службу [93]. Земельная собственность мещан дополнялась общегородской на леса, выпасы и рыбные ловли вокруг города [94].

Мещане вплоть до введения магдебургского права обычно были освобождены от тех повинностей, которые выполняли волостные люди. Их основная обязанность состояла в «доспешной службе». Уставная грамота киевским мещанам специально оговаривала: «А города им не рубити». Такой же порядок существовал и в Новгороде. Строительство и поддержание городских укреплений в XIII в. вменялось в обязанности князя, затем бояр и земян. Жители с. Городло на Западном Буге, согласно завещанию Владимира Васильковича, были освобождены от этой

[91] РИБ. т. 27, стб. 424, 31 июля 1488 г.; стб. 518—519, 20 марта 1494 г.; стб. 693, 15 января 1498 г.; т. 20, № 195, с. 258, около 1516 г.; № 194, с. 257, около 1516 г.

[92] Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI вв. / Под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971, т. 1, с. 337—342 (текст Т. И. Осьминского). Некоторые исследователи полагают, что нельзя сопоставлять даже термины «своеземец» и «земец», обозначавшие разные социальные явления (*Копанев А. И.* Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 70). Происхождение новгородских своеземцев конца XV — начала XVI в. В. Л. Янин связывает с «житьими» людьми (*Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981, с. 157—180). По-видимому, с земцами можно сопоставить так называемых людей сотных в Галицко-Волынской земле, в XV в. занимавших положение королевских слуг (*Hejnosz W.* Jus Ruthenicale. Przezytki dawnego ustroju spolecznego na Rusi Halickiej w XV wieku. Wilno, 1928, s. 96; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1947, кн. 1, с. 360).

[93] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 527—528; *Лаппо И. И.* К истории сословного строя Великого княжества Литовского: Конные мещане витебские в XVI столетии.— В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 254—276; ср.: *Грицкевич А.* Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения в Слуцком княжестве в XVI—XVIII вв.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962. Минск, 1964, с. 242—253.

[94] АрхЮЗР. Киев, 1907, ч. 8, т. 5, № 6, с. 10, 1536 г.

повинности: «... аже будет князю город рубити, а ни к городу» В жалованной грамоте Александра Кориатовича Смотрицкому монастырю от 17 марта 1375 г. оговаривалось: «... коли бояре и земяне будут город твердити». В Житомире сооружение городен возлагалось на земян. В Черкасах городовую повинность исполняли жители с. Довмонтова и Ирновы Мошны [95]. Относительно сооружения киевских укреплений имеем сообщения киевских послов Жигимонту I Старому. При наместнике Иване Ходкевиче (1480—1482) городничий [96] Иван Шепель с помощью населения поднепровских волостей построил стены, разрушенные впоследствии Менгли-Гиреем. Как правило, строительством киевских оборонительных сооружений занимались сельские жители Поднепровских волостей (1492—1502 гг., 1508—1510 гг. и т. д.). Лишь в 80-е годы (1484—1485 гг.) при Богдане Андреевиче на «роботу киевскую с топором» было согнано около 20 тыс. человек из поднепровских, подвинских, торопецких, великолуцких волостей [97]. Зато городские жители обязаны были принимать участие в городском благоустройстве: «А мосты им городскии мостити». Мещане Витебска «мост мощивали перед своим двором каждый пяти топорищ» [98]. Сходный порядок существовал и в Новгороде, где каждая из городских улиц по разверстке была ответственна за мощение не только своей улицы, но и прилегающих районов — торговых и центра. В городах Западной и Юго-Западной Руси существовала должность мостовничего, под руководством которого и осуществлялись работы по мощению улиц. В Пскове работами по мощению городского центра руководил посадник [99]. В конце XV — начале XVI в. вместо повинности, исполняемой самими мещанами, был введен денежный сбор. Так, борисовский мещанин Сопрон должен был заплатить 80 коп мостовничего [100].

Источники, свидетельствующие об обязанностях мещан, показывают, что наряду с волостными людьми они иногда привлекались к таким трудоемким делам, как строительство городских укреплений («городовая работа») и поставка подвод. Когда Мартин Гаштольд купил дом у мещанина Рога в Киеве, он получил право не платить конные пенязи с одной корчмы, клеточные — с одной клетки, «а и подвод и иных всих поплатков местских и разметов не надобе ему давати и послов не под-

[95] РИБ, т. 27, стб. 547—548, 1499 г.; НПЛ, с. 416, 1430 г.; ПСРЛ, т. 2, стб. 903—904, 1287 г.; УГ, № 10, с. 20; АрхЮЗР. Киев, 1886, ч. 7, т. 1, № 17, с. 125, 2 сентября 1545 г.; ч. 8, т. 5, № 6, с. 10—11, 1536 г.

[96] Сам термин общ северо-восточным памятникам (*Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957).

[97] *Каманин И.* Сообщения послов Киевской земли королю Сигизмунду I о Киевской земле и киевском замке, около 1520 г.— В кн.: Сб. статей и материалов по истории Юго-Западной России, издаваемый Киевской комиссией для разбора древних актов. Киев, 1916, вып. 2, с. 6—7.

[98] РИБ, т. 27, стб. 548, 26 мая 1494 г.; стб. 594, 11 апреля 1495 г. Здесь «мост» в значении мостовой (РИБ, т. 20, стб. 849, б. д.).

[99] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения, с. 91—122; ПЛ, вып. 2, с. 120, 1416 г.; с. 125, 1418, 1431 г.

[100] РИБ, т. 20, стб. 60, № 54, б. д. По мнению И. П. Старостиной, в данном случае «мостовничее» — это «поклон».

нимати»[101]. Мещане г. Слонима ездили с неким Копачем в «ловы» и «хмели... дирали к Деречину»[102].

Пинским мещанам при княгине Марии, жене Семена Александровича, приходилось давать «коляды» и «ральцы», поставлять ей подводы (верховые и возовые), а пинским наместникам предоставлять по 12 гребцов, платить «до обмены» в Кнутове и Нобле, платить за аренду корчем по 150 коп грошей вместо существовавшей ранее цены — 2 копы и 2 гроша. Лишь 24 марта 1501 г. были восстановлены старые порядки, впрочем ненадолго. Согласно судной грамоте пинских мещан с кн. Федором Ярославичем, выданной Александром 10 июня 1501 г., последний получил право продавать корчмы по своей цене. В случае несогласия он мог отдавать их другому[103].

В конце XV в. весьма часты были конфликты мещан с волостными людьми и с городскими властями по поводу исполнения мещанами этих повинностей. В конце XV в. по требованию луцких мещан Александр освободил их от «даванья подвод», что было введено Иваном Ходкевичем, и от устройства прудов («сыпанья став»), дорожных работ (гати на Стыре), что было нововведением Олизара Шиловича[104]. Казимир в свое время освобождал луцких мещан от обязанности предоставлять подводы с возами луцкому старосте в том случае, если он выступал в военный поход[105], однако в конце века мещане снова оказались вынужденными временно исполнять эту обязанность.

Борьбу за освобождение от подводной повинности вели мещане многих городов. Витебские мещане пытались переложить большую часть этой повинности на кожемяк. Одними из наименее удачливых оказались мещане г. Борисова. Если при Витовте Борисовская волость была полностью освобождена от подводной повинности, то при Казимире она должна была исполнять ее в течение 10 недель, а город — только 3. Александр в 1494 г. по жалобе волости уменьшил ее повинности до 10 недель, а повинности города увеличил до 6. В 1541 г. волощанам удалось добиться возвращения старого положения начала XV в.[106].

В 1525 г. мещане Берестья были освобождены от всех повинностей на 10 лет, т. е. от городской работы, уплаты «серебщины, ордынщины, капщизны и воловщизны», от предоставления подвод на 2 года, за исключением послов[107].

Несомненно, тяжелые натуральные повинности, лежавшие на мещанах (мещане г. Чуднова под Киевом должны были «жита жати и сена косити», а Киева — косить сено «под борком», сыпать «став» — запру-

[101] AS, t. 1, N 82, s. 78, 11 мая 1481 г.
[102] Ibid., N 39, s. 38—39, 23 марта 1443 г.; t. 3, № 10, s. 7, 29 декабря 1451 г.; № 17, s. 13, 21 марта 1468 г.
[103] АЗР, т. 1, № 190, с. 226—227, 24 марта 1501 г.; № 191, с. 227—228, 10 июня 1501 г.
[104] АЗР, т. 1, № 153, с. 175—176, 6 февраля 1498 г.
[105] РИБ, т. 27, стб. 429—430, б. д.
[106] РИБ, т. 27, стб. 590, 31 марта 1495 г.; стб. 522, 1494 г.; *Довнар-Запольский М. В.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905, с. 44—45.
[107] АЛРГ, № 177, с. 200, 23 июня 1526 г.

ду)[108], препятствовали их торгово-ремесленной деятельности, создавая одну из предпосылок упрочения позиций феодалов в области торговли. Переход городских владений в руки феодалов в конце XV в. сопровождался освобождением последних ото всех повинностей, которые исполняли мещане. Так, Мартин Гаштольд, купив в Киеве дом у мещанина Рога, получил право держать корчмы и лавку («клетку») без уплаты соответствующих налогов («капных» или «клеточных пенязей»). «А и подвод и инших всих поплатков местских и разметов не надобе ему давати и послов не поднимати»[109]. Создание привилегированного городского землевладения с правом суда над живущим в городе населением — аналогия беломестцам городов будущей Великороссии. Минские мещане пытались переложить часть своих повинностей на минский Вознесенский монастырь. Однако его архимандрит добился запрещения брать подводы с монастыря, а его инокам и подданным исполнять сторожевую службу[110].

Для обозначения зависимого населения в Великом княжестве Литовском сохранялся многозначный термин «люди» с определением «данные», «пригонные», «тяглые» и т. д., а иногда и без уточнения. Большая часть названий категорий зависимого населения также восходит ко временам Киевской Руси. В Древнерусском государстве сложились и формы обязанностей, весьма разнообразных по отношению к собственникам земли.

Наряду с термином «люди» употреблялся и другой — «мужи», по мнению М. К. Любавского, все сельские жители, волостные люди (т. е. данные, тяглые и т. д.) обозначались этим термином. В пользу предположения М. К. Любавского говорит факт обращения в суд «мужей» — могилевцев, которые в числе девяти человек в 1498 г. вчинили иск своей братье, данникам могилевским, о краже великокняжеского воска[111].

Возможно и иное толкование. То население волостей, которое обозначалось термином «муж», обязано было «доспешной службой», т. е. личной военной службой. «Мужи» Могилевской, Свислоцкой и других волостей, вероятно, по своему положению приближались к новгородским своеземцам, южным земянам и т. д., т. е. самому низшему свободному населению.

«Мужи» Могилевской волости обязаны были служить «доспехом». Так, во всяком случае, можно судить по жалованной людям Ильиничам, получившим Семенчинскую землю дополнительно к своей «отчине». Чаще всего этот термин выступает в каком-либо официальном значении: «мужи» являлись представителями волости или общины вместе со «старцами». Жители волостей Ратно, Ветлы, Ложице назывались «мужами» в послании королевича Казимира князю Сангушке от 23 марта 1443 г.[112]

Повинности крестьян в основном сложились в последний период

[108] РИБ, т. 27, стб. 165—166, б. д.; АЗР, т. 1, № 120, с. 144—145, 26 мая 1494 г.
[109] AS, t. 1, N 82, s. 78, 11 мая 1481 г.
[110] СДГА, № 7, с. 8, 8 декабря 1522 г.; № 8, с. 9, 20 мая 1537 г.
[111] РИБ, т. 27, стб. 686—687, 15 января 1498 г.; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 357.
[112] АЗР, т. 1, № 91, с. 110, 8 марта 1488 г.; AS, t. 1, N 39, s. 38—39; 23 марта 1443 г.

существования Древнерусского государства[113]. Основной обязанностью тяглого населения была уплата дани. Она взималась в натуральной форме (медом, мехами) и в денежной. Медовая дань — пережиток давнего прошлого[114] — исчислялась различными мерами: в Пинске, Житомире, Луцке — колодами, в Клецке — кадью, в Берестье — ручками, в Городенской волости — ушатками, в Полоцке — пудами, в Рославле — пудовней, в Киеве, Кременце, Слуцке, Житомире — ведрами, в Дрогичине и Остринской волости — уставами, в Слониме и Здитове — четырехпядным лукном, в Волковыйске и Острине — пятипядным лукном[115].

Дань уплачивалась пушниной лишь в некоторых районах. В 1496 г. дроковцы и олучичане должны были платить дань «куницами шерстью». Жаховичи в Мозырском повете помимо денег и меда должны были давать 5 бобров и 2 куницы. В состав дани Тулеговичей в том же Мозырском повете входили бобры и куницы[116]. На Северо-Востоке и Северо-Западе Руси к концу XV в. медовая и куничная дань сохранились лишь в отдельных районах. Дольше всего следы использования пушнины в качестве средства платежа крестьянских повинностей оставались в названии свадебной пошлины, сложившейся за несколько веков до этого,— «куница выводная», «куница новоженая», «куница свадебная»[117].

Тяглое население, как и в других районах Руси, несло расходы по сбору дани. Оно оплачивало деятельность данщиков с помощью специальной пошлины — данничего[118] — натурой.

Единицей обложения в северо-западных районах была соха[119], а в ряде южных районов — дым. Дань в Киевской и Подольской землях взималась в виде подымщины с великокняжеских (господарских) и владельческих крестьян. Подымщину платил Лазарь Мошкевич в Овручском повете, земяне в Браславском повете, «непохожие» люди имения Шепелич платили ее в размере 12 грошей[120]. М. К. Любавский введение подымщины связывает с монголо-татарским господством. Не

[113] *Похилевич Д.* Движение феодальной ренты в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв.— ИЗ. М., 1950, т. 31, с. 191—221; *Ефименко А.* Литовско-русские данники и их дани.— ЖМНП, 1903, № 1, с. 105—119.

[114] По сохранившимся источникам можно понять, что процесс вытеснения денежной данью медовой произошел в середине XV в. Около 1415 г. софийские и боярские люди давали на праздник Богородицы соответственно 30 и 35½ ведер, 2 и 0 колод, 5 и 11 корайманов, 1 и 3 ручки, 0 и 4 пятипядных лукон, 0 и 15 четырехпядных лукон меда. Только одно из 34 сел в этот день давало денежную дань в размере 50 грошей (АЗР, т. 1, № 26, с. 37).

[115] РИБ, т. 27, стб. 94, 96, 112, 167, 131, 61, 25, 214, 26, 27, 40, 50, 166, 109, 112, 167, 96, 122, 98, 99, 103; т. 20, № 232, с. 308.

[116] АЛРГ, № 33, с. 63; № 93, с. 118—119, 8 июля 1505 г.; № 95, с. 109, 24 мая 1506 г.

[117] ГВНП, № 70, с. 116, 1440—1447 гг., № 77, с. 131—132, 1470—1471 гг.; *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 203.

[118] АЛРГ, № 93, с. 118—119, 8 июля 1505 г.

[119] РППЗ, с. 130, 25 марта 1518 г.

[120] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 480; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, кн. 1, с. 309; см. также: РИБ, т. 27, стб. 168, б. д.; АЛРГ, № 42, с. 71, 24 апреля 1496 г.; № 106, с. 128, 7 сентября 1507 г.; АЗР, т. 2, № 26, с. 2—28 (подымщина в Браславском повете была отменена в 1507 г. из-за нападения крымцев); АрхЮЗР, Киев, 1883, ч. 1, т. 6, № 5, с. 10, 1 сентября 1507 г.

исключено иное: подымщина может восходить и ко временам Киевской Руси[121].

Большое место среди повинностей тяглового населения составляли различные поступления в пользу «администрации». Одной из наиболее архаичных повинностей было полюдье. Несколько трансформировавшись, оно сохранялось в различных районах будущей Белоруссии и Украины. Полюдье собиралось и в Кобрине, и в Кричевской волости[122]. Так, Феодора, вдова кобринского князя Ивана Семеновича, передала церкви Спаса с. Корчичи со всеми данями, а также полюдьем. Свислочане сами отвозили полюдье[123]. Семену Романовичу как владельцу («господарю») половины имения Шепелич на р. Припяти шло полюдье и дар, а его слугам — 10 грошей. Передавая эти земли Николо-Пустынскому монастырю, Семен Романович предусматривал: «...а если игумен, а любо братя которое осени не поидут к ним полюдовати, ино им за тое привезти к монастырю кораман меду и тые подарки и што на слуги идеть»[124]. Сохранялось полюдье, превратившееся еще в Древней Руси «в более или менее регулярную подать»[125], и в Киевской земле (двор Грежаны[126]), и на землях кн. Долгодата Долгодатовича[127]. В Могилевской волости в начале XVI в. «полюдованье» в том случае, если могилевский наместник «у волость не поедет», переводилось на деньги — 50 коп грошей с волости[128]. Таким образом, даже в этом районе полюдье в начале XVI в. исчезало. В Северо-Восточной Руси древнерусский термин «полюдье» в XIV—XV вв. не употреблялся. Сохранялось полюдье в это время только в Новгородской земле, да и то только в наименее развитом в экономическом отношении районе — Обонежье[128а].

Более распространена была так называемая тивунщина[129]. Жители Бчицкой и Мозырской волостей платили «великую и малую» тивун-

[121] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 482—483; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 153—154.

[122] АЛРГ, № 162; *Любавский М. К.* Областное деление... Прилож. № 40.

[123] АВАК, Вильно, 1870, т. 3, № 1, с. 1—2, 10 июля 1491 г.; АЗР, т. 2, № 203, с. 367, 19 июля 1540 г.

[124] АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, № 5, с. 10, 1 сентября 1507 г.

[125] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, кн. 1, с. 305; ср. с. 309.

[126] РИБ, т. 27, стб. 169, 170, 1494 г. Архаичной была и форма уплаты полюдья, или полюдного: 2 куницы (АрхЮЗР, Киев, 1876, ч. 6, т. 1, № 3, с. 4, 1501 г.; ср.: *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, кн. 1, с. 309).

[127] ЮГ, № 58, с. 108, 25 марта 1427 г. В Бчицкой волости в начале XVI в. на полюдье на мозырского наместника «сычивали... носатку меду, а по лисицы даивали с кождого дыму» (*Любавский М. К.* Областное деление... Прилож. № 17).

[128] АЗР, т. 2, № 86, с. 113, 7 апреля 1514 г.; АЛРГ, № 152, с. 173, 4 января 1521 г.; *Грушевский А. С.* Господарские уставы о доходах наместников-державцев, с. 18.

[128а] О полюдье на р. Паше говорит одна из новгородских берестяных грамот (*Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), № 226, с. 49; см. подробнее: *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты..., с. 20). Даже здесь в 30-е годы XV в. в откупной грамоте говорится только о корме даньщикам («А корму им имати собе и конем довольно» (ГВНП, № 93, с. 149, 1434 г.).

[129] Тиун, хорошо известный по Русской Правде, в XIX в. «ведал всеми местами хлебохранения и хозяйственными строениями» (*Никифоровский Н. Я.* Очерки Витебской Белоруссии. М., 1894, ч. 4. Подданные пособники, с. 58).

щину наместникам Янушу Юрьевичу Дубровицкому и Григорию Александровичу Ходкевичу. Сохранились уставные грамоты Могилевской волости (80-х годов XV в., 1514 г. и перечень доходов, составленный до 1548 г.), которая с 80-х годов XV в. платила 80 коп грошей. Размеры ее установил великокняжеский писарь Федор. В 1514 г. половина тивунщины шла могилевскому наместнику [130]. Кроме того, наместник получал и «въезд» («уеждшого побора») [131] — пошлину, которая, вероятно, была сродни «объезжему» в Северо-Восточной Руси и полностью соответствовала «въездному», по определению И. А. Голубцова,— корму при вступлении в должность [132]. Объезды волости наместниками сопровождались взиманием еще одного побора — дара [133], хорошо известного в Новгородской земле [134]. Отдельные поборы взимались на слуг. Со времен Древней Руси согласно уставной грамоте галицко-волынского князя Мстислава Даниловича строго регламентировались размеры ловчего (повинность населения снабжать ловчего продовольствием во время его пребывания в определенной местности) с берестьян — жителей округи г. Бреста. С каждого «ста» должно было взиматься 2 лукна меда, 2 овцы, 15 десятков льна, 100 хлебов, по 5 мер («цебров») овса и ржи и 20 кур, с горожанина — по 4 гривны [135].

Жители имения Шепелич на Припяти обязаны были давать ловчему и бобровнику по кунице и корчаге меда. В конце XV в. ловчее было переведено на деньги [136]. Доводчики, судебно-полицейские помощники тиунов в расследовании преступлений, по И. А. Голубцову [137], хорошо известные и в Северо-Восточной Руси, получали доводничее [138].

Судебные доходы поступали либо великому князю, либо его наместникам. В уставной грамоте Могилевской волости было сказано, что все «вины малыи и великии выймует на нас, на господаря, кроме повинного и выметного» [139]. Эти две пошлины должен был получать могилевский наместник — «державца», «выметное» в том случае, если «хто ся на него, врадника нашого, чим выкинеть» [140]. Были установлены и раз-

[130] АрхЮЗР, Киев, 1907, ч. 8, т. 5, № 23, с. 37—38, 1542 г.; № 51, с. 113—114, 1556 г.; *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли, т. 1, с. 99; АСД, т. 3, № 3, с. 10, до 1548 г. О Мозырском повете см.: АЛРГ, № 93, с. 118—119, 8 июля 1505 г.

[131] АСД, т. 3, № 3, с. 10, до 1548 г.; АЛРГ, № 164, с. 187. В последнем документе указано, что этот побор предназначен для сборщика дани.

[132] АСЭИ, т. 1, № 76, 1432—1445 гг.; № 263, 1455—1462 гг.; № 304, 17 мая 1462 г.; т. 3, № 6, с. 19, 1392 или 1404 г. (В этом источнике речь идет о корме десятиннику). О мнении И. А. Голубцова см.: там же, с. 631.

[133] Наряду с дарами взимались и «поклоны» (см. купчую на имение Белашов на Волыни.— AS, t. 1, N 66, s. 62, 26 июня 1466 г.).

[134] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, № 59, с. 61; ГВНП, № 110, 115, с. 168, 174, середина и вторая половина XV в.

[135] ПСРЛ, т. 2, стб. 932, 1289 г.

[136] АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, № 5, с. 10, 1 сентября 1507 г.; ч. 2, т. 7, с. 7, 1471 г.; РИБ, т. 27, стб. 170 б. д.

[137] АСЭИ, т. 3, с. 634.

[138] АЛРГ, № 93, с. 118—119, 8 июля 1505 г.

[139] АЗР, т. 2, № 96, с. 113, 7 апреля 1514 г.; АЛРГ, № 152, с. 173, 4 января 1521 г. О «винах» см.: ЮГ, № 79, с. 147, 1443—1444 гг.

[140] АЛРГ, № 152, с. 173, 4 января 1521 г.

меры судебных пошлин, шедших в пользу «державцы»: «А повинного ему от одного рубля 10 грошей, пересуда ему от одного рубля 4 гроши»[141]. Повинное в грамотах Северо-Запада и Северо-Востока не известно. Можно предполагать, что это пошлина с ответчика либо стороны, признавшей себя виновной, не доводя дела до суда. Такая пошлина как пересуд, т. е. плата за разбирательство дела[142], взималась и в Московском княжестве. В начале XV в. треть пересуда, получаемого в московских судах, завещал своей жене Елене Ольгердовне Владимир Андреевич Серпуховской. В 1435 г. треть пересуда получал в Москве тиун великого князя[143]. Пересуд с церковных людей шел в пользу монастырских властей (игумену Кирилло-Белозерского монастыря, Спаса Преображения у Медвежьих озер, Савво-Сторожевского, Звенигородского и т. д.[144]). В случае суда церковных людей Спасо-Ярославского монастыря с людьми ярославского князя пересуд шел пополам наместнику князя и игумену[145]. Пересуд известен и в смоленско-русском договоре 1229 г. Число примеров, которое легко можно умножить, показывает, что пересуд был одной из наиболее распространенных судебных пошлин в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Можно предполагать, что возникновение этой пошлины восходит к древнерусским временам. Я. Н. Щапов в устном сообщении отнес его к периоду феодальной раздробленности, ссылаясь на то, что отсутствуют упоминания о пересуде в уставе Владимира и имеются таковые в договоре 1229 г. Смоленска с Ригой[146]. Думается, его упоминание в уставе Владимира не было обязательным.

Акты Северо-Восточной Руси не позволяют определить размеров этой пошлины. «Устав о пересудах» 1509 г., уточняющий порядок взимания этой пошлины в Великом княжестве Литовском, указывает точные размеры ее. В начале XVI в. пересуд взимался и с истца, и с ответчика в размере 10%, после 1508—1509 гг. было введено правило, что эту сумму платит только истец, выигравший свое дело. Ответчик, «хто ся чего оттяжет», или истец, проигравший дело, не должен платить ничего[147].

Весьма обременительной на будущих белорусских и украинских землях, как и в Северо-Восточной Руси, была натуральная повинность по-

[141] АЗР, т. 2, № 86, с. 113, 7 апреля 1514 г.; АЛРГ, № 151, с. 173, 4 января 1521 г.

[142] *Срезневский И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 2, стб. 916. Иногда ошибочно считается, что пересуд — это пошлина за повторное разбирательство дела (*Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937, с. 234).

[143] ДДГ, № 17, с. 46, (по датировке Л. В. Черепнина завещание составлено около 1401—1402 гг.; по датировке А. А. Зимина — в сентябре 1406 — ноябре 1408 г. См.: *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.— ПИ. М., 1957, т. 6, с. 291); АСЭИ, т. 3, № 12, с. 28.

[144] АСЭИ, М., 1958, т. 2, № 194, с. 126, 6 декабря 1471 г.; № 340, с. 339, около 1380—1382 гг.; № 381, с. 378, около 1465—1469 гг.; т. 3, № 53, с. 80, около 1402—1403 гг.

[145] АСЭИ, т. 3, № 190, с. 204, около 1320-х годов.

[146] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963, № 1—3.

[147] АЗР, т. 2, № 52, с. 69, февраль 1509 г. Размеры пересуда Статутом 1529 г. не фиксировались (Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960, с. 75).

ставлять подводы[148] и возить «повоз», отрывавшая крестьян от сельскохозяйственного труда в любую пору, в том числе и страдную. Частновладельческие крестьяне часто освобождались от нее[149], равно как и мещане. Последние внимательно следили за тем, чтобы волостные люди неукоснительно выполняли подводную повинность. В конце 1499 г. новогрудский войт и мещане жаловались великому князю на сорочника церинского Семена и «мужей»-церинцев в связи с тем, что те перестали «стеречь» в Новгородке по неделе. Великий князь указал «сорочнику церинскому и всим мужом недели стеречи с подводами в Новегородку по давному»[150].

Волостные люди, в свою очередь, настаивали, чтобы все члены волости, даже перешедшие из великокняжеского в частное владение, продолжали выполнять подводную повинность. Так, старосты Кузьма Вошка и Губарь Виленской половины Бобруйской волости жаловались на зубаревичей и колчичан, земли которых были переданы соответственно Яну Миколаевичу Радивилу и Вацлаву Костевичу в связи с тем, что волостные люди отказывались выполнять повинности, в том числе ходить с подводами, строить город и мостить мосты[151].

В такой же роли выступили в конце XV в. люди Свислоцкой волости, потребовавшие от Горан, Бродчан и Максимовичей, людей бояр Котовичей, чтобы они по-прежнему «з волостью нашою Свислоцкою городы рубливали и ордыньщину давали, и дубащыну плачивали, и недели стерегивали с подводами у Свислочы на городищы, и на реце на Березыне на броду и мосты мосчывали, и сено в Будниках кошывали, и жытщину до городов вожывали»[152]. Однако борьба жителей волости за возвращение своих прав была обречена на провал. К концу XV в. на украинских и белорусских землях ясно давал себя знать процесс, также активно протекавший в Северо-Восточной Руси, на территории Русского государства,— процесс раздачи великокняжеской земли в частное владение феодалам.

Работы по сооружению городских укреплений и поддержанию в порядке мостов также ложились на волостных людей[153]. Эти повинности,

[148] *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.; *Грушевский А. С.* Господарские уставы о доходах наместников-державцев, с. 13.

[149] РИБ, т. 27, стб. 684, 15 декабря 1497 г.; АЗР, т. 1, № 91, с. 110, 8 марта 1486 г. Жители имения Теребенское дворище под Пинском, согласно жалованной грамоте от 30 мая 1495 г., имели право «подвод не давати... и повозу не возити» (РПИБ, с. 104—105). На условии «подвод не давать» передавали княгиня Марья и кн. Василий Семенович слуге Фурсу Ивановичу имение «Краснев» (там же, с. 121, 1 апреля 1495 г.); Федор Иванович Ярославича и княгиня Елена пожаловали имения Толкотичи, Остров, Кротов боярину Д. И. Иртищевичу (там же, с. 116—117, 6 октября 1507 г.), княгиня Марья и Василий Семенович конюшему Семену пожаловали два дворища в Горволи, два — в Дубках (там же, с. 116).

[150] АЛРГ, № 69, с. 93—94, 19 ноября 1499 г.

[151] Там же, № 196, с. 228—229, 11 октября 1529 г.

[152] РИБ, т. 27, стб. 727—728, февраль 1499 г. О «сенокошении» в Северо-Восточной Руси см.: *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., с. 71—72.

[153] *Грушевский А. С.* Повинность «городовой работы» в Великом княжестве Литовском.— ЖМНП, 1914, № 11, с. 19—39.

реализация которых требовала большого количества рабочей силы, выполнялись так называемым «пригоном». М. К. Любавский полагал, что пригонные люди это то же самое, что тяглые[154]. Об их соотношении, разумеется приблизительном, рассказывают новгородские летописи под 1430 г., когда «пригон был крестьяном в Новгород города ставить, а покручал 4-й пятого»[155]. Об обременительности этой повинности можно судить по этому факту. Пятая часть работоспособного сельского населения участвовала в строительстве Новгородского кремля.

Ко второй половине XV в. можно отнести начало возникновения барщины, в особенности на западнорусских землях. Жители имения Шепелич должны были давать на монастырскую работу одного человека от снега до снега и косить $7^1/_2$ стогов сена[156]. Вопрос о развитии барщины выходит за пределы поставленной в этом разделе задачи, а именно выяснения древнерусских традиций в жизни населения Юго-Западной и Западной Руси в XIV—XV вв. Однако факт одновременных и весьма существенных сдвигов в хозяйстве свидетельствует об их близости независимо от политических условий, в которых протекала жизнь будущих великороссов, украинцев и белорусов.

Крупным земельным собственником еще во времена Древнерусского государства стала церковь, которой в отличие от церкви в Северо-Восточной Руси не удалось столь значительно умножить своих владений в XIV—XV вв.

Церковные феодалы на украинских и белорусских землях пользовались теми же источниками доходов, что и в Древней Руси. Наиболее древним способом обеспечения церкви была десятина, т. е. взимание церковью десятой части урожая[157]. Десятину с «княжения и с перевозов и иных», «дани медовые» получала церковь Спаса в Крылосе во главе с галицким митрополитом. В архетипе устава князя Владимира значились и доходы (десятина) от вир и продаж (от суда «десятую векшу»). Судебные доходы на западных и юго-западных русских землях конца XV в. имели очень скромные размеры. Обычно указывалось предоставление доходов от дел по разводам владыке.

Церковные владения подтверждались с правом получения платы за развод («роспусты»). На таких условиях княгиней Ульяной и Иваном Семеновичем Кобринским были подтверждены владения церкви Петра и Павла в Кобрине[158]. В некоторых же случаях даже этот наиболее традиционный круг дел изымался из владычной юрисдикции. Так было, например, в Луцком и Владимирском поветах. Население, пожалованное

[154] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 320. В XIX в. пригоном называлась общая хозяйственная работа крепостных, высланных из деревень на помещичьи поля, луга и пр. (*Никифоровский Н. Я.* Очерки Витебской Белоруссии, ч. 4, с. 85, прим. 2).

[155] ПСРЛ, Л., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 451.

[156] АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, № 5, с. 10, 1 сентября 1507 г.

[157] О десятине в Древней Руси см.: *Щапов Я. Н.* Туровские уставы XIV в. о десятине.— АЕ за 1964 год. М., 1965, с. 273; *Он же.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 122.

[158] АВАК, т. 3, № 2, с. 3—4, 19 февраля 1465 г.; Вильно, 1908, т. 23, № 3, с. 4, 9 февраля 1463 г.

некоему Илье Вячкевичу по документу, написанному в конце XV в., но датированному 20 мая 1407 г., освобождалось от уплаты владыке «роспусток»: «А и роспусток владыце не давати»[159].

При сохранении десятины как традиционной формы материального обеспечения церкви ее содержание сужалось. Литовские князья уже не отчисляли в пользу церкви десятой части всех своих поступлений. В уставной записи «О десятине Туровской епископии» понятие десятины раскрывается как небольшая доля пошлин от торговли в Турове и Пинске ($^1/_{30}$), от использования эталонов весов и мер ($^1/_{26}$)[160]. В иных случаях десятина сохраняла свое прежнее значение. Так, луцкий староста, маршалк Волынской земли Олизар Кирдеевич в 80-е годы передал Красносельские села Спасскому монастырю и десятину из своих владений, а киевский князь Александр (Олелько) Владимирович с женой, «московской» княгиней Анастасией — церкви св. Богородицы в Лаврашеве десятину из Турца, равно как и князь А[ндрей] Борисович и пан Гринько Микулович в XVI в.[161]

Княгиня Феодора, вдова Ивана Семеновича Кобринского, по его завещанию передала монастырю Спаса в Кобрине десятину изо всех своих владений: десятую мерку с млына, десятую копу от жита и всяких ярин. 9 февраля 1463 г. княгиня Ульяна с Романом Семеновичем передала церкви Петра и Павла десятину. Десятую часть урожая со своей земли должны были платить жители с. Семятичи Дорогицкого повета церкви св. Троицы с приделами Петра и Павла и Параскевы-Пяток[162]. Сбором ее ведал специальный десятник, исполнявший обязанности сборщика дани в светских владениях[163].

Жители дворища в с. Воятичах по жалованной Елены, дочери Семена Олельковича, вдовы Федора Ивановича Ярославича, обязаны были поставлять Успенской церкви в с. Лещинском 3 ведра меда, 40 грошей, 20 грошей «побору», барана, стог сена, 5 уток, 15 яиц, с сохи по колоде овса. Церкви Иоакима и Анны, поставленной Федором Ивановичем Ярославича и его женой Еленой при их дворе «у ставку», было передано дворище Кичаловцы и оз. Мереченское. Церковь должна была получать десятину с нового двора, «з жыта и с каждого ярива», «десятый день с мыта», две меры хлеба с мельницы (млына) Ставицкого и Новодвор-

[159] АЛРГ, № 2, с. 3; АрхЮЗР, Киев, 1907, ч. 8, т. 4, № 1, с. 2; ср.: ДКУ, с. 15, 18, 20. 23, 31 и др.

[160] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы..., с. 114.

[161] АЗР. т. 1, № 84, с. 104—105, 1483. 1486 г.; АЗР, т. 1, № 28. с. 41, после 1420 г. Мстиславово евангелие начала XII века в археографическом и палеографическом отношениях / Подг. к печати П. Симони. СПб., 1910, ч. 2. с. 40; *Свенцицкий И.* Лаврашевское евангелие начала XIV века (палеографическо-грамматическое описание).— Известия ОРЯС, СПб., 1913. т. 18, кн. 1, с. 221.

[162] АВАК. т. 3, № 1, с. 1—2, датировано 9 индиктом, 1401 г., по-видимому, 10 июля 1491 г.; см. также: АЗР, т. 2, № 79, с. 103, 5 октября 1512 г.; АВАК, т. 23, № 3, с. 4, 9 февраля 1463 г.: АВАК. Вильно, 1867, т. 2, № 1, с. 1—2, датировано 9 индиктом, 25 апреля 1431 г. По формуляру документ следует отнести к началу XVI в. (в нем упоминаются «волоки» и «морги» — термины, вошедшие в употребление лишь в начале XVI в.).

[163] Известен десятинник церкви Петра и Павла в г. Кобрино Богдан (АВАК, т. 3, № 2, с. 3—4, 19 февраля 1465 г.).

ского, а еще одну — мельнику, млынару. Кроме того, священник должен был получать копу грошей на однорядку, 20 гривен на ладан и на проскуры. Эти 80 грошей следовало получать с Ося, который раньше давал эти деньги князю со своего дворища Андруховщина[164].

Землевладение православных церквей в Великом княжестве Литовском увеличивалось, хотя и незначительно.

Наиболее распространенной формой уплаты дани была медовая, изредка дополнявшаяся деньгами и хлебом. Дорогицкая церковь св. Троицы получала шесть ручек меду. Данковичи платили церкви Спаса в Кобрино два ведра меда, с бортной земли в Щерчеве этой же церкви также шла дань медом. Дань грошовую и медовую получала церковь Петра и Павла в Кобрино. Жители Глушской волости по распоряжению Ивана Ольгимонтовича Гольшанского были обязаны Киево-Печерскому монастырю уплатой дани — меры меда и одного рубля грошей литовских, а с. Поречья — $^1/_2$ меры меда и полтины. Крестьяне с. Киселевка в Бобруйской волости сами должны были привозить свою дань (лукно меда и 100 грошей) в Киево-Печерский монастырь[165].

Данью облагались не только сельские жители, но и мещане. Так, по распоряжению Ивана Семеновича Сапеги мещане г. Кодына должны были отчислять в пользу церкви копу жита с каждой волоки земли[166].

Вторым древнейшим способом материального обеспечения церкви были судебные доходы, вернее, доходы от церковных судов. Установление юрисдикции православного духовенства над населением их владений восходит ко временам Древней Руси[167]. Жалованная Любарта Гедиминовича передавала права «радити и советовати» население сел, пожалованных соборной церкви Иоанна Богослова, луцкому и острожскому епископу: «своим тивуном приказуем судов церковьных не судити»[168].

Вопрос о компетенции церковных судов приобрел особую остроту в конце XV в. В связи с этим в уставной грамоте Любарта Гедиминовича цитируемый устав кн. Владимира существенно изменен: вместо слов: «церковного суда не обидити, не судити без владычия наместника» — внесена фраза: «Судов церковных не судити, ибо мирским не просчено от закона божыя доступатися в тые рады»[169].

В хозяйстве как Западной, так и Юго-Западной Руси чрезвычайно велика была роль челяди, на долю которой приходилось исполнение различных земледельческих работ, прядение льна, тканье и т. д. В каждом хозяйстве, и в особенности великокняжеском, челядь (паробки[170]

[164] РППЗ, с. 130—131, 25 марта 1518 г., с. 221—222, 28 октября 1504 г.

[165] РИБ, т. 27, стб. 516, 23 ноября 1492 г.; АВАК, т. 3, № 1, с. 2, 10 июля 1491 г.; т. 23, № 3, с. 4, 9 февраля 1463 г.; АЗР, т. 1, № 72, с. 92, до 1480 г.; № 86, с. 105—106, 16 марта 1487 г.

[166] АВАК, т. 23, № 5, с. 527, 10 июля 1526 г.; т. 3, № 4, с. 6—7, 10 июля 1526 г.

[167] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 629.

[168] АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, № 1, с. 3, 8 декабря 1322 г.

[169] Там же, № 1, с. 3, 8 декабря 1322 г.; ср.: РИБ, т. 6, № 9, б. д. Подробнее см.: *Щербаковский Д. М.* Фундушевая запись кн. Любарта луцкой церкви Иоанна Богослова 1322 г.— ЧИОНЛ, Киев, 1905, кн. 18, вып. 3/4, с. 61—70.

[170] То же наименование находим и в Северо-Восточной Руси. АСЭИ, т. 3, с. 100, 137, 1459 г.

и жонки) вплоть до начала XVI в. оставалась важной рабочей силой [171]. Именно поэтому в жалованных грамотах она упоминается прежде всех остальных категорий населения. Челядь была во дворе Дубне Городенского повета, пожалованном кн. Константину Крошинскому, в Кременце (в городском великокняжеском дворе было три паробка, четыре «жонки» и две «девки», в загородном дворе — «жонка» и трое детей) [172]. Подтверждая пану Копачу село Деречин, уже находившееся в его владении, литовский князь Михаил Сигизмундович требовал у слонимского наместника, чтобы дети, вновь родившиеся от великокняжеской челяди, были возвращены великому князю («а што там у том дворе старом челяди, а што как будет на его челяди прибавлено, и ты бы то на нас повернул» [173]). Число примеров можно было бы умножать до бесконечности. Важно подчеркнуть иное, что на протяжении XIV—XV вв. челядь в Великом княжестве Литовском [174], как и в Северо-Восточной Руси [175], была одной из основных категорий зависимого населения. По-видимому, в пределах Великого княжества Литовского роль челяди была тем выше, чем более отсталым в социально-экономическом отношении был тот или иной район [176].

Наиболее часто источники называют «закупов» и «закупок» и самый факт закупа невольных людей [177], так напоминающий закуп холопов в Древней Руси [178]. По мнению М. Н. Ясинского, «закупы» — это должники, обеспечивавшие долг залогом своей личности кредитору и погашавшие этот долг работой или службой в пользу заимодавца [179].

Юридическое положение челяди в Великом княжестве Литовском было таким же бесправным, как и в Древнерусском государстве. В случае бегства невольных людей они становились объектом поиска, как и пропавшая вещь. Челядь, найденная «лицом», возвращалась своему господину. За убийство челядина его господин получал вознаграждение—

[171] Челядь осенью получала месячину — долю урожая на весь год — «из жита, которое сеют по дворам», например в Городке (АЗР, т. 2, № 87, с. 114, 20 апреля 1514 г.). О месячине в Новгороде см.: ГВНП, № 21, с. 39, середина XV в. О челяди в Великом княжестве Литовском см.: *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 314; *Похилевич Д. Л.* Рабы XIII—XVI веков в Великом княжестве Литовском.— ЕАИВЕ, 1970 год. Рига, 1977, с. 35.

[172] АЗР, т. 1, № 202, с. 350—351, 8 апреля 1503 г.; РИБ, т. 27, стб. 371, б. д.

[173] AS, t. 3, N 2, s. 1, 4. IV [1432—1440 гг.]. Приведенный текст можно истолковать и иначе, как передачу повинностей со старой челяди великокняжеской казне.

[174] Употреблялся и термин «челядо» (РИБ, т. 20, № 297, с. 393, 1516 г.). Впрочем, как и на Северо-Востоке, существовал термин «холопы». См. с. Холопы в Волынском повете (AS, t. 3, N 3, s. 2, 22 июля 1440 г.).

[175] *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.) М., 1973; *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971, с. 12—13, 44—45.

[176] *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961, с. 152—182; *Hejnosz W.* Kilka uwag o «niewoli» w I Statucie Litewskim.— In. Księga pamiatkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania I Statutu Litewskiego. Wilno, 1935, s. 329—362.

[177] РИБ, т. 20, с. 398, 1516 г.

[178] По мнению Б. Н. Флори, «закуп» представляет собой аналога кабальных холопов. О последних см.: *Панеях В. М.* Кабальное холопство в XVI в. Л., 1967.

[179] *Ясинский М. Н.* Кто такие закупы Русской Правды и памятников западнорусского права.— ЧИОНЛ, Киев, 1904, кн. 18, вып. 2, с. 43—45.

головщину[180]. От времен Русской Правды сохранилась традиционная статья уставных грамот и международных докончаний XIV—XV вв.: «А холопу и робе веры не няти» (в уставной грамоте Полоцку), «А холопу и робе не верити» (в уставной грамоте киевским мещанам), «А холоп или роба почнеть вадити на господу, тому ти веры не яти» (рядная грамота новгородцев с князем[181]). Первый статут Великого княжества Литовского 1529 г. в формулировке статей, регулировавших положение холопов, следовал Русской Правде и судебной практике, использовавшей ее[182].

К XV в. почти полностью исчезла такая категория крестьянства, как смерд, весьма заметная на Руси XI—XIII вв.[183] В XVI в. смерды постоянно противопоставлялись земянам (землянам). В 1511 г. некий Юхно объявил перед судьями, что «они с предков своих простыи люди, смерды, а не земяне»[184]. В 1495 г. в подтвердительной грамоте Александра Василью Хребтовичу на имения Конюхи, Защитов и Белое поле во Владимирском повете значилось, что Василий Хребтович купил эти земли «в земян владимирских, а не в смердов»[185]. Как и в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, на западных и юго-западных землях термин смерд постепенно приобретал уничижительно-бранный оттенок. В 1516 г. слонимский боярин Станислав Юрьевич обратился в суд по поводу оскорбления, нанесенного ему Мариной, супругой Яцки Миневича, назвавшей его «смердом»[186].

Таким образом, эта значительная некогда группа сельского населения исчезла. Данный процесс показывает, что отдельные районы бывшего Древнерусского государства эволюционировали в том же направлении.

Долго сохранялся общественный институт, сложившийся несколькими веками раньше,— община.

Купчие и подтвердительные купчих позволяют заглянуть во внутреннюю организацию сельского населения. Население сел Северной Белоруссии состояло в основном из родственников. Так, на Менице в начале XVI в. жили Борис, Сергей, Гридка, Мокей Ромболтовича, их «братанич» Зеновка и невестка Зеновкова Нелюба, на Горках — Селивестр с тремя сыновьями и пятью братьями, на Мочажы — три сына Ханковых, два сына Хотеевых, три человека Охремовых (Петр, Белка, Иван), семь

[180] РИБ, т. 20, № 235, с. 311—314, 11 апреля 1516 г.; *Hejnosz W.* Kilka uwag o «niewoli» w I Statucie Litewskim, s. 9—10.

[181] ПГ, вып. 3, № 323, с. 86, 1511 г.; РИБ, т. 27, стб. 547, 1494; ГВНП, № 3, с. 13, 1270 г.

[182] *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество..., с. 211, 219; *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва..., с. 161. Можно точно определить источники Первого статута Великого княжества Литовского: это были «положения, заимствованные из Русской Правды и ее практики» (Культурные связи народов Восточной Европы. М., 1976, с. 75).

[183] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 153; *Зимин А. А.* Холопы на Руси..., с. 84—114, 211—233, 259—262.

[184] РИБ, т. 20, стб. 704, кн. 2, № 119, 1511 г.

[185] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 358.

[186] РИБ, т. 20, № 238, с. 315—316, 1516 г.; *Зимин А. А.* Холопы на Руси..., с. 248, 254, 259—261.

братьев, не названных по фамилии, и два человека, не являвшихся родственниками никому из предшествующих[187].

Больше всего сведений об общине «путных» людей. Они жили отцовскими семьями с невыделившимися сыновьями и имели право совместной продажи земли. Сенько Григорьевич купил земли на Усваи у «слуг путных», более чем у 18 человек (братья одного из них не названы). Среди этих лиц было несколько групп несомненных родственников (двое, трое, трое, двое, двое, один или еще несколько братьев). Можно предполагать, что родственники жили на своих дворах[188], однако все вместе они представляли нечто целое. Как совладельцы, они продали землю Сеньке Григорьевичу, т. е. речь шла об одной покупке, а не о нескольких[189].

Чаще всего документы сообщают о совместном владении землей братьями. Занько в 1496—1501 гг. купил землю у «путных» черсвятских людей — двух братьев Зенова и Степана Дегтяревых. Четыре семьи «путных» слуг, состоявшие три — из трех и одна — из двоих братьев, продали с. Митковичи Андрею, сыну епископа Луки; 10 человек вместе владели одним «путным» селом — с. Митковичи Студеницкие. При этом для каждого из них это село было «отчиной» и «дединой». Характер владения этим селом сложился задолго до конца XV в. «Путные» люди Ловожского стана, переданные великим князем Александром И. Ф. Полубенскому, включали пять семей (двое братьев Благулиничей, пятеро — Веревчиных, четверо — Исаевичей, трое — Ходосовичей и Орловича), с которых шло шесть «служеб путных». В с. Дубровках Бездедовского стана жили люди «путные» Андрей Александрович и четыре брата Панышевичи. Дворянин Стефан получил «путных» людей Шоловиничей — Гридку и его братьев[190].

В грамотах, оформлявших куплю или пожалование земли «путных» людей, не всегда ясно, исчерпывается ли перечисленными лицами все население указанной земли. Три семьи слуг «путных» в Тоболчиничах (пять человек Репчиничей, трое — Воронича, двое — Тимоновичей) продали свою землю Федору Ловейко. Эти три семьи были совладельцами одного села в Тоболчиничах[191]. В данном случае можно быть уверенным, что наряду с «путными» в Тоболчиничах жили и другие лица, в частности мещане.

Соседские общины «путных» людей складывались из нескольких братских семей. Путные дорогицкие люди Пурятичи вместе со своими

[187] ПГ, вып. 3, № 291; с. 34—35, 5 августа 1508 г.; № 284, с. 23—24, 9 января 1508 г.

[188] К сожалению, грамоты не дают возможности выяснить, во скольких дворах жили продавцы «путной» земли, подобно тому как это сделали новейшие исследователи средневековой России (Аграрная история Северо-Запада России, с. 322; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966, с. 18; *Он же.* Черная волость Костромского уезда.— Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, с. 73).

[189] ПГ, вып. 2, № 211, с. 134—135, 13 июля 1495 г.

[190] Там же, вып. 2, № 266, с. 212—214, 1496—1501 гг., № 228, с. 159—160, 30 мая 1499 г.; № 266, с. 212—214, 18 июня 1506 г.; вып. 3, № 269, с. 3, 1506—1509 гг.; вып. 2, № 267, с. 215—216, 21 июня 1506 гг.

[191] Там же, вып. 3, № 271, с. 4—6, 20 ноября 1506 г.

«потужниками» продали свои земли некоему Андрею Греку. Пожалованные Жигимонтом И. Ф. Полубенскому «путные» люди Апонасковичи в Черсвятской волости включали семь семей «путных» людей (по два брата Киселевых, Тюхоловых, Озикиевых, двух братьев Морщиловых с сыновьями, двое и трое братьев, фамилии которых не названы, Ивана Савича с сыновьями и т. д.). В общей сложности семь семей составляли одно село. Население одного из «путных» сел под названием Камень (Черсвятской волости) состояло из 12 человек и четырех семей (один, двое, трое и шестеро человек), население другой — из семи семей (один, двое, пятеро и не указано сколько человек). В селе Ладосна, судя по жалованной Жигимонта 1508 г., жило три семьи, в Величковичах — шесть семей, а также 16 одиночек, в Дернцах — четыре семьи. На Кохановской земле располагались три семьи «путных» людей — Василий Демидович, три брата Ходосовичи, два брата Сидоровичи, в Кубличах — две семьи «путных» людей (семь Матвеевых и четверо Ермоловичей) несли две службы. Исключение составляли, по-видимому, люди «путные»-могильняне: из 22 человек, переданных Яцке Сенковичу, только пятеро были родственниками[192]. Таким образом, «путные» люди или «путные» слуги были объединены в соседские общины, включавшие по нескольку отцовских и братских семей[193]. В этих общинах можно отметить элементы складничества, подобные тем, которые существовали в Центральной Руси[194]. Вероятно, большая часть их вела хозяйство совместно, другая же — раздельно.

Соседскими общинами жили и земяне: «Данило, з братом своим з Микитою, Олексеевы дети, Костык и с Моисеевым сыном и Ыгнатом и братаничы нашыми Сухиничи, с Павлом и з Васком и з Филипом и з Ываном Емычком». Три семьи — владельцы земли на Отулове — входили в соседскую общину. У земян родственные связи дают себя знать также сильно, как и у «путных» людей. Земля на Осеене принадлежала трем братьям Осташковичам (Давыду, Симону и Семену) и их «дядьковичам» — пятерым Васковым детям. Здесь же рядом жили пятеро сыновей Ивана Максимовича[195].

Общей землей пользовались и тяглые люди, состоявшие в родстве. В с. Горках жили тяглые люди, родственники Селивестра. Великий князь Александр дал Ивану Зиновьевичу, одному из богатейших полоцких бояр, Селивестра «с тремя сынми и с пятьма братаничы». В 1507 г. здесь жили потомки Селивестра «Шчетина и з братьею своею и з братаничи и з дядьковичи своими». Тяглые люди Даниловичи, владевшие

[192] РИБ, т. 20, стб. 267—269, 20 января 1516 г.; ПГ, вып. 3, № 310, с. 66—68, 6 сентября 1510 г.; № 287, с. 28—30, 25 марта 1508 г.; № 290, с. 33—34, 29 июня 1508 г.; № 288, с. 30, 5 мая 1508 г.; № 289, с. 31—33, 10 мая 1508 г.; № 327, с. 96—97, 12 августа 1511 г.; № 328, с. 97—98, 19 августа 1511 г.

[193] О размерах общины см.: *Косвен М. О.* Семейная община.— Сов. этнография, 1948, № 3, с. 8, 18, 21; *Он же.* Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 49, 65, 71. По его мнению, отцовская семья насчитывала 15—40 человек. Для Белоруссии характерна минимальная цифра.

[194] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история..., с. 19.

[195] ПГ, вып. 2, № 261, с. 206—207, 26 мая 1505 г.; вып. 3, № 265, с. 211—212, 10 марта 1506 г.; ср.: *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. М., 1884, вып. 4.

землями «звечными» и купленными, обрабатывали ее совместно с несколькими семьями: двумя Василевичами, пятью Адамовичами и несколькими Филипповичами[196]. Вероятно, и они входили в соседскую общину.

Слабые следы общинной организации сохраняет и мещанское землевладение вплоть до начала XVI в. Мещанские земли были разделены на жеребьи. Манке, жене Ивана Ляскова, и сыну Андрею принадлежал «один жеребий на Оболи, на имя Кохоновский». Эту землю они продали боярину Ивану Зиновьевичу вместе с Дмитром Максимовичем и его братаничем Денисом[197].

Наибольшее число документов, характеризующих общину, сохранилось от Поднепровских и Подвинских волостей, находившихся в собственности великого князя, и от Галицких земель[198]. Центрами волости-общины часто выступали старинные города, основанные в Древней Руси. Земли общины складывались из двух частей: 1) земледельчески освоенных территорий сел и владений отдельных лиц, пустых земель, пригодных для освоения, на которые член общины мог распространить заимки, и 2) общинных территорий — угодий, рыбных и бортных лесов, ловов[199].

Каким образом была организована эксплуатация земельных угодий, можно представить по купчей Василия Семеновича Редки, который в конце XV в. продал свою «отчинную» землю в Рылковичах Богдану Бардовскому. Эта «отчинная» земля включала «пашную землю и борть и сеножати и хоромы и где есми сам жил» — «десятый жеребей», по-видимому, всего села Рылковичи[200]. Был ли этот «жеребей» постоянным или периодически производился передел, неизвестно. Судя по купчей, можно предполагать, что «жеребей» был закреплен за В. С. Редкой.

Земли «путных» людей были разделены на части — «делницы». Иван Зиновьевич Корсак у четырех семей Балейковичей и Шипиловичей купил «третину их земли у Соховицкой земли пашное и бортное и сеножати и реки и озера и звериные ловы». В Захарьиничах он купил «половину следу Мартиновщину, а половину следу Васковщины», в районе Горок он купил «в Екима Есиповича... дельницы отчины его Пилиповщины путную землю»[201].

Долевое землевладение было характерно для общин «путных» людей в Белоруссии, как и для общин «черных» людей на Руси[202].

[196] ПГ, вып. 3, № 284, с. 23—24, 9 января 1508 г.; № 275, с. 10, 11 августа 1507 г.; № 276, с. 12, 21 августа 1507 г.

[197] Там же, № 276, с. 12, 21 августа 1507 г.

[198] *Инкин В. Ф.* Крестьянский общинный строй в Галицком Прикарпатье. Опыт сравнительного изучения поземельных союзов: Автореф... докт. ист. наук. Львов, 1978.

[199] Жители Любошанской волости 9 марта 1500 г. извещали великого князя, что разбирают все пустующие земли и обязуются платить дань по-старому (*Довнар-Запольский М. В.* Очерки... Прилож., с. 113, 116; *Он же.* Государственное хозяйство..., т. 1, с. 207); ср.: *Копанев А. И.* Крестьянство..., с. 158—173.

[200] ПГ, вып. 2, № 224, с. 150, 1 сентября 1498 г.

[201] ПГ, вып. 3, № 278, с. 15, 22 августа 1507 г.

[202] *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни, вып. 4, с. 220—221.

Члены волостной общины в источниках конца XV — начала XVI в. выступают под названием «люди» и «мужи». Они в Литовском княжестве, как и в Северо-Восточной Руси, были свидетелями при разборе различных спорных дел, в особенности земельных; на северо-востоке был даже глагол «мужевать» [203].

Они наряду со старцами, избранными волостью ее главами, признавались великокняжеской властью ее полномочными представителями [204], недаром все послания в волость были адресованы наряду со «старцами» и «мужам» [205].

Институт общины, в XIV—XV вв. пользовавшейся некоторыми из тех прав, что и в Киевской Руси, был сродни общине Северо-Восточной Руси. Как и в Великом княжестве Литовском, здесь сохранилось больше всего данных относительно общин черносошных — великокняжеских крестьян. Это не исключает возможности существования общин и на других землях — частновладельческих, церковных и т. д.[206]

Организация волостных людей, упоминаемая в начале XVI в., была подчинена интересам великокняжеского фиска. Так, волостные люди Дрисецкого пригона выделили из своей среды десятника замшанского — Бакуна и дрисецкого десятника — Рожко. Они отвечали за выполнение тяглыми людьми их повинностей — охраны Ситненской дороги и снабжения продовольствием («стациею поднимали») королевских слуг [207]. По-видимому, волостная администрация была великокняжеской надстройкой над зданием, сложенным соседскими общинами тяглых людей.

В изучаемое время формы классовой борьбы сельского населения были очень близки в различных древнерусских землях. Холопы убегали, унося с собой документы, оформлявшие их неволю, люди «забивали» своих господ [208], присоединяясь к «лихим крамольным» людям, известным по всей Руси под названием «зброднеи» [209], бежали в южные сте-

[203] Так, обчии старцы» вместе с земянами устанавливали («разъезжали») границы спорной земли в Жидичевском округе Галицкого повета (АЗР, т. 1, № 30, с. 43, 1421—1430 гг.; ср.: АСЭИ, т. 1, № 607, 607а, 1496—1498 гг.).

[204] АЗР, т. 2, № 86, с. 113, 7 апреля 1514 г.; «мужи» озерищские и усвятские: РИБ, т. 27, стб. 669—670, 28 марта 1497 г.; «мужи» — кричевцы и свислочане: АЛРГ, № 73, с. 96—97, 26 апреля 1501 г., № 72, с. 96, 7 апреля, 1501 г.; «мужи»-могилевцы: АЗР, т. 1, № 91, с. 110, 8 марта 1488 г.

[205] «Старцам» и «всем мужом волости нашое Могилевское» (АЛРГ, № 164, 175, с. 187, 198, 6 февраля 1525 г.). «Старцу и мужам» Свислочской волости Александр сообщал о передаче аренды корчмы (АЛРГ, № 72, с. 96, 7 апреля 1501 г.). Кричевский наместник, старец, мещане и все «мужи» Кричевской волости были поставлены в известность о перекупке медовой и пивной корчмы (от Заньки Жабы право держания корчом переходило целому коллективу кричевских мещан). АЛРГ, № 73, с. 96—97, 26 апреля 1501 г.

[206] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история..., с. 16—40.

[207] ПГ, вып. 2, № 304, с. 53—54, 9 июня 1509 г.

[208] *Зимин А. А.* Холопы на Руси..., с. 339—341. Об одном из таких эпизодов рассказывает жалованная Александра Ивашке Русинову на с. Сомино во Владимирском повете. Предшествующий владелец этого села был «забит» соминцами, не соглашавшимися платить больше, чем они поставляли на великокняжеский двор Турейск (РИБ, т. 27, стб. 766—767, 17 мая 1499 г.; см. также: УГ XV ст. № 28, с. 63).

[209] Этот термин известен и в Новгороде (*Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте, № 314, с. 148—150); РИБ, т. 20, стб. 1311, 1519 г.

пи, отстаивали свое право пользования землей в воеводских и великокняжеском судах [210].

Городское население упорно боролось против всевластия местных князей и великокняжеских (господарских) наместников. Так, пинские мещане в начале XVI в. требовали уничтожения повинностей, возложенных на них княгиней Марьей, вдовой Семена Александровича, а именно предоставления подвод и коней (верховых и возовых), сбора «коледы» и «ральцы», уплаты «продаж» с «корчем» в сумме 150 коп и выше вместо 2 коп и 2 грошей. Сначала пинским мещанам удалось добиться возвращения к повинностям и нормам времен Витовта и Жигимонта. Они получили льготную грамоту 24 марта 1501 г., однако уже 10 июня 1501 г. Федор Иванович Ярославича получил Пинск «у вотчину», «мает его держати, так как то отчич, прибавляючи и розширяючи... как то господарь отчинный» свое именье. Особо оговаривалось право «продажи», т. е. сдачи в аренду корчем по любой установленной князем цене даже не пинчанам [211].

Движение городского населения городов Черкас и Канева в 1536 г. за освобождение от повинностей в пользу воеводы этих городов Остафия Дашкевича [212] очень напоминал городское движение в Пскове в 1483—1486 гг.

Социальные отношения на украинских и белорусских землях нашли отражение в памятниках, терминология которых схожа с терминологией юридических памятников, происходивших из других территорий Древнерусского государства [213]. На территории Украины и Белоруссии действующим оставалось право Древнерусского государства [214]. Это в особенности относится к церковному праву, зафиксированному уставом Влади-

[210] *Мышко Д. И.* Социально-экономическое положение крестьян и антифеодальное движение на Украине в XV — первой половине XVI в.: Автореф... канд. ист. наук. Минск, 1964, с. 39—40; *Спиридонов М. Ф.* Судебные дела как источник по истории борьбы крестьян Белоруссии за землю и свободу в XV — первой половине XVI в.— В кн.: Проблемы аграрной истории. Минск, 1978, с. 5—12.

[211] АЗР, т. 1, № 190, с. 226; № 191, с. 227; АЛМ, т. 1, № 570, ср.: *Грушевский А. С.* Очерки истории Турово-Пинского княжества, с. 14, 18—20.

[212] *Яковлев А.* Бунт черкасцев и каневцев в 1536 году (Эпизод из жизни украинских городов в XVI в.). Киев, 1907, с. 10—15.

[213] *Брицын М. А.* Юридическая терминология в восточнославянской письменности до XV в.: Автореф... докт. ист. наук. Хмельницкий, 1967.

[214] В дореволюционной историографии было распространено мнение о «строгой и какой-то несвободной покорности Русской Правде и вообще старым юридическим обычаям» (*Беляев И. Д.* О наследстве по древнейшим русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича. М., 1858, с. 117; см. также: *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва..., с. 166 и далее; *Леонтович Ф. И.* Русская Правда и Литовский статут.— Университетские известия, Киев, 1865, № 2, с. 1—25; № 3, с. 1—31; № 4, с. 1—38; *Максимейко Н.* Русская Правда и литовско-русское право.— Сборник статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904, с. 382—395); ср. *Зимин А. А., Поляк А. Г.* Значение Русской Правды для развития русского, украинского и белорусского феодального права.— Сов. государство и право, 1954, № 4, с. 116—122. Новыми исследованиями установлено, что на территории Украины и Белоруссии не сохранилось списков Русской Правды XIV—XVI вв. (*Щапов Я. Н.* Археографическая методика исследования и издание памятников древнерусского права.— Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 13).

мира, известным на всей территории Великого княжества Литовского и в других русских землях в XIV—XV вв., и уставом Ярослава, получившим распространение в Литовском княжестве с начала XV в.[215]

Законодательство западных и юго-западных районов Руси повторяло Русскую Правду в установлении источников холопства, опустив в соответствии со сложившейся в Великом княжестве Литовском практикой лишь один из них, а именно холопство «по ключу». Исходя из норм Русской Правды, законодательство относительно холопства во всех частях бывшего Древнерусского государства шло по одному и тому же пути, предусматривая строгую процедуру сыска беглых холопов (обязательной частью которой была «заповедь» на торгу), ответственность господина в случае приема беглого и возврат его прежнему хозяину, смертную казнь в случае кражи (в Великом княжестве Литовском) или убийства (в Русском государстве) холопа[216].

Законодательство по уголовным вопросам также исходило из норм Русской Правды. Повторением термина Русской Правды была «головщина» (в Русской Правде Пространной редакции «головник» — убийца), т. е. убийство и штраф за убийство. В Слониме, например, «головщина за шляхотскую голову» составляла 100 коп грошей. Берестейская мещанка Натько требовала «головщину» с убийцы своей дочери Михеля Ребичковича — берестейского соляничего и восковничего[217]. По мнению К. Яблонскиса, к началу XVI в. «головщина» за убийство шляхтича была общей нормой на всей территории Великого княжества Литовского[218].

Термин «головщина» или «поголовщина» в Великом княжестве Литовском как название штрафа за убийство известен и памятникам Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в том числе записи о душегубстве 1435 г., Новгородской (ст. 36) и Псковской судным грамотам (ст. 96 и 98)[219]. Таким же общеславянским термином был «сок». Сходными были термины, обозначавшие наследственность владения — «отчина» — «отчизна», «дедина» — «дедизна»; правда, к ним в западных землях добавлялся термин, указывавший на наследственность земли от женщин — «бабизна»[220].

Совпадение новообразований на базе древнерусского юридического наследия свидетельствует, на наш взгляд, о том, что культурные связи

[215] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 36.

[216] Ст. ВКЛ 1529 г., с. 116, 118; *Похилевич Д. Л.* Рабы XIII—XVI веков..., с. 39—40; *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество..., с. 219—226.

[217] РИБ, т. 20, № 242, с. 324; б. д.; № 197, стб. 261—262, 17 января 1517 г.

[218] *Jablonskis K.* Lietuvos valstybes ir teises storija nuo XIV. pabaigos iki XVI ar vidurio. Vilnius, 1971. Обратила внимание И. П. Старостина.

[219] Памятники русского права. М., 1953, вып. 2, с. 217, 298; АСЭИ, т. 3, № 12, с. 27—28, 1456—1461 гг. На этой дате настаивают Г. В. Семенченко (*Семенченко Г. В.* О датировке московской губной грамоты.— Сов. архивы, 1978, № 1, с. 53—58) и А. А. Зимин (устное сообщение); ср.: *Хорошкевич А. Л.* К истории возникновения «Записи о душегубстве».— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей. М., 1978, с. 193—203.

[220] *Грушевський М.* Два селянські контракти купна-продажи з початку XVI в.— ЗНТШ, Львов, 1902, т. 50, кн. 6, с. 13, 1511 г.

между отдельными районами Древнерусского государства были очень крепкими, как и традиции, унаследованные от X—XII вв.

Впрочем, наблюдаются и некоторые расхождения в понимании и применении терминов Русской Правды. Это касается, например, термина «обель». Если в Русской Правде он применялся по преимуществу для обозначения полного холопства, то на русских землях, вошедших в пределы Великого княжества Литовского, этот термин использовался для обозначения окончательной продажи, будь то земли, будь то людей, т. е., вероятно, в своем первоначальном значении. Василий Иванович Соломерецкий, сын писаря Ивана Яцковича, купившего имение Прилепы на р. Всяжи у Семена Чарторыйского, в свою очередь, продал его «обель» митрополиту Иосифу. Иногда говорится о продаже «обель» земли и даже «у вотчину». В связи с этим представляется неточным утверждение Е. И. Колычевой, будто этот термин обозначал полное холопство [221].

Носителями древнерусской правовой мысли были практики, дьяки и писари господарские (великокняжеские), княжеские, митрополичьи, городские и др. Все они или почти все носили русские имена. В 40—60-е годы XV в. это были Миколай (Николай), Пузырь, Логвин, Кушлейко, Сапега, Копец, Якуб, Никита. И позднее среди великокняжеских писарей преобладали выходцы из белорусов — Ивашка Владыка, Громыка Исаевич, владелец «отчинного» имения Онцыповское около Минска и др. К ним можно добавить дьяков и писарей в отдельных районах Украины и Белоруссии: дьяк Белый имел «отчину» у Ярославля, дьяк Соколовский и Олешко — в Любуцке, Горбач — в Гродне, Иванко — в Кременце [222].

Дьяками князей в Кобрине тоже были белорусы: Ивашка Петрович — писарь княгини Феодоры, дочки Рогатинского, жены Ивана Семеновича Кобринского, а Сенько Серегович — писарь матери последнего — Ульяны [223].

Корреспонденцию по вопросам международных отношений в Великом княжестве Литовском вели по преимуществу писари-белорусы — Богуш Боговитинович, Иван Горностай, Михаил Васильевич Свинюско и другие, а также татары. Меньше данных о городских писцах [224].

[221] АЗР, т. 2, № 78, 1, с. 101, 15 сентября 1512 г.; РИБ, т. 27, стб. 56, 1441—1456 гг.; стб. 125, 80-е годы XV в.; стб. 157, 14 июня 1498 г. и др. О длительности употребления термина «обель» в кунчих см.: *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва..., с. 155; *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество..., с. 12.

[222] *Ясінскі А.* Пісар великага князя Казіміра Васіль Паулавіч Любіч як прадстаунік буйнага земляуладаньня XV сталецьця (Нарыс да гісторыі буйнае земляуласнасці на Беларусі).— Істытут беларускае культуры. Працы клясы гісторыі. Менск, 1930, т. 3, с. 67—69; РИБ, т. 27, стб. 84—85; АЛРГ, № 25, с. 59, 1494—1495 гг.; РИБ, т. 27, № 258, стб. 854, 22 мая 1503 г.; стб. 40, 83, 86; стб. 59—60, 70-е годы XV в.; стб. 113, 1441—1456 гг.; стб. 112, 1450 г.

[223] АВАК, т. 3, № 1, с. 2, 1465 г.; № 2, с. 4, 1491 г.

[224] *Баненис Э. Д.* Писари дипломатической службы в канцелярии Великого княжества Литовского в начале XVI века.— В кн.: Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР. Источниковедение. Вильнюс, 1978, с. 33—35. Среди городских писарей можно назвать Толубея, принадлежавшего к ведущему мещанскому роду Буцковичей в Полоцке (*Хорошкевич А. Л.* Генеалогия мещан и мещанское

Уставные грамоты различным белорусским и украинским землям имели в своей основе старинные памятники — «ряд» (договор) городов с князем. В наиболее чистом виде, без тех наслоений, которые в уставных грамотах украинским и белорусским городам восходят к концу XIV в., 30—40-м годам, 90-м годам XV в. и даже первому десятилетию XVI в.[225], образец такой грамоты сохранился в «рядных» Новгорода с князьями середины XIII в. Отдельные полные совпадения были отмечены выше. Укажем некоторые другие. Запрещение пересматривать старые, уже решенные дела, несомненно, восходит к древности. В Полоцкой уставной грамоте читаем: «А старых судов нам не посуживати, а ни своих судов, судивьши, не посуживати»; в новгородской рядной: «Грамот ти, княже, не посужати»; в Псковской судной грамоте: «А князю и посаднику грамот правых не посужати, а лживых грамот и доски, обыскавши правда, судом посудить»[226]. Последняя допускает возможность пересмотра дела в случае уточнения его обстоятельств.

При всем различии положения церкви в Новгороде и Великом княжестве Литовском рядные грамоты в соответствии с древнерусской традицией исходят из мысли о неприкосновенности церковных земель: «В церкви божьи и в ыменья церковные нам не вступатися». Нарушение этого порядка, специально не оговоренного в более ранних новгородских «рядных», вызвало появление в новгородской «рядной» с кн. Ярославом Ярославичем 1270 г. нового требования: «А село святои Софии исправи к святой Софии»[227].

«Рядные» Новгорода и западнорусских городов, охраняя интересы городского населения, освобождали от предоставления средств передвижения. В Новгороде это было сделано только для купцов («А дворяном твоим по селом у купцов повозов не имати, кроме ратной вести»), в Полоцке — вообще для всех жителей, в том числе и городских сябров («А в подводы нам коней в полочан не брать, ни в посельских путников, ни в сябров городских»[228]).

Одинаковым было отношение во всех «рядных» к клеветникам: «А хто кого обвадит явно, а любо тайно, ино нам его не казнити ни одною виною... оли ж поставити его очи на очи на явном суду хрестиянском» (Полоцк), «А кто почнет вадити к тобе, тому ти веры не яти» (Новгород, Москва и т. д.[229]). Полоцкая «рядная» лишь уточняла порядок разби-

землевладение в Полоцкой земле конца XIV — начала XVI в.— В кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 144—145).

[225] *Якубовский И.* Земские привилеи... Это хронологическое совпадение определяется временем установления литовской власти в западнорусских землях. Неверным было бы переоценивать степень сохранения традиций и вслед за Н. А. Максимейко видеть в Великом княжестве Литовском «ту же систему отношений, которая характеризует Древнюю Русь удельного периода» (*Максимейко Н. А.* К вопросу о литовско-русских сеймах (ответ проф. М. К. Любавскому). СПб., 1904, с. 5).

[226] ПГ, вып. 3, № 323, с. 86, 1511 г.; ГВНП, № 1, с. 9, 1264 г.; № 2, с. 11, 1264 г.; № 19, с. 35, 1435 г.; Памятники русского права, вып. 2, с. 294, XV в. О датировке см. подробнее: *Черепнин Л. В.* К вопросу о происхождении и составе Псковской судной грамоты.— ИЗ, М., 1945, т. 16, с. 203—231.

[227] ПГ, вып. 3, № 323, с. 86, 1511 г.; ГВНП. № 3, с. 13, 1270 г.

[228] ГВНП, № 2, с. 11, 1266 г.; ПГ, вып. 3, № 323, с. 86, 1511 г.

[229] АЗР, т. 2, № 70, с. 87; № 30, с. 33 и др., 1507 г.; ГВНП, № 3, с. 13, 1270 г.

рательства дела в случае клеветы. В общеземских привилеях 1434 и 1447 гг. содержится установление о наказании шляхтичей только по суду.

Таким образом, «рядные» грамоты зафиксировали практику многовековых отношений князя и города, сложившихся в древнерусских городах с феодально-республиканским или, точнее, с феодально-клерикально-республиканским строем.

Меньше сохранилось сведений о внутрифеодальных отношениях, в том числе вассалов и сюзерена. Однако и эти немногие документы, в частности присяга луцкого наместника Федора Данильевича и его брата Михайла Ягайле, данная после 22 мая 1386 г., обнаруживают черты несомненного сходства с великорусскими договорными грамотами. Вассалы обещали сообщать Ягайле обо всех случаях возможной измены: «А што кол от кого услышю на господаря нашего, лихо или добро, того ми не утаити господаря нашего великого короля». Вассалы соглашались и на кару: «Не исправива, судит нам бог и честный крест и осподарева честь и гроза» [230]. Последняя формула вполне соответствует обычному обороту в договорных грамотах Северо-Восточной Руси: «... держати княжение честно и грозно» [231].

На территории Украины и Белоруссии оставалось действующим и церковное право Древнерусского государства. Вхождение Турово-Пинской земли в состав Литовского княжества [232] сопровождалось кодификацией церковного права. Именно к этому княжеству середины XIV в. Я. Н. Щапов относит составление так называемой Печерской редакции устава Владимира, имеющей общие черты с туровскими уставами XIV в. о десятине [233]. Устав Владимира лежал в основе и других уставных грамот, а именно галичских (1292 и 1301 гг.), приписанных Льву Даниловичу [234], и луцкой уставной грамоты Любарта Гедиминовича, имеющей дату 1321 г., но в действительности восходящей отчасти (ее начало) к концу XIV в., отчасти (вторая ее половина) — к еще более позднему времени, скорее всего к концу XV в. [235]

С возникновением Галицкой митрополии в начале XIV в. Я. Н. Щапов связывает возникновение еще одной редакции устава кн. Владимира, так называемой Волынской.

[230] AS, t. 1, N 7, s. 7—8, после 22 мая 1386 г.

[231] ДДГ, с. 101, 1435 г.; с. 107, 1441—1442 г.; ср. со с. 37.

[232] *Грушевский А. С.* Очерк истории Турово-Пинского княжества..., с. 2—3.

[233] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы..., с. 51.

[234] *Зубрицкий Д.* Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси. М., 1845, Прилож. Б, В, Г; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 2-е изд. СПб., 1819, т. 4, примеч. 203, с. 129—132; *Грушевський М.* Чи маемо автентичні грамоти кн. Льва? — ЗНТШ, Львов, 1916, т. 62; *Он же.* Еще о грамотах Льва Галицкого. СПб., 1905. Подробнее см.: *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы.., с. 129.

[235] АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, № 1, с. 1—2. О ней см.: *Щербаковский Д. М.* Фундушевая запись кн. Любарта луцкой церкви Иоанна Богослова 1322 г., с. 61—70, в особенности с. 69; *Грушевський М.* Коли сфабрикована грамота Любарта луцькой катедрі? — ЗНТШ. Львів, 1906, т. 70, кн. 2, с. 71—72.

В Полоцке начала XV в., вероятно, был написан Архангельский вид устава. С деятельностью владыки Феодосия, получившего в это время титул архиепископа, скорее всего с православным церковным центром в Новгородке можно связать архивный извод устава, который был распространен в Западной Руси [236].

О сохранении древнерусских традиций в области церковного права свидетельствует создание группы редакций кормчих книг XIV—XV вв.— Лукашевичской, Тарновской, Киево-Академической, Люблинской,— бытовавших в Западной Руси. Сборники византийского, югославянского и русского права необходимы были в практической деятельности церковной власти. Этим объясняется тот факт, что Киев и в 60—70-е годы XIII в. оставался центром кодификационной деятельности в области церковного права. Старейший вид русской кормчей составлялся местными книжниками-юристами, использовавшими библиотеку Киево-Печерской Лавры.

Волынский извод русской кормчей в 1286 г. был переписан «повелением» князя Владимира Васильковича [237]. В течение XIV—XV вв. Волынский извод, судя по Харьковскому списку, дополнялся, в том числе и уставом Владимира. Этот извод кормчей был распространен на Украине и в Белоруссии в XVI—XVII вв. Харьковский список в качестве вклада попал в полоцкий Иоанно-Богословский монастырь; Погодинский, по-видимому, был также связан с Полоцком, Румянцевский — происходит с территории Белоруссии.

В XIV—XV вв. на украинских землях была создана еще одна редакция, так называемая Лукашевичская, в основе которой лежат протолукашевичская и протоволынская редакции. Я. Н. Щапов предположительно относит создание протографа Лукашевичской редакции к Киеву, где она была или могла быть результатом деятельности митрополита Максима (1283—1305). Сама же Лукашевичская редакция, широко распространенная во второй половине XVI в. (до нашего времени сохранилось 15—16 ее списков), включала ряд поздних статей из русских кормчих XIV в., таких, как правила Ильи Новгородского 1166 г., митрополита Максима (1283—1305), Кирилла (1274—1275), послания Иакова-черноризца к ростовскому князю Дмитрию Борисовичу 1281 г. [238]

Наряду с кормчими Русской редакции на южнобелорусских землях (Туров, Пинск) в XV в. была распространена и кормчая Сербской редакции, поскольку здесь в качестве глав церкви было много выходцев из южнославянских земель — Киприан, Григорий Цамблак, Григорий Болгарин (поставлен в 1467 г.). Список XIII в., изготовленный Драгославом, из этих районов проник и на северо-восток вместе с епископом Евфимием, занимавшим брянскую и черниговскую кафедры и в 1460 г. бежавшим из Великого княжества Литовского.

[236] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы..., с. 58—61, 109, 113, 114; *Пашуто В. Т.* Образование..., с. 38—42, 389—390; *Он же.* Очерки..., с. 120—121.

[237] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие..., с. 36, 172, 209—210; см. также с. 185.

[238] Описание собрания И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича / Сост. Я. Н. Щапов. М., 1959, с. 16.

В XVI—XVII вв. кормчие книги стали использоваться монастырями для защиты своих привилегий и земельной собственности против еретических учений и покушений государственной власти. В составе кормчих книг сохранилось и значительное количество списков уставов князей Владимира и Ярослава [239].

Политический строй

Главой государства, в котором оказались западные и южнорусские земли, был великий князь [240]. Дабы упрочить свою власть над этими землями, литовские князья по русскому образцу присвоили себе еще один титул — «отчич и дедич» [241] и даже титул «самодержца», который постоянно употребляли великие киевские князья [242]. Древнерусским был и термин «господарь», или «осподарь», восходящий к «осподо» (полный хозяин, непосредственный господин).

Парадокс развития великокняжеской власти в Великом княжестве Литовском заключается в том, что литовский князь, носивший титул «господарь», никогда не имел той власти, которую подразумевал этот титул. Его полномочия постоянно были ограничены в большей степени, чем на северо-востоке, «радой», или боярским советом, в состав которой в отдельные периоды, в частности во время феодальной войны 30-х годов XV в., входило большое число русских князей и бояр [243]. Власть великокняжеских наместников на местах также была ограничена в тех районах, которые вошли в Великое княжество Литовское на основе «ряда».

В течение XIII и даже XIV—XV вв. во главе отдельных земель стояли князья, имена некоторых из них известны (кн. Олелько Владимирович, его сыновья Семен и Михаил и др.).

С потерей землями самостоятельности власть лишь частично сохранилась у князей, частично перешла в руки наместников. О положении князей XIV в. в литературе была полемика. Некоторые историки отрицали у них право самостоятельного управления землями, в особенности ссы-

[239] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие..., с. 153—154, 250—251.

[240] *Пашуто В. Т.* Образование..., с. 7. Великий князь не был единственным в стране. Этот же титул носил Любарт Гедиминович (Supplementum ad historiae Russiae monumenta. Petropoli, 1948, t. 1, p. 128—129) и Андрей Ольгердович Полоцкий в конце княжения (ПГ, вып. 1, № 6-7, с. 43—45). Использование этого титула могло выражать и стремление к независимости и даже стремление к власти во всем княжестве (там же, вып. 3, с. 145).

[241] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 139.

[242] Эти же титулы употребляли и Владислав, и Казимир Великий, коль скоро под их властью оказывались русские земли (Грамоты XIV ст., № 17, с. 36, 25 июля 1361 г.; № 28, с. 59, 1378 г.).

[243] *Малиновский И.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. Томск, 1903, ч. 1, вып. 1, с. 198.

лаясь на многочисленные случаи перемещения сыновей с удела на удел, общую нестабильность их положения (так, Кориатовичи не унаследовали своего удела). Другие настаивали на том, что литовские князья были полными преемниками князей времени независимости и феодальной раздробленности. Более обоснованным представляется мнение П. Г. Клепатского, который указал на такие признаки самостоятельности киевских князей, как чеканка монет Владимиром Ольгердовичем, право не только раздачи земель, но и их передачи. Характерно, что Казимир, оставляя за собой верховные права «господаря» в Киевской земле (так, он предоставил некоему Ивану Юршину село под Киевом), называл кн. Олелька Владимировича своим «братом», подчеркивая равенство с ним на иерархической лестнице[244]. Сходны были и права Любарта Гедиминовича на Волыни[245].

Наследниками удельных князей выступили великокняжеские наместники, управлявшие землей или городом от имени великого князя и пользовавшиеся правом суда по уголовным делам[246]. Они творили суд и расправу по делам о поджоге, разбое на проезжей дороге, насилии над женщинами[247]. Некоторые наместники носили название воевод.

Наместники располагали значительным аппаратом помощников. Главным из них был тиун, преемник древнерусского тиуна, сидевший в наместничьем дворе или в центре волости[248]. Он наблюдал за великокняжеским хозяйством, сбором дани, участвовал в суде над сельским населением[249]. Тиуны в Литовском княжестве, в особенности в частных владениях, в отличие от Северо-Восточной Руси назначались не из холопов[250], а по преимуществу из лично свободных людей — лучших («лепших») крестьян, дворян и бояр[251]. В крупных городах Северо-Восточной Руси также были тиуны из детей боярских. Эта должность и ее название восходят ко временам Русской Правды, которой был известен тиун

[244] *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли, т. 1, с. 73—74; ср.: *Грушевський М.* До питання про правно-державне становище київських князів XV в. Дві грамоти в. кн. Казимира з часів київського князя Олелька.— ЗНТШ, Львов, 1899, т. 31—32, разд. III, № 5, с. 1—4, 1453 г.

[245] *Любавский М. К.* О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV—XVвв. М., 1901, с. 13.

[246] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 133. В некоторых районах в качестве наместников выступали представители местного боярства. Так, в Минске Ивана Юрьевича Жеславского сменил Иван Васильевич Красный из друцких князей, при Александре там был Миколай Иванович Ильинича (там же, с. 102).

[247] Даже после введения магдебургского права в компетенции наместника оставался суд по делам с поличным и приблудным (БА, т. 3, № 8, с. 7, 21 июня 1501 г.).

[248] В Полоцке существовал городской тиун (БА, т. 2, с. 12, 14, 132, 291 и др.). В Мозыри существовали два тиуна — великий и малый (РИБ, т. 27, стб. 315, 1488—1489 гг.).

[249] Тиунам не подчинялось привилегированное боярское население. В 1503 г. от тиунского суда были освобождены киевские мещане — «тиуну не надобе... судити их и рядити» (АЗР, т. 1, № 207, с. 355).

[250] *Колычева Е. И.* Холопы и крепостничество..., с. 57; *Зимин А. А.* Холопы на Руси..., с. 83—84. Впрочем, такую возможность Первый литовский статут предусматривал (Ст. ВКЛ, 1529 г., разд. XI, арт. 3/2, с. 114).

[251] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 420—422. Должность тиуна, ведавшего местами хранения хлеба и хозяйственными строениями, дожила до XIX в. (*Никифоровский Н. Я.* Очерки Витебской Белоруссии. ч. 4, с. 58).

«огнищный»[252]. Эта должность (тивунщина), подобно наместничеству в Северо-Восточной Руси[253], на Волыни давалась на год[254].

Положение и доход наместников, определявшиеся уставными грамотами, различались. Как правило, это был «корм» («полюдье» и «въезд» либо в натуральной форме, либо в денежной)[255] и судебные доходы (в кормленых грамотах на Северо-Востоке это называлось «правдой», в уставных — городов Великого княжества Литовского — «вины большие и малые», иногда «тивунщина большая и малая»)[256]. В Великом княжестве Литовском наместники, как правило, лишены были права сбора мыта, с 80-х годов XV в. отдававшегося в аренду. На Северо-Востоке Руси существовала и передача мыта наместнику, и сдача его в аренду[257].

Вплоть до начала XVI в. наместники и тиуны были привычным обозначением местной власти. В привилее Александра православному духовенству от 30 марта 1499 г. говорилось: «Некоторые князи, панове, воеводы, старосты, наместники и тивунове наши, державцы городов, мест и волостей наших церкви божьей и митрополиту и епископом кривду чинивали, в доходы их церковные и суды духовные вступывалися»[258].

Наряду с тиунами великокняжеским хозяйством (продовольственными запасами погребов, кладовых, ледников)[259] на местах ведали ключники и подключники. Эти должности также сохранились со времен Киевской Руси. Обычно ключники не совмещались в одном лице с другими представителями великокняжеской администрации. Право назначения их предоставлялось иногда наместнику. Так, Иван Львович Глинский при Александре держал Киев, а при Жигимонте получил Новгородок «с ключом и городничим»[260].

[252] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. 2-е изд. М., 1952. с. 288, 523; *Яковлев А. И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943, с. 38—39. О тиунах в Галицко-Волынском княжестве см.: ПСРЛ. т. 2, стб. 838.

[253] *Зимин А. А.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в.— Ист. арх., 1960, № 3, с. 143. Тиун как представитель княжеской власти на местах в Новгороде наиболее характерен для XIII в., в XIV в. упоминания о нем почти исчезают. В договорные грамоты Новгорода с князьями (начиная с 1274 г.) и в договор Казимира с Новгородом 1471 г. по традиции включается статья о совместном управлении Торжком и Волоком новгородским и княжеским тиунами (ГВНП, № 9, с. 20; № 77, с. 32; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы..., с. 41).

[254] РИБ, т. 27, стб. 315, 1488—1489 гг.

[255] *Грушевский А. С.* Господарские уставы о доходах наместников-державцев, с. 6—7; Натуральные доходы были настолько велики, что, по словам киевских послов, князья, паны и земяне, державшие по одному году 14 волостей Путивля, «отцы и деды наши ездили и себе теплые куньи шубы раздобывали, всегда одеты были, мы сами и слуги наши» (*Каманин И.* Сообщения послов, с. 9, около 1520 г.).

[256] *Грушевский А. С.* Господарские уставы о доходах наместников-державцев, с. 99; БА, т. 3, № 7, с. 6, 17 июня 1499 г.; «...о суды межа, головщина, о сокольее гнезда, о бобры, зеремя, а то суживали на городе наместники твои...» (АЗР, т. 1, № 23, с. 17, после 1444 г.).

[257] Сведения об аренде мыт см.: *Бершадский С. А.* Документы и регесты к истории литовских евреев из актовых книг. СПб., 1882, т. 1. Откупной может быть названа и грамота, вошедшая в литературу под названием таможенной белозерской от 21 мая 1497 г. (ПРП, вып. 2, с. 175—178).

[258] АЗР, т. 2, № 75, с. 100, 2 октября 1511 г.; т. 1, № 106, с. 124, конец 1492 г.

[259] *Никифоровский Н. Я.* Очерки Витебской Белоруссии, ч. 4, с. 59.

[260] См. данные о ключниках острынском, житомирском, турицком, берестейском, киев-

Специальные посланцы господаря и наместника — детские — выполняли их отдельные «поручения». Эта должность соответствует «отрокам» и «децким» Русской Правды. За «децкованье» слуги получали мзду в зависимости от расстояния [261].

В Киеве вплоть до конца XV в. существовала должность осмника, осменника, известная еще по Русской Правде, а в Новгороде — знакомая по уставу Ярослава о мостах, который В. Л. Янин датирует 1265—1267 гг. Судя по последнему документу, осменники получали деньги на мощение основных магистралей, ведущих к новгородскому торгу [262]. Осменники взимали пошлину с действительного оборота, как явствует из договора тверского князя Бориса Александровича с Василием Темным 1466 г., «побережную татьбу» (на Днепре и вдоль него на расстоянии брошенной палицы) и судили некоторые дела согласно уставной грамоты киевским мещанам 1499 г. [263] Они взимали плату с новых торговцев-«перекупников», торгующих хлебом и зерном, судили купцов, казаков и мещан за «непочестные речи», за мелкие кражи и ссоры «жонок». Они же устанавливали размеры мыта с улова рыбы, обычно десятую часть.

Не только структура местного управления земель и волостей Литовского княжества повторяла древнерусскую и соответствовала русской в других областях Древнерусского государства, но и содержание власти каждого из представителей этой власти было сходным с общерусским. Впрочем, не совсем полно порядки, установленные в Полоцке и Витебске, приближались к новгородским и псковским, киевским и московским. Историография XVII—XVIII вв. строго разделяла формы правления в Полоцке и Киеве. Если в первом, по мнению позднейших летописцев, существовало «республиканское управление», то в Киеве была «монархия або единовластие». «Самоуправление» независимого Полоцка, в котором участвовали город и волость, мещане и бояре, в историографии XVII—XVIII вв. идеализировалось и изображалось близким к новгородскому, псковскому, античному полису и венецианской синьории [264].

Полоцкая и Витебская земли, вошедшие в Великое княжество Литовское на условиях «ряда» боярства этих земель с князьями [265], сохранили

ском: РИБ, т. 20, № 198, с. 263, 1516 г.; т. 27, стб. 167, б. д.; 113, 1441—1456 гг.; АЛРГ, № 26, с. 60, 2 апреля 1495 г., с. 59, 1494—1495 гг.; АЗР, т. 2, с. 5—6, январь 1507 г. В обязанности городничего входила организация строительных работ общегородского характера, в первую очередь оборонительных сооружений. Стены, как указывалось, сооружались волостными людьми, отдельные городни — боярами, за родом каждого из которых была закреплена определенная городня (РИБ, т. 20, стб. 1530, б. д.).

[261] Памятники русского права. М., 1952, вып. 1, с. 117, 119; ПСРЛ, т. 2, стб. 233, 1097 г.; стб. 341, 1147 г. и др.; РИБ, т. 20, стб. 2, 27 апреля 1516 г.; № 218, с. 291—292, 1516 г.; АЗР, т. 1, № 203, с. 351, 26 мая 1503 г. В Могилеве плата была по грошу за милю (АЗР, т. 2, № 86, с. 113, 7 апреля 1514 г.; АЛРГ, № 152, с. 173, 4 января 1521 г.).

[262] Памятники русского права, вып. 1, с. 80, 118; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения, с. 116, 108.

[263] ДДГ, № 59, с. 188, 191, 1456 г.; см. также: *Семенов А. И.* Осменники «Устава о мостех».— Новгород. ист. сб., вып. 10; АЗР, т. 1, № 120, 170, с. 145, 26 мая 1494 г.; с. 194. 14 мая 1499 г.; РИБ, т. 27, стб. 547—548, 1499 г.

[264] ПСРЛ, т. 32, с. 23, 20—21, 1263 г.

[265] О «ряде» в Древней Руси см.: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней

некоторые права. Уставные грамоты Витовта, Свидригайлы, Казимира, Александра подтверждали право жителей этих земель иметь наместника или воеводу «по их воли». Уставная грамота Полоцку предусматривала смену наместника: «А который будеть воевода наш нелюб им, ино нам им воеводу иншого дати по их воли»[266]. Великий литовский князь подобно князьям Полоцка, Витебска, средневекового Новгорода времен их независимости не имел права «посуживати» «старые суды». Великий князь обязывался обеспечить местному населению (имелось в виду привилегированное население) право «жити... добровольно»[267]. Литовский князь не имел права «вывода», т. е. насильственного переселения жителей Полоцка и Витебска. Вспомним, какое значение придавали этому требованию новгородцы на последнем этапе существования Новгородской республики[268] и какое значение имели «выводы» из вновь присоединяемых к Московскому княжеству и Русскому государству земель в формировании единого Русского государства[269]. Пожалуй, в отсутствии этого права и заключалось одно из существенных отличий власти государя в Русском государстве и господаря в Великом княжестве Литовском. Отсутствие у литовского великого князя права «вывода» способствовало сохранению обособленности входивших в него земель, сохранению старых прав, обычаев и порядков в каждой из них[270].

Власть наместника, как, впрочем и в Киеве, была ограниченна. На наместничьем суде в Полоцке присутствовали старшие бояре и мещане[271]. Киевский воевода, «седши с князи и бояры», судил князей, панов и бояр «о грабежи безправные». Доход от суда («пересуда») делился наместниками пополам с князьями и боярами[272]. Присутствие представителей местных феодалов на суде наместника или воеводы можно рассматривать как наследие древнерусского боярского совета при князе. Крупное боярство в Галицко-Волынской Руси уже в XIII в. ограничивало

Руси.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 34—51.

266 АЗР, т. 1, № 204, 1503 г.; ПГ., вып. 3, № 323, с. 90, 1511 г.

267 Такое же требование выдвигали удельные князья по отношению к великому московскому князю в середине XV в. (ДДГ, с. 165, 167, 1 июля 1450 г. и др.).

268 *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961, с. 291—352.

269 *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 120 и др.

270 *Ясинский М.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства, с. 74; *Беляев И. Д.* История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872, с. 295—296.

271 *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 160. Особо оговаривалось ограничение права наместника судить мещан: «А воеводе нашему полоцкому мешчан одному не судити, судити ему с бояры и мещчаны» (ПГ, вып. 3, № 323, с. 90, 1511 г.). То же наблюдается и в Витебске даже по делам о волостных людях. В конце 90-х годов XV в. в решении дела озерищских и усвятских «старцев» судья «почал доводити князьми и бояры витебскими» (РИБ, т. 27, стб. 669—670). Разбирательство дела витебских мещан с кожемяками относительно подводной повинности витебский наместник Иван Юрьевич вел не один: «...не сам судил, але с бояры витебскими» (РИБ, т. 27, стб. 590, 31 марта 1495 г.).

272 АЗР, т. 2, № 30, с. 35, 1507 г.; РИБ, т. 20, стб. 619; ср. также: стб. 244, 328, 437—439 и др., 1516 г.; См. подробнее: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 158, примеч. 347.

княжескую власть [273]. Традиции эти сохранились и позднее. Члены боярского совета участвовали в выдаче жалованных грамот. Так, грамота Любарта Гедиминовича соборной церкви Иоанна Богослова в Луцке была дана «при советах князев и бояр нашых» [274]. Жалованная княгини Анастасии Васильевны Киевской, жены Александра Владимировича и двоюродной сестры Василия II, Троице-Сергиеву монастырю обсуждалась большим кругом лиц. «...Подумавши есмо с нашими детми, с князем Семеном Александровичем и с князем Михаилом Александровичем и с нашим отцем анхимандритом печерьским Николою и с нашею верною радою, со князми и с паны»,— писала княгиня о своем решении [275].

В ведении судопроизводства и местного управления в Полоцке и Витебске можно действительно усматривать некоторое сходство с республиканскими порядками в феодальном Новгороде, где власть князя была ограничена сходными условиями («А без посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамот давати»), и в Пскове, где князья целовали крест «на вече к Пскову на суду и на пошлинных грамотах и на всех старинах псковских» [276]. Впрочем, в западнорусских городах республиканские порядки приобрели более стертые черты, чем в Древнерусском государстве. Хотя в Полоцке даже во второй половине XV в. собиралось вече, на котором решались вопросы, касавшиеся внутреннего управления городом, и «всему поспольству» принадлежало право внешних сношений города с Ригой и другими городами, орган, который осуществлял их, был очень аморфным. Речь шла то о боярах, то о боярах и мещанах, то о старших боярах и старших мещанах, то еще более неопределенно обо всем «поспольстве», собиравшемся на «суйм». Даже в первой трети XVI в. по-прежнему существовало понятие «все бояре земли Полоцкое». Ф. И. Леонтович подчеркивал, что в Великом княжестве Литовском подобные «сеймы» имели «шляхетский» сословный характер и потому были чужды древнерусскому быту. Думается, в этом отношении Ф. И. Леонтович ошибается. Он сам указывает, что в них долгое время участвовали мещане. Однако в будущих белорусских и украинских землях лишь боярам принадлежало право управления («держания») волостями. Такую же систему встречаем и в Новгороде. В 1442 г. новгородский посадник Иван Васильевич «держал русское посадничество» в г. Русса. Обращает на себя внимание общий термин «держать», несомненно показывающий давнее происхождение такого порядка [277].

[273] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси, с. 14—20; *Он же.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 142 и след.

[274] АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, № 1, с. 1.

[275] АСЭИ, т. 1, № 279, с. 200, 1458—1459 гг.; ср. с грамотой Льва Даниловича: «згадавшися есмо с нашими бояри». См.: *Зубрицкий Д.* Критико-историческая повесть..., Прилож. Б, В, Г, с. 2—4. Даже в 1507 г. киевские мещане выступали свидетелями пожалования земли Николо-Пустынскому монастырю (АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, № 5, с. 11, 1 сентября 1507 г.). В связи с этим нельзя не отметить заблуждения М. Чубатого, который ни боярству, ни мещанству не отводил в XIV в. никакой политической роли. (*Чубатый М.* Державно-правне становище українських земель Литовської держави під кінець XIV в.— ЗНТШ, Львів, 1926, т. 144/145, с. 23).

[276] ГВНП, № 19, с. 35, 1435 г.; ПЛ, вып. 2, с. 192, 1473 г.

[277] ПГ, вып. 2, № 195, с. 111, 1 августа 1486 г.; АЛРГ, № 191, с. 215, февраль 1529 г.;

На будущих украинских и белорусских землях XIV — начала XVI в. роль церковных властей существенно отличалась от их роли в Древнерусском государстве. С потерей отдельными землями самостоятельности значение епископов и даже архиепископов резко упало. Можно предполагать, что в управлении городом-землей даже в тех случаях, если они сохраняли свои особенности, крупные церковные иерархи не участвовали. В Полоцке место епископа с начала XV в. занял архиепископ. Это, несомненно, было связано с далеко идущими внешнеполитическими планами Витовта, стремившегося, возвысив часть епископий до архиепископий, добиться установления собственной митрополии. Выполнение этого плана, для подготовки которого должен был служить собор 1415 г., было облегчено обстановкой агрессии Литовского княжества на русские северо-западные земли, с одной стороны, и установлением брачных связей литовского и московского великокняжеских домов — с другой. Тем не менее полоцкий архиепископ не участвовал ни во внутриполитической жизни, ни во внешних сношениях города. Некоторое повышение роли полоцкого владыки отмечается лишь в середине XV в., когда к управлению городом на некоторое время пришли мещане.

Церковная организация в Литовском княжестве, по справедливому наблюдению Я. Н. Щапова, повторяла киевскую. Деление на архиепископии и епископии было таким же, как в организации древнерусской церкви. Подчиненное положение православной церкви в Великом княжестве Литовском не способствовало развитию церковной структуры, расширению церковной юрисдикции, участию церковных иерархов в политической жизни [278].

Древнерусские традиции прослеживаются и в порядках местного управления. Независимо от того, кем именно осуществлялось местное представительство при наместнике или воеводе (по-видимому, в Великом княжестве Литовском в нем участвовали и горожане, и крестьяне), важно подчеркнуть самый факт такого представительства, более полномочного в Литовском княжестве, нежели в Северо-Восточной Руси. Остатки той же традиции можно усмотреть в постановлении Судебника 1497 г. относительно провинциальных судов: «...а на суде у них (бояр и детей боярских.— *А. Х.*) быти дворьскому и старосте и лутчимь людемь»,— и в некоторых уставных грамотах (белозерской 1488 г., переяславским рыболовам 1506 г., бобровникам Каменского стана 1509 г.), которые предусматривали присутствие сотского и «добрых» людей, старосты и «лучших» людей, дворского и «лучших» людей на суде наместника, волостеля, ловчего и их тиунов [279]. Две последние уставные грамоты, однако, можно сопоставить не с уставными грамотами западным и юго-

по-видимому, термин «сейм» вытеснил древнерусское «вече»); *Леонтович Ф. И.* Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины. СПб., 1895, с. 25—26; НПЛ, с. 432, 1442 г.

[278] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы..., с. 226—233.

[279] Судебники XV—XVI веков, ст. 38, с. 24; Памятники русского права. М., 1955, т. 3, с. 170—174; *Яковлев А.* Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909: см. подробнее: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951, ч. 2, с. 377.

западным русским землям, а с уставными грамотами отдельным волостям, по которым деятельность крестьянской самоуправляющейся организации может быть изучена в различных аспектах. Вплоть до начала XVI в. поднепровские и подвинские волости сохранили право самостоятельной раскладки дани. В 1511 г. данники Кричевской, Пропойской, Чичерской, Горвольской, Речицкой, Свислочской, Любошанской, Усвятской и Озерищской волостей потребовали возвращения старых обычаев времен Витовта, согласно которой они сами доставляли свои дани в казну («скарб»), а мед — ключнику великого князя. Жигимонт подтвердил их права. Великокняжеские тиуны отныне не должны были больше въезжать в эти волости. В несколько отличном положении находились тиуны в общинах волошского права в Галицкой земле [280].

Большая часть волостей не имела наместников. Могилевская, Свислочская волости управлялись «старцами». Могилевская имела двух — «медового» и «серебряного», которым и адресовались великокняжеские послания [281]. Представителями волости были «старцы» и в других волостях [282]. Руководители общины — «старцы» — избирались, как и во времена Русской Правды, общинным вече. Однако за право выбирать «старца» волость должна была платить (плата за «старченье» зависела от размеров волости) [283].

Некоторые волости наряду со «старцами» имели и наместника. Однако общины продолжали вести борьбу за самоуправление. Бчицкая волость в 1509 г. потребовала, чтобы мозырский наместник впредь не держал своего наместника, и добилась этого: только сам мозырский наместник мог раз в год приезжать в волость на полюдье, волощане обязывались его кормить и дарить [284].

В остальное же время волость управлялась собственными старцами [285], что свидетельствует о широких правах самоуправления. Волости — общине принадлежало и право суда по делам о нарушениях границ и владении бортными деревьями: «А хто деи выкинется о дерево бортное и о бчолы, мають ся они сами межу собою судити; а хто деи винен останет, ино вина старая десять грошей на замок, а им пересуду три гроши;

[280] АЗР, т. 2, № 75, с. 99; *Инкин В. Ф.* Дворище и сельская община в селах волошского права Галицкого подгорья XVI—XVIII вв. по материалам Самборской экономии.— ЕАИВЕ, 1960 год. Таллин, 1971, с. 120—121.

[281] АЛГР, № 164, с. 186, б. д., № 175, с. 198, 6 февраля 1525 г.; М. В. Довнар-Запольский полагал, что могилевские «старцы» — это особые должностные лица, «бирчие» волостные. Старшим из них был «серебряный старец». См.: *Довнар-Запольский М. В.* Очерки.... с. 62. Можно думать, что один из них ведал сбором медовой дани, а другой — денежных поборов.

[282] Известны данные о деятельности «старцев» Горвольской (АЛРГ, № 183, с. 206, 28 мая 1528 г.), Мозырской (там же, № 184, с. 206, 7 июля 1528 г.), Усвятской и Озерищской (*Довнар-Запольский М. В.* Очерки... Прилож., № 23, с. 52) волостей. Сохранились данные о выборах «старца» в двух последних волостях.

[283] О разнице в плате за старченье в Могилеве, Речице см.: РИБ, т. 27, стб. 328—329, 30 ноября 1481 г.

[284] *Любавский М. К.* Областное деление... Прилож. № 17, с. XV, 1509 г.

[285] *Довнар-Запольский М. В.* Очерки..., с. 35.

а о межу деи потому ж суд»[286]. В церковных имениях, где «старцы», например крылошане собора св. Софьи в Полоцке, участвовали в волостном суде, штраф шел в пользу феодала — в данном случае коллективного: «...а судити мают их (жителей волости.— *А. Х.*) крылошане и старцы тых волостей, а вина на крылошан же маеть быти подавъному»[287]. «Старец» судил даже в некоторых частновладельческих имениях[288].

Особой формой пожалования земли было хлебокормление, известное еще во времена Киевской Руси[289]. В памятниках Северо-Западной Руси этот термин обозначал источники существования приезжавших из Литовского княжества служебных князей. Так, в 1413 г. при выезде из Новгорода Семен (Лугвень) Ольгердович объявил: «... держале мя есте хлебокормьлением». По приезде из Москвы в Новгород в 1455 г. его сына Юрия Лугвеньевича «новгородци даша ему кормление, по волости хлеб, а пригородов не даша»[290]. Л. В. Черепнин определяет корм как «хлебное довольствие, поставляемое крестьянами слугам феодала, его хозяйственным и судебным агентам и пр., а также обязанность кормить их коней»[291]. В Великом княжестве Литовском этот термин впервые стал применяться в восточных районах. В 70-е годы Казимир дал кн. Дмитрию Всеволодовичу («отчину» которого составляли Мещеск и Колковичи) Демены на р. Демены, притоке р. Угры, и Иное[292]. В конце века феодалы, терявшие свои земли в ходе воссоединительных войн Русского государства, получали новые «в хлебокормление» «до очищенья отчин»[293]. Семен Шемячич и его сын Василий Шемячич получили волость Обольцы в «хлебокормление»[294], т. е. во временное держание. В начале XVI в. термин приобрел более широкое значение. Староста городенский Александр Гольшанский в 1503 г. вместо двора Побоева Волковыйского повета, данного ему «в хлебокормление», получил на тех же условиях другой — Дубну в Городенском повете[295]. Таким образом, этот термин, обозначавший в Древней Руси условия передачи феодалу той или иной земли, в Великом княжестве Литовском не исчез вплоть до начала XVI в.

[286] АЗР, т. 2, № 203, с. 368. Штраф с великокняжеских крестьян, как и повсюду, шел в пользу князя — на его «замок».

[287] ПГ, вып. 2, № 229, с. 161, 5 июня 1499 г. В связи с этим неправ был Ф. И. Леонтович, утверждавший, будто община потеряла право суда, которое полностью перешло к землевладельцам (*Леонтович Ф. И.* Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV—XVI столетий.— Унив. изв., Киев, 1863, № 10, с. 41—45).

[288] АрхЮЗР, Киев, 1900, ч. 6, т. 1, с. 29.

[289] *Пашуто В. Т.* Черты..., с. 51—52; *Тихомиров М. Н.* Условное феодальное держание на Руси XII в.— Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 100—104.

[290] НПЛ, с. 404, 424.

[291] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты..., с. 233; см. также с. 205, 253.

[292] РИБ, т. 27, стб. 40—41, 1441—1456 гг.

[293] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 593—594.

[294] АрхЮЗР, т. 1, с. 236; «кормлю» псковских памятников Ю. Г. Алексеев считает то условным владением, то «правом на получение доходов с имуществом без права распоряжения самим этим имуществом» (*Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота..., с. 102, 123).

[295] АЗР, т. 1, № 202, с. 350—351, 3 апреля 1503 г.

Местное боярство имело исключительное право «держания», т. е. управления и суда в волостях. Киевская уставная грамота предусматривала: «...а волости киевские кияном держати, а иному никому». Полоцкие бояре держали «по годом» волости Себежскую и Дрисецкую. Возможно, местного происхождения были лица, названные только по именам и получившие речицкое, велижское и зарецкое наместничества в 1481 г.— Квач, Ходор и Гриша [296]. Из местных бояр назначались городской тиун и ключник (например, Сенька Полоз в Киеве [297]), городничий [298], бобровничий, мостовничий и др. [299]

Наряду с боярством в управлении отдельными землями принимали участие мещане. Так было в Полоцке и Витебске, в особенности в середине XV в. По-видимому, во время феодальной войны, когда мещанство получило подтверждение своих старых прав, его позиции в политической жизни страны укрепились [300]. Традиция активного участия в политической жизни горожан, сохранившаяся и на Северо-Западе Руси, несомненно, восходит к Древнерусскому государству. Это не позволяет согласиться с мнением М. Чубатого, что мещанство в XIV в. не играло никакой роли в социальной и политической жизни южнорусских земель. Возвышение мещанства особенно заметно при Свидригайле. Его договор с Немецким орденом от 15 мая 1432 г. наряду с князьями и панами подписывали и мещане киевские, черниговские, владимирские, витебские, новгородские, полоцкие, браславские, брестские, дорогицкие [301]. Мещанство еще не выделилось полностью из так называемой «городской общины» [302]. В Полоцке последней в лице представителей бояр и мещан — «старших бояр» и «старших мещан» — принадлежало право ведать городскими финансами. Несмотря на распоряжение Казимира о передаче прав на городскую казну наряду с боярами и мещанами дворянству и черным людям, и после 1486 г. казной ведали лишь первые две группы городского населения. Об этом ясно свидетельствует факт поруки Тихона Колчижинича перед боярином Юрием Зиновьевичем за всех мещан в начале 1499 г. В Новгороде наряду с общегородской казной существовали и кончанские казны. В 1342 г. новгородцы отправились в поход только после того, как опечатали «объчины вси» [303]. Одновременно с упрочением положения мещан

[296] АЗР, т. 2, № 30, с. 34, 8 декабря 1507 г.; т. 1, № 175; РИБ, т. 27, стб. 328—329, 30 ноября 1481 г.; см. подробнее: *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 248.

[297] АЛРГ, № 26, с. 59, 1494—1495 гг.

[298] Несколько поколений боярского рода Корсаков держали городничее в Полоцке.

[299] *Любавский М. К.* Областное деление.... с. 255, 798—799, 809, 850, 865, 866.

[300] *Грушевский А. С.* Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв., их старина и борьба за старину. Киев, 1918; *Чубатый М.* Державне-правне становище українських земель Литовської держави під кінець XIV в., с. 13. Подробнее критику его концепции см.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 12.

[301] Русско-литовские акты, собранные К. Э. Напьерским. СПб., 1868, № 232, с. 192—193, 1432 г. См. подробнее: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 68.

[302] Последний, впрочем, очень неопределенный термин вводит Ю. Г. Алексеев (*Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота.... с. 216—217 и др.).

[303] *Хорошкевич А. Л.* Печати полоцких грамот XIV—XV вв.— ВИД, Л., 1972, т. 4, с. 141; ПГ, вып. 2, № 195, с. 111, 1 августа 1486 г.; № 230, с. 164, 12 июля 1499 г.; НПЛ, с. 354, 1342 г.

на время произошло и возвышение полоцкого владыки, получившего доступ к политической деятельности.

Результатом феодальной войны в Великом княжестве Литовском стало временное усиление роли местных феодалов и мещанства в управлении отдельными землями, временное возрождение власти церковного главы города — земли. То же произошло в конце XV — начале XVI в. на Волыни. Луцкий владыка Кирилл упоминается в челобитье этой земли на первом месте перед «всими князьями и панами и земянами». По просьбе владыки и местного боярства земля получила освобождение от воловщины на такой же срок, как и в первый раз (в 1491 г.) — на 12 лет [304].

Временное возвышение полоцкого и луцкого епископов связано с укреплением экономических позиций феодалов и мещан той или иной земли, а вместе с тем и с возрождением идей феодального сепаратизма. Роль епископов этих земель в краткие моменты их участия в политической жизни несколько напоминает роль новгородского владыки, главы феодальной республики. В целом, однако, православная церковь в Великом княжестве Литовском не участвовала ни в местном, ни в центральном управлении. В течение XIV—XV вв. произошло выпадение целых звеньев церковной организации, значительно сузилась церковная юрисдикция, о чем убедительно свидетельствует сокращение числа дел, подлежащих церковному суду. Несмотря на ясное осознание православной церковью Великого княжества Литовского своей преемственности от древнерусских времен, на стремление к возрождению традиций, на внимание к уставам Владимира и Ярослава, особенно заметно в конце XV в., ей не удалось восстановить своих позиций в условиях бурного натиска католицизма [305], поддерживаемого великокняжеской властью.

Принадлежность светских феодалов к православию ограничивала их политические возможности [306], в особенности, как это показал О. П. Бакус, в конце XV — самых первых годах XVI в. Исключением явилась первая треть XVI в., когда в попытках противопоставить Русскому государству объединенную мощь Литовского княжества великие князья вынуждены были привлекать православных князей и бояр к управлению государством.

[304] АЗР, т. 1, № 201, с. 350, 13 марта 1501 г.

[305] Данные об этом см.: *Theiner A.* Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia. Romae, 1860—1861. T. 1—2; Dokumenta pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075—1953) / Coll. P. Athanasius, G. Welykyj. Romae, 1953, vol. 1, p. 55—222; *Беднов В. А.* Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina legum). Екатеринослав, 1908, с. 1—60.

[306] *Любавский М. К.* К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии.— В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 1—17; *Backus O. P.* Motives of West Russian nobles in deserting Lithuania for Moscow 1377—1515. Lawrence; Kansas, 1957; *Chodynicki K.* Kosciól prawoslawny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny, 1370—1632. W-wa, 1934; *Czermak W.* Sprawa równoupranienia schyzmałyków i katolików na Litwie. 1432—1563.— RAU, Krakow, 1903, t. 44, s. 348—405.

Духовная культура

Традиции древнерусской культуры прочно укоренились в различных областях быта, духовной и материальной культуры.

На протяжении изучаемого времени, как и позднее, прочно сохранялись древнерусские термины родства и свойства: тесть, теща, свекр, свекровь, свояк, своякиня (свесть), падчерица, пасынок, сестра и сестренец (сын сестры), сестричич и сестрична. Для обозначения приданого невесты по-прежнему употреблялось древнерусское слово «вено» как в Киеве, так и в Полоцке, как в Минске, так и в Слониме [307].

В области народной культуры традиции были необычайно крепки. Язычество, против которого так ополчались ортодоксы XI—XII вв., медленно уступало свои позиции христианству. Продолжалось почитание матери-земли, ее культ нашел выражение в сохранении вплоть до XIX в. обычая подкреплять прочность клятв землей, которую держали во рту или в руке. По-прежнему почитались озера, колодцы и источники.

Языческие боги не были забыты на протяжении XIV — начала XVI вв. Весной отмечался праздник бога Ярилы, совпадающий с масленицей [308]. Продолжали существовать посвященные этому богу деревья. Так, в грамоте Льва Даниловича Галицкого среди межевых знаков указан Перунов дуб. Языческим характером отмечен был у всех восточных славян праздник Ивана Купала, сопровождавшийся поисками цветущего папоротника и разрыв-травы. Травы, собранные накануне Ивана Купалы, в окрестностях Минска закладывались в основание жилищ. Атрибуты скотьего бога Волоса (Власия) на Украине были перенесены на св. Юрия (Георгия), высоко почитавшегося у всех восточных славян. Древняя тризна преобразовалась в Радуницу, в оплакивание мертвых на троицкие и другие «дзяды». Символом солнца продолжали служить караваи, печению которых придавалось сакральное значение в свадебных обрядах [309].

Языческие моменты заметны были и в праздновании рождества. Древние мотивы чувствуются в песнях календарно-сельскохозяйственного и семейно-обрядового циклов, в особенности свадебных [310]. Заключение браков без соблюдения христианской обрядности было обычным на Украине и Белоруссии. Даже в начале XVI в. митрополит киевский и всея

[307] РИБ, т. 27, стб. 421—422, б. д.; стб. 560, 25 июля 1494 г.; стб. 617—621, 20 июля 1495 г.; стб. 717, 17 января 1499 г.; т. 20, стб. 208, 213, 278, 282—283, 1516 г.

[308] *Богданович А. Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродна, 1895, с. 19—20; *Карский Е. Ф.* Белорусы. М., 1916, т. 3, ч. 1, с. 155—156.

[309] *Богданович А. Е.* Указ. соч., с. 16, 30, 72, 73; *Зубрицкий Д.* Критико-историческая повесть..., Прилож. 8, с. 4; *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 3, ч. 1, с. 159, 162, 169—170; *Харузин А.* Славянское жилище..., с. 28; *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887, т. 1, ч. 1. с. 593—631; *Крачковский Ю. Ф.* Быт западнорусского селянина. М., 1874, с. 47; *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, т. 1, с. 203—210.

[310] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 3, ч. 1, с. 129; *Нікольскі Н. М.* Іітолегія і абрадавасць валочобных песень.— Беларуская Академія навук. Працы секцыі этнаграфіі. Мінск, 1931; *Мухаринская Л. С.* Белорусская народная песня. Историческое развитие. Минск, 1977; *Василенок С. И.* Фольклор и литература Белоруссии эпохи феодализма. М., 1961.

Руси Иосиф жаловался, что «многии люди Руси... незаконне мешкають, жены поймуючи не венчаються, и детей крестити не хотят, и на исповедь не ходят»[311], лишая тем самым православное духовенство источников дохода. Несмотря на требование митрополита, чтобы все светские власти выдавали нарушителей церковных установлений «подле прав духовных их закону греческого, штобы в их законе блуд не был», через три года, в 1512 г., митрополит снова обратился к «князем, паном, бояром, дворанам нашим, мещанам греческого закона» с жалобой на тех, что «неслушны» «в делех духовных» «и з жонами... своими незаконне» живут[312]. Эти меры киевского митрополита не привели к изживанию языческих обычаев при заключении свадеб, сохранявшихся и значительно позднее[313]. В свадебных обычаях, бытовавших на территории Белоруссии до XIX в., легко прослеживаются воспоминания о языческих обычаях умыкания невесты (так, ее обычно запирали дома, жених с «дружиной» — весьма характерный термин, ведущий также к древнерусским временам,— вторгались и насильственно увозили ее). Бытовали и воспоминания о продаже невесты: в свадебных песнях сват назывался купцом, невеста — товаром, родители жениха и невесты, договорившиеся о свадьбе, били по рукам. В приготовлении к свадьбе большое место занимало печение каравая, который в древности приносили идолам[314]. При сходстве белорусских и украинских свадебных песен с великорусскими первые сохранили больше остатков языческой старины, чем великорусские[315]. Это легко объяснимо различным положением церкви в Великом княжестве Литовском и Русском государстве. В Русском государстве церковь пользовалась постоянной поддержкой светской власти, сама оказывала ей помощь в распространении господства над различными народами и народностями. В Великом княжестве Литовском с конца XV в. подобный союз сложился между католической церковью и великокняжеской властью. Православная же церковь имела гораздо более слабые позиции, что и способствовало сохранению языческих традиций, в частности, в области обрядовой поэзии[316]. Впрочем, и в народной культуре Великороссии следы язычества были очень сильны[317].

В Белоруссии и на Украине, как и в Древней Руси, были распространены такие духовые, струнные и ударные инструменты, как бубны, сурны, свирели, гудки, сопели, рога и т. д.[318] Скоморохи — общеславянское

[311] АЗР, т. 2, № 51, с. 62—63, 10 февраля 1509 г.
[312] АЗР, т. 2, № 77, с. 101, 15 сентября 1512 г.
[313] Czasopiśmo prawno-historyczne. W-wa, 1963, t. 15, z. 1, s. 85—150.
[314] *З-ч А.* Белорусские свадебные обряды и песни сравнительно с великорусскими. СПб., 1897, с. 4—5, 11, 16, 22, 99.
[315] К этому выводу пришел исследователь белорусских свадебных песен А. З-ч. См. также: *Крачковский Ю. Ф.* Быт западнорусского селянина, с. 16, 24, 94—95. Ср.: *Соколова В.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979.
[316] Это отмечал Е. Ф. Карский (*Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 3, ч. 1, с. 93).
[317] *Сахаров А. М.* Религия и церковь.— В кн.: История русской культуры XVI века. М., 1977, ч. 2, с. 79—83.
[318] *Прывалаў Н.* Народныя музычныя інструменты Беларусі.— Зап. аддзелу гум. навук АН БССР, кн. 4. Працы кафэдры этнографіі. Менск, 1928, т. 1, кн. 1; ИЮМ, т. 30, 2 паг., с. 43, № 46; Сборник кн. Оболенского. М., 1838, № 1, с. 77.

название[319] (медвежатники, дудники, скрипники) — пользовались также медными духовыми трубами[320].

Какие-то элементы инонациональных культур, несомненно, вошли в народную культуру юго-западных районов Руси. Об этом можно судить по тому, что название одного из южных кочевых народов в конце XV — начале XVI в. употреблялось как имя собственное. Один из киевских мещан носил имя Берендея, напоминая о контактах Древней Руси с берендеями. Впрочем, и в других районах Руси этнонимы часто употреблялись в роли антропонимов. Благодаря слабости церкви в Южной и Западной Руси дольше удерживались общеславянские имена. О былинном Чюриле Пленковиче напоминает Чюрило Бродовский, о языческом Дажбоге — Данило Дажбогович[321]. Впрочем, сохранялись они и в Великороссии[322].

Принятие христианской культуры и ее распространение среди народов Западной и Юго-Западной Руси отличались некоторыми особенностями, свойственными и другим восточнославянским народам. Среди христианских святых во всей Восточной Европе были особенно почитаемыми св. Юрий — покровитель земледельцев и, говоря современным языком, животноводов[323], св. Параскева-Пятница («нарицаемая Пяток»)[324] — покровительница торговли в древней и в Северо-Восточной средневековой Руси, особенно в XI—XIV вв., наконец, покровители кузнецов Кузьма и Демьян[325].

Возможно, и в будущие украинские и белорусские земли Великого княжества Литовского проникло то «еретическое» направление христианства, которое было связано с Еленой Стефановной Волошанкой и московским еретическим кружком, к которому оказался причастен и Иван III. К сожалению, об этом направлении можно судить лишь на основе клятвы, которую давал Иван III в 1488 г.: «Князь... великии кляся небом и землею и богом сильным, творцем всея твари». Радул, угро-влахийский воевода, в своей жалованной русскому монастырю на Афоне в 1502 г. употреблял такое инвокацио (посвящение богу): «Во имя троицы и бога,

[319] Термин имеет индоевропейские корни (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895, т. 3; *Фасмер М. М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. 3, с. 648—649); *Зимин А. А.* Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI века.— В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959, с. 337—343; *Белкин А. А.* Русские скоморохи. М., 1975, с. 64—72.

[320] РИБ, т. 30, № 97, стб. 827; № 99, стб. 830; *Няфед У.* Беларускі тэатр. Мінск, 1959, с. 18; *Никифоровский Н. Я.* Очерки Витебской Белоруссии. М., 1892, ч. 2. Дудар и музыка, с. 4.

[321] АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, № 5, с. 11, 1 сентября 1507 г.; AS, t. 1, N 18, s. 17, 1394 г.; N 2, s. 2, 1385 г.

[322] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974; *Керста Р. И.* Украинская антропонимия XVI в. (мужские наименования): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ужгород, 1978.

[323] *Никифоровский Н. Я.* Очерки Витебской Белоруссии. М., 1893. Ч. 3, Пособники жихара; *Крачковский Ю. Ф.* Быт западнорусского селянина, с. 116—120.

[324] Ей был посвящен один из приделов церкви Троицы в с. Семятичах Дорогицкого повета в первой трети XV в. (АВАК, т. 2, № 1, с. 1—2, 25 апреля 1431 г.).

[325] Церковь в их честь была сооружена на так называемой Русской улице Бреста (АВАК, т. 3, № 3, с. 4—5; т. 23, № 4, с. 4—5).

создавшего все мыслънии чини и землю»,— в котором, очевидно, противополагались бог и троица, что шло вразрез с христианским учением о неразрывности троицы и троичности божества [326].

Не случайно московский кружок еретиков группировался вокруг Федора Курицына, совершившего в 1481—1486 гг. длительное путешествие по Юго-Востоку Европы, и дочери молдавского воеводы Стефана.

Система летосчисления (от сотворения мира) [327] и система счета и мер [328] были унаследованы украинцами и белорусами от Древней Руси. Различные достижения в области культуры Древней Руси продолжали сохраняться и развиваться в будущих украинских и белорусских землях. Распространение грамотности, о чем свидетельствует находка витебской берестяной грамоты и многочисленных «писал» в Полоцке, Волковыйске, Минске, Новгородке, Браславе, Копыси, Слуцке, Друцке [329], делало доступным те произведения, которые создавались во времена Древнерусского государства.

Из этих последних непререкаемым авторитетом пользовались русские летописи. Обосновывая созыв собора ради избрания митрополита, отдельного от митрополии всея Руси, центром пребывания которой стала Москва, Витовт осенью 1415 г. писал, что сообщение о первом таком соборе при Изяславе Киевском было найдено в древних летописцах — Киевском и Владимирском [330].

Древнерусские традиции летописания долго жили на русских землях Великого княжества Литовского. На русском языке была написана и «литовская» летопись XIII в., помещенная в древневолынский свод того же столетия [331]. Ранние памятники белорусского летописания не сохранились, хотя есть предположение, что летописи велись в Полоцке, Слуцке, Пинске, Новгородке и др. [332] Возможно, исчезновение этих памятников связано с общей судьбой белорусского литературного наследия [333]. В 1429—1430 гг. был составлен летописец великих князей литовских,

[326] ПСРЛ. Пг., 1921, т. 24, с. 236; Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873, № 70, 71, с. 442, 445, 1502 г.

[327] Наряду с этим употреблялся отсчет времени по индиктам, особенно с середины XV в. В это же время он распространился и на Северо-Западе Руси (ПЛ, вып. 2. Третья псковская летопись). Счет от рождества Христова был введен в конце XV—XVI в.

[328] *Скурат К. У.* Даунія беларуския меры (лексічны аналіз). Мінск, 1974.

[329] К 25-летию открытия берестяных грамот.— СА, 1976, № 3, с. 349; *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала XI—XV вв.— СА, 1960, № 2, с. 63—88; Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972, ч. 2, с. 177.

[330] АЗР, т. 1, № 25, с. 36, после 15 ноября 1415 г.

[331] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 116—121. До 1238 г. доводила свое изложение Киевская летопись (там же, с. 23—29).

[332] *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1889, с. 71; см. подробнее: *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению Белоруссии феодального периода, с. 171; *Чамярыцкі В. А.* Да пытання аб раннім летапісанні Беларусі XII—XIII ст.— ВАН БССР. Сер. грамадскіх навук. Мінск, 1965, № 3, с. 90—98. В течение всего XIII в. велось летописание во Владимире Волынском (*Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 113).

[333] О судьбе полоцкой софийской библиотеки см.: *Щапов Я. Н.* О судьбе библиотеки полоцкого Софийского собора.— ВИ, 1974, № 6, с. 200—204; *Слуховский М. И.* Библиотечнсе дело в России до XVIII в. М., 1968, с. 69.

в середине XV в. присоединенный к своду, обработанному в Смоленске при дворе епископа Герасима. В 1495 г. была написана летопись Авраамки, в основу которой были положены свод 1448 г. и хронограф. В 20-е годы XVI в. была составлена первая Пространная редакция летописи Великого княжества Литовского[334]. Согласно «Летописцу Великого княжества Литовского и Жомоитского» литовская династия, подобно московской, по версии «Сказания о князьях Владимирских» восходит к античным временам. Если в Москве род великих князей возводили к Августу, то литовские великие князья ограничились лишь Нероном, родич которого Палемон и положил начало этой династии[335]. Супрасльская летопись, содержащая Киевскую летопись, имеет оригинальные известия за XIV—XV вв., записанные, по мнению некоторых исследователей, очевидцами[336].

Позднейшие летописи Быховца, Рачинских, Красинских имели своим источником не только записи современников и древнерусские своды, но и хроникальные памятники XV в. И в XV в. русские летописи оставались образцом для летописания в пределах Великого княжества Литовского. Панегирик в честь Витовта, помещенный в западнорусских летописях, был написан по образцу похвалы Дмитрию Донскому[337]. О бытовании в западнорусских землях особой версии «Повести временных лет», восходящей к новгородскому материалу, свидетельствует редакция ее, занесенная в Устюжский летописный свод[338], составленный в начале XVI в. при участии военнопленных, попавших на русский Север в результате поражения на р. Ведроши в 1500 г. Это, разумеется, не дает оснований для противопоставления украинских, т. е. киевских, галицко-волынских[339], и белорусских (Супрасльской, Хроники Быховца и др.) летописей великорусским, новгородским и псковским. Несомненно, что традиции древнерусского летописания дали гораздо более сильный толчок для развития исторической мысли на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси, чежели на Западе или Юго-Западе. Причины этого лежат, по-видимому, в особенностях политического строя Великого княжества Литовского и в особенностях положения в нем церкви.

В идеологическом отношении позиции православной церкви в Литовском княжестве были значительно слабее, нежели в будущей Великорос-

[334] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненее і літаратурная гісторыя першых зводау. Мінск, 1969: *Улащик Н. Н.* «Литовская и жмойтская хроника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйковского.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 357—365; *Он же.* Открытие и публикации Супральской летописи. В кн.: Летописи и хроники. 1976. М., 1976, с. 203—213.

[335] Сказание о князьях владимирских. М., 1950; *Батура Р. К., Пашуто В. Т.* Культура Великого княжества Литовского, с. 113; см. также: *Chodynicki K.* Ze studiów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim.— AW, t. 3, z. 1, s. 387—401.

[336] *Сушицький Т.* Західноруські літописи. Київ, 1921. Т. 1: *Марченко М. І.* Українська історіографія (з давних часів до середини XIX ст.). Київ, 1959, с. 31.

[337] *Jakubowski J.* Studia nad stosunkami narodowosciowymi na Litwie przed unią Lubelską. W-wa, 1912, s. 25; *Пашуто В. Т.* Образование..., с. 67—68; *Улащик Н. Н.* «Литовская и Жмойтская хроника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйковского.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 357—365.

[338] *Сербина К. Н.* Устюжский летописный свод.— ИЗ. М., 1946, т. 20, с. 239—270; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 197.

[339] См. точку зрения Б. Лепкуя: *Lepkyj B.* Zarys literatury ukrainskiej. Podręcznik informacyjny. W-wa, 1930, s. 87.

сии. Об этом свидетельствует отсутствие на Западе и Юго-Западе собственных святых, за исключением кн. Федора Острожского[340], канонизированного во второй половине XV в., литовских князей-мучеников, принявших православие,— Иоанна, Евстафия, высоко почитавшихся, но не канонизированных официально киевских великих князей — Мстислава и его сына Ростислава, и общевосточнославянских князей — Бориса и Глеба, кн. Михаила Черниговского[341]. Между тем в землях Северо-Западной и Северо-Восточной Руси процесс канонизации местных святых протекал очень бурно. Даже в Пинском удельном княжестве, переживавшем в XV в. «золотой век православия»[342], укрепление материальных позиций церкви не сопровождалось усилением ее воздействия в идеологической жизни.

В светской литературе того времени, более распространенной в Литовском княжестве, нежели в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, популярностью пользовались те же произведения, что и в будущем Русском государстве — «Повесть о Трое» («Троянская история»), «Александрия», «Повесть о Варлааме и Иосафе»[343] и такие «научные» сочинения средневековья, как «Шестокрыл» и др.

Испытывая в условиях распространения католичества воздействия западного искусства, особенно заметные в архитектуре, военной и гражданской, искусство будущих белорусских и украинских земель тем не менее продолжало сохранять некоторые древнерусские традиции[344]. Перестройки сооружений в XV—XVI вв. делались в соответствии со старыми традициями (например, замок в Хотине[345]). С использованием местных образцов были сооружены замки в Новогрудке и Гродно, а также Белгородская крепость, построенная Федоркой-галичаниным в 1438—1454 гг. (крепость была лишена нижнего и среднего боя[346]). Клети-городни, обычные для строительства Киевской Руси, имели и замóк в с. Невицкое XIV—XV вв., и принадлежавший роду Ильиничей замóк в Мире (1506—1510 гг.)[347]. В конце XV — начале XVI в. мотивы крепостного зодчества проникли и в строительство церквей в Белоруссии. Стали сооружаться

[340] *Блудова А.* Сказание о преподобном Федоре, князе Острожском. СПб., 1871.

[341] *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. СПб., 1877, т. 8, с. 30—31.

[342] *Миловидов А.* О положении православных в Пинском удельном княжестве и г. Пинске до 1793 г.— ЧОЛДП, т. 31, апрель 1894, с. 372.

[343] *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. 3, с. 66—68, 69—70, 75—77, 80—82 и др.; ср.: *Лурье Я. С.* Переводная беллетристика XIV—XV вв.— В кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 320—359; *Он же.* Оригинальная беллетристика XV в.— Там же, с. 360—386.

[344] *Ткачоу М. А.* Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII ст. Мінск, 1978.

[345] Історія українського мистецтва. Киев, 1967, т. 2, с. 31; ср.: *Логвин Г. Н.* Архитектура Украины. Архитектура XIV — первой половины XVI в.— В кн.: Всеобщая история архитектуры. М., 1968, т. 6, с. 348 и др.

[346] *Ткачоу М. А.* Абарончыя збудаванні заходніх зямель..., с. 32—34, 50—52; *Квитницкая Е. Д.* Архитектура Белоруссии. Архитектура XIV—XVI вв.— В кн.: Всеобщая история архитектуры, т. 6, с. 459—460; Історія українського мистецтва, т. 2, с. 32.

[347] *Логвин Г. Н.* Украинские Карпаты. М., 1973, с. 65; *Ткачоу М. А.* Абарончыя збудаванні заходніх зямель..., с. 63—69; *Егоров Ю.* Градостроительство Белоруссии. М., 1954, с. 30—34.

церкви с выдвинутыми башнями и бойницами (церкви в Сынковичах и Маломожейкове [348]), в которых древние традиции уже почти не заметны.

Поскольку значительная часть церквей была построена из дерева [349], они не сохранились. О развитии церковной архитектуры можно судить лишь по каменным сооружениям. Традиции строительства крестово-купольных храмов, восходящие к Киевской Руси, переосмыслялись на Украине. Здесь, как и в Белоруссии, в течение конца XV—XVI в. складывались местные архитектурные школы и традиции [350], использовавшие, несомненно, опыт прежнего строительства. Некоторые местные архитектурные детали применялись даже при сооружении готических зданий (костел в Ишкольди 1472 г.) [351].

То же самое можно сказать и о развитии изобразительного искусства. Сюжеты живописи общи для всего православного искусства. Наиболее популярны, как и в станковом искусстве Северо-Запада и Северо-Востока Руси, были святые Николай (иконы из Радружа конца XV в. и из Макушева первой половины XVI в.), Параскева-Пятница из с. Корчина, Кузьма и Демьян из с. Тилича около Коросна, св. Юрий (Георгий)-змееборец (икона из с. Станыли и с. Крылоса XIII—XV вв.), образы Богоматери (из сохранившихся на территории Белоруссии лучшая икона — Умиление из Никольской церкви в Брестской области [352]. Их иконография и стиль на протяжении XIV—XV вв. ясно обнаруживают местные особенности. Так, на иконах с будущих украинских земель Юрий-змееборец изображается в виде воина-мученика, как правило, в рост, на иконах с будущих великорусских земель — это воин, восседающий на коне и поражающий копьем змея, распростертого у ног коня.

Памятники монументального искусства, крайне редкие, обнаруживают живучесть древнерусских традиций и в этой сфере искусства. Росписи Супрасльского монастыря, сооруженного в начале XVI в., были созданы сербским художником Нектарием в середине XVI в. с учетом восточнославянских традиций [353].

Светская «портретная» (скорее «парсунная») живопись XV — начала XVI в. на первом этапе своего существования сохраняла традиции иконописи (это парсуны А. В. Олельковича, тверской княгини и великой литовской княгини Ульяны, Ольгерда и др.) [354].

[348] *Чантурия В. А.* История архитектуры Белоруссии. Дооктябрьский период. Минск, 1969, с. 27—28; *Иодковский И.* Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси.— Древности. Тр. Моск. археологич. общ-ва. М., 1915, т. 6, с. 249—311; *Ткачоу М. А.* Абарончыя збудаванні заходніх зямель..., с. 115—131.

[349] РИБ, т. 20, стб. 756, 1362.

[350] *Логвин Г. Н.* Украинские Карпаты, с. 77, 129 и др.; *Он же.* Украинское искусство. X—XVIII вв. М., 1963, с. 358—359.

[351] *Янкявічане А. С.* Самабытные рысы беларускай готыкі.— ПГКБ, 1974, № 1, с. 15—21; *Квитницкая Е. Д.* Архитектура Белоруссии. Архитектура XIV—XVI вв., с. 467—468; ср.: *Чантурия В. А.* История архитектуры Белоруссии. Дооктябрьский период, с. 28.

[352] Історія..., илл. 164, 149, 144, 215, с. 242, 221; *Логвин Г. Н.* Украинское искусство. X—XVIII вв., с. 100, 93, 98.

[353] Freski z Suprasla. Katalog wystawy. Bialystok, 1968.

[354] *Кацер М. С.* Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода. Минск, 1969, с. 39—48.

Прикладное искусство, более подвижное в своем развитии, тем не менее удержало отдельные традиционные черты. Некоторые образцы шитья, в частности оплечье фелони из с. Золочева, близ Львова, XV в., выполненное распространенной тогда золотошвейной техникой, имеют сходство с русскими работами того же времени. В мелкой пластике оживали образы мозаик Киевской Софии (см. каменную иконку Оранты около 1470 г.— времени восстановления Семеном Олельковичем Успенского собора в Киеве [355]). Для миниатюр всех восточных славян характерен орнамент плетенкой, часто встречающийся и в украинских рукописях, таких, как Поучения Ефрема Сирина 1492 г., Галицкое евангелие XIV в., Лавришевское и Жировицкое евангелия [356].

В области искусства, как и в других сферах культуры, древнерусские традиции были тем источником, из которых черпали украинцы и белорусы опыт, перерабатываемый в процессе создания новых, украинской и белорусской, культур.

Связи великорусских, украинских и белорусских земель

На протяжении XIII—XV вв. происходит тесное взаимодействие (экономическое, политическое и культурное) славянских земель Великого княжества Литовского. В свою очередь они поддерживают контакты со всеми северо-западными и северо-восточными русскими землями.

По мере того как возрождалось хозяйство на юго-западе и развивалось — на западе, внутренние экономические связи между этими районами становились все прочнее. Основаны они были на развитии отчасти внутренней, отчасти транзитной торговли. К сожалению, история торговли внутри Великого княжества Литовского не привлекала еще достаточного внимания исследователей, как советская, так и зарубежная наука больший интерес проявляют к развитию транзитной торговли. Поэтому в настоящее время трудно определить относительную роль каждой из них.

Лучше изучено единство древнерусских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, в области политической, единство, обнаруживавшееся в кульминационные моменты его внутренней истории: в княжение Андрея Ольгердовича в Полоцке в 80-е годы XIV в., в ходе феодальной войны 30-х годов XV в., наконец, во время заговора князей 1481 г. Обратимся к первому из этих моментов. Андрей Ольгердович, принявший титул великого князя полоцкого как символ независимости от литовского великого князя, объединился с князем смоленским Святославом и предпринял совместный поход: Андрей со своим войском —

[355] Історія..., с. 180—181; *Логвин Г. Н.* Украинские Карпаты, с. 50—52.
[356] Центральная гос. публичная б-ка Академии наук Литовской ССР, № 32, 262.

на Литву, Святослав — на Оршу. Поход окончился неудачей. Скиргайло, объединившийся, в свою очередь, с Витовтом, сумел захватить Полоцк и арестовать Андрея. По-видимому, как об этом свидетельствует поздняя традиция, в этом выступлении участвовали князья соседних земель[357]. Идея политического единства русских земель нашла воплощение в ряде событий, в том числе в женитьбе кн. Свидригайлы на двоюродной сестре великого князя тверского Бориса Александровича[358]. В 1408 г. Свидригайло со многими представителями феодальной светской и духовной знати покинул Литовское княжество и бежал в Москву. В его окружении находились владыка брянский, князья Патрикий и Александр Звекигородские, Федор Александрович Путивльский, Семен Перемышльский, кн. Урустай Менский и другие князья черниговские, брянские, любутские, рославльские[359]. Хотя сам Свидригайло вскоре покинул Московское княжество, где он имел города «в кормлении», часть его спутников, недовольная своим положением в Великом княжестве Литовском, осталась там, основав новые династии московской боярской аристократии.

Более существенны были события 30-х годов XV в. В это время под стягами великого князя литовского Свидригайлы собрались полоцкие, витебские, киевские, луцкие феодалы. Население Волыни и Подольска надеялось на защиту их от польского магнатства и шляхтичей, намеревавшихся отторгнуть южные земли Великого княжества Литовского. В связи с этим Свидригайло стал одним из самых популярных героев летописей, современных и позднейших, не только в Великом княжестве Литовском, но и в Северо-Восточной Руси. С большим сочувствием к нему излагала Новгородская Четвертая летопись обстоятельства освобождения Евстафием Федоровичем Острожским Свидригайлы из тюрьмы, в которой он провел восемь с половиной лет. Современные псковские летописи подчеркивали факт поддержки Свидригайлы в 1434 и 1435 гг «смольнянами», «кыянами, видблянами, полочанами». «Летописец Великого княжества Литовского и Жомоитского» вторил современникам событий. В 1432 г., по сообщению Тверского сборника, Свидригайлу поддерживала «сила тверская» и «сила городецкая» (последняя, по-видимому, под руководством кн. Ярослава). Поражение объединенных войск Свидригайлы, вероятно, не способствовало продолжению союза тверичей с ним. По более поздним данным, во время похода Свидригайлы на Вильнюс в 1435 г. в его войсках было много «руси московской»[360]. Возможно, речь шла о сторонниках галицкого князя Юрия Дмитриевича — вождя движения, вылившегося в феодальную войну в Северо-Восточной Руси. Начало этой войны препятствовало более существенной поддержке жителями Северо-Восточной Руси попытки украинских, белорусских и неко-

[357] ПСРЛ, т. 32, с. 66. Датировано 1397 г., в действительности — 1381 г.

[358] НПЛ, с. 419; ПСРЛ, т. 32 (ошибочно: дочери Бориса Александровича), с. 83. Сообщение занесено в хронику под 1442 г., должно быть — 1432 г. Ср.: ПЛ, вып. 1, с. 40.

[359] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 180—181, 1408 г.; стб. 186, 1410 г.; т. 5, с. 257; т. 6, с. 136. М.; Л., 1949, т. 25, с. 237; т. 8, с. 82; ср.: т. 32, с. 72; см. подробнее: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 64.

[360] ПСРЛ, т. 4, ч. 1. вып. 2, с. 420—421, 1418 г.; ПЛ, вып. 2, с. 127, 131, 1434—1435 гг.; ПСРЛ, т. 32, с. 83, 1435 г.; т. 15, стб. 489, 1432 г.; т. 32, с. 84, 1435 г.

торых русских земель Великого княжества Литовского отделиться от него и Польской Короны, что и обусловило одну из причин неудачи этого движения. Поражение войск Свидригайлы при Швентойе 1 сентября 1435 г. с большим сочувствием описывалось псковскими летописцами.

Таким образом, феодальная война 30-х годов XV в. обнаружила не только единство русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, но и симпатии городов Северо-Запада Руси, в частности Пскова и Твери, к Свидригайле.

Последнюю в это время попытку отделения западных русских земель сделал Юрий Семенович (Лугвеньевич) в 1440 г. Получив по возвращении из Новгорода, куда он прибыл в 1432 г. и с некоторыми перерывами пробыл до 1440 г., в «отчину» Мстиславль и Кричев, он попытался овладеть Смоленском, Полоцком и Витебском. «И бяше ему не полезно и людем на мятеж велик и на брань»[361]. Восстание в Смоленске, вероятно, всколыхнуло и другие земли Великого княжества Литовского. В связи с этим, кажется, произошел и пожар в Полоцке, который отметили все новгородские и псковские летописи. Неудачливому претенденту на власть в Западной Руси был оказан гостеприимный прием в Москве, где он пробыл до 1443 г., а после несостоявшейся попытки выехать в «Немци» (Ливонию) в поисках союзников Юрий Семенович вернулся в Москву, а затем и в Новгород до 1445 г.[362]

В начале 80-х годов XV в. был составлен заговор с целью разрыва личной унии литовского князя и польского короля, чтобы отделить Великое княжество Литовское. Претендентом на литовский престол заговорщики выдвинули князя Михаила Олельковича, женатого на дочери одного из могущественнейших православных государей Европы — Стефана Молдавского, двоюродного брата великого князя всея Руси Ивана III и родственника невестки последнего. Во главе заговора стали крупнейшие феодалы русского происхождения и православного вероисповедания, в частности Федор Иванович Бельский, двоюродный (со стороны отца) брат Михаила Олельковича, сын Ивана Владимировича. Мать и жена Ф. И. Бельского принадлежали к роду Гольшанских, как и участник заговора кн. Ю. Гольшанский. К числу заговорщиков хроника XVII в. относит Семена Олельковича, Юрия Острожского, полоцкого наместника Александра Судимонтовича, воеводу виленского Яна Гаштольда, тестя Семена[363]. Рассматривая состав заговорщиков, М. Грушевский приходит к выводу, что фронт антиягеллоновских противников включал православных князей русского и литовского происхождения не только Великого княжества Литовского, но и Руси и Молдавии[364]. Заговор был раскрыт, и многие его участники бежали в Русское государство.

Попытки политического объединения во всех трех вышеуказанных событиях неравноценны. В первом случае речь шла о князьях белорус-

[361] НПЛ, с. 420, 1440 г.; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 436, 1440 г.
[362] Там же.
[363] ПСРЛ, т. 32, с. 89. Ошибочно помещено между сообщениями 1473 и 1477 гг. Должно быть 1480—1481 г.; ПСРЛ, т. 6, с. 233; *Антонович В. Б.* Монографии..., т. 1, с. 240—241; *Backus O. P.* Motives..., p. 88—89.
[364] *Грушевський М.* Історія України — Русі. Київ, 1907, т. 4, с. 272.

ских и западнорусских городов, пользовавшихся поддержкой местных феодалов, во втором выступлении — о широком фронте русского населения, включавшем князей, бояр, мелких феодалов, наконец, мещан, участие которых в начинаниях Свидригайлы обеспечило им в дальнейшем получение некоторых привилегий; наконец, третья попытка — заговор крупных феодалов, поддержанных, по-видимому, и частью духовных феодалов[365]. Как бы различны ни были эти выступления, за ними, пусть в разной степени, кроются неугасшие идеи единства населения Русских земель в противовес Литве. Правда, политическое разделение восточных славян наложило отпечаток на историко-географические представления русских, живших в Литовском княжестве. Вся Русь, по их понятиям, объединялась именно в Великом княжестве Литовском, русские жители Северо-Запада и Северо-Востока получали наименование по столице соответствующих земель — новгородцы, псковичи, тверичи, москвичи. С ростом Московского княжества наименование «москвичи» в Великом княжестве Литовском и Короне Польской, а вслед затем и в Ватикане было перенесено на всех жителей Русского государства. В период войн Русского государства с Великим княжеством Литовским в начале XVI в. утвердилось наименование Русского государства Московией. После Смутного времени, со второго десятилетия XVII в., сами жители этого государства наряду с Россией, Русью и Русским государством стали называть свою родину Московским государством.

На протяжении XIV—XV вв. вопрос о воссоединении русских земель ставился совершенно по-разному. Литовские князья, присвоив себе титул князей русских, претендовали на власть надо всеми русскими землями, как уже находившимися в составе Литовского княжества, так и остававшимися независимыми политическими образованиями. Литовские князья неоднократно делали попытки вооруженным путем добиться подчинения себе Новгорода и Пскова (особенно этим отличался Витовт)[366], а дипломатическим путем — Московского и Тверского княжеств.

Вплоть до середины XV в. в Великом княжестве Литовском не оставляли идеи объединения всех русских земель в его составе. В поручной Федора Львовича Воротынского по князю Ивану Андреевичу Можайскому значилось условие: если государь (имелся в виду Казимир) посадит Ивана Андреевича Можайского на Великом княжении Московском, тот должен будет называться «младшим братом» литовского князя и ходить с ним вместе на войну. Ржева и Медынь должны были бы перейти в состав Великого княжества Литовского[367]. В середине XV в. Московское княжество стало центром объединения русских земель. Титул великого князя всея Руси носил Калита, в 1375 г. его принял Дмитрий Ива-

[365] *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли, т. 1.

[366] *Барбашев А. И.* Витовт. Его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). СПб., 1885, с. 114—117. В новгородских летописях сочувственно излагались события этого времени: «...псковичи ходили к Полоцку и мало не взяша города: а волости полочкыи повоевавше» (НПЛ, с. 399, 1406 г.; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 404). Об аналогичных попытках Витовта в 20-е годы см.: *Барбашев А. И.* Витовт. Последние двадцать лет княжения. 1410—1430. СПб., 1891, с. 190—200.

[367] АЗР, т. 1, № 49, с. 61—62, 5 февраля 1448 г.

нович, будущий Донской[368]. Василий I подобно киевским князьям, и прежде всего Владимиру, принял титул «самодержца», «стол русскыя хоругви дръжаща», объявляя в выражениях, сходных со «Сказанием о князьях Владимирских» (восходящим к тверскому памятнику середины XV в.), о своей программе освобождения Руси от иноземного ига и ее объединения. В это же время (1399—1409 гг.) он претендовал на титул князя всея Руси, о чем свидетельствуют монеты, по определению Г. А. Федорова-Давыдова, второго периода его чеканки[369].

Будущее объединения земель Древнерусского государства в третьей четверти XV в. взял в свои руки его преемник — Русское государство со столицей в Москве. Это изменило и весь характер русско-литовских отношений, а также русско-украинских и русско-белорусских.

В силу того что земли Западной и Юго-Западной Руси оказались в составе Великого княжества Литовского, их население волей-неволей должно было участвовать в войнах Великого княжества Литовского против русских земель и Русского государства. Однако на протяжении XV в. можно отметить проявление протеста против участия в них. Отъезд группы светских и духовных феодалов в Москву в 1408 г. можно рассматривать, как их протест против агрессивной политики Витовта на востоке. В ходе войны 1487—1494 гг. многочисленные феодалы покидали Великое княжество Литовское.

Русские земли Северо-Запада и Северо-Востока на протяжении XIV—XV вв. были прибежищем для всех, кто по тем или иным причинам был не удовлетворен своим положением в Великом княжестве Литовском. В Москве это были представители литовского правящего дома Евнутий, в 1345 г. крестившийся здесь под именем Иоанна[370], потомки Наримонта — дочь, вышедшая замуж за Андрея Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, и сын Патрикий[371], а также удельный киевский князь Владимир Ольгердович, в 1393 г. приезжавший за помощью против Витовта. Хотя Владимир и не получил желаемого, в Великом княжестве Литовском его поездка не была забыта в течение 75 лет. В 1454 г. Казимир

[368] АСЭИ, т. 3, № 2, с. 15, 1328—1340 гг. (ср.: *Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 54—64); ГВНП, № 16, с. 31, 1375 г. А. А. Зимин относит договор к 12 июля 1372 — марту 1373 г. (*Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв., с. 317—318). Ср.: ГВНП, № 19, 21, 86. Летописи XVII в., может быть следуя давней традиции, объясняли поход Ольгерда на Москву, предпринятый в 1375 г., желанием великого князя московского присоединить Киев, Полоцк, Витебск (ПСРЛ, т. 32, с. 60). В этом походе участвовал кн. Иван Туровский (УЛС, с. 56).

[369] О чеканке Василия I см.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М., 1981, с. 27, 28, 42—43, 54—56 и др. См. монеты № 64, 68, 69, 229, 231, 233.

[370] НПЛ, с. 358, 1345 г.

[371] ПСРЛ, т. 24, с. 233; Патрикий окончательно переехал в Москву в 1408 г. (ПСРЛ, т. 6, с. 136; т. 8, с. 82; т. 25, с. 237), а в 1382 и 1397 гг. находился в Новгороде в качестве служебного князя (НПЛ, с. 379, 389). За три года до него, в 1379 г., там находился и Юрий Наримонтович с сестрой (НПЛ, с. 375; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 435, 453).

говорил его внукам: «Дед ... князь Володимер бегал на Москву и тем пробегал отчину свою Киев»[372].

Сыновья Патрикия заняли высокое положение при московском великокняжеском дворе. Федор в 1420 г. был великокняжеским наместником в Новгороде, в 1426 г. ездил в Псков, где и умер в том же году. Юрий в 1434 г. участвовал в походе на Кострому против Василия Косого и Дмитрия Шемяки, а в 1437 г. ездил в Новгород в качестве великокняжеского посла с миссией «чернаго бору прошати». Юрий был женат на Анне — сестре Ивана III. Если потомки Патрикия в конце XV в. стали видными деятелями в Русском государстве (Иван Юрьевич Патрикеев был московским воеводой и фактическим руководителем внешней политики страны, в проведении которой активно участвовал его сын Василий), то их троюродные родственники — потомки кн. Александра Патрикеевича Наримонтовича — крупнейшими землевладельцами Волынской земли. При дворе Василия в Москве провел свое детство Семен Олелькович, будущий киевский и слуцкий князь. Вместе с обрусевшими князьями литовского происхождения в Москву стремились и западнорусские князья. Так, в 1435—1436 гг. через Псков в Москву выехал Иван Баба Друцкий, ставший активным сторонником Василия II в борьбе против Василия Косого[373].

В середине XV в. претендент на великое княжение литовское Михаил Сигизмундович искал поддержки в Москве. В 1442—1443 гг. он через Брянск бежал в Москву, а затем вместе с московским отрядом двинулся на Киев. Киев принял наместников Михаила и охотно открыл ворота его войскам. В это время в Киеве находился Александр (Олелько) Владимирович с сыновьями Семеном и Михаилом[374]. В июне 1445 г. в Нижнем Новгороде в качестве московского наместника находился Юшка (Юрий) Драница, выходец из Великого княжества Литовского, сын боярский московского князя Василия, поддержавший Дмитрия Шемяку. Он участвовал в битве под Суздалем 7 июля 1446 г. и погиб под Угличем в 1447 г.[375]

Большое число тверичей, новгородцев и псковичей оказалось в Белоруссии и на Украине в конце XV — начале XVI в. Василий Михайлович Верейский бежал в Великое княжество Литовское, опасаясь последствий опалы Ивана III[376]. В конце XV — первые десятилетия XVI в. началось

[372] ПСРЛ, т. 32, с. 162, 1454 г. Выезду его на Русь мог способствовать брак 1333 г. Семена, великого князя московского с Айгустой Гедиминовной, в крещении Анастасией (ПСРЛ. т. 15, вып. 1, стб. 47; ср.: Троицкая летопись, с. 361).

[373] НПЛ, с. 413, 1420 г.; ПЛ, вып. 2, с. 121, 1426 г., УЛС, с. 76, 1434 г.; НПЛ, с. 419, 1437 г.; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 57; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841, т. 1, № 55; см. подробнее: *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли, т. 1, с. 56; ПЛ, вып. 2. с. 132 (ехал из «Немец»); ПСРЛ. М.; Л., 1959, т. 26, с. 192; УЛС, с. 77. Иван Баба Друцкий убит в 1453 г. (ПСРЛ, т. 25, с. 273).

[374] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 108.

[375] ПСРЛ. СПб., 1910, т. 23, с. 151, 152, 154; т. 25, с. 267; М.; Л., 1962, т. 27, с. 109, 112, 114.

[376] РИБ, т. 27, стб. 390—391, 2.X.1483 г. Боярином печерского архимандрита Вассиана в 1508 г. был некий Василий Псковитин (АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, № 7, с. 13—14). См. подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980, с. 82 и др.

обратное движение — русские князья вместе со своими многочисленными слугами потянулись в Русское государство. В 1482 г. бежал Ф. И. Бельский [377]. В 1487—1494 гг. на сторону русского государя перешло большое число русских феодалов Великого княжества Литовского. Среди них был Семен Федорович Воротынский [378]. В 1500 г. приехали «по опасу» внуки Дмитрия Шемяки, сыновья Ивана Дмитриевича — Дмитрий и Василий Ивановичи, вернулся и внук можайского князя Семен Васильевич [379]. Одновременно прибыл на Русь Семен Иванович Бельский, некогда член рады Казимира и Александра [380], потомок Владимира Ольгердовича Киевского. Князья Бельские в своих претензиях на дедовское наследие в XVI в. не ограничивались одним Киевом, но считали, что их «отчина» — все Великое княжество Литовское [381].

Длительное время (с 1389 по 1392, с 1407 по 1412 г.) в качестве служебного князя в Новгороде находился Семен (Лугвень) Ольгердович, в 1394 г. женившийся на московской княжне Марии Дмитриевне. В 1410 г. он возглавил поход на «Свею». Впрочем, пребывание в Новгороде не изменило характера его деятельности в Литовском княжестве, где он верно служил Витовту, в 1401 г. участвуя в походе на Рязань, во время которого пленил Ростислава Ивановича Рязанского, а в 1403 г.— на Смоленск и Вязьму [382].

Служебным князем временно был и сын Семена. Осенью 1432 г. он вместе со своей княгиней явился в Новгород и «приаша и новогородцы». Как долго он пробыл в Новгороде в качестве служебного князя, неизвестно, но в 1438 г. он снова оказался там. В 1440 г. ездил на свою родину — в Мстиславль, а затем в Москву. В третий раз он приехал в Новгород в 1445 г., уже из Москвы, получил «кормление, по волости хлеб» (пригородов новгородцы ему не дали), участвовал в съезде с немецкими послами.

В 1447 г. его сменил Александр Васильевич Чарторыйский, поехавший в Новгород наместником великого князя. В 1448 г. он вместе с новгородцами совершил поход на Ливонский орден и Швецию [383].

[377] Подробнее см.: *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в.— В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.: Сборник статей, посвященных памяти А. А. Новосельского. М., 1975, с. 28—56.

[378] УЛС, с. 92, 1492 г. Воротынский перешел на русскую службу до 29 июня 1490 г. (Сб. РИО, т. 35, с. 47, 80, 81, 84, 103, 105, 106).

[379] АЗР, т. 1, № 106, с. 124, конец 1492 г.

[380] Сб. РИО, т. 35, с. 295, 297, 299—302, 323, 353, 357, 366, 371, 376 и др.; *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 338 и далее; *Грушевський М.* Історія України — Русі, т. 4, с. 267.

[381] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951, с. 244—245.

[382] НПЛ, с. 383, 1389 г.; с. 385, 1391 г.; с. 397, 1401 г.; с. 398, 1403 г.; с. 400, 1407 г.; с. 403, 1412 г.; ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 153, 1403 г.; стб. 164, 1397 г.; т. 23, с. 133; т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 404, 412. О статусе Семена (Лугвеня) Ольгердовича в Новгороде, как и других «копорских князей», см. подробнее: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина, с. 213—229.

[383] НПЛ, с. 416, 1432 г.; с. 419, 1438 г.; с. 423—425, 1445 г.; ПЛ, вып. 2, с. 126; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 452, 1445 г.; ПЛ, вып. 2, с. 48, 137, 1447, 1448 г.

Выходцы из Западной Руси и Литвы оказывали помощь Пскову в его борьбе против Ливонского ордена. Так, кн. Любко, сын полоцкого князя Воиня, был убит в борьбе с немцами в 1341 г. во время пребывания в Пскове воеводы Ольгерда кн. Юрга Витовтовича (1341—1348). В этой борьбе на стороне псковичей участвовали и жители Витебска с «литовниками» — кн. Ольгердом и Кейстутом [384]. Таким образом, в середине XIV в. против крестоносной агрессии единым фронтом выступали северо-западные и западные русские города независимо от того, в состав какого политического образования они входили. Сам Юрга Витовтович в 1341 г. находился в осажденном немцами Изборске, а в 1348 г. был убит там же на пути к Изборску, куда он, вероятно принявший православие, отправился святить церкви. Участие литовских войск в борьбе псковичей против ливонских феодалов недешево обошлось псковичам. В 1341 г. на обратном пути из похода на Ливонию Ольгерд и Кейстут вместе с витебскими воинами «потрьша хлеб около святыа Троици во Псковской области, такоже и сена и пожни потрьша» [385].

В 1357 г. в Пскове стал княжить Василий Будучолна [386]. 8 мая 1395 г. сюда же приехал освободившийся из заточения великий князь полоцкий Андрей Ольгердович, хорошо знакомый псковичам по своему первому пребыванию в Пскове в 40-е годы в качестве наместника витебского князя Ольгерда (в 1341 г.). После него в Пскове какое-то время княжил его сын Иван Андреевич, сложивший «целование» Пскову и, вероятно, поспешивший на битву на Ворскле, где погибли его отец и дядя Михаил Евнутьевич [387].

Во время феодальной войны в Великом княжестве Литовском в 1437 г. в Псков «в своем безвременьи» снова приехал Иван Андреевич. «Приаша его псковичи и всем сполу... хлебом и вологою и медом и поминком почтиша»: дали по 10 зобниц ржи и овса и 10 руб. «на кормлю» [388]. А еще через два года, в 1439 г., на княжение в Псков из Твери приехал внук Андрея Александр Иванович, правнук Ольгердов. Ради него псковичи выгнали его предшественника — князя Владимира Данильевича, зятя Александра Федоровича, пробывшего с 1424 по 1434 г. в Литве, а в 1434 г. получившего псковское княжение [389].

Дольше всего (с 1443 по 1447 и с 1456 по 1461 г.) княжил в Пскове кн. Александр Васильевич Чарторыйский, сын кн. Василия, одного из наиболее последовательных сторонников Свидригайлы, организатор, как и его брат Иван, убийства литовского князя Жигимонта — соперника Свидригайлы. Чарторыйский, женатый на дочери Дмитрия Шемяки, княжил в Пскове не от собственного имени, но в качестве наместника великого князя московского Василия II, послы которого 25 августа 1443 г. «поручиша» ему княжение. Второй раз он приехал по «псковскому чело-

[384] НПЛ, вып. 2, с. 95—96, 1341 г.
[385] Там же, с. 96, 99, 1348 г.
[386] Там же, вып. 1, с. 22; вып. 2, с. 103, 1357 г.
[387] Там же, вып. 2, с. 106, 109; НПЛ, с. 394, 395, 1399 г.
[388] ПЛ, вып. 2, с. 132, 1437 г.
[389] Там же, с. 133, 1439 г.; с. 128, 1434 г.

битью». В Пскове кн. Александр участвовал в нескольких походах на Ливонию (в 1444 г.— на Новгородок, в 1459 г.— на Озолицу и Желачку, в 1460 г.— на Озолицу, в 1461 г.— на Ливонию). Его деятельностью кончается практика приглашения князей из Великого княжества Литовского в русские северо-западные города. Кончается весьма примечательным эпизодом — отказом псковского кн. Чарторыйского целовать крест Василию II как господарю [390].

Меньше всего сведений о литовских выходцах в Твери. Андрей, сын Герденя, в 1289 г. стал тверским епископом по предложению вдовы Ярослава Аксиньи и ее сына Михаила [391]. Дочь Гедимина Мария стала женой тверского князя Михаила в 1320 г., а дочь Кейстута — супругой Ивана Михайловича [392]. Василий Михайлович Тверской в 1385 г. женился на дочери киевского князя Владимира Ольгердовича [393].

Идея воссоединения древнерусской «отчины» в Русском государстве возникла не на пустом месте. Традиция совместной борьбы против иноземных захватчиков питала идею объединения страны. Тверские полки участвовали в походах против Ордена [394]. В особенности заметный след в памяти русского народа оставило участие сил из Западной и Юго-Западной Руси в битве на Куликовом поле. Здесь проявил свое военное дарование Дмитрий Волынец, которому памятники конца XV в., в частности «Сказание о Мамаевом побоище», приписывали честь предложения перейти за Дон на ордынскую землю и расстановки («уряжения») полков перед боем. Здесь же мужественно сражался Андрей Ольгердович «со всеми полочаны» [395].

Иная ситуация складывалась в борьбе с Крымским ханством. Неспособность войска Великого княжества Литовского противостоять набегам крымцев подрывала веру в целесообразность пребывания крупнейших феодалов в этом политическом образовании. Во время нашествия Менгли-Гирея под Киевом собрались со своими войсками князья Одоевский, Вяземский, Можайский, Трубецкой, Воротынский, Козельский, «вся земля» Смоленская, Витебская, Полоцкая, Волынская, Подольская, Брестская и т. д. [396] Однако им не удалось противостоять этому нашествию. Пожалуй, 1484 г. можно датировать перелом в сознании крупных феодалов. Несколькими годами позднее большая часть перечисленных выше князей оказалась на стороне князя всея Руси Ивана III и Василия III [397].

[390] ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 436; ПЛ, вып. 2, с. 46, 47, 49, 50, 51, 143, 144; ПСРЛ, СПб., 1889, т. 16, с. 193.

[391] ПСРЛ, т. 15, стб. 406, 414; вып. 1, стб. 36, 72; ср.: Троицкая летопись. Реконструкция М. Д. Приселкова. М., 1950, с. 344—345. Подробнее см.: *Пашуто В. Т.* Образование..., с. 45.

[392] ПСРЛ, т. 15, стб. 414; вып. 1, стб. 41, 113.

[393] Там же, т. 15, стб. 443, 1385 г.

[394] ПСРЛ, т. 15. стб. 488, 1422 г. Указал Б. Н. Флоря.

[395] Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 94—95; УЛС, с. 59, 1380 г.

[396] *Каманин И.* Сообщения послов..., с. 6.

[397] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 359, 450 и др.; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 91 и др.

Наряду с централизаторскими и объединительными тенденциями среди славянских феодалов Литовского княжества существовали, постепенно угасая, децентрализаторские. Особенно заметны они были в 50-е годы XV в. на исходе феодальной войны, когда противники Василия II потеряли свои позиции в Московском княжестве. В 1454 г. бежал в Литовское княжество Иван Андреевич Можайский, зять Федора Львовича Воротынского, получивший в держание Брянск. Его сын Семен Иванович Можайский владел Черниговом, Стародубом, Гомелем, волостями Карачаев и Хотимль[398]. Где располагались земли другого сына Василия Ивановича, неизвестно.

В Литве провел последние годы и Дмитрий Шемяка, потомки которого жили в Великом княжестве Литовском до конца XV в. В начале XVI в. Василий Шемячич перешел на сторону Москвы вместе со своим княжеством, а вслед за ним покинул свои владения в Рошском повете его слуга Борис Граборуков[399]. Прибежище в Литве нашли и потомки Владимира Андреевича Серпуховского, потомки его внука Василия Ярославича. Его сын Иван и жена бежали в 1456 г.[400] О деятельности Федора Ярославича упоминалось выше.

В 1483 г. от гнева Ивана III скрылся в Великом княжестве Литовском Василий Михайлович Верейский, получивший Любеч с дворами и волостями — Койдановом, Рубежевичами, Усой, Старинкой, Ислочью, Воложином и Радошковичами[401]. Через два года туда же устремился последний тверской князь Михаил. На службе в Литовском княжестве оказались некоторые новгородцы, тверичи, псковичи, смольняне после присоединения их родных городов к Русскому государству. Те, кто долго не получал земельных пожалований в Литовском княжестве, готовы были «всесть на коня» в войнах против Русского государства. Выходцы из вновь присоединенных к Руси земель составляли тот «горючий элемент», который подогревал пыл литовских князей в войнах против Русского государства.

Однако беглецы из Великого княжества Литовского и Русского государства делали, пусть невольно, и другое дело — дело сближения белорусского и украинского народов с великорусским. Они приносили с собой книги, рассказывали о своей родине, знакомя с культурой русского, украинского или белорусского народов. Следы этого можно обнаружить и в сочинении Матвея Меховского, в основу которого был положен рассказ какого-то тверича[402], и в Устюжском летописном своде, написанном по живым воспоминаниям пленных на Ведроши[403]. Им же, вероят-

[398] ПСРЛ, т. 6, с. 180, 1454 г.; т. 8, с. 144, 1454 г.; т. 12, с. 109 и др.; УЛС, с. 83; АЗР, т. 1, № 49, с. 62, 5 февраля 1448 г.; № 167, с. 192, 26 марта 1499 г.

[399] РИБ, т. 27, стб. 390—391, 2 октября 1483 г.; 755—757, 18 апреля 1499 г.

[400] ПСРЛ, т. 6, с. 181; т. 8, с. 147; т. 12, с. 112 и др.

[401] ПСРЛ, т. 24, с. 202—203; 1483 г.; ДДГ, № 78, с. 293, 12 декабря 1483 г.; Сб. РИО, т. 35, № 19, с. 82, 4 января 1493 г.; РИБ, т. 27, стб. 830, 5 декабря 1502 г.

[402] *Флоря Б. Н.* Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского.— Сов. славяноведение, 1962, с. 2.

[403] Эта мысль была высказана А. А. Зиминым, см.: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений..., с. 15.

но, русский Север обязан проникновением большого количества книг краковского издателя Швайпольта Фиоля (1491 г.)[404]. Возможно, не без участия выходца из Русского государства была составлена летопись Авраамки, в основе которой лежит памятник новгородского летописания, не сохранившийся в Новгороде. Живое общение, обмен литературой, светской и духовной, продолжается в течение XIII—XV вв. Благодаря этому не терялось представление об общности восточнославянских народов Великого княжества Литовского в тот период, когда формирование украинской и белорусской народностей привело к первым успехам.

Связи Великороссии с изучаемыми районами развивались неравномерно. Пожалуй, наиболее устойчив, несмотря на превратности политических отношений, был рост экономических связей, который до конца XV — начала XVI вв. поддается статистическому учету. В это время экспорт из Русского государства достигал $^1/_3$—$^1/_2$ всего товарооборота Великого княжества Литовского, причем в основном в нем участвовали древнерусские земли, вошедшие в Литовское княжество. О том, какую роль играли связи с Русским государством, например, для Минска, можно судить по размерам таможенной пошлины, а также по величине платы за аренду мыта в Минске. Едва только торговля с Русским государством сокращалась, величина аренды мыта падала более чем вдвое[405]. Такую же роль играли связи с украинскими землями в торговле Вязьмы. В 1494 г. смоленские купцы продали в Вязьме 400 мехов галицкой, по ошибочному мнению И. П. Крипьякевича, соли. Белорусские и украинские земли в конце XV — начале XVI в. стали обычной ареной торговой деятельности купечества из самых различных городов Русского государства — Москвы и Можайска, Коломны, Дмитрова, а также Твери, Новгорода, Пскова и др. Сходство экономической структуры белорусских и украинских земель с русскими ограничивало возможности обмена товарами, но создавало предпосылки для упрочения посреднической торговли[406].

К началу XVI в. между русским и белорусским купечеством установились постоянные кредитные отношения, свидетельствующие о прочности экономических связей. Даже вопреки войнам Литовского княжества и Русского государства культурные отношения между русскими, украинскими и белорусскими землями развивались. Постоянным фактором, способствующим этому, было единство вероисповедания[407].

[404] *Немировский Е. Л.* Начало славянского книгопечатания. М., 1971; *Он же.* Распространение краковских изданий Швайпольта Фиоля в Русском государстве в XVI—XVII вв.— В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 190.

[405] РИБ, т. 20, стб. 898—899, 1516 г.; см. также: *Мишко Д. І.* Зв'язкі між Україною і Росією в XIV—XV ст. Київ, 1959; *Верзилов А.* Очерки торговли Южной Руси с 1480 по 1569 г. Чернигов, 1898; см. также: *Хорошкевич А. Л.* Россия и мировые торговые пути конца XV в.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 32—40.

[406] *Крипьякевич І. П.* Звьязки Західної України з Расією до середини XVII в. Київ, 1953, с. 12; *Хорошкевич А. Л.* Кредит во внутренней русской и русско-ганзейской торговле XIV—XV веков.— История СССР, 1977, № 2, с. 125—140.

[407] *Тихомиров М. Н.* Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига.— Вест. истории мир. культуры, 1957, № 8, с. 4—5.

Если православная церковь в Великом княжестве Литовском потеряла свои политические позиции, то тем не менее она осталась основной хранительницей древнерусских традиций в области культуры — летописания, церковного права. Киевская митрополия считала себя центром всея Руси, как об этом недвусмысленно объявили «епископы русских стран»[408]. Признание единого церковного центра, до 1458 г. общего с Северо-Востоком и Северо-Западом, способствовало росту влияния Киева как столицы митрополита. Сюда стремились церковные иерархи из Московского княжества. Так, в 1382 г. в Киев вместе с Киприаном уехал игумен серпуховского Высоковского монастыря Афанасий. О событиях церковной жизни в Киеве хорошо знали и в северо-западных и северо-восточных русских землях. Смерть киево-печерского «старца» Павла Высокого, «книжного, грамотного», судя по Рогожскому летописцу, оплакивалась и далеко за пределами Киевской земли. Роль Киева, «богоспасаемого града, он же наречется мати градовом Руское земли, а не инако», подчеркивал в 1481 г. константинопольский патриарх Максим[409]. Поддержка константинопольским патриархом киевской митрополии в тот момент, когда церковь Русского государства прервала всякие сношения с патриархией, способствовала росту влияния Киева, в особенности его церкви, митрополита и Киево-Печерской лавры, бывшей ставропигиальной, не только в Великом княжестве Литовском, но и во всей Восточной Европе.

Монастыри Киева считались общерусскими святынями, они притягивали к себе многочисленных выходцев из Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Среди бояр печерского архимандрита в начале XVI в. значились Василий Псковитин и некий Волынец, в последней четверти XV в. игуменом Никольского Пустынского монастыря был Матвей Малый, «прийшов молод з Новагорода Великого, еще до Микулы архимандрита»[410]. Высоко почитался и Супрасльский монастырь. В его «поминник» был занесен псковитин дьяк Павел, выходцы из Рязани, а на листке XVII в. записано: «Род з Торопца места с Москвы благородного Матфея Иоанновича, написавшего и надавшего в монастыр Супрасльский книгу великую, рекомую Десятоглав 1507 года»[411]. Книга, о которой упоминает запись, включала в себя часть Библии по геннадиевскому переводу конца XV в.[412] Родственники Матвея Ивановича постриглись в Торопце, Новгороде, Полоцке и Супрасле. Таким образом, и этим постри-

[408] АЗР, т. 1, № 24, с. 33, 15 ноября 1415 г. О приверженности русских Литовского княжества к православной вере около 1500 г. свидетельствовал краковский каноник Иван Сохран в сочинении «Истолкователь заблуждений русской веры» (*Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888, с. 6, прим. 3).

[409] АрхЮЗР, ч. 1, т. 1, № 1, с. 1—2, 14 июня 1481 г.; ПСРЛ, т. 15, вып. 1, с. 147, 1382 г.

[410] АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, № 7, с. 13, 8 августа 1508 г.

[411] Супрасльский синодик.— АСД, Вильно, 1870, т. 9, с. 457; см. также: *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки. Вильно, 1882, с. 185.

[412] *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык, с. 6, прим. 3.

женникам разных монастырей, выходцам из далеких друг от друга русских городов, принадлежит некоторая роль в укреплении связей, в первую очередь культурных, между народностями, формировавшимися на базе древнерусской. Вероятно, благодаря им в Белоруссию рано проникли жития московских святых, в частности Сергия Радонежского, Печерский патерик[413], в библиотеку полоцкого Софийского собора — хождение Даниила XII в. и т. д. Обмен рукописными книгами и даже заказ их были, по-видимому, обычными в то время, насколько можно судить по «Посланию от друга к другу» Василия Дмитриевича Ермолина к писарю Якубу[414].

Меньше известно о связях купечества и мещанства, хотя и они являлись вкладчиками рукописей в монастыри Западной Руси. На прологе начала XVI в., хранившемся в Виленской публичной библиотеке (ныне Центральная государственная публичная б-ка ЛитССР), имеется запись: «Пожалована от псковских посацких людей»[415]. В Киеве в конце XV в. действовал дьяк Митя Москвитин[416].

Идею единства всех русских земель и городов развивал «Список русских городов дальних и ближних», составленный, весьма возможно, в Смоленске в 90-е годы XIV в.[417]

Красноречивым памятником культурных связей служит синодик Киево-Печерского монастыря[418], составленный в 90-е годы XV в. Ведение его продолжалось всю первую треть XVI в. Здесь в основном записаны выходцы из городов Украины и Белоруссии — Турова, Веницы, Мозыря, Слуцка, Минска, Канева, Острога, Чернигова, Пинска (Бельские, Друцкие, Крошинские, Кобринские, Острожские), выезжие из Русского государства в Великое княжество Литовское (Василий Семенович Можайский, Федор Ярославич, Михаил Дмитриевич Вяземский). В Киево-Печерский синодик занесены имена «москвичей» (среди них родители Ивана III и его первая жена Мария Тверская, Иван Иванович Молодой, игумен спасский из Заяузья, Михаил Васильевич, сын Дурного, Федор Васильевич Созонов, Григорий Дмитриевич, Михаил Васильевич, Василий Семенович

[413] АСД, т. 9, с. 54, 557; см. также: История белорусской дооктябрьской литературы. М., 1977, с. 51—52.

[414] *Седельников А. Д.* «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV в.— Изв. АН СССР. Сер. 7. Гуманитарные науки. Л., 1930, № 4, с. 223—238; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XVI веках. М., 1957, с. 245—246.

[415] *Добрянский Ф. Н.* Указ. соч., с. 191.

[416] УГ XV ст., № 5, с. 30—31, 4 июня 1499 г.

[417] О нем см. подробнее: *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних».— ИЗ. М., 1952, т. 40, с. 214—259. О месте составления «Списка» см.: *Подосинов А. В.* О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних».— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей. М., 1978, с. 40—48. О времени создания «Списка» см.: *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних».— В кн.: Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 150—163.

[418] *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия).— ЧИОНЛ. Киев, 1892, кн. 6, с. 1—69; ср.: *де Витте Е. И.* Древний помянник Киево-Михайловского (Златоверхого) монастыря (XVI—XVII вв.).— ЧИОНЛ, Киев, 1903, кн. 17, вып. 1, с. 8—9.

Ромодановские, Семен Ряполовский, Василий Дмитриевич Ермолин), новгородцы (предки некоего Ермака, старца Киприана, Петра Калинина с Черничины улицы) и много выходцев из разных городов Русского государства (Калуги, Костромы и др.). Указаны предки «новых москвичей» — Ивана Юрьевича Патрикеева[419] и Василия Львовича Мамая. Род Михаила Андреевича Плещеева, потомка выходца из Черниговщины Федора Бяконта[420], был занесен «уставником». Если первые записи синодика, в том числе рода Ивана III, были сделаны вскоре после 1490 г., то последующие, в частности детей Патрикеева,— уже в 30-е годы XVI в. Князья, бояре и мещане, светские и духовные лица ехали в Киев поклониться основателям лавры, великим князьям[421]. Синодики свидетельствуют о постоянных связях жителей Русского государства с Киевом.

Среди великих князей, именами которых и открывается синодик, встречаем киевского князя Владимира, литовского Ольгерда и целый ряд московских — Дмитрия (по-видимому, Донского), Данилу, Ивана (Калиту), Семена (Гордого). Как бы ни объяснять возникновение такого удивительного сочетания (среди имен великих князей был еще и Витовт, имя которого оказалось позднее выскобленным), тем ли, что эта часть восходила к прежнему синодику, который сгорел, или была написана заново в 90-е годы XV в., оно свидетельствует о несомненных симпатиях ее составителя к основателям и защитникам Московского княжества, свидетельствует о признании Русского государства центром объединения всех русских земель. Судя по синодику, в 90-е годы такая роль не отводилась ни киевским, ни тем более литовским князьям.

Этот факт представляется тем более поразительным, что синодик составлен по живым следам разгрома Киева крымским ханом Менгли-Гиреем в 1484 г., выполнявшим свои союзнические обязательства по отношению к Ивану III, по его «слову» «за неисправление королевское, что привел царя Ахмата Большие Орды на великого князя»[422]. Даже пожар Киева и опустошение Киевской земли в результате этого похода не смогли подорвать идею единства русских земель и главенства в них Русского государства.

На Северо-Востоке и Северо-Западе Руси внимательно следили за судьбами Киева[423]. В новгородских и псковских летописях оказались

[419] Имена князей «Иоанна Юрьевича с Москвы» (Патрикеева), Семена Ряполовского, Семена Ромодановского, подвергшихся опале в 1499 г., а также кн. Василия Львовича Мамая были занесены в синодик Николо-Пустынского монастыря в Киеве (*Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 579).

[420] Большой популярностью пользовался и Супрасльский монастырь. В его синодике также были записаны выходцы из Великороссии, в частности род псковича дьяка Павла, Григория Федоровича и Андрея Григорьевича Плюсковых (АСД, т. 9, с. 457).

[421] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.. 1969, с. 247 и след.

[422] ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 467. См. подробнее: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 197—198.

[423] *Антонович В.* Киев, его судьба и значение...

отмеченными сожжение Киево-Печерской лавры в 1416 г. и Киева в 1484 г.[424], деятельность Семена Олельковича по обороне родины[425].

Стремление к сохранению «старины», «пошлины» во всех сферах жизни — в материальной и духовной культуре, социальных отношениях и политическом устройстве — характерная черта, присущая всей феодальной эпохе. Медленно развивавшееся в этот период общество хранило верность традиции, возводимой в силу особенностей социальной психологии того времени на уровень идеального образца. Новые отношения с трудом пробивали себе дорогу. Особенно это заметно в восточноевропейском, славянском мире, где из-за иноземного нашествия весь темп развития был заторможен.

Вплоть до конца XIV в. черты древнерусской культуры в Литовском княжестве прослеживаются наиболее отчетливо. В начале XV в. или, вернее, в конце XIV в., когда большая часть изучаемых земель вошла в Великое княжество Литовское, начинают формироваться украинская и белорусская народности.

На протяжении всего XV в. черты древнерусских традиций заметны во всех сферах жизни. Особенно интенсивно процесс становления украинской и белорусской народностей протекал с конца XV в. Он занял все XVI столетие. На базе древнерусских традиций складываются новые этнические общности с присущими им особенностями материальной и духовной культуры.

Подводя итоги, можно наметить три пути развития северо-восточных, северо-западных и, наконец, западных и юго-западных древнерусских земель. Все они прямо или косвенно испытали воздействие монголо-татарского нашествия. Наиболее замедленный в XIII—XIV вв. путь развития проделала Северо-Восточная Русь. Эти земли подверглись наиболее жестокому опустошению, их последующее развитие происходило под непосредственным деформирующим воздействием сперва Джучиева улуса, позднее Орды, получившей в XVI в. название Золотой, а с середины XV в. — различных орд, сформировавшихся на ее базе. В результате этого в северо-восточных русских землях было нарушено равновесие, пусть относительное, между княжеской властью и городом, которое существовало в период Древнерусского государства. Вследствие слабости города в этих районах и особенностей политических отношений и положения Руси необычайную силу приобрела княжеская власть, взявшая на себя тяжкие обязанности представлять политические образования перед лицом иноземных властителей. Подъем города происходил в то

[424] ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 415, 1416 г.; О событиях 1484 г. в новгородской летописи записано: «...сентября, по слову великого князя Ивана Васильевича всея Руси, прииде царь Минь-Гиреи Перекопьскыа орды с всею силою и град Киев взял и огнем сьжже, а воеводу киевського изымал и землю Киевськую учини пусту за неисправление королевское, что привел царя Ахмата Большие орды на великого князя» (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 463).

[425] Панегирик Семену Олельковичу поместили псковские летописи под 1470 г.: «преставися князь Семеон Киевский на Киеве, брат Михаилов Олельковичь, честно боронив отчину свою град Кыев от силнеи себе ординских царей и от тотарь; тем же и првознесеся во всеи Руси, и в иныа далекиа земли, яко же и великих киевских княжеи древних честно имя его» (ПЛ, вып. 2, с. 173).

время, когда княжеская власть настолько прочно утвердилась, что городам уже не удалось вернуть прежние политические позиции.

Второй путь — это развитие независимых феодальных республик Новгорода и Пскова. Экономическая и политическая жизнь городских республик протекала под воздействием угрозы со стороны Джучиева улуса и Орд, Золотой и Крымской, Ливонского ордена и Великого княжества Литовского. Обстановка, сложившаяся на Востоке Европы в результате монголо-татарского нашествия, не благоприятствовала гармоничному развитию этих городов. Прежние связи с северо-восточными районами были если не прерваны, то сокращены до минимума. Однако во внутреннем политическом положении Новгорода и Пскова наиболее отчетливо прослеживаются архаические черты, сложившиеся еще в Древней Руси. Взаимоотношения князя и города, регулировавшиеся договором — «рядом», здесь просуществовали вплоть до 1471 г.

Наконец, по третьему пути проходило развитие западных и юго-западных земель Древнерусского государства, оказавшихся под властью Литовского княжества и Короны Польской. Здесь в полном отличии от северо-восточных земель равновесие, казалось, было нарушено в пользу города. Однако только на первый взгляд. И здесь, как и на Северо-Востоке, оно было нарушено в пользу верховной власти князя, на этот раз не местного, но общего для ряда литовских, русских и жемайтских земель — великого князя литовского.

Впрочем, в этих районах диспропорция была не столь велика, как на Северо-Востоке. Отношения литовского князя и города, вернее, крупнейших городов — Полоцка, Витебска, Киева — строились на основе договора, согласно которому положение великокняжеского наместника формально, подчеркиваем, формально низводилось до положения служебного князя в Новгороде. Литовской великокняжеской власти не удалось сломить силы города, с одной стороны, силы традиции, представляемой этим городом,— с другой. Поэтому структура социальной организации Новгорода, Пскова и Полоцка, Витебска, Киева обнаруживает много общего, восходящего к древнерусским временам.

Общность духовной культуры поддерживалась не столько единством византийского и «поствизантийского мира», сколько сохранением связей отдельных частей Древнерусского государства между собой и в тот период, когда на время было утрачено политическое единство восточных славян.

Таким образом, на протяжении XIV — начала XVI столетия существовали и крепли разносторонние связи между отдельными регионами, занятыми восточными славянами. В них участвовали представители феодальных кругов, служившие то князьям московским, то тверским, то литовским, то Великому Новгороду, а в конце XV в. устремившиеся в Русское государство. По мере упрочения экономических отношений в эти связи во все большем масштабе втягивалось купечество Русского государства и Великого княжества Литовского, перевозившее не только товары, изготовленные в этих государствах или добытые там, но и иностранные — восточные и европейские (шелка, краски, сукна и т. д.). Паломники к общерусским святыням в Киеве — выходцы из самых разных слоев об-

щества и разных краев Руси — приносили в Киев и уносили из него книги не только чисто церковного содержания, но и различные исторические повествования. В поддержании связей невольно участвовали и пленники, как знатные (типа князя Константина Острожского и других литовских военачальников, попавших в плен в результате битвы при Ведроше), так и бессчетные «полоняники», похолопляемые во время войн на восточных границах Великого княжества Литовского. Связи между отдельными регионами восточного славянства упрочивали и беглые, искавшие лучшей доли за пределами своих государств, где на протяжении XV — начала XVI в. стали формироваться крепостнические отношения. Вольно или невольно беглые и «полоняники» — безымянные холопы, смерды и закупы, бесчисленные «жонки» и «паробки» — приносили с собой навыки земледельческого и ремесленного труда, полученные от предков, на новую родину. Именно им принадлежала честь не только пассивного хранения, но и творческого развития опыта предшествующих поколений в сфере материальной культуры. В их среде хранилось и другое драгоценное наследие Древней Руси — ее фольклор: праздничные, свадебные, заунывные похоронные песни. Передаваемые от поколения к поколению эти произведения донесли почти до нашего времени думы и чаяния простого люда средневековья.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Б. Н. ФЛОРЯ

Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение

Древнерусские традиции в общественной жизни восточных славян XV—XVI вв. и объединительная политика Русского государства

В истории Восточной Европы XIV—XV вв. были временем, когда на основе единой древнерусской народности формировались три различные восточнославянские народности с присущими им особенностями языка, культуры и быта. Вместе с тем складывавшиеся новые народы сохраняли сознание единства происхождения, близости языка и культуры, общности исторической судьбы.

Сохранению и укреплению этого сознания способствовали развивавшиеся, несмотря на государственные границы, разнообразные связи между восточнославянскими землями. Для иллюстрации масштаба этих связей к концу XV в. представляется целесообразным привести некоторые данные о связях Киева и русских земель на рубеже XV—XVI вв. В 1460 г. в Киево-Печерском монастыре составлена была новая редакция знаменитого памятника древнерусской литературы «Киево-Печерского патерика». Уже в 1462 г. с рукописи этой редакции была сделана копия в кремлевском Вознесенском монастыре[1]. В конце XV — первой половине XVI в. был составлен Помянник Киево-Печерской лавры, куда были внесены лица, связанные с монастырем и делавшие пожертвования.

В него с «князем великим Иоанном Васильевичем Московским» вписаны и виднейшие вельможи русского двора, такие, как кн. И. Ю. Патрикеев и С. И. Ряполовский, и более скромные представители московской знати (кн. М. В. и С. В. Ромодановские, М. А. Плещеев — первый русский посол в Турции), и рядовые члены двора (Н. В. Дурного, Г. Д. Баба), и выходец из богатого московского купечества, известный деятель русской культуры В. Д. Ермолин, и представители духовенства («старец» Киприан из Новгорода, «игумен спасской из-за Яузья» Ксенофонт, священник Иоанн из Калуги), и простые люди из разных русских городов[2]. К этому следует добавить и несколько ру-

[1] *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, с. 67, 78.

[2] *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской лавры.— ЧИОНЛ. Киев, 1892, т. 6.

←

На шмуцтитуле:
Киев. Замки на Киселевке и Кудрявце.
Гравюра И. Вестерфельда. 1651 г.

кописей, переписанных в это время в Киево-Печерском монастыре русскими писцами [3].

Существенной частью этих развивавшихся связей было стремление обеих сторон к сохранению общего исторического наследия, овеществлявшегося прежде всего в летописных сводах — хранилище общей исторической памяти восточнославянских народов. Здесь в первую очередь следует отметить желание ознакомиться с неизвестными в данном районе историческими памятниками и тем обогатить свои представления о древнерусском прошлом.

Об особой интенсивности контактов именно в этой области говорит тот показательный факт, что некоторые памятники домонгольского летописания дошли до нас в письменной традиции совсем не тех мест, где они возникли. Так, единственная копия иллюстрированной рукописи владимирского свода начала XIII в. была сделана где-то в середине XV в. в Смоленске — так называемая Радзивилловская летопись [4]. Другой памятник северо-восточного летописания того же времени, так называемый Летописец Переяславля Суздальского, сохранился лишь в составе «Летописца русских царей» — компиляции, составленной в XV в. на «Западе или Юго-Западе Руси» [5]. С другой стороны, киевский свод конца XII в. в особой редакции, отличающейся от использованной в Ипатьевской летописи, известен нам лишь в составе сводов, возникших в XV в. в Северо-Восточной Руси [6].

Другое явление, показательное для отношения восточнославянских народов к своей исторической традиции,— это стремление к созданию крупных произведений, которые охватывали бы материал по истории всей древней Русской земли, где в едином синтезе были бы объединены данные исторической традиции различных древнерусских центров.

В известной мере такие попытки можно отметить и в летописании более раннего времени: так, в новгородском летописании первых десятилетий XIII в. очевидны следы использования владимирского источника, киевский свод конца XII в. представлял собой соединение ряда южнорусских источников с обширными извлечениями из летописи Всеволода Большое Гнездо. Однако действия книжников XV в. далеко превосходят более ранние попытки по размаху своих опытов и по их последовательности. Тенденция развития выступает совершенно ясно при сопоставлении между собой главных общерусских сводов XV в.

Уже в общерусском своде начала XV в. (так называемой Троицкой летописи) была сделана попытка дать изложение истории Руси на осно-

[3] Рукопись 1474 г. писал «Ондрей Тферитин» (Гос. б-ка им. В. И. Ленина, собр. Моск. дух. академии № 43), рукопись 1514 г.— «дьяк Илия родом Новаграда Великого» (ГПБ, Q I, № 900).

[4] В северо-восточном тексте, восходящем к тому же оригиналу — так называемой Московско-Академической летописи, изображения отсутствуют (*Шахматов А. А.* Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. СПб., 1902).

[5] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938, гл. VI.

[6] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969, гл. VII.

ве летописной традиции разных исторических центров (не только отдельных княжеств Северо-Восточной Руси, но и Новгорода), но в этом случае речь шла лишь об эпохе, современной автору, а для более раннего времени в основу изложения был положен так называемый свод 1305 г., отражавший в своем рассказе о Древней Руси лишь традицию одного из вариантов владимирского летописания.

Важным новым шагом по пути к созданию подлинного общерусского по характеру свода стало появление в первой половине XV в. памятника, послужившего общим источником Новгородской IV и Софийской I летописей. В нем была сделана попытка объединить на всем протяжении повествования летописную традицию Северо-Восточной Руси с летописной традицией Новгорода. Был также пока еще в скромных размерах привлечен и южнорусский источник, близкий к Ипатьевской летописи. Возникший в результате этого синтеза текст (и прежде всего его часть, содержащая повествование о Древней Руси) лег затем (с некоторыми вариациями) в основу сводов, возникавших во второй половине XV в. в различных центрах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.

Как своего рода завершающий шаг в создании общерусской летописной традиции о Древней Руси можно рассматривать создание в 60—70-х годах XV в. в Москве нового общерусского свода. Основа повествования, заимствованная из предшествующих сводов (традиции и Троицкой, и Новгородско-Софийской), была здесь дополнена как широким (а не выборочным) привлечением южнорусского источника, так и использованием особого владимирского свода, известия которого за первую треть XIII в. отличались от традиции, отраженной в Лаврентьевской летописи[7]. Разумеется речь шла не о бессистемном накоплении материала — известия собирались и группировались в связи с политическими концепциями той среды, в которой они создавались. Бесспорно, однако, что при этом одной из главных тенденций летописания XV в. было дать действительно «общерусскую» историю Древней Руси.

Характерно, что все указанные памятники возникли на землях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в то время как на украинских и белорусских землях подобных произведений не появилось. В этом сказались различия в реальном положении отдельных частей старой Русской земли в XV в. Для земель Северо-Западной и Северо-Восточной Руси — очага формирования великорусской народности — XV век был временем резкого ослабления тяготевшего над ним монголо-татарского господства и значительных сдвигов в традиционной политической структуре, отражавших процесс объединения русских земель вокруг Москвы. С развитием этого процесса усиливался интерес к историческому прошлому, усиливалось сознание единства Руси, и поэтому само прошлое во все бóльшей мере отождествлялось не с традицией какой-либо одной земли, хотя бы и опиравшейся на «Повесть временных лет», а со всей исторической традицией Древней Руси.

[7] О составе главных общерусских сводов XV в. подробнее см.: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. М., 1976, с. 42—45, 93—105, 152—159.

Таких сдвигов не было и не могло быть на украинских и белорусских землях, оказавшихся под властью литовских и польских феодалов. Однако и эти земли не остались в стороне от перемен, происшедших в XV в. в деле познания исторического прошлого. Во второй половине XV—начале XVI в. развернулся внимательно прослеженный в работах А. А. Шахматова процесс проникновения и распространения в белорусской и украинской среде возникших в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси общерусских сводов. Важную роль в этом играл Смоленск.

Определенной вехой, позволяющей ориентироваться в хронологических рамках процесса, может служить тот отмеченный А. А. Шахматовым и подтвержденный последующими исследованиями факт, что один из источников польской «Хроники» Яна Длугоша, скончавшегося в 1480 г., представлял собой свод, восходивший к традиции общерусского свода — общего источника Новгородской IV и Софийской I летописей [8]. Для того чтобы этот текст мог попасть в руки хрониста, работавшего в Кракове, необходимо было, чтобы он еще ранее получил распространение на белорусских и украинских землях.

К третьей четверти XV в. относится также один из списков составленного в Смоленске летописного свода (Никифоровский) [9], отдельные части которого восходят к общерусскому своду 1408 г., а другие обнаруживают сходство с известиями Новгородской IV и Софийской I летописей [10]. Очевидно, ко времени составления свода на белорусских землях получил распространение не один какой-либо памятник, а ряд общерусских сводов XV в.

Этот свод был не единственной компиляцией, основанной на общерусском материале и возникшей в этот период на белорусских и украинских землях. А. А. Шахматов выявил ряд списков конца XV—первой половины XVI в. (самый ранний — в «Сборнике Авраамки» 1495 г.) еще одного памятника, основанного на текстах общерусской традиции новгородского летописания (Новгородская IV и V летописи), где вступительная часть (до 1302 г.), несмотря на сокращенное изложение, отражает стремление составителей усилить общерусский характер источников за счет узкоместных известий. Исследователь отметил и ряд других текстов, отражавших эту общерусскую вступительную часть [11].

В данных источниках события истории Древней Руси излагались, как правило, в сокращенном варианте, но белорусскому и украинскому читателю были известны и гораздо более пространные тексты, как, например, написанный на рубеже XV—XVI вв. и еще в XVII в. находив-

[8] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 342—347; *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978, разд. «Ян Длугош и русские летописи».

[9] Исторические сборники XV—XVIII вв.: Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., т. 3, вып. 2, 1965, с. 107.

[10] Об этом смоленском своде, известном в настоящее время как Белорусская Первая летопись, и его источниках см.: *Шахматов А. А.* Разыскания..., гл. XXVI; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 155—158; *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Минск, 1969, разд. I; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи..., с. 114—116.

[11] *Шахматов А. А.* Разыскания..., гл. XX, XXIII, XXV.

шийся на западнорусских землях Фроловский список Новгородской IV летописи[12].

Это распространение на белорусских и украинских землях памятников русского летописания XV в. происходило в тот период, когда стали складываться концепции исторического развития Восточной Европы, разрабатывавшиеся польской и литовской феодальной историографией.

Внесение в упоминавшийся выше исторический труд Длугоша большого количества русского летописного материала было связано с общей исторической концепцией хрониста, утверждавшего, что древнерусские земли издавна находились в сфере польского политического влияния. Отождествляя древнерусских «полян» с древнепольским племенем «полян», обитавшим в районе Гнезна, Длугош утверждал, что в древнейшее время в Киеве правила польская княжеская династия (к ней, по его мнению, принадлежали князья Аскольд и Дир — якобы потомки поляка Кия), которая лишь позднее вероломно была отстранена от власти Рюриковичами[13]. Другое важное положение его построения — это тезис, что и позднее значительная часть древнерусских земель находилась в сфере влияния Древнепольского государства, признавая свою зависимость от древнепольских правителей. Заимствованные из польских хроник XII—XIII вв. и из древнерусских летописей рассказы о походах польских князей и королей на восток дополнялись сообщениями, которые должны были помочь обоснованию этого положения. Примером может служить сообщение в его рассказе о походе Болеслава Храброго на Киев о том, как Болеслав, следуя примеру Геракла, поставил на месте впадения Сулы в Днепр железные столпы, «существующие и теперь», чтобы определить тем самым восточные границы Польского королевства[14]. Такое построение обосновывало не только захват западноукраинских земель польскими феодалами как восстановление отношений, существовавших якобы уже в древности, но и правомерность дальнейших шагов в этом направлении.

Для эволюции литовской феодальной историографии показательно появление в 20-х годах XVI в. написанного по заказу таких представителей литовской знати, как А. Гаштольд и П. Гольшанский, исторического труда «Летописец Великого княжества Литовского и Жомоитского»[15]. Этот труд должен был заменить не удовлетворявший литовскую аристократию опыт создания истории Восточной Европы, предпринятый в Смоленске в середине или второй половине XV в. Смоленский свод представлял собой механическое соединение общерусского летописного свода, опиравшегося на материал русских летописей XV в. и рассказывавшего об истории Древней Руси от древнейших времен до первых десятилетий XV в., и так называемого «Летописца великих князей литовских» — повествования о взаимоотношениях потомков великого князя

[12] ПСРЛ. Пг., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. III—IV.
[13] Joannis Dlugossii annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsovia, 1964, lib. 1—2, s. 111, 121—122.
[14] Там же. Varsovia, 1970, lib. 3—4, s. 100—101.
[15] О времени составления и заказчиках труда см.: *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы..., с. 155 и сл.

литовского Гедимина на рубеже XIV—XV вв. В переработке 20-х годов XVI в. древнейшая история Руси была из состава свода удалена и заменена сообщениями о происхождении литовской аристократии от «шляхты римской» и о ее победоносных походах на русские земли, опустошенные Золотой Ордой. В них подчеркивалось, что лишь литовские князья сумели установить на захваченных землях порядок, освободить их от власти Орды, обстроить городами. Здесь указывалось также, что вольности, которыми пользуются, например, полочане («вечо мети и в звон звонити»), были пожалованы им литовскими князьями [16].

В таких условиях распространение на белорусских и украинских землях общерусских летописных сводов, в основе которых лежала идея единства всей Руси, где читались рассказы о едином могущественном Древнерусском государстве, имело важное политическое значение, давая украинскому и белорусскому обществу определенную точку опоры для критического отношения к концепциям литовской и польской феодальной историографии. Особое значение это приобрело в XVI в., когда соответствующие построения получили широкое распространение благодаря печатным изданиям хроник М. Меховского и М. Кромера, где воспроизводились взгляды Длугоша, и хроники М. Стрыйковского, широко отразившей традиции как польской, так и литовской феодальной историографии.

Имело значение и то обстоятельство, что благодаря летописным компиляциям, содержавшим обширные извлечения из рассказов общерусских сводов о событиях XIII—XV вв., образованные круги белорусского и украинского общества знакомились с историей русских земель и, в частности, с их борьбой против ордынского ига.

Важнейшим событием в истории Восточной Европы стало завершение во второй половине XV — начале XVI в. процесса объединения русских земель вокруг Москвы, процесса создания единого Русского государства. В Восточной Европе (и даже шире — в Европе в целом) возникла новая могучая держава, связанная своим происхождением с государственной территорией древнерусской народности, держава, воспринимавшая себя как возрождение, возобновление Киевской державы.

Перед населением нового государства возникали вопросы, каково происхождение этой ранее не существовавшей державы, каково будет ее место в мире, чем должна определяться направленность ее международной политики и государственного строительства. В этих условиях в самых разных слоях населения резко возрос интерес к «киевскому» прошлому. Интерес к нему, разумеется, существовал и ранее, но для людей XIV — первых двух третей XV в., как показывает история летописания, речь шла прежде всего о том, чтобы собрать и сохранить это древнее наследие, а новые политические идеи проводились на материале, более современном деятельности сводчиков (XIII—XV вв.). Отношение людей конца XV — первой половины XVI в. к этому наследию становилось гораздо более активным. Для них оно должно было дать ответ на важные

[16] Подробнее о политических тенденциях памятника см.: *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 70—72.

вопросы современности, в их руках оно изменялось и переосмысливалось.

Сдвиги, происшедшие в сознании народных масс с созданием единого Русского государства, отражаются в определенных изменениях традиции эпического творчества. Нет сомнений, что эпическое творчество у восточных славян зародилось гораздо раньше интересующего нас времени, восходя отдельными темами и сюжетами еще к догосударственному периоду их истории (об этом говорит типологическое сопоставление русского эпоса с эпосами других народов периода развитого феодализма), но также нет сомнений, что именно в XV—XVI вв. происходят определенные изменения в характере эпического творчества.

Направленность происходивших перемен хорошо прослежена в работе Д. С. Лихачева, посвященной изучению отразившихся в письменных текстах XV—XVI вв. преданий об одном из самых известных русских богатырей — Алеше Поповиче[17]. Наиболее типологически ранними среди них являются рассказы об Александре Поповиче, как ростовском «храбре» начала XIII в., который совершает подвиги, служа Константину Ростовскому или Мстиславу Галицкому в борьбе с враждебными им русскими князьями. Сказания эти отразились в каком-то северно-русском своде, послужившем общим источником для Устюжской летописи и Сокращенных сводов 90-х годов XV в., а также в таких текстах летописания XVI в., как Никоновская летопись (рассказ о Липицкой битве), компилятивный Троицкий летописец и Тверской сборник, где наиболее ярко выступает связь «храбра» с Ростовом: упоминается его «замок» — город на р. Где, «иже и ныне той соп стоит пуст»[18]. Здесь мы — в рамках явлений, характерных для эпохи феодальной раздробленности. Однако уже в одном из этих текстов намечается новый этап в развитии эпической биографии А. Поповича. В повести о нем «Тверского сборника» рассказывается о том, как он созвал в своем городе съезд «храбров», которые «събравшеся съвет створиша, аще служити начнут князем по разным княжениям, то и не хотя имут перебитися, понеже князем в Руси велико неустроение и части боеве, тогда же ряд положивше яко служити им единому великому князю в матери градом Киеве». Заканчивался рассказ сообщением о том, как 70 «храбров» во главе с А. Поповичем погибли в битве на Калке из-за неумной похвальбы великого князя киевского Мстислава, не сумевшего распознать в монголо-татарах опасного врага[19]. Поскольку краткое известие о гибели А. Поповича и его «храбров» на Калке читалось уже в общем источнике Новгородской IV и Софийской I летописей[20], то это предание с его осуждением усобиц, подчеркиванием роли Киева как главного центра Русской земли, фиксирующее момент разрыва и героев эпоса, и его соз-

[17] *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче.— ТОДРЛ. М.; Л., 1949, т. 7.

[18] См. подборку соответствующих летописных текстов в кн.: Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974, с. 338, 340—341—342; ПСРЛ. М., 1965, т. 15, стб. 336—338, статья 1224 г.

[19] ПСРЛ, т. 15, стб. 338, 342—343, статья 1224 г.

[20] Добрыня Никитич и Алеша Попович, с. 336.

дателей с идеологией феодальной раздробленности, несомненно, уже существовало в первой половине XV в.

В Никоновской летописи — своде конца 20-х годов XVI в.— предание об А. Поповиче, ростовском «храбре» XIII в., участнике битвы при Липице, уже соседствует с рассказами об А. Поповиче — богатыре Владимира Киевского, защищавшем Русскую землю от кочевников[21]. В былинах об участии А. Поповича в княжеских усобицах уже ничего не говорится, для них он только богатырь Владимира Киевского, фрагмент одной из этих былин (Алеша Попович и Тугарин Змеевич) известен уже в списке середины XVII в.[22]

Сделанные Д. С. Лихачевым наблюдения позволили ему сформулировать важный вывод о характере сдвигов в развитии эпической традиции в XIV—XV вв. Именно в это время произошел разрыв с местными областными традициями или их переосмысление. Деятельность богатырей — героев эпоса оказывается связанной не с отдельными областными центрами, а с главным центром единой Русской земли — Киевом. Их главным делом, отодвигающим на задний план все остальное, становится защита Русской земли от врагов на границах («застава богатырская») или в открытой битве с вражеским войском под Киевом. «Эпическое время» русских былин стало временем идеальной «Киевской державы» и ее монарха Владимира. В этих изменениях нашло отражение осуждение народом порядков феодальной раздробленности, которые привели к ослаблению русских земель и их временному подчинению иноземным завоевателям. Прославление Киевской державы — символа былого единства и могущества Руси, восхваление подвигов богатырей в борьбе с вражескими полчищами означали призыв к борьбе за изменение существующего положения. В распространении таких представлений следует видеть идейное участие народа в борьбе за создание политического единства русских земель и их освобождение от иноземного гнета. В этой борьбе обращение к киевскому наследию сыграло огромную положительную роль[23]. Прогрессивные перемены, приведшие к образованию единого Русского государства и к свержению монголо-татарского ига, в свою очередь закрепили сдвиги, происшедшие в сфере самосознания. Как видно из хронологии приведенных выше свидетельств, есть все основания рассматривать первую половину XVI в. как период, когда в народном творчестве окончательно отходят на задний план повествования о прошлом, о домонгольской Руси, связывавшие деятельность богатырей с какими-то местными центрами,— в записях фольклорных текстов XVII—XIX вв. от них нет никаких следов. Правда, по происхождению богатыри и в записях былин связаны с отдельными местными центрами, Алеша Попович — с Ростовом, Илья Муромец — с Муромом, Добрыня — с Рязанью, Дюк Степанович — с Галичем Волынским, но их биографии в эпосе начинаются с выезда в Киев. Только с этого момента они становятся героями эпоса[24].

[21] Там же, с. 339.
[22] Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.; Л., 1960, с. 139—140.
[23] См. подробнее: *Лихачев Д. С.* Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. [Л.], 1946, с. 78—80.
[24] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958, с. 64.

В фольклорных текстах, отражающих представление народа о своем прошлом, Киевская Русь выступает как единая могучая держава, занимающая в этом мире место, не уступающее по значению ведущей мировой державе тех времен — Византийской империи. Не случайно по одной из былин об Илье Муромце этот киевский богатырь избавляет от поганого Идолища Царьград, а сохранившееся в ряде списков XVII в. основанное на фольклорном материале «Сказание о русских богатырях» рассказывает об их победоносном соревновании с цареградскими богатырями [25].

Вместе с тем далеко не случайно, что «эпическое время» русских былин отождествлялось в народном сознании с правлением такого древнерусского монарха, как Владимир. По справедливому указанию Д. С. Лихачева [26], время Владимира воспринималось народом не только как время славы и могущества Руси, но и как время, когда еще не сложилась окончательно система феодальных общественных отношений, когда население еще не было так, как позднее, придавлено гнетом господствующего класса. Эта традиция, начавшаяся складываться, по-видимому, очень рано, отразилась уже в предисловии к Начальному своду XI в., где «древние князи и мужи их» противопоставлялись князьям и «мужам» — современникам летописца. Говоря о «древних» князьях и «мужах», летописец хвалил их военные подвиги («отбараху Руския земле и ины страны придаху под ся») и подчеркивал, что старая дружина «кормяхуся воююще ины страны». Смысл этих похвал раскрывается в рассказе о том, что «древние» князья «не збераху много имения, ни творимых вир, ни продаж вскладаху [на люди], но оже будяше правая вира, а ту возмя дааше дружине на оружье» [27]. Мотив противопоставления «древних» князей и «мужей», которые прославили своими подвигами и «росплодили были землю Руськую», новым князьям и «мужам», которые угнетали и грабили свой народ, выражен здесь с полной ясностью. Из этих «древних» князей Владимир был, несомненно, самым знаменитым правителем. Он уже в эпоху создания Повести временных лет стал героем ряда преданий. Отождествление «богатырской эпохи», «эпического времени» с правлением Владимира Киевского означало одновременно осуждение современной создателям эпоса социальной действительности, противопоставление ей идеальных представлений об ином, более совершенном порядке, существовавшем некогда в прошлом. Это и дало основание одному из крупнейших знатоков фольклора назвать русский эпос «эпической утопией героического века и идеального государства» [28].

[25] Былины в записях и пересказах..., с. 148—165. В более поздних записях былин говорится и о других землях и странах, освобожденных киевскими богатырями от иноземных завоевателей; в частности, о том, как они «выручили из неволюшки» град «Кряков» (Краков). Как указывает В. Т. Пашуто, в таких былинах отразилась традиция совместной борьбы народов Центральной и Восточной Европы против монголо-татар (*Пашуто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1965, с. 88).

[26] *Лихачев Д. С.* «Эпическое время» русских былин.— В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952, с. 55—63.

[27] НПЛ, с. 104.

[28] *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963, с. 445.

Намечающееся здесь противоречие между интересами народа и феодальной власти в дальнейшем в известной мере проникало внутрь самой эпической традиции, находя выражение в таких мотивах, как определенное противопоставление богатырей — выходцев из народа князю и окружающим его боярам, снижение самой личности Владимира, наслоение на его образ таких отрицательных черт, как жадность, трусость и т. д. Следует, однако, согласиться с Д. С. Лихачевым, что такие процессы были характерны для развития эпоса в последующую эпоху (XVI—XVII вв.), а сам киевский цикл сложился в условиях несколько иного, более идеализированного отношения к киевскому прошлому. «Только вокруг положительного образа Владимира могли быть собраны в эпосе русские богатыри, а самое время Владимира стать эпическим временем» [29].

Сложившись на русских землях в период борьбы за их политическое единство и свержение иноземного гнета, былины киевского цикла, проникнутые глубокой идеей единства исконной Русской земли, уже в XVI в. бытовали на украинских и белорусских землях.

В 1574 г. Ф. Кмита, староста белорусской Орши, в письме к литовскому подканцлеру О. Воловичу упоминал мимоходом, как всем известных персонажей «Илью Муравленина и Соловья Будимировича», о которых забывали, пока не наступала опасность; а в 1594 г. австрийскому дипломату Э. Ласоте показали в Киеве гробницу Ильи Муромца, «знаменитого героя или богатыря, о котором рассказывают много басен» [30]. Эти упоминания ясно говорят о том, что былины об Илье Муромце — центральные былины киевского цикла — на Украине и в Белоруссии к концу столетия были широко известны. В произведениях украинского и белорусского творчества также выявлены определенные следы бытования былин у этих народов [31]. Воздействие эпоса — коллективной исторической памяти укрепляло в сознании восточнославянских народов понимание единства их общего происхождения, исторической судьбы и устремлений. В создании идейных предпосылок воссоединения народная эпическая традиция сыграла, несомненно, очень важную роль.

Иными путями шло обращение к киевскому прошлому, его трактовка и восприятие идеологами господствующего класса русского феодального общества. Хотя в историческом материале они искали ответа на те же вопросы, что и сказители, но социальная направленность этих поисков была различной. Это очевидно даже в моментах формального совпадения Для составителей летописных сводов XVI в. время Владимира Киевского — такая же идеальная эпоха, как и для сказителей, но во Владимире они видят прежде всего создателя могучей феодальной державы — прообраз существующего Русского государства и «крестителя» Руси. Кроме того, особенностью трактовки прошлого в летописных сводах второй половины XV — первой половины XVI в. было то, что она

[29] *Лихачев Д. С.* «Эпическое время» русских былин, с. 61.

[30] *Астахова А. М.* Илья Муромец в русском эпосе.— В кн.: Илья Муромец / Подг. текстов, статьи и комментарии А. М. Астаховой. М.; Л., 1958, с. 407—408.

[31] *Астахова А. М.* Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 217 и сл.

складывалась в связи с решением конкретных политических проблем, возникавших в процессе сложения Русского государства. Гранью, определившей перемену отношения к традиции, стали 60—70-е годы XV в.— решающий этап в сложении Русского единого государства, когда со всей определенностью встал вопрос о ломке традиционных политических структур, и в частности институтов русских феодальных республик. Не желая подчиниться власти московского великого князя, новгородское боярство поставило вопрос о разрыве с Москвой и установлении литовского протектората над одним из главных центров Руси — Новгородом. В развернувшейся параллельно с военными действиями идейной полемике спорящие стороны, утверждая правоту своих позиций, апеллировали к «старине» — истории Киевской Руси во времена Рюрика и Владимира. В эти годы были четко намечены те линии, по которым шло в дальнейшем осмысление исторического развития Русской земли от Киевских времен к XVI в.

Первый план в этом обращении к прошлому, наиболее простой и понятный, связан со стремлением обосновать аргументами «от истории» правильность тех или иных конкретных политических решений. Хотя при этом подчас само прошлое подвергалось произвольным изменениям, но и такой подход показывает, каким авторитетом пользовалось в Русском государстве все, связанное с киевской традицией.

В новгородско-московском конфликте 1471 г. московская сторона (и великий князь, и митрополит) утверждала, что великокняжеская власть не требует с Новгорода ничего нового («ничто же к преднему примышляя»), добиваясь только соблюдения «старины». Иван III новгородцев «по старине держал по докончанью», но они «многая неисправления учинили», «забывая свою великую старину и закона отець своих да и своих дедов и прадедов». «Старина» же заключалась в том, что со времени Рюрика и Владимира Новгород всегда повиновался великим князьям, сначала киевским, а потом владимирским. «Мы,— говорил от имени своего и своих предшественников Иван III,— владеем вами и жалуем вас и бороним отвселе, а и казнити волны же есмы, коли на нас не по старине смотрити начнете» [32].

Такая позиция была не просто декларирована, а подкреплена специальным обращением к прошлому. В составленном в начале 70-х годов летописном своде — протографе Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей известия XII—XIV вв. об отношениях Новгорода с князьями были обработаны таким образом, чтобы показать, что те или иные князья не изгонялись новгородцами, а сами покидали Новгород, что соглашения между Новгородом и князьями не носили двустороннего характера, а были результатом княжеского пожалования и т. д.[33] М. Д. Приселков, рассматривая эти перемены в общем русле развития русского летописания, справедливо расценивал их как принципиальную

[32] Позиция московской стороны подробно изложена в ряде выступлений Ивана III в летописном рассказе о событиях 1471 г. (ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 284—286) и в послании митрополита Филиппа в Новгород от 22 марта 1471 г. (РИБ. СПб., 1880, т. 6, № 102).

[33] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи..., с. 141—144.

грань в развитии этой традиции, свидетельствующую о резком росте активного восприятия и переосмысления прошлого [34].

Тщательный анализ Никоновского летописного свода, осуществленный в недавнее время в работах Б. М. Клосса, позволяет проследить дальнейшее развитие этих тенденций. Можно говорить и о прямой преемственности: рассказ Никоновской летописи о том, как новгородцы после призвания Рюрика «оскорбишася, глаголюще, яко быти нам рабом», восстали, но были усмирены князем [35], воспринимается как иллюстрация тезиса в рассказе о событиях 1471 г., что со времен Рюрика новгородцы повиновались киевским князьям. Однако очевидны и отличия в объекте внимания, характере редакторской работы, круге охваченных вопросов. Для летописца 20-х годов XVI в. главным объектом внимания становятся первые века существования Древнерусского государства (от Рюрика до Владимира), именно в этой эпохе ищет он идеальный прообраз создающегося Русского государства, образец, авторитет которого должен подкрепить государственные акции великих князей московских. Сам характер редакторской работы становится более разнообразным: наряду с правкой имеющихся текстов вводятся и совершенно новые известия, вплоть до целых небольших рассказов. Наконец, если внимание сводчика конца XV в. концентрировалось на теме отношения Новгорода с князьями, то составителя Никоновской летописи, как показал Б. М. Клосс,— митрополита Даниила интересовал гораздо более широкий круг вопросов как внутренней, так и внешней политики. Так, отнесенные к эпохе Владимира известия об осуждении еретиков и о наделении монастырей селами должны были служить оправданием политики великокняжеской власти и митрополичьей кафедры по отношению к церковному землевладению и «нестяжателям». Рассказы о походах сначала Кия, а затем Владимира на камских болгар являлись историческим прецедентом для политики Василия III по отношению к казанским татарам. Большую роль в международных делах Киевской державы — предшественницы Русского государства — подчеркивала серия известий о посольствах к Ярополку, а затем к Владимиру от папы и ряда европейских монархов [36].

В итоге такой редакторской работы над источниками Древнерусское государство в летописании XVI в. приобретало черты феодальной монархии эпохи развитого феодализма. По своей социальной направленности этот образ явно противостоял образу Киева в былинах.

Однако работу феодальных идеологов конца XV — первой половины XVI в. нет оснований сводить исключительно к обработке древней истории с позиций современных политических потребностей. В работе того же митрополита Даниила мы имеем дело и с искренним стремлением к пополнению знаний о так волновавшем всех древнем прошлом. Это нашло выражение в обращении к фольклорной традиции, во внесении в

[34] *Приселков М. Д.* История..., с. 176.
[35] ПСРЛ. СПб., 1862, т. 9, с. 9, статья 864 г.
[36] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, с. 52—53, 98, 101, 188.

летопись целого ряда рассказов о киевских богатырях, например записи под 6508 г.: «Преставися Рагдай Удалой, яко наезжаше сей на триста воин»[37]. Такие рассказы явно не могли служить каким-либо актуальным политическим нуждам. Еще более важно, что изучение памятников исторической мысли и публицистики этого времени позволяет говорить о сложении новой, продуманной концепции исторического развития восточных славян, в которой киевская эпоха занимала весьма значительное место.

Выступление Русского государства на рубеже XV—XVI вв. на арену общеевропейской и — шире — мировой истории обострило внимание к вопросу о месте Руси в мире как тогда, так и в далеком прошлом. Применительно ко времени создания Русского государства вопрос был решен в знаменитом «Изложении пасхалии» 1492 г., где было четко сформулировано положение, что с падением Царьграда роль Византийской империи в мировых делах перешла к Русскому государству, «новому граду Константину — Москве»[38].

Определившийся новый подход к осмыслению положения Руси в мире привел вскоре к составлению так называемого Русского Хронографа — изложения мировой истории, в котором в единое целое было соединено повествование об истории Древнего мира, Византии, южнославянских государств и Древней Руси. Повествование завершалось рассказом о падении Царьграда и словами о Русской земле, которая «растет и младеет и возвышается»[39]. Однако создание такого повествования не привело к изменению традиционного построения русской истории: материал для Хронографа более или менее механически заимствовался из памятников летописания XV в., следовавших традиционной схеме Повести временных лет. Такое решение даже для современников, вероятно, не представлялось удовлетворительным. Признание выдающейся роли Русского государства в современности обостряло интерес к вопросу об исторической роли древнерусского народа и древнерусского государства еще на заре их истории.

Известный шаг вперед в этом отношении сделал составитель Никоновского свода. Не изменяя традиционной схемы, он попытался наполнить ее конкретным содержанием, сильно расширив повествование о древней истории Киева до прихода туда Олега. Помимо небольших дополнений к рассказу о самом Кие, основателе Киева, придававших ему черты могущественного феодального властителя[40], надо отметить целую серию известий об Аскольде и Дире, которые в рассказе этой летописи появляются ранее рассказа о Рюрике и характеризуются как со-

[37] ПСРЛ, т. 9, с. 68, статья 1100 г. Для более ранних летописных сводов широкое обращение к фольклору не было характерно. Единственным следом использования фольклорной традиции в летописании XV в. могут служить лишь приведенные выше записи об А. Поповиче.

[38] РИБ, т. 6, стб. 797—799, 1492 г. Подробный анализ идейного содержания памятника см.: *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М., 1960, с. 375—383.

[39] ПСРЛ. СПб., 1911, т. 22, с. 440.

[40] Там же, т. 9, с. 4.

вершенно самостоятельные «киевские князи». При разработке этой темы летописцем впервые в летописании был привлечен рассказ византийского происхождения о крещении «русов» при Василии Македонянине, который он прямо отнес к Киеву и князю Аскольду [41].

Следующий принципиальный шаг в выработке новых взглядов на начало Руси был сделан при составлении в 60-х годах XVI в. центрального произведения русской феодальной историографии середины XVI столетия — Степенной книги. О направленности разысканий ее составителя — митрополита Афанасия — говорит заголовок гл. 9 этого труда: «И аже и преже Рюрикова пришествия в Словенскую землю не худа бяше держава Словенского языка» [42]. Излагая заимствованный из Повести временных лет перечень славянских народов, летописец добавляет к нему весьма важное замечание: «И во всех тех землях мнози сильныя грады и многи великия области и сии вси Руская бяше единая держава, иже ныне на многия власти разделися, древле же Словени именовахуся» [43]. Это дает ему основание использовать для реконструкции предыстории и древнейшей истории Руси разнообразные сведения о славянах, почерпнутые в византийской традиции. При этом налицо весьма последовательное обращение к широкому кругу произведений византийской традиции (не только к хронографии, но и к агиографии).

История «русов» начинается для летописца со времени Феодосия Великого (IV в.), который воевал с ними. «Русами» были славяне, ходившие на Царьград при императоре Ираклии (начало VII в.). О победоносных их походах «на Солунский град и на Херсон» рассказывают такие памятники агиографии, как «Чудеса Святого Дмитрия Солунского» и «Житие» Стефана Сурожского [44]. Он также сумел разыскать относящийся ко времени правления Аскольда и Дира в Киеве новый ценный источник — текст послания патриарха Фотия о крещении «русов» [45]. Все это служило для подкрепления главного вывода: «Не в новых бо летех Русская земля многа и велика пространством и неисчетно сильна воинством, но вельми от древних лет и времен» [46].

Эту первую попытку построения древнейшей истории Восточной Европы при всех имевших место натяжках и ошибках следует расценивать как крупный вклад не только в развитие исторической мысли, но и просто в дело познания общего исторического прошлого восточнославянских народов. Краткий очерк автора Степенной книги стоит у истоков всех последующих попыток реконструкций древнейшей истории восточных славян.

Параллельно с изучением древнейшей истории восточных славян «до Рюрика» русские феодальные идеологи заново решали вопрос о месте Русского государства в Европе и мировой истории и одновременно о месте династии Рюриковичей среди европейских государей и ди-

[41] Там же, с. 13, статья 876 г.
[42] Там же. СПб., 1908, т. 21, ч. 1; с. 63.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] Там же, с. 62.
[46] Там же.

настий. В условиях, когда Русское государство стало крупнейшей международной силой на европейской арене, а его государственная власть в завязавшихся международных контактах утверждала свою суверенность, независимость от какой-либо иноземной власти, версия о приезде родоначальника династии Рюрика «из варяг» или, как говорилось в более поздних сводах, «из немец» перестала соответствовать государственным интересам. Ее сменила сформулированная в памятнике 20-х годов XVI в., «Сказании о князьях Владимирских», версия о том, что Рюрик — прямой потомок Пруса, «сродника» повелителя всей вселенной — императора Августа[47]. Тем самым суверенный характер власти Рюриковичей, с самого начала, от Пруса, никому не подчинявшихся, не мог вызывать никаких сомнений. Русское государство определяло свое место среди других европейских держав, исторически связанных с Римской империей, а происхождение из семьи Августа гарантировало русским монархам почетное (если не самое первое) место в иерархии европейских династий[48]. Завершавший «Сказание» рассказ о передаче византийским императором Константином Мономахом киевскому великому князю Владимиру Мономаху знаков царского достоинства, принадлежавших его предку — императору Августу, «на славу и честь и на венчание... твоего волнаго самодържавства Великиа Росиа»[49] говорил о признании полной суверенности и почетного места великого князя русского главой христианского мира — византийским императором.

Черты, характерные для таких представлений о древнейшей истории русского народа, ярко выступают и в рассказах летописцев о первых киевских князьях и Древнерусской державе в X в. Следуя традиции древних летописных сводов, книжники XVI в. описывают Древнюю Русь как суверенную, могучую державу, неоднократно взимавшую «дани» с самого Царьграда, но добавляются и новые мотивы. Русь — не только могучая держава, но и центр распространения христианства в Восточной Европе. Не случайно в Никоновской летописи неоднократно говорится о посылке Владимиром христианских миссий к волжским болгарам и печенегам и о крещении печенежских и болгарских князей в Киеве[50]. Запись Никоновской летописи: «Того же лета посла Володимер гостей своих, аки в послех в Рим, а другых во Иерусалим и в Египет и в Вавилон съглядати земель их и обычаев их»[51],— сопровождается в Степенной книге следующим комментарием: «...не желаше нечестивыя веры их, ни богомерских законов, но лучьшая обычая в них изобреташе, милость, суд и правду во страсе божим, наипаче же желаше не токмо

[47] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955, с. 161—162.
[48] *Гольдберг А. Л.* Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII вв.— История СССР, 1975, № 4, с. 62—64.
[49] Там же, с. 164—165. Как правильно указал М. А. Алпатов, в «Сказании» не случайно подчеркивался вынужденный характер этого акта со стороны Византии: «получение из Византии царского титула киевским князем — это не акт милости, а дело, добытое мечом» (*Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 170—171).
[50] ПСРЛ, т. 9, с. 57—59, 64, статьи 989—991 гг.
[51] Там же, с. 68, статья 1101 г.

едину свою землю благочестием исполнити, но аще бы возможно ему и всю вселенную» [52].

При характеристике новых этапов развития, когда «Русское царство нача разделятися на многия начала», книжники XVI в. опирались на схему истории Русской земли, намеченную во владимиро-суздальском летописании домонгольского времени и закрепленную общерусскими сводами XV в. В этой схеме понятие единства Руси (этнического и религиозного) сочеталось с тем положением, что единственными правителями, которым по праву принадлежит власть над всей Русью как законным наследникам — «вотчичам», являются великие князья владимирские и их потомки — великие князья московские. В условиях господства норм средневековой феодальной идеологии Русская земля отождествлялась с «вотчиной» московских Рюриковичей, а борьба за преодоление феодальной раздробленности и восстановление политического единства выступала как борьба за собирание «вотчины» [53]. При этом, однако, следует отметить, что одно понятие не растворяло в себе другого: русские феодальные идеологи, как видно из приведенного выше, не отождествляли полностью историю русского народа и историю Рюриковичей: русский народ был «славен» еще «до пришествия Рюрикова».

Описанная схема четко выступает уже в таком памятнике общерусского летописания, как Софийская I летопись. Известное переосмысление схемы заключалось во все большем подчеркивании того тезиса, что, несмотря на раздробление на отдельные княжества, Русская земля в XII—XIII вв. продолжала сохранять политическое единство — верховная власть владимиро-суздальских князей была не идеалом, а реальностью. Наиболее ярко такая тенденция отразилась в рассказе Степенной книги о вступлении Ярослава Всеволодовича на великокняжеский стол после нашествия Батыя. Когда Ярослав «восприим старейшинство во всем Руськом языце», то «прихожаху к нему в Сужд[аль]скую землю от славныя реки Днепра и от всех стран Руския земьли: Галичане, Волыньстии, Кияне, Черниговьцы, Переяславцы и славнии Киряне [!], Торопьчане, Меняне, Мещижане, Смольняне, Полочане, Муромьцы, Рязаньцы и вси подражаху храбрости его и обещавахуся ему живот свои полагати за избаву христьянскую» [54]. Лишь позднее, когда полностью укрепилась власть Золотой Орды над русскими землями, это единство разрушилось.

Другая тема, постепенно усиливавшаяся в русском летописании XV—XVI вв.,— это тема осуждения междукняжеских усобиц, которые и привели к ослаблению Руси, облегчили нападение на нее иноземных завоевателей. «Державнии наши... друг перед другом честь и начальство получити желаше и один единаго от отьчьскаго достояния изганяше... и брат на брата иноплеменныя языки поганых варвар наводяше»,— читаем в главе Степенной книги под названием «о гневе божии» [55]. Ответ

[52] Там же, т. 21, ч. 1, с. 127.
[53] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 15—16.
[54] ПСРЛ, т. 21, ч. 1, с. 253.
[55] Там же, с. 262.

на вопрос, как в этой обстановке отдельные части Русской земли оказались под иноземным господством, давало публицистическое произведение 20-х годов XVI в. «Родословие князей литовских». В этом памятнике рассказывалось, как великий князь Юрий Данилович — первый из московских князей, занявших великокняжеский стол, стремясь наладить порядок в разоренной Золотой Ордой стране, послал некоего Гедимина, «служебника» одного из смоленских князей, за Днепр «наполняти плененыа грады и веси» и собирать с них «дани царьскиа». Пользуясь обстановкой смуты, Гедимин присвоил себе собранные средства и, наняв на них «множество людей», сумел завладеть «многими землями» и объявил себя великим князем «великих государей русьских князей несъгласьем и междуусобными браньми» [56]. Его сын Ольгерд и внуки Кейстут и Ягайло продолжали занимать русские земли. Так, Витовт «нача съзидати грады многи, заруби Киев и Чернигов и взят Брянеск и Смоленеск и приступиша к нему все князи пограничныа с вотчинами от Киева даже и до Фоминьского» [57]. Политический смысл этого повествования станет совершенно ясным, если учесть, что троны обоих государств, под властью которых находились белорусские и украинские земли, занимали Ягеллоны — прямые потомки Гедимина. Именно этих Ягеллонов легенда превращала в потомков «неверных» служебников московских великих князей, узурпировавших княжескую власть в обстановке смуты. Образование Великого княжества Литовского в русской политической традиции XVI в. трактовалось как сговор этих «неверных» подданных с другими изменниками — «пограничными князьями», «слугами» великого князя московского: «Предки государей наших, которых слуг своих жаловали городы, и они вь их государьские невзгоды изменным обычаем отъезжали и с теми городы» на службу к потомкам Гедимина,— говорилось в одном из русских дипломатических документов середины XVI столетия [58]. Из этого следовал вывод, что потомки Гедимина — Ягеллоны — украинские и белорусские земли «засели израдою» и не имеют на них никаких прав.

В отличие от вопроса об образовании Великого княжества Литовского вопрос о переходе украинских земель под власть польских феодалов не получил в летописании XVI в. детальной разработки, но лишь потому, что развернутая оценка этого события с общерусских позиций была дана уже в современном ему летописании. Имеем в виду запись Новгородской I летописи: «Прииде король краковьскыи со многою силою и взяша лестью землю Волыньскую и много зло крестианом створиша, а церкви святыя претвориша на латыньское богумерзъское служение» [59]. Наименование польского короля Казимира «королем краковским» встречается лишь в источниках XIV в. и говорит о раннем происхождении записи, дошедшей до нас в составе новгородского свода первой половины XV в. Ее воспроизведение и в других памятниках русского летопи-

[56] *Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 179—180.
[57] Там же, с. 180—181.
[58] Сб. РИО. СПб., 1899, т. 71, с. 108, 28 ноября 1562 г.
[59] НПЛ, с. 361, 1349 г.

сания[60] говорит за то, что данная в ней оценка этого акта как захвата части «Русской земли» иноземной и иноверной властью с помощью коварства разделялась общественным мнением всего господствующего класса феодальной России.

Таким образом, белорусские и украинские земли были захвачены иноземными правителями и неверными «слугами» «израдою» и «лестью» у их единственных законных обладателей — великих князей владимирских и затем московских. Борьба за возвращение этих земель под власть законных государей воспринималась как дело не только справедливое по нормам феодального права, но и соответствующее стремлениям самого населения — кровных братьев русских — освободиться от иноземной власти и чужой веры.

Наиболее ярко такая направленность созданной русскими книжниками политической концепции проявилась в записанном не позднее середины 20-х годов рассказе о присоединении Смоленска к Русскому государству. В нем подчеркивалось, что «весь народ града Смоленска, малые и велици... с многою любовию и усердием сретоша государя великого князя» при его въезде в город. Они, говорилось далее, «благодарственныа испущающе гласы, избавльшеся и свободившеся злыа латынскиа прелести и насилиа... възрадовашяся своему истинному пастырю». Смоленский епископ приветствовал Василия III «на своей вотчине и дедине града Смоленска», а смольняне «межи себя с великого государя боляры и воеводы и с всеми людьми начаша здравствовати и целоватися, радующеся с великою любовью, аки братия единовернии»[61].

Подобно фольклорной традиции проникли на белорусские и украинские земли во второй половине XVI — первой половине XVII в. и памятники московского летописания. Их появление здесь было частью общего процесса распространения на Украине и в Белоруссии произведений московской книжности, процесса, заметно усилившегося в XVI в. Так, например, изучение рукописей такого видного центра белорусской культуры, как Супрасльский монастырь, показало, что там во второй половине столетия переписывались жития многих русских святых, не только известных, как Сергий Радонежский и митрополит Алексей, но и Пафнутия Боровского, Варлаама Хутынского, Федора Ярославского[62]. О широкой известности на Украине и в Белоруссии житий Сергия Радонежского и митрополита Алексея говорят и ссылки на них в памятниках полемической литературы XVI—XVII вв. при изложении церковной истории восточных славян в XIV в.[63] Однако исторические тексты, повествовавшие

[60] См., например: ПСРЛ, т. 25, с. 177.

[61] Иоасафовская летопись. М., 1957, с. 163, 1514 г. Подчеркивание в этом рассказе мотива освобождения прежде всего от «латинства» объясняется тем, что охарактеризованные выше политические идеи преломлялись в данном и ряде других текстов через призму взглядов их составителей — представителей высокопоставленного православного духовенства.

[62] *Рогов А. И.* Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами.— В кн.: Славяне в эпоху феодализма. М., 1978, с. 327—328.

[63] РИБ. СПб., 1878, т. 4, стб. 231—232, 949.

об общем прошлом восточнославянских народов, занимали здесь особое место. Их распространение было, несомненно, связано с усилением в эту эпоху внимания украинцев и белорусов к своему древнерусскому прошлому. Лишь в обстановке роста интереса к эпохе Владимира возможно было появление в 60-х годах XVI в. такого произведения, как «письмо половца Ивана Смеры к великому князю Владимиру». Авторы произведения — протестанты-антитринитарии, пытаясь убедить православное общество в ложности учения и порядков православной церкви, прибегли к авторитету вымышленного «лекаря и ритора» князя Владимира, якобы посланного им в Византию собрать сведения о вере и жизни греков [64].

Этот интерес побуждал украинцев и белорусов в XVI в. обращаться в Москву, где, по их убеждению, сохранялись такие древние памятники киевской поры, каких на Украине и в Белоруссии в это время не было. Примером может служить известная поездка Исайи Камянчанина в 1561 г. в Москву, где он рассчитывал разыскать древнее житие Антония Печерского [65].

О том, что к началу XVII в. «московские хроники» широко распространились на украинских и белорусских землях и стали здесь одним из главных видов исторического чтения, свидетельствует следующий показательный факт. Во время разгоревшихся в первых десятилетиях XVII в. полемических споров сторонники унии с Римом, деятели, безусловно враждебные Русскому государству, пытаясь написать историю киевской митрополии, вынуждены были обращаться к этим трудам [66] при изложении событий не только XIV—XV вв., но и киевского времени [67]. Можно указать и некоторые конкретные памятники русского летописания, которые стали известны на Украине и в Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Прежде всего следует отметить Русский Хронограф, один из вариантов которого послужил источником для создания Хронографа западнорусской редакции [68]. Целый ряд заимствований из Русского Хронографа при изложении событий не только древнерусской, но и южнославянской истории обнаруживается в «Палинодии» известного деятеля украинской культуры З. Копыстенского. Памятник русского летописания XVI в., известный как «Тверской сборник»,— свод, составленный в 30-х годах XVI в. в Ростове, дошел до нас только в западнорусских списках XVII в., но памятник появился в Белоруссии в значительно более раннее время, так как следы его использования выяв-

[64] *Малышевский И. И.* Подложное письмо половца Ивана Смеры к великому князю Владимиру. Киев, 1876.

[65] *Абрамович Д. И.* К литературной деятельности мниха Камянчанина Исайи. СПб., 1913, с. 3.

[66] См. признание униата Льва Кревзы в его трактате «Оборона унии» (1617 г.), что он должен пользоваться тем, что «находится в Московской хронике, хотя этот хронист не был расположен к латинникам» (РИБ, т. 4, стб. 227).

[67] См. ссылку автора униатского сочинения Sowita wina (1621 г.), что о поставлении Илариона Ярославом Мудрым говорится в «Московской хронике» (АрхЮЗР, Киев, 1893, ч. 1, т. 7, с. 449).

[68] *Творогов О. В.* К изучению древнерусских хронографических сводов. II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции.— ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27.

лены в напечатанной в 1582 г. «Хронике» М. Стрыйковского[69]. При составлении в 40-х годах XVII в. Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны были широко использованы как этот источник, так и Никоновская летопись[70]. Была известна украинским книжникам XVII в. и Степенная книга[71].

В этих условиях представляется совершенно неслучайным, что схема развития Восточной Европы в украинском трактате начала XVII в. «Перестроге» (подробно разбирается ниже) в ряде моментов оказывается весьма близкой к историческому построению Степенной книги, а подход к древнейшей истории восточных славян в «Палинодии» З. Копыстенского обнаруживает сходство с историческим взглядом на эту эпоху митрополита Афанасия. В дальнейших исследованиях было бы важно специально рассмотреть вопрос о воздействии русской исторической мысли XVI в. на становление идеологии народно-освободительного движения на украинских и белорусских землях Речи Посполитой. Это воздействие проявилось, однако, в более поздний период — в последних десятилетиях XVI и первых десятилетиях XVII в. В более ранний период историческое значение разобранных выше летописных сводов и публицистических произведений заключалось в том, что они служили идейным обоснованием начатой Русским государством борьбы за воссоединение всех восточнославянских земель.

Как видно из памятников летописания, возникавших на русских землях в XIV—XV вв., в Великороссии никогда не признавались захваты белорусских и украинских земель литовскими и польскими феодалами, но, пока Великороссия оставалась политически раздробленной, не было возможности подкрепить это осуждение конкретными политическими действиями.

Первый шаг в этом направлении был предпринят формирующимся Русским государством на том переломном этапе его создания, когда в отношениях с феодальными республиками был поставлен вопрос о восстановлении киевской «старины». Тогда же этот вопрос пока в аспекте, касающемся лишь церковных дел, был поставлен и перед правителем Польши и Литвы Казимиром IV. В грамоте Ивана III новгородскому архиепископу приводится следующая цитата из письма Василия Темного этому правителю: «...нашие б, еси, старины не рушил, занеже, брате, старина наша от прародителя великого князя Володимера, крестившего землю Рускую... взысканье митропольское наших прародителей великих князей руских и наше и до сих мест, а не великих князей литовских: кто будет нам люб, тот будет на всей Руси» митрополитом[72]. Если на данном этапе пока речь шла об исключительном праве

[69] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыйковский и его хроника). М., 1966, с. 112—113.

[70] *Кучкин В. А.* Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны.— ТОДРЛ. Л., 1969, т. 24, с. 196.

[71] *Гуслистый К. Г.* Исторические связи Украины с Россией до освободительной войны 1648—1654 гг.— В кн.: Воссоединение Украины с Россией. 1654—1954: Сб. статей. М., 1954, с. 50.

[72] РИБ, т. 6, № 100, стб. 708—709, около 1458 г.

великого князя московского определять выборы общерусского митрополита, то скоро был поставлен и вопрос о власти великого князя литовского над восточнославянскими землями. В 1478 г. ливонскому магистру сообщали, что Иван III намерен потребовать у польского короля передачи ему таких городов, как Полоцк, Смоленск и др.[73] Очевидно, что после подчинения Новгорода это осознавалось русским правительством как конкретная политическая задача.

Первые реальные шаги на пути к ее решению были предприняты в начале 90-х годов. В текст заключенного в 1490 г. русско-австрийского договора о союзе, направленном против Ягеллонов, было внесено обязательство австрийской стороны оказывать помощь Ивану III, когда он начнет борьбу за включение в состав Русского государства «княжества Киевского, которое за собою дръжит Казимир, король польский и его дети, нашего государства руских земль»[74]. Тем самым впервые в практике международных контактов молодого Русского государства в тексте важного межгосударственного соглашения было сформулировано, что русское правительство не признает законности власти Польского и Литовского государств над украинскими и белорусскими землями и будет вести борьбу за их воссоединение с Русским государством. Международной манифестацией этой позиции было принятие Иваном III в практике международных контактов официального титула великого князя «всея Руси»[75].

Полностью в развернутой форме позиция русской стороны была сформулирована на переговорах с послами Великого княжества Литовского в 1503 и 1504 гг. Тогда русские дипломаты заявили, что «вечный мир» с Великим княжеством не может быть подписан, пока под властью литовских князей остаются русские земли, «отчина» предков Ивана III, а следовательно и его самого. «Ано не то одно наша отчина,— заявляли русские представители от имени Ивана III,— кои городы и волости и ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленеск и иные городы... з божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»[76]. Так, не только другие европейские государства, но и само Великое княжество Литовское, в состав которого входили все белорусские и большая часть украинских земель, были поставлены в известность, что Русское государство не признает его власти над этими землями и будет вести борьбу вплоть до объединения под властью великих князей московских всей государственной территории древнерусской народности. Именно в таком смысле было конкретизировано понятие «от-

[73] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Xięstwa Litewskiego za Jagiełłonów. W-wa, 1930, t. 1, s. 332.

[74] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851, т. 1, стб. 37, июль 1490 г.

[75] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, с. 305, 317. Интересно, что уже в конце XV в. при пополнении родословия русских князей в одном из переписанных в Белоруссии летописных текстов было записано: «Иван Великий самодеръжець всея земли Роуское, тесть князя великаго Александра Литовьскаго» (*Шахматов А. А.* Обозрение..., с. 236).

[76] Сб. РИО. СПб., 1882, т. 35, с. 460, март 1504 г.

чины» Рюриковичей — «Русской земли» — на переговорах с Великим княжеством Литовским в 1563—1564 гг. В состав предъявленного тогда московскими дипломатами списка «русских» городов, которые должны войти в состав Русского государства, были включены не только все белорусские и украинские города Великого княжества Литовского, но и все города на украинских землях, захваченных польскими феодалами[77].

Существенно при этом, что русское правительство не ограничивалось декларациями, а начало конкретную борьбу за решение этих задач. Уже с середины 80-х годов XV в. оно вело необъявленную пограничную войну с Великим княжеством Литовским, которая привела к фактическому переходу под русскую власть части Смоленщины (Вяземское княжество) и «Верховских княжеств» в бассейне верхней Оки и Угры, что было закреплено соглашением 1494 г.[78] В 1500 г. началась новая большая война, после которой в состав Русского государства вошла Северская земля с Черниговом, Новгород-Северским и Путивлем, Брянск и небольшая часть Смоленщины (ряд волостей Мстиславского княжества)[79]. Первые десятилетия XVI в. были заняты упорной борьбой за Смоленск, которая также завершилась его включением в состав Русского государства[80]. В 1563 г. имел место поход Ивана IV на Полоцк.

Даже этот небольшой перечень ясно показывает, с какой энергией и последовательностью русское правительство вело борьбу за воссоединение русских, белорусских и украинских земель в едином Русском государстве. Однако на этом этапе удалось решить в основном лишь задачу собирания великорусских земель (часть Смоленщины еще оставалась в составе Великого княжества Литовского) и воссоединить часть земель Левобережной Украины. Ограниченность успехов, несмотря на затрату больших усилий, следует связывать с позицией, занятой в этом вопросе господствующими классами Украины и Белоруссии. В период первых русско-литовских столкновений 80—90-х годов значительная часть феодалов тех территорий, на которых развернулась война, активно выступала на русской стороне, порвав с литовской властью. Так поступил, например, целый ряд «верховских» князей, которые не только «сложили присягу» Литве, но и активно способствовали закреплению за Русским государством соседних с их уделами территорий[81]. Русско-литовская война 1500—1503 гг. началась с перехода феодалов Северской земли во главе со своими князьями на русскую сторону[82], и цель военных действий заключалась по существу лишь в закреплении этой территории за Русским государством.

В начале XVI в. положение начало меняться. Когда в 1508 г. ряд украинских и белорусских феодалов во главе с кн. М. Глинским высту-

[77] Сб. РИО. СПб., 1892, т. 71, с. 260, декабрь 1563 г.
[78] *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., гл. 6.
[79] Там же, гл. 8.
[80] *Кузнецов А. Б.* Русское наступление на Смоленск и его освобождение в 1514 г.— Тр. Мордов. науч.-исслед. ин-та яз., лит., ист. и экон. Сер. истор. Саранск; 1966, вып. 30; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. гл. 8—9, 11.
[81] *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 291—292, 296, 300—301 и др.
[82] Там же, с. 450—451.

пили против литовского правительства и проявили готовность вместе со своими владениями перейти на русскую службу, то немало украинских и белорусских феодалов не только не поддержали это выступление, но и активно участвовали в его подавлении[83]. Когда Смоленск в 1514 г. под давлением смоленских горожан открыл ворота русским войскам, часть смоленских бояр организовала заговор, чтобы снова вернуть город в состав Великого княжества Литовского[84]. Враждебное отношение значительной части украинских и белорусских феодалов к Русскому государству получило в эти годы свое отражение в особом литературном произведении, где воспевались подвиги крупнейшего украинского магната кн. Константина Острожского в битве с русскими войсками под Оршей в 1514 г. Сравнивая К. Острожского и его воинов с героями античной и библейской истории, автор заканчивал его словами: «Великославному государю королю Жикгимонту Казимировичу буди честь и слава на веки победившему недруга своего великого князя Василиа Московского, а гетману его, вдатному князю Константину Ивановичу Острожскому, дай боже здоровье и щастье вперед лепшее, как ныне побил силу великую московскую, абы так побивал силную рать татарскую»[85].

Такая позиция определялась прежде всего социальными факторами. К началу XVI в. русская феодальная монархия окончательно сложилась как государство с сильной центральной властью, проводившей последовательную политику ликвидации особого положения отдельных княжеств и ослабления самостоятельных позиций крупной феодальной знати. В ином направлении шло развитие Великого княжества Литовского. Конец XV — первая половина XVI в. — время образования здесь огромных магнатских латифундий, превращения великокняжеской рады в орудие магнатов и ослабления центральной власти. Сложившееся положение было во многом результатом компромисса между верхушкой литовского боярства и наиболее богатыми и знатными украинскими и белорусскими феодалами (вроде упомянутого выше К. Острожского), которые получили доступ в великокняжескую раду и активно участвовали в создании в Великом княжестве выгодных для магнатерии порядков. Воссоединение с Россией лишило бы украинских и белорусских магнатов этих завоеванных ими позиций. Именно поэтому крупные феодалы-олигархи стали главной силой, враждебной всяким попыткам воссоединения.

Правлением этой олигархии были недовольны широкие круги мелких и средних феодалов. В этой среде было определенное стремление к сближению с Русским государством: в русском царе видели силу, которая может ограничить власть магнатов. Эта ориентация проявилась в 70-х годах XVI в., когда Иван Грозный выдвигал свою кандидатуру на

[83] Об этом выступлении см.: *Кузнецов А. Б.* К вопросу о борьбе Русского государства за воссоединение западнорусских земель в начале XVI в.— Тр. Мордов. науч.-исслед. ин-та яз., лит., ист. и экон. Сер. истор. Саранск, 1964. Вып. 27; *Зимин А. А.* Россия на пороге..., гл. 4.

[84] *Зимин А. А.* Россия на пороге..., с. 167.

[85] Супрасльская рукопись, содержащая в себе новгородскую и киевскую сокращенные летописи. М., 1836, с. 154.

польско-литовский трон. Но силы этой группировки оказались незначительными. Бóльшая часть дворянства Великого княжества искала решения своих проблем на путях сближения с Польским королевством. Положение, занятое в государственном устройстве этой страны польской шляхтой, ее права и «вольности», обеспечивавшие ей особое, привилегированное положение и по отношению к податным сословиям, и по отношению к государственной власти, представлялось для средних и мелких белорусских и украинских феодалов своего рода социальным идеалом. Воссоединение с Россией не дало бы им подобных привилегий. В этих кругах такая идея получала все меньше поддержки. Подобная эволюция взглядов украинского и белорусского дворянства находила свое отражение и в изменениях его самосознания. Сближение феодалов разных национальностей на базе единой социальной платформы вело к усилению в сознании белорусского и украинского дворянства такого компонента, как «государственный патриотизм», в котором на деле воплощались узкоклассовые, эгоистические интересы господствующего класса — сословия страны. Общим языком для всех разноэтнических группировок в среде социально однородного дворянства все в большей мере становился польский язык. Правда, белорусские и украинские феодалы еще сохраняли сознание принадлежности к своей этнической общности, но это сознание постепенно ослабевало, приобретало пассивный характер. Такой, например, важный шаг общенационального значения, как издание в первых десятилетиях XVI в. на белорусском языке текстов Библии известным белорусским просветителем Г. Скориной, был предпринят при поддержке и на средства белорусских мещан г. Вильно, но без всякого участия белорусских феодалов.

В руках господствующего класса сосредоточивалась политическая власть и вооруженная сила. Не удивительно поэтому, что его позиция определяла внешнюю политику Великого княжества Литовского. К этому следует добавить, что на протяжении бóльшей части XVI в. украинские и белорусские феодалы еще сохраняли значительное влияние на другие слои белорусского и украинского общества. В предшествующие столетия белорусы и украинцы привыкли видеть в «князьях» из своей среды руководителей в борьбе, в частности, за сохранение автономии своих земель перед экспансионистской политикой литовского боярства. Разобраться в том, что положение в корне изменилось и что украинские и белорусские феодалы ради защиты своих прав и привилегий заняли по существу антинациональную позицию, для народных низов было нелегко. К этому следует добавить, что и русское правительство, как правительство феодального государства, искало соглашения прежде всего с украинским и белорусским дворянством и не пыталось через его голову обращаться к другим слоям украинского и белорусского общества с призывом к их выступлению против государственной власти и дворянства. Так получилось, что в XVI в. объединительная политика Русского государства не встретила сильной поддержки со стороны населения Украины и Белоруссии.

Наметившиеся в первой половине XVI в. сдвиги получили отражение в акте так называемой Люблинской унии 1569 г. о слиянии Великого

княжества Литовского и Польского королевства в один государственный организм — Речь Посполитую. В международном плане этот акт был прежде всего соглашением о союзе господствующих классов обоих государств, направленном против России и ее объединительной политики. Во внутреннем плане он означал утверждение на всей территории Великого княжества и Польши единой модели общественного устройства и важный шаг по пути слияния белорусских, украинских, литовских и польских феодалов в один господствующий класс — сословие с единым самосознанием, определявшимся интересами сохранения данного общественного устройства.

Это означало появление новых затруднений на пути к осуществлению объединительной политики Русского государства. Русское правительство пыталось препятствовать осуществлению этих планов, выдвигая в 70—80-х годах XVI в. адресованные феодалам Великого княжества предложения о разрыве Люблинской унии и заключении унии между Россией и Великим княжеством[86]. Неудачный исход этой попытки лишний раз подчеркнул невозможность осуществления воссоединения восточнославянских народов путем соглашения между русским, белорусским и украинским дворянством. К концу XVI в., однако, в результате ряда важных сдвигов в социально-экономической, политической и этнической структуре белорусского и украинского общества наметились иные пути решения этой исторически назревшей задачи.

Зарождение на Украине и в Белоруссии народно-освободительного движения и Россия

Вторая половина XVI в. была временем окончательного утверждения в Речи Посполитой в целом и на белорусских и бóльшей части украинских земель в частности крепостнических отношений и фольварочно-барщинной системы хозяйства с такими характерными для них явлениями, как резкий рост феодальной эксплуатации в ее наиболее грубых и жестоких формах и значительное ухудшение социального положения не только крестьян, но и горожан. Эти сдвиги, несомненно, вели к обострению социальных антагонизмов в феодальном обществе Речи Посполитой, находя свое выражение прежде всего в бегстве крестьян, их выступлениях против помещиков, в образовании из беглых крестьян на южных границах страны поселений вольного казачества, постепенно превращав-

[86] См. об этом.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978, с. 66—69, 113—114, 141—143.

шегося в силу, организующую и направляющую движение социальных низов против феодального гнета.

Эти процессы, правда, в той или иной мере имели место во всей Европе к востоку от Лабы, где существовало «второе издание крепостничества»; в частности, развивались они и в феодальном Русском государстве, на южных окраинах которого в бассейне Дона также сложились поселения вольного казачества. Однако особенности социально-политического строя Речи Посполитой способствовали тому, что этот социальный антагонизм оказался в данной стране более глубоким, а круг недовольных существующим порядком — более широким, чем в других странах Европы.

Конец XVI — первая половина XVII в. стали в истории этой страны временем ослабления центральной власти и роста землевладения и политической власти магнатов, становившихся решающей силой в хозяйственной и политической жизни страны. К середине XVII в. большая часть земель на Украине и в Белоруссии была сконцентрирована в руках магнатов, что вело к ухудшению положения мелких и средних феодалов. Часть мелкой шляхты оказывалась в прямой зависимости от магнатов, вступала в состав их войск, превращалась в их дворовых слуг или служащих магнатского хозяйства. Ослабление центральной власти и усиление фактической власти магнатов на местах приводило к тому, что государство оказывалось не в состоянии гарантировать мелкому дворянству сохранение его собственности и социального положения. Магнаты, являвшиеся одновременно и представителями государственной власти на местах, либо захватывали земли мелких шляхтичей для округления своих латифундий, либо принуждали к исполнению повинностей в пользу «замка». В этих условиях часть мелкой шляхты оказывалась недовольной существующим порядком.

Дополнительные причины для недовольства были и у городского населения. Хотя установление крепостничества во всех странах к востоку от Лабы отрицательно сказывалось на развитии городов, эти отрицательные последствия в известной степени умерялись действиями сильной центральной власти, проводившей политику протекционизма, не допускавшей подчинения городов власти отдельных феодалов, в известной мере обеспечивавшей монополию горожан на отдельные виды ремесла и торговли. Внутренняя политика Речи Посполитой развивалась в ином направлении. В своих узкоклассовых интересах дворянский сейм проводил политику открытых границ для дешевых иностранных товаров, одновременно предоставив шляхте право беспошлинной торговли продуктами сельского хозяйства. Такая политика вела к упадку городов. В условиях децентрализации и роста власти магнатов на местах не могло быть и речи об ограничении владений феодалов в городах, не подчинявшихся городской общине (так называемых юридик). Городские привилегии все чаще нарушались, и магнаты-королевские старосты принуждали мещан нести в свою пользу работы и повинности, характерные для сельского населения. К сказанному надо добавить, что у всей широкой массы недовольных (крестьян, мещан, мелкой шляхты) постепенно ослабевали надежды на «доброго монарха», фактическое бессилие которого по срав-

нению с реальной властью магнатов становилось все более очевидным.

Антагонизм между интересами всех этих социальных групп (имевший, разумеется, у каждой из этих групп разный характер) и интересами магнатов углублялся и усиливался тем, что к концу XVI в. он начал постепенно становиться также антагонизмом национальным. После Люблинской унии процесс срастания отдельных группировок феодалов Речи Посполитой в единый господствующий класс-сословие продолжал интенсивно развиваться. Складывающийся класс-сословие с едиными правами и привилегиями, единой политической идеологией и единым языком этой идеологии — польским постепенно превращался в единую не только социальную, но и этническую общность — «польский народ шляхетский». В рамках этой общности сохранялось представление о разном происхождении входивших в нее составляющих, но эти различия осознавались в этой среде как различия регионального порядка[87]. Разрыв украинских и белорусских феодалов с прежней традицией находил наиболее яркое внешнее выражение в усвоении польского языка и принятии вместо православной новой религии — сначала одного из толков протестантизма, а затем все чаще католицизма. Такой переход чем дальше, тем все больше сопровождался выражением пренебрежительного отношения к «русскому» языку и «русской» вере, как вере и языку «хлопов».

Полное завершение этот процесс получил в первой половине XVII в., но уже к концу XVI в. он зашел настолько далеко, что можно говорить не только о фактическом разрыве белорусских и украинских магнатов со своими народностями, но и — как увидим далее — о четком осознании этого факта идеологами нарождавшегося народно-освободительного движения. Эти перемены означали конец политического влияния украинских и белорусских магнатов на другие слои белорусского и украинского общества, закрепляли в их сознании мысль о том, что государство, которое представляли перед ними эти магнаты, является чуждой и враждебной для них силой. Противостоявший крестьянину или мещанину крупный феодал — магнат являлся уже для него не только классовым противником, но и «ляхом», «папежником» — представителем иного народа, иной веры, враждебной иноземной власти. Таковы некоторые главные предпосылки зарождения и развития народно-освободительного движения, охватившего в первой половине XVII в. широкие слои украинского и белорусского населения.

Вопрос о конкретной направленности движения на первых этапах его развития и о составе сил, в это время принявших в нем участие, был во многом определен религиозной политикой господствующего класса Речи Посполитой. Параллельно со слиянием отдельных группировок феодалов в единый класс — сословие Речи Посполитой шел процесс распространения в их среде идеологии контрреформации. Торжество воинствующего католицизма воспринималось в этой сфере как утверждение традиционного общественного порядка, начал авторитета и единоначалия, поколебленных распространением реформации. Вместе с тем про-

[87] В этот период в среде господствующего класса Речи Посполитой была распространена формула «genere Ruthenus, natione Polonus».

паганда и распространение католицизма отвечали планам широкой восточной экспансии, выдвигавшимся господствующим классом Речи Посполитой во второй половине XVI в. Распространение и насаждение католицизма на Украине и в Белоруссии рассматривались польско-литовскими политиками как мера, которая должна была привести к ослаблению связей украинцев и белорусов с Русским государством. Позднее, по их расчетам, укрепившись на белорусских и украинских землях, католические церковные учреждения должны были сделать объектом своей деятельности и Россию, чтобы, распространяя в ней католицизм, способствовать ее подчинению политическому влиянию польско-литовских феодалов.

Важным этапом на пути к осуществлению этих внутри- и внешнеполитических планов, намечавшихся правительством при поддержке значительной части магнатерии и Ватикана, должна была стать уния православной церкви в Речи Посполитой и церкви католической. Главные усилия первоначально были направлены на то, чтобы склонить к заключению такой унии группу православных епископов. Когда с помощью разных средств эта цель была достигнута, уния была торжественно провозглашена на синоде в Брест-Литовске в 1596 г. Однако успех был неполным, так как принявшие унию епископы оказались пастырями без паствы: не только мещане и крестьяне, но и бóльшая часть шляхты, сохранявшей верность православию, отказались ее принять. Отказ широкой массы православных принять унию положил начало систематической и длительной акции правительства (его поддерживала большая часть магнатерии), направленной на то, чтобы силой вынудить у православного населения страны признание унии. Правительство постановило, что только принявшие унию епископы и их немногочисленные сторонники являются единственными законными представителями православной церкви. Именно этим епископам и их сторонникам стали передаваться церковные учреждения и принадлежавшие этим учреждениям имущества, а также сами храмы, так что православное население оставалось вообще без своих центров культа. Попытки сопротивления со стороны крестьян и мещан подавлялись вооруженной силой, их участников бросали в тюрьмы, православную шляхту не допускали к занятию «урядов»[88]. Вся эта кампания сопровождалась выпадами против «некультурности», «грубости» украинцев и белорусов и «примитивности» их «славянского» языка, который не может быть языком литературы и общения образованных людей — лишь уния с католической церковью и усвоение польского языка и латыни могли бы привести к улучшению в этом отношении.

В многонациональной Речи Посполитой, где разные народности исповедовали разные религии, православие было вероисповеданием украинцев и белорусов и рассматривалось ими как один из важнейших атрибу-

[88] Большой материал о политике польско-литовского правительства по отношению к православному населению после Брестской унии собран в работах: *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901; *Он же.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). СПб., 1903—1912, вып. 1—6.

тов восточных славян[89]. В этих условиях религиозная политика правительства воспринималась как яркое проявление не только религиозного, но и национального угнетения, как покушение иноземной и иноверной власти на само существование украинского и белорусского народов. Не прикрытый ничем характер этого угнетения, невозможность обосновать и оправдать его даже нормами общественного устройства Речи Посполитой способствовали тому, что народно-освободительное движение зародилось в борьбе против религиозной политики правительства, лозунг борьбы «за веру» стал одним из основных его лозунгов. Политика правительства, закрывавшего православные храмы, затрагивала по существу все слои белорусского и украинского общества. Всех его слоев, хотя и в разной степени, в зависимости от общественного положения, касались и правительственные репрессии, падавшие на противников унии. Неудивительно поэтому, что именно на почве борьбы «за веру» оказалось возможным объединенное выступление против политики правительства Речи Посполитой таких разных социальных групп, как крестьянство, казачество, мещанство, духовенство и, наконец, часть православной шляхты, у которой под воздействием происшедших событий наметилось определенное усиление самосознания. Если вначале столь широкий блок весьма расходившихся по своим интересам социальных сил позволил добиться определенных успехов в борьбе с правительством, то в дальнейшем его социальная разнородность закономерно привела к кризису и трудностям в развитии народно-освободительного движения.

В конце XVI в. до этого, однако, было еще далеко. В это время народно-освободительное движение только зарождалось и отдельные силы, вошедшие позднее в его состав, действовали еще изолированно друг от друга. Это прежде всего относилось к двум в будущем ведущим силам движения — мещанству и казачеству.

В последних десятилетиях XVI в. казачество стало главной силой, открыто противостоявшей общественному порядку, установленному в Речи Посполитой. Общеизвестно, что казачество с его особым укладом жизни и военной организацией было созданием беглых крестьян, искавших в незаселенных «диких полях» и на недоступных днепровских островах спасения от феодально-крепостнических порядков. За днепровскими порогами степные добытчики — казаки, промышлявшие ловлей рыбы и зверя, защищавшие свои угодья от нападений татар и сами ходившие за добычей в крымские улусы, создали свой особый центр — Запорожскую Сечь — и свою особую военную организацию — Запорожское войско[90].

На рубеже XVI—XVII вв. казачество, имевшее за собой к тому времени уже долгий путь развития, представляло собой довольно сложную,

[89] Очень интересные примеры такого понимания связи между верой и народностью в сознании людей XVI—XVII вв. дает «Тератургима» — опубликованное в 1638 г. сочинение киевского книжника А. Кальнофойского. В его рассказе об обращении в православие кальвиниста Мартина из «Поморской земли» герой после обращения стал называться «церкви восточной послушным русином» (*Кальнофойский А.* Тератургима. Киев, 1638, с. 216).

[90] Подробнее о возникновении казачества и образовании Запорожской Сечи см.: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957, гл. 1—2.

неоднородную по составу социальную группу. Эта неоднородность объяснялась тем, что по крайней мере к концу XVI в. в состав казачества наряду с беглыми крестьянами, составлявшими основную часть казачества, вливались мещане, как ремесленники, так и торговцы, а также мелкая служилая шляхта, из которой формировалась старшинская верхушка Запорожского войска. Уже к этому времени элементы имущественного неравенства в среде казачества были вполне ощутимыми. Наряду с казацкой «голотой» среди запорожцев встречались люди, владевшие несколькими селами, и с течением времени эти различия постепенно углублялись [91]. Существовали и различия иного порядка: во второй половине XVI в. часть казаков была официально принята на королевскую службу и внесена в так называемый «реестр» (от этого — название «реестровые» казаки), по которому включенным в него лицам выплачивалось жалованье за охрану южных границ страны от османов и крымцев. Однако в это время в состав реестра входила очень небольшая часть казаков — от нескольких сот до тысячи человек, в основном принадлежащих к зажиточному слою [92].

Несмотря на эти различия, подчас существенно влиявшие на характер действий казачества, у всех казаков были налицо общие интересы, и там, где они затрагивались, казачество было способно выступать как единая сила, хотя решимость и последовательность действий отдельных слоев были при этом далеко не одинаковыми. Казачество считало себя особым сословием «людей рыцарских», которое несет тяжелую службу по защите страны от «бусурман» и потому свободно от всяких налогов и повинностей и от подчинения органам королевской администрации. Само собой разумелось также, что казаки могут свободно владеть занятыми ими по праву вольной заимки промысловыми угодьями и землями на незаселенной территории. Запорожское войско считало это своими «правами и вольностями». Особенности этого сословия заключались в том, что оно готово было принять в свои ряды каждого желающего, невзирая на его сословную принадлежность. Другая, еще более важная особенность заключалась в том, что эти «права и вольности» казаков не признавались господствующим классом Речи Посполитой. Даже реестровым казакам, официально принятым на королевскую службу, гарантировалось лишь жалованье, но не собственность на занятую ими землю, которая в любой момент могла быть отобрана и передана какому-нибудь шляхтичу. Что же касается основной массы казаков, то им вообще не было места в рамках установленного польско-литовскими феодалами государственного порядка. Казаков господствующий класс Речи Посполитой рассматривал как своих беглых крепостных, которых следует вернуть в подчинение их прежним господам.

Возникший при этом антагонизм дополнительно обострялся тем обстоятельством, что казацкие «права и вольности», свободная казацкая

[91] *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький. Київ, 1954, с. 44—47; *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959, с. 22—23.

[92] Об образовании «реестра» см.: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество, с. 89—90, 92—93, 98 и др.

жизнь становились идеалом для придавленных феодальной эксплуатацией широких народных масс. Сам факт существования Запорожского войска приводил к тому, что крестьяне, селившиеся на запустевших землях Восточной Украины, объявляли себя казаками, отказываясь платить какие-либо повинности в пользу тех магнатов, которым эти земли были розданы правительством Речи Посполитой [93].

По мере того как эти явления шире распространялись, все больше усиливалось стремление господствующего класса Речи Посполитой подчинить Запорожское войско своей власти, уничтожить казацкие «права и вольности». На эти попытки казачество отвечало восстаниями, поднимая на борьбу с господствующим порядком народные массы. Наиболее крупное из этих восстаний, разразившееся в 1594—1596 гг. восстание под руководством Северина Наливайко, охватило не только значительную часть Восточной Украины, но и белорусские земли [94].

Казачество постепенно становилось главной силой, противостоявшей политике польско-литовских феодалов на Украине, центром притяжения и организации борьбы той части народа, которая не желала мириться с существующим порядком. Правда, казацкие восстания 90-х годов XVI в., отражая протест народных масс против угнетения и эксплуатации, не имели еще народно-освободительного характера, но в условиях, когда на Украине усиливалась политика национального угнетения, превращение казачества в главную, ведущую силу народно-освободительной борьбы было только вопросом времени.

Важно отметить, что уже к этому раннему этапу истории казачества относится установление тесных связей украинского казачества Запорожья и русского казачества Дона.

Уже к середине XVI в., т. е. в то время, когда по существу начинаются первые крупные самостоятельные выступления запорожских казаков, мы имеем факты, указывающие на наличие дружеских связей между Доном и Запорожьем. В летописных известиях этого времени как один из главных донских атаманов неоднократно упоминается Михаил Черкашенин. Этот атаман пользовался на Дону такой популярностью, что стал героем одной из русских исторических песен [95]. Польский хронист конца XVI в. И. Бельский писал как об общеизвестном факте, что, когда Стефан Баторий хотел «выгубить» запорожцев, они нашли себе приют на Дону [96].

Лишь недостаток данных не позволяет представить полнее развитие этих связей, которые в известиях 20-х годов XVII в. выступали как крайне близкие и дружественные. Знаменитые морские походы казаков на южное побережье Черного моря в первых десятилетиях XVII в.

[93] *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький, с. 44—45.

[94] О восстании С. Наливайко см.: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество, гл. 5; *Абецедарский Л. С.* Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII вв. Минск, 1978, с. 67—80.

[95] *Апанович Е. М.* Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648—1654 гг.— В кн.: Воссоединение Украины с Россией: Сб. статей, с. 79.

[96] *Стороженко А. В.* Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904, с. 86.

были совместным делом Дона и Запорожья [97]. Запорожец А. Шафран, возглавлявший в 1626 г. совместный поход донцов и запорожцев на Трапезунд, говорил: «Живет-де он, Алеша [Шафран.— *Б. Ф.*] на Дону 18 лет, а иные его товарищи живут лет по 5 и по 6, а всех-де их на Дону есть с 1000 человек; а в Запорогах-де донских казаков также много — мало [не] в полы того, сколько их, только живут переходя: они ходят на Дон, а з Дону казаки к нам... А повелось-де у них то з донскими казаки изъстари» [98]. Для характера отношений Дона и Запорожья показательно и другое свидетельство 1632 г., исходящее от донских казаков: «...у нас-де у донских казаков з запорожскими черкасы приговор учинен таков: как приходу откуда чаять каких... людей многих на Дон или в Запороги, и запороским черкасом на Дону, нам, казаком, помогать, а нам, донским казаком, помогать запорожским черкасом» [99].

Все это позволяет говорить о наличии не только постоянных дружеских контактов, но и боевой взаимопомощи и союза между казачеством Украины и России. Укреплению этих связей способствовало сознание единства происхождения (недаром донцы и запорожцы называли себя братьями), сходство социального положения, наличие общего врага в лице османов и татар, угрожавших самому существованию казацких поселений, наконец, общая необходимость защиты своего социального положения перед лицом «собственной» феодальной государственности. Как увидим далее, донские казаки постоянно помогали запорожцам в их борьбе с Речью Посполитой. В свою очередь донцы искали на Запорожье поддержки, когда русское правительство пыталось «свести» казаков с Дона. Так, в ответ на царские угрозы в 1630 г. донские казаки говорили: «И к нам-де придут на помочь запорожские черкасы — многие люди, тысяч 10 и больше... а Дону-де нам так бес крови не покидывать» [100].

Вместе с тем в положении двух «казацких республик» было одно существенное различие. Если донское казачество никогда не имело прочных связей с Речью Посполитой, то запорожское казачество уже сравнительно рано завязало разнообразные связи с Русским государством.

Первые известные сейчас сведения о контактах запорожского казачества с Русским государством относятся к 50-м годам XVI в. Уже в 1556 г. вместе с войском русского воеводы Д. Ржевского ходили против крымцев на Днепре «литовские люди, атаманы черкасские» из Канева [101]. В конце 50-х годов целое казацкое войско привел на русскую службу один из украинских магнатов, кн. Д. Вишневецкий [102]. Д. Вишневецкий скоро вернулся в Литву, но пришедшие с ним в Рос-

[97] *Тушин Ю. П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. М., 1978, с. 102—122.
[98] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, М., 1953, т. 1, № 37, с. 70, 1626 г.
[99] РИБ, СПб., 1898, т. 18, стб. 340, март 1632 г.
[100] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 71, с. 123, отписка от 27 марта 1632 г.
[101] ПСРЛ, М., 1965, т. 13, с. 270—271, лето 1556 г.
[102] *Гуслистый К. Г.* Исторические связи..., с. 27.

сию «каневские атаманы» (Савва Балыкчей Черников, Ивашко Пирог Подолянин и др.) остались «служити польскую службу» Ивану IV[103]. Завязавшиеся в то время контакты получили продолжение в 70—80-х годах XVI в., когда русское правительство неоднократно посылало «за пороги» продовольствие и оружие «днепровским казакам», действовавшим вместе с русскими войсками против крымских татар[104]. В этот период в качестве посредников между русским правительством и запорожцами выступали крупные украинские феодалы — князья Ружинские (сначала Богдан, затем Кирик и Михаил), претендовавшие на роль казацких «гетманов».

Новый этап в развитии этих связей наступил в начале 90-х годов XVI в., когда казацкое войско вступило в прямые контакты с Русским государством без всякого участия украинских феодалов. В начале 1592 г. состоялось соглашение, по которому запорожское войско во главе с гетманом К. Косинским обязалось защищать южные границы России от Крымского ханства, за что из Москвы казакам должны были присылать «денежное и хлебное жалованье»[105]. Известно, что уже в следующем году на Сечь действительно были посланы «поминки» из России[106]. И позднее имеем ряд сведений о выполнении соглашения обеими сторонами[107]. Значение запорожского войска в глазах русского правительства постепенно возрастало: в мае 1600 г. запорожские послы, побывавшие в Москве, были приняты царем[108]. Эти связи сохранялись и позднее: еще в 1607/08 г. правительство В. Шуйского посылало «жалованье» «запорожским черкасам»[109].

Нет оснований полагать, что уже на этом этапе существовало какое-то соглашение русского правительства с казачеством, направленное против Речи Посполитой. Однако имело значение складывание традиции постоянной «службы» запорожского войска русским государям, представления об особых отношениях между ними и Запорожьем. О сложении такой традиции позволяют судить события 1594 г., когда Габсбурги предложили запорожскому войску пойти на австрийскую службу и воевать с османами. Запорожское войско поспешило уведомить об этом царя, специально интересуясь его отношением к австрийским предложе-

[103] ПСРЛ, т. 13, с. 343, лето 1562 г.

[104] *Флоря Б. Н.* Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в.— В кн.: Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 214—228; *Он же.* З історії взаємовідносин українського казацтва і російського уряду (80-і — 90-і роки XVI ст.).— Український історичний журнал, 1978, № 8, с. 125.

[105] *Флоря Б. М.* З історії взаємовідносин..., с. 126—127.

[106] Там же, с. 128.

[107] В 1598 г. гетман реестровых казаков Т. Байбуза жаловался С. Жолкевскому, что запорожцы захватили «казну нашу, от князя великого нам данную» (Listy Stanisława Zółkiewskiego. 1584—1620. Kraków, 1868, S. 88, 15 ноября 1598 г.), а в 1604 г. Борис Годунов сообщал в Вену, что запорожцы во главе с Семеном Скалозубом по просьбе русского правительства ходили в морской поход на Турцию, чтобы помочь императору (Старина и новизна. М., 1911, кн. 14, с. 291—292).

[108] Государственный исторический музей. Отдел рукописей. Собр. П. И. Щукина, № 496, л. 1107.

[109] Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с. 127.

ниям. Эту инициативу запорожские посланцы прямо объясняли тем, что «те люди запорожские здавне есть слуги его царского величества и без ведома его царской милости не хотят итти» на австрийскую службу [110]. Такое представление сохранилось у казачества и после того, как польско-литовская интервенция нарушила установившиеся связи. Прибывшие в Москву в 1620 г. запорожские послы говорили царю Михаилу Федоровичу, что «оне все хотят ему, великому государю, служить головами своими по-прежнему, как оне служили прежним великим российским государем и в их государских повелениях были, и на недругов их ходили, и крымские улусы громили» [111].

С возникновением таких отношений у казацких атаманов стало складываться также представление о том, что на территории дружественного Русского государства казацкое войско может найти приют в случае конфликта с магнатами и правительством Речи Посполитой. Уже при переговорах К. Косинского с Борисом Годуновым, происходивших в период столкновения казацкого войска с украинскими магнатами, затрагивался вопрос о том, говоря словами официального документа, чтобы «к государю нашему ехати... и быти у государя нашего» [112]. В 1595—1596 гг. пыталось уйти на территорию Русского государства казацкое войско Семена Наливайки [113].

К 90-м годам XVI в. относится установление контактов русского правительства и с другой важной силой белорусского и украинского общества, противостоявшей политике церковных и светских властей Речи Посполитой,— городскими братствами. Образование братств, начинающееся как раз в последние десятилетия XVI в., было тесно связано с обострением социальных и национальных противоречий в украинских и белорусских городах Речи Посполитой. Формально братства были всесословными организациями прихожан тех или иных церквей, созданными для взаимопомощи и опеки над своими храмами. Фактически же (как, например, во Львове) в условиях многоэтничного города, где украинские мещане не допускались в городскую раду, в состав городского суда и в «лучшие» цехи, братства превращались в организации, выражавшие интересы украинских и белорусских ремесленников в борьбе с польско-литовскими властями и католическим патрициатом [114].

На рубеже XVI—XVII вв., когда основная масса белорусских и украинских феодалов изменила своему народу, порвала с национальными традициями, а выступления казачества носили чисто социальный характер [115], именно братства и связанные с братствами центры просвещения

[110] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1852, т. 2, стб. 22, август 1594 г.

[111] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. т. 1, № 1, с. 3, 26 февраля 1620 г.

[112] *Флоря Б. М.* З історії взаємовідносин..., с. 127.

[113] См. об этом подробнее: *Абецедарский Л. С.* Белоруссия и Россия, с. 72—73, 77, 80.

[114] О роли братств в общественной жизни Украины XVI — первой половины XVII в. см. в кн.: *Ісаєвич Я. Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. Київ, 1966, роз. III.

[115] Л. С. Абецедарский правильно указал на такой характер казацких восстаний 90-х годов XVI в. (*Абецедарский Л. С.* Белоруссия и Россия, с. 78—79).

и культуры стали главной силой в борьбе украинского и белорусского народов за национальное равноправие, той средой, где зарождалась идеология народно-освободительного движения. Неудивительно, что именно братства стали главной силой, оказавшей сопротивление религиозной политике польско-литовского правительства, его планам, связанным с осуществлением Брестской унии. Ведущая роль братств и в организации общественных выступлений против унии, и еще более в направленной против униатов пропагандистской акции (издание полемической литературы) [116] в источниках отразилась вполне определенно. Главная роль среди них принадлежала Виленскому и Львовскому братствам.

Анализируя те идейные представления, на которые опиралась деятельность братств, следует прежде всего отметить попытки связанных с Львовским братством публицистов установить причины того тяжелого положения, в котором оказались украинцы и белорусы в Речи Посполитой к концу XVI в. По мнению автора «Перестроги» — полемического памятника, созданного около 1605—1606 гг., причина несчастий заключалась в том, что создатели Древнерусского государства, построив богатые храмы, даже «книг великое множество языком словенским нанесли, леч того, што было напотребнешое, школ посполитых не фундовали». Из-за недостатка просвещения древнерусские князья «упали в великоие лакомство около панованя» и начали междоусобные войны между собой, «на помочь противко себе суседов заграничных зводячи, яко Венкгров, Поляков и Литвы». В итоге дело завершилось тем, что «помочники» сами овладели «панством Русским». Политику завоевателей автор «Перестроги» характеризует как крайне коварную, последовательно направленную на уничтожение родной культуры и национальной традиции коренного населения. Неслучайно, по его мнению, завоеватели захватывали и увозили с собой ненужные им «словенские» книги, чтобы не дать никому возможности воспользоваться ими, «яко то на око обачим у самом Кракове корунном и в костелах рымских (т. е. католических.— *Б. Ф.*)... книг словенских великими склепами знайдеш замкненых, которых на свет на выпустят». Когда, таким образом, национальная культурная традиция была ослаблена, завоеватели — «поляци» — стали привлекать украинских и белорусских князей в свое общество, выдавать за них своих дочерей и т. д. В результате украинские и белорусские феодалы «посполитававшися з ними, позавидели их обычаем, их мове и наукам и не маючи своих наук, у науки рымские свое дети давати почали». И так «мало-помалу науками своими все панство руское до веры рымское привели» [117].

Другой анонимный публицист, автор послания Львовского братства 1609 г. в Новый Константинов, видел особое коварство завоевателей в акте заключения Люблинской унии: «...чого не могли учинити силою, тое учинили едностью таковой, которою, ркомо, засадили сенаторов рус-

[116] Характеристику этой литературы см.: *Загайко П. К.* Українські письменники-полеміcти кінця XVI — початку XVII ст. в боротьбі проти Ватікану і унії. Київ, 1957.

[117] *Возняк М.* Письменницька діяльність Івана Борецького на Волині і у Львові. Львів, 1954, с. 25—26.

ких в сенате коронном». «Притягнув» белорусских и украинских феодалов «такими лагодностями до едности з собою», завоеватели, как это констатируется и в «Перестроге», привели к тому, что «наша Русь князе и паны» обратились в «ляхов». И тем самым «все оное першое покгволчоно, отступлено и опак обернено[118]». Принуждение белорусского и украинского населения к унии воспринималось как заключительное звено в цепи этих мероприятий. Общие итоги политики польско-литовских феодалов на белорусских и украинских землях были резюмированы автором «Перестроги» в речи, вложенной в уста представителя Львовского братства: «...справу всю церковъную розорвано и зневолоно, и даньми обтяжено, а великих панов науками и способами розмаитыми от церквей выведено и все поспольство до знищения приведено»[119].

Разбор этих высказываний позволяет прийти к двум важным выводам общего порядка. Во-первых, из них ясно следует осознание публицистами братств принципиальной непримиримости интересов белорусского и украинского народов и политики польско-литовской власти и всего господствующего класса Речи Посполитой, направленной на ликвидацию национальной традиции и самобытности этих народов. Очевидно, что именно осознание этого факта следует оценить как возникновение важнейшей предпосылки для развития народно-освободительного движения. Во-вторых, очевидно и четкое осознание значимости сдвигов, происшедших в украинском и белорусском обществе во второй половине XVI — начале XVII в. Хотя члены братств придавали большое значение деятельности тех православных феодалов, которые, как Константин Острожский, заботились о развитии культуры и просвещения украинцев и белорусов (создание Острожской академии) и выступали против унии, и испытывали к ним большое почтение, это не помешало их идеологам четко сформулировать положение, что украинская и белорусская знать перестала быть частью украинского и белорусского народов. «Князи и паны наши, домы великие и зацные фамилие... где ж суть ныне? не маш их»,— писал автор послания 1609 г.[120]

В этих условиях братства не только на практике, но и в сознании самих братчиков становились главным представителем белорусского и украинского народов, главным борцом за его интересы. Характеризуя цели, которые ставились братствами в этой борьбе, и их практическую деятельность, направленную на достижение этих целей, следует отметить прежде всего усилия братств, развернувшиеся как раз в последней четверти XVI в., по созданию братских училищ и системы национального образования в целом. Из приведенных выше высказываний ясно видно, что речь шла не только об улучшении образования как такового, но и о важнейшем акте борьбы за сохранение национальной самобытности, прямо направленном против политики польско-литовской власти. С борьбой за сохранение национальной самобытности в широком смысле была связана и борьба братств против Брестской унии.

[118] АрхЮЗР. Киев, 1904, ч. 1, т. 11, с. 331.
[119] *Возняк М.* Письменницька діяльність..., с. 43.
[120] АрхЮЗР, ч. 1, т. 11, с. 331.

Однако было бы неправильным ограничивать только этим программу деятельности братств, лишая ее чисто политических аспектов. Материал для их изучения дают выступления львовского братства 1599 и 1608—1609 гг. против притеснения православных украинских ремесленников Львова католическим немецко-польским патрициатом и цеховой верхушкой. Перечисляя притеснения, которым подвергались ремесленники, братчики подчеркивали, что таким ограничениям и преследованиям не подвергались представители других народов, живших в Речи Посполитой (татары, армяне, евреи) [121], но лишь «русский народ» — «народ старожитный, натуральный» — в своей стране: то, чем пользуются другие, «того неволен русин на прирожоной земли своей Руской уживати, в том то руском Львове» [122]. Причину такого явления братчики видели в том, что польско-литовские феодалы и патриции «до нас, руси, прийшовши, з нами руссю в Русі не хочуть жити згідно з давніми правами» [123]. В соответствии с этим борьба украинских ремесленников за право вступления в цехи, за свободу торговли, участие в городском управлении выступала как часть общей борьбы «з народом Полским о ровную вольность», с тем чтобы добиться «равных волностей християнских так духовных... яко и свецких» [124]. В этой борьбе братство апеллировало «до всех посполите людей» с просьбой о «всенародное поратование» [125].

Для достижения своих целей братства обращались за помощью и поддержкой к русскому правительству. В 1592 г. в Москве побывали послы Львовского братства с просьбой о помощи для строительства находившейся под патронатом братства Успенской церкви и госпиталя, а также о получении книг, и русское правительство выдало им значительную сумму деньгами и мехами. В 1606 г. послы братства снова побывали в Москве и снова получили существенную помощь [126]. К 1597 г. относятся упоминания о поездке в Москву и представителей Виленского братства за средствами на строительство братской церкви Святого духа [127].

Интересно, что позднее виленские братчики отрицали факт своих сношений с Москвой. Это можно было бы объяснить острой реакцией польско-литовского правительства на установление контактов между братствами и Москвой. Весной 1606 г., направляя в Москву своих послов, Сигизмунд III предписал им требовать выдачи послов Львовского братства, отправившихся в Россию «без воли» короля и Речи Посполи-

[121] Автор «Перестроги» в речи, вложенной им в уста кн. К. Острожского, также подчеркивал, что других народов, живущих в Речи Посполитой, «в вере их не ломают» в отличие от «русского народа» (*Возняк М.* Письменницька діяльність..., с. 39).

[122] «Лямент».— *Крыловский А. С.* Львовское ставропигийное братство. Киев, 1904. Прилож., с. 35—36, 2 января 1609 г.

[123] Цит. по: *Ісаевич Я. Д.* Братства..., с. 104.

[124] Инструкция братства своим послам на сейм от 2 января 1609 г.— *Крыловский А. С.* Львовское ставропигийное братство. Прилож., с. 32, 34.

[125] Окружное послание львовского братства 1608 г.— АрхЮЗР. Киев, 1904, ч. 1, т. 12, с. 527.

[126] *Ісаевич Я. Д.* Братства..., с. 118—119.

[127] *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба... (до 1609 г.), с. 307.

той, и в оковах доставить их в Варшаву[128]. Думается, однако, что немалое значение имели и особенности политического положения братств на рубеже XVI—XVII вв. Братства — организации украинских и белорусских ремесленников и торговцев среднего достатка, т. е. наиболее неполноправной и подчиненной части неполноправного и подчиненного сословия горожан Речи Посполитой, не располагали ни какими-либо позициями в системе политической власти этого государства, ни тем более собственными вооруженными силами. Тяжело сказывалась на их положении и разобщенность в тот период сил, противостоявших политике Речи Посполитой на Украине и в Белоруссии, в частности отсутствие контактов и взаимодействия между братствами и казачеством. В итоге братства вынуждены были полагаться лишь на свою пропагандистскую акцию, вести судебные процессы против посягательств на права, обращаться с петициями к королю и сейму. В этих условиях у братств не оставалось ничего другого, как искать контактов с той частью белорусских и украинских феодалов, которые во главе с крупнейшим украинским магнатом К. Острожским сохранили верность православию и выступали против религиозной политики правительства.

«Апокрисис», написанный по заказу К. Острожского, является памятником, ярко отражающим устремления и политические планы оставшихся верными православию украинских и белорусских феодалов после заключения Брестской унии. Сопоставляя построение этого произведения и систему понятий автора с высказываниями, вышедшими из среды братств, можно сразу же отметить существенную разницу. В центре внимания публицистов братств стоят судьбы украинцев и белорусов под властью завоевателей, а церковная уния оценивается как определенный этап их политики. В центре внимания автора «Апокрисиса» — вопрос о нарушении «вольности набоженства» как части существующих в Речи Посполитой «свобод и вольностей». Сейчас король «людем вольным пановати рачит», но так не будет, если станет нарушаться вольность свободного отправления веры — одна из самых фундаментальных вольностей. Государственная власть не должна вмешиваться в религиозные споры и навязывать кому-либо иную веру, так как «не скотами естесьмо», а «з ласки божой людьми свободными»[129].

Если учесть, что в Речи Посполитой свободными, вольными людьми считались только шляхтичи, так как только они участвовали в выборе монарха, которому они тем самым подчинялись как бы по своему добровольному решению, то становится ясным, из какой среды исходит и к каким кругам обращается это произведение.

Протестуя против религиозной политики правительства, православная шляхта устами автора «Апокрисиса» указывала, что эта политика нарушает нормы, установленные более ранними законодательными актами, такими, как привилей Сигизмунда II Августа 1569 г. об инкорпорации Киевской и Волынской земель в состав Польского королевства, где содержалось обязательство предоставлять «уряды» на равных осно-

[128] Muzeum Narodowe w Krakowie. Dzia': zbiory Czartoryjskich, rkp. 2101, s. 38.
[129] РИБ. СПб., 1882, т. 7, стб. 1796—1798, 1810.

ваниях и католикам, и православным, и акт Варшавской конфедерации 1573 г., согласно которому «добра костелов греческих людем тое же веры Греческое даваны быти мают»[130]. Если учесть, что раздача этих «добр» проводилась по традиции королем по «представлению князей и панов русских», то цели, которые преследовала православная шляхта, станут ясными: прекращение дискриминации по религиозным мотивам при раздаче «урядов» и возвращение православному дворянству его прав на традиционное «попечение» над православной церковью и ее владениями (после Брестской унии эти владения раздавались королем униатам по представлению его католических советников). Своих целей православное дворянство рассчитывало добиться путем соглашения с другими группировками господствующего класса Речи Посполитой, также недовольными религиозной политикой правительства. Для этой линии весьма характерно, что сам «Апокрисис» был написан по заказу К. Острожского польским шляхтичем-протестантом и посвящен польскому канцлеру Я. Замойскому — главе лагеря так называемых «политиков» — сторонников веротерпимости.

Таким образом, эта политическая группировка, разоблачая незаконность решений Брестского собора и выступая против религиозных преследований украинского и белорусского населения (что было в тех условиях, конечно, прогрессивным делом), была, несомненно, лояльной по отношению к Речи Посполитой, основные принципы социально-государственного устройства которой полностью отвечали ее классовым интересам. Представляется не случайным, что в произведениях полемической литературы, возникших в окружении К. Острожского или по его заказу, таких, как сочинение «Острожского клирика» или «Апокрисис» Филалета, нет никаких упоминаний о России даже там, где без этого, казалось, никак нельзя было бы обойтись. Наиболее показательным примером может служить «История о листрикийском синоде» клирика Острожского, изданная в 1598 г. Это сочинение о Флорентийском соборе было полемически направлено против утверждений униатов, что Русь уже на Флорентийском соборе 1439 г. приняла унию в лице своего митрополита Исидора. В нем наряду с другими материалами были использованы и источники московского происхождения[131], однако автор умалчивал и о том, что резиденцией митрополита была Москва, и о каком бы то ни было участии в событиях великого князя московского Василия Васильевича. По его мнению, и неудача, постигшая Исидора, имела место вовсе не в Москве: по словам клирика, он «кгды до Смоленска приехал, пойман был и до везеня всажон»[132]. С такой позицией вынуждены были считаться и братские полемисты. Говоря об Исидоре, автор «Перестроги», например, ничего не сказал о его бегстве из Москвы, ограничившись совершенно неясным указанием, что митрополита где-то на Руси «поведают, утоплено»[133].

[130] РИБ, т. 7, стб. 1072, 1076.
[131] РИБ. СПб., 1903, т. 19, стб. 439; *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, с. 363—364.
[132] РИБ, т. 19, стб. 468.
[133] *Возняк М.* Письменницька діяльність..., с. 44.

Не следует, однако, полагать, что отношение и братств, и православной шляхты к России было одинаковым. О том, что братства в этом вопросе занимали совершенно иную позицию, свидетельствуют сами материалы их сношений с русским правительством.

Здесь прежде всего нужно отметить грамоту Львовского братства царю Федору Ивановичу 1592 г.[134] Первое, что следует из анализа данного документа, это недвусмысленное осуждение существовавших в Речи Посполитой порядков. Себя братчики характеризовали «как убозих и умаленых суще паче всех человек» и прямо указывали, что «в Польской стране» они обретаются «в великих печалех»[135]. Так определялись причины, заставлявшие братство искать помощи и поддержки. Что касается того, почему за помощью братство обращается к царю, то она мотивировалась тем, что от царя исходит «утешение и окормление» для всех православных, но прежде всего «везде обретающимся от многоплеменитаго рода Российского», так как бог «тебе во многороднем племене Российском царя неподвижна от прародителей постави». Далее недвусмысленно разъяснялось, что и львовские братчики принадлежат к тому же «Российскому роду» («от них же и мы обретаемии во граде Львове»), а самому царю предлагалось следовать «памяти святей честнаго ти царства прародителю, великому Владимиру». При этом специально подчеркивалось, что Владимир крестил «весь род Российский» и украсил землю Русскую «честными храмы» «даже и до зде», т. е. до самого Львова. Нетрудно видеть, что вся эта серия характеристик и сопоставлений представляет собой не что иное, как пересказ наиболее общих понятий разработанной в Великороссии программы воссоединения восточнославянских народов, в частности ее центрального тезиса о московских государях как единственных законных преемниках Владимира Киевского, «природных» государях всего «Российского рода», отождествлявшегося со всем восточным славянством. В данном случае существенно, однако, что все эти определения и оценки исходили не от русских государственных деятелей, а от важного очага общественного движения и общественной мысли на Украине, который тем самым определенно солидаризировался с русской объединительной программой. Сам этот факт следует оценить как важную принципиальную грань в развитии идейного общения восточнославянских народов, как важный шаг на идейном пути к воссоединению, предпринятый с опорой на древнерусские традиции.

Важно отметить, что дело не ограничилось одними словами, а в период польско-литовской интервенции в России эта новая политическая

[134] Юбилейное издание в память 300-летнего основания Львовского ставропигийного братства. Львов, 1886, № XCV, 15 июня 1592 г.

[135] Еще более четко тема осуждения польско-литовских порядков звучит в отправленном одновременно в Москву письме покровителя братства патриаршего экзарха Дионисия Тырновского, известного деятеля освободительной борьбы балканских народов против османов. В своем письме Дионисий прямо писал, что по прибытии во Львов он нашел братчиков не только «зело нищих и всегда во печали и скорби сущих», но и подвергавшихся притеснениям «благочестия ради и истины и православия» (там же, № XCI, июнь 1592 г.).

ориентация проявилась в конкретных действиях украинского и белорусского населения Речи Посполитой, действиях, вызвавших затем серьезные репрессии польско-литовских властей.

Такими действиями ознаменовался уже первый эпизод интервенции — водворение Лжедмитрия I в Москве с помощью и при поддержке польско-литовских феодалов и католической церкви. В воспоминаниях С. Немоевского, одного из польских дворян, приехавших в Москву в свите Марины Мнишек, встречаем интересное свидетельство, что падению Лжедмитрия способствовало обращение православных епископов в Речи Посполитой Г. Балабана и М. Копыстенского к населению Москвы с разоблачением связанных с Самозванцем планов насаждения католической религии в Русском государстве [136]. Это выступление «духовных русских» получило большой резонанс в Речи Посполитой, где их сочли чуть ли не главными виновниками крушения этих планов. Неизвестный автор сочинения «Motiua niektóre, dla których Rzeczpospolita y król Jego Mość a wybawieniu swych tu zatrzymanych słuszne radić ma», написанного в 1607 г., прямо требовал наказания «духовных русских» за «измену», которая и была «главной причиной ущерба, нанесенного народу польскому в Москве» [137].

Позиция епископов отражала отрицательное отношение к авантюре Лжедмитрия значительной части украинского и белорусского населения Речи Посполитой, оправдывавшей выступление москвичей против наехавших с Самозванцем в Москву польско-литовских феодалов. «А то за великие прикрости литовские и насмеяние полское сталося им»,— писал о «побитых» в Москве в 1606 г. «панах» автор Баркулабовской летописи — современник событий, приходский священник из Восточной Белоруссии [138]. Аналогичная традиция отношения к событиям сложилась и на Украине. «Ляхи хотіли верх мати над Москвою и почали іх зневажати» [139],— отметил позднее составитель Львовской летописи, центрального памятника украинского летописания первой половины XVII в. Такое отношение украинского и белорусского населения к польско-литовской интервенции заставляло политиков Речи Посполитой вносить коррективы в свои политические планы. Неизвестный автор проекта унии между Россией и Речью Посполитой, составленного в связи с появлением Лжедмитрия II, специально указывал, что для успеха задуманного плана необходимо «заградить путь к козням польской Руси» [140].

В последующие годы противодействие польско-литовской интервенции со стороны украинского и белорусского населения Речи Посполитой стало еще более заметным. Здесь прежде всего следует отметить литературную деятельность Виленского братства, опубликовавшего в самый разгар польско-литовской интервенции в России целый ряд сочинений с острой критикой вероучения и практики католической церкви и

[136] Pamiętnik Stanisława Nemojewskiego. Lwów, 1899, s. 109.

[137] Сб. РИО. М., 1912, т. 137, с. 696, 1607 г.

[138] *Мальцев А. Н.* Баркулабовская летопись.— В кн.: АЕ за 1960 год. М., 1962, с. 317.

[139] *Бевзо О. А.* Львівський літопис і Острозький літописець. Київ, 1971, с. 102, 1605 г.

[140] *Костомаров Н. И.* Собр. соч. СПб., 1903, кн. 2, с. 323.

религиозной политики польско-литовского правительства: в 1608 г. вышел «Антиграф», в 1610 г.— «Тренос», т. е. «Плач», Мелетия Смотрицкого. Появление этих сочинений в лагере руководителей интервенции было расценено как серьезный удар по их планам. В опубликованном в сентябре 1610 г. полемическом опровержении «Треноса» его автор, королевский исповедник — иезуит П. Скарга писал, что эта книга, «полезная для врагов отечества», может усилить сопротивление русских политике короля Сигизмунда[141]. В королевской ставке под Смоленском издание «Треноса» было квалифицировано как «бунт против власти духовной и светской», и на братство обрушились тяжелые репрессии. В королевских декретах от апреля—мая 1610 г. предписывалось арестовать издателей и авторов выпущенных братством книг, сами книги сжечь и запретить их распространять под угрозой высокого штрафа, а типографию конфисковать[142]. Такое совпадение можно было бы считать случайным, чисто хронологическим и связывать с тем, что годы интервенции были одновременно временем усиления гонений на православных в Речи Посполитой: именно летом 1609 г. у православных в Вильне были насильственно отобраны их храмы с помощью войск, принявших затем участие в смоленском походе Сигизмунда III[143].

Однако другие факты о деятельности виленских братчиков в эти годы показывают со всей определенностью, что выпуск «Треноса» был намеренной акцией, направленной против польско-литовской политики по отношению к России. Следует указать на очень интересное сообщение в депеше папского нунция от 14 декабря 1609 г., что православные мещане Вильна послали своего человека в Смоленск, чтобы рассказать о преследованиях, которым они подверглись, и побудить смольнян не сдавать город королю[144]. Еще более выразительные факты об отношении белорусского мещанства к интервенции встречаются в сообщениях следующего, 1610 г. В феврале 1610 г. литовский канцлер Лев Сапега с огорчением писал жене, что некий Данило, «купец из Полоцка», перебежал к смольнянам и рассказал им о плохом положении в королевском лагере и о победах войск М. Скопина-Шуйского над интервентами. «Очень затруднил нам этот изменник это дело»,— писал канцлер, имея в виду осаду Смоленска[145]. В то же самое время один из офицеров королевской армии, некий Домарадский, посылавший по приказу Сигизмунда III лазутчиков в Москву агитировать за выбор короля на русский трон, сообщал с неменьшим огорчением, что «купцы наши (т. е. из Речи

[141] См.: *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба... (с 1609 г.). СПб., 1903, вып. 1, с. 83—84.

[142] Тексты королевских декретов см.: АВАК. Вильно, 1875, т. 8, № 44/45, 1 апреля, 6—7 мая 1610 г.

[143] *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба... (с. 1609 г.), вып. 1, с. 35—36.

[144] Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie, rkp. 8395, s. 161. Об участии православных виленских мещан в защите Смоленска от польско-литовских войск см. также в православном полемическом сочинении «Супликация», адресованном сейму 1623 г. (Документы, объясняющие историю западнорусского края и его отношение к России и Польше. СПб., 1865, с. 246).

[145] *Prochaska A.* Wyprawa na Smoleńsk (z listów litewskiego kanclerza w 1609—1611 r.).— Kwartalnik litewski, 1911, s. 64, 2.II 1610 r.

Посполитой.— *Б. Ф.*), Русь злодейская, дали знать миру (посадской общине Москвы.— *Б. Ф.*) и духовенству, что король, его милость, хочет наступать на [их] веру и церковь и чтобы не склонялись к королю»[146]. Пересказывая эти сообщения в своем донесении в Рим, папский нунций говорил вместо Руси о «литовских схизматиках», и это заставляет думать, что и в данном случае речь должна идти о белорусских мещанах. Такое предположение прямо подтверждается письмом Л. Сапеги от 19 января 1611 г., адресованным арестованным «мещанам виленским религии русской», где причины ареста прямо объяснены тем, что белорусские горожане Вильна тайно посылали «до Смоленска и до столичного города Москвы и до иных городов Московских», жалуясь на притеснения польско-литовских властей, «за тиранов московских попы ваши бога просили», а теперь «вы Москву, чтобы королю его милости не подчинялась, бунтуете»[147].

Контактами русского общества с выступавшими против Брестской унии представителями братств был подготовлен важный шаг, предпринятый правительством царя Михаила в 1616 г. В это время стоявшим на литовской границе воеводам было приказано разослать в «литовские полки к русским людям» грамоты собора русского духовенства «отлучившимся благословения православным христианом, работающим в королевстве Польского государства». В этих посланиях русские иерархи призывали украинское и белорусское население Речи Посполитой порвать и с навязанной ему унией с католической церковью, и с польско-литовской властью, а царь Михаил Федорович, указывалось в одном из посланий, «яко всеми благих земли отдарует вас и яко сыны и братию приимет». Характерно, что, предлагая порвать с унией, иерархи советовали читать «чюднаго Кирила Иерусалимского... Мелетия мудраго от Антиохия послания и списанейцо Стефана Зизания» — очевидно, что появившиеся на Украине и в Белоруссии полемические сочинения к этому времени были уже хорошо известны в Москве[148].

Акт 1616 г. следует расценить как начало нового этапа в русской внешней политике — этапа, для которого характерными становятся попытки обращения к белорусскому и украинскому населению с призывом выступить против польско-литовской власти.

Все вышеуказанное позволяет сделать вывод, что годы польско-литовской интервенции в России стали важным этапом в развитии ведущих к воссоединению русско-украинско-белорусских политических контактов, когда идейное сближение Русского государства с братствами было скреплено совместной борьбой против агрессивной экспансионистской политики польско-литовского правительства. Следующий важный этап в развитии этих контактов, приходящийся на 20-е годы XVII в., совпал (и не случайно, а закономерно) с новым этапом освободительного движения на украинских и белорусских землях Речи Посполитой.

[146] РИБ. СПб., 1872, т. 1, стб. 512—513, январь 1610 г.
[147] Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie, rkp. 354, k. 70, 19.I.1611 г.
[148] Тексты посланий см.: ААЭ. СПб., 1836, т. 3, № 327—328. О времени их составления см.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961, кн. 5, с. 99.

Народно-освободительное движение на Украине и в Белоруссии (20—40-е годы XVII в.) Его политическая идеология и цели

Для нового этапа народно-освободительного движения было характерным объединение (хотя, как увидим далее, достаточно ограниченное по своим целям) целого ряда социальных группировок, недовольных национальной и религиозной политикой правительства Речи Посполитой: православной шляхты, духовенства, мещанства, казачества. Уже в 1610 г. попытки наместника униатского митрополита распоряжаться в Киеве натолкнулись на совместное противодействие православной шляхты, духовенства, казачества и киевских мещан[149]. Если это было, хотя и важное, но все же локальное выступление, то в 1620 г. по инициативе этой коалиции была предпринята гораздо более серьезная, общегосударственная акция, означавшая настоящий удар по планам контрреформации на Украине и в Белоруссии: по требованию широких кругов белорусского и украинского православного населения патриарх иерусалимский Феофан поставил новых православных епископов вместо тех, которые перешли в унию[150]. Значение этой акции было не только в том, что она продемонстрировала отрицательное отношение весьма значительных общественных кругов к официальной политике насаждения унии и означала серьезную неудачу этой политики. Не менее важно, что польско-литовское правительство оказалось не в состоянии ликвидировать последствия этой акции. Хотя ему и удалось не допустить некоторых из поставленных епископов на территорию своих епархий, королевские универсалы об аресте православных иерархов не удалось привести в исполнение. Епископы во главе с новым киевским митрополитом Иовом Борецким нашли себе приют в Киеве, «криющесь (по выражению самого Борецкого.— *Б. Ф.*) под криле христолюбиваго воинства черкасских молодцов»[151]. Между правительством и враждебными ему силами возникло неустойчивое равновесие.

При всей относительной широте объединившихся в этой акции социальных сил не подлежит сомнению, что главными силами движения, направленного против правительственной политики, были казачество и широкие круги мещанства в лице их наиболее передовой политически активной части — братств. Тесное сотрудничество этих сил получило даже формальное выражение, когда казацкое войско объявило себя как

[149] *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба... (с. 1609 г.), вып. 1, с. 45 и сл.

[150] Подробное описание внешней стороны событий см.: *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба... (с. 1609 г.). СПб., 1906, вып. 3.

[151] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 22, 24 августа 1624 г.

бы коллективным членом Киевского братства[152]. Руководящая роль этих сил в движении проявилась также в том, что новыми православными иерархами стали люди, как выражалось польско-литовское правительство, «подлой кондиции» — выходцы из мелкой шляхты, представители церковной интеллигенции, тесно связанные с казачеством, и с братствами. Характерна в этом смысле прежде всего фигура нового митрополита — старого учителя в школе Львовского братства, затем ректора школы Киевского братства, брат которого ходил с казаками за море, а сын участвовал в казацком восстании 1630 г. При активном участии деятелей, подобных И. Борецкому, ушедших в Киев под защиту местных мещан и казацкого войска, Киев во втором—третьем десятилетии XVII в. превратился в важный центр украинского просвещения и культуры, в очаг, где вырабатывалась идеология народно-освободительного движения.

Основные очертания программы борьбы, программы, получившей, как увидим далее, историческое обоснование, можно проследить анализируя полемические сочинения, появившиеся в Вильно и Киеве в 1621—1623 гг., в которых обосновывалась правомерность предпринятой в 1620 г. акции. Отразившаяся в этих сочинениях политико-историческая концепция в отдельных своих звеньях восходила к построениям публицистов круга К. Острожского, но в целом была продолжением и творческим развитием политико-исторических концепций братств. Уже в самом первом из них — «Протестации», оглашенной 28 апреля 1621 г. И. Борецким от имени всех «людей духовных и светских шляхетского и мещанского сословий народа Русского»[153], указывалось на тот принципиальный аспект спора короля с его православными подданными, что право свободно исповедовать православную религию и обладать необходимой для использования этого права церковной иерархией — это неотъемлемая часть прав и вольностей украинского и белорусского населения Речи Посполитой[154]. В последующих полемических сочинениях, таких, как «Verificatia niewinności» Мелетия Смотрицкого, «Justifikacia niewinności», написанная И. Борецким в конце 1622 г., «Supplicatia», адресованная сейму 1623 г., также решительно подчеркивался этот аспект спора: уступки невозможны, так как речь идет обо всех правах и вольностях русского населения Речи Посполитой. Если будет утрачена свобода исповедания, то и все другие вольности, и духовные, и светские, не могут быть сохранены («W wierze niewolnik, w czym yest wolny?»)[155].

В этих утверждениях нетрудно отметить много общего с высказываниями и автора «Апокрисиса», и публицистов братств. Вместе с тем между сочинениями рубежа XVI—XVII вв. и сочинениями 20-х годов XVII в. выступает одно принципиальное различие в трактовке вопроса

[152] *Тітов Ф. И.* Матеріяли для історії книжної справи на Вкраїни в XVI—XVII вв. Київ, 1924, с. 47.

[153] Издание этого документа см.: *Жукович П. Н.* Протестация Иова Борецкого и других западнорусских иерархов. составленная 28 апреля 1621 г.— В кн.: Статьи по славяноведению. СПб., 1910. Т. 3.

[154] *Жукович П. Н.* Протестация..., с. 144—145.

[155] АрхЮЗР, ч. 1, т. 7, с. 341, 529; Документы, объясняющие историю..., с. 248.

о происхождении упомянутых выше прав и вольностей. Так, по мнению шляхетского автора «Апокрисиса», речь должна идти в сущности не столько о правах, сколько о длительной неписаной традиции[156]. Определенные права, по его представлению, получила лишь православная шляхта при инкорпорации украинских земель в состав Польского королевства (привилей Сигизмунда — Августа 1569 г.). С таким ограниченным пониманием не соглашался братчик — автор «Перестроги», говоривший о правах всех православных, но для него эти права зиждились на еще более позднем документе — «привилее» Стефана Батория, поручившего православных опеке константинопольского патриарха. Этот «привилей» был добыт соединенными усилиями братств и К. Острожского[157] и означал в его понимании перемены к лучшему после того бесправного положения, в котором оказались украинцы и белорусы после захвата их земель литовскими и польскими феодалами. Полемисты 20-х годов заняли в этом вопросе совершенно иную позицию. Уже в «Протестации» 1621 г. встречаем пока еще неопределенное указание, что права и вольности русского народа восходят к древнему времени. В последующих полемических сочинениях было более определенно сформулировано, что права и вольности, как светские, так и духовные, были даны предкам белорусов и украинцев древнерусскими князьями Владимиром и его сыном[158], как «находим в старых летописцах русских и московских»[159]. И с этими вольностями «народ русский инкорпорирован Короне Польской, дома то имевши, а не теперь недавно при инкорпорации добыв»,— прямо опровергалась в «Супликации» более ранняя точка зрения по этому вопросу[160].

Историческое обоснование этих построений было дано в «Палинодии» — специальном труде, который написал в 1621 г. соратник И. Борецкого, келарь Киево-Печерского монастыря, видный деятель украинской культуры 20-х годов XVII в. Захарий Копыстенский. Копыстенский, перекликаясь в этом отношении с установками русской историографии середины XVI в., выдвинул также положение о едином древнем «Роксоланском» народе, явившемся колыбелью славянских народов и положившем начало могучей Древнерусской державе[161]. Этот народ, как указывал автор в специальном разделе «О зацности и мужестве народу Российского», был известен своей воинственностью и храбростью «еще за часу войны Троянской»[162]. Относя к древним руссам свидетельства польских хронистов, начиная с Кадлубка, о «сарматах» и «ляхитах», З. Копыстенский утверждал далее, что они «валчили и з Римским цесарством и Римлян побивали. Так той народ Росский был валечный же негды от жадного монарха не был завоеван и

[156] «Што ж ваши милости о прошлых королях Польских зречете, которые през шестьсот лет вольность набоженства нашего, хотя до того присягами не были обовязованы, в цале нам без отмены заховали» (РИБ, т. 7, стб. 1804).
[157] *Возняк М.* Письменницька діяльність..., с. 27—28.
[158] АрхЮЗР, ч. 1, т. 7, с. 392, 515.
[159] Там же, с. 539.
[160] Документы, объясняющие историю..., с. 284.
[161] РИБ, т. 4, стб. 770.
[162] Там же, стб. 1103.

на моц Римскую мало дбал»[163]. В качестве примера их победоносных войн с империей Копыстенский указывал поход Олега на Царьград[164].

Такая могучая держава, способная померяться силами даже с Римской империей, естественно, не могла быть завоевана сравнительно небольшими силами такого государства, как Польское.

Правда, указывал Копыстенский, польские короли пытались захватить древнерусские земли и распространить в них католическую религию, однако эти попытки заканчивались полной неудачей. Так, о польском князе Болеславе Кривоустом Копыстенский насмешливо писал, что ему «не помогло сповиновачене (Болеслав был женат на дочери Святополка киевского.— *Б. Ф.*), бовем его под Галичом Россове поразили же ледве сам здоровье унесл»[165]. Подробно он останавливался и на известных событиях начала XIII в., когда польский князь и венгерский король пытались овладеть Галицко-Волынской землей и установить там католическую веру. Свой рассказ об изгнании захватчиков З. Копыстенский сопроводил следующим интересным комментарием: «И хотя латынникове под той час в Константинополе пановали тым ся Россове не згоршали»[166]. Таким образом, если Византийская империя не смогла дать отпор «латинянам», то «россы» оказались способными сделать это. Отмечал Копыстенский и изгнание доминиканцев из Киева князем Владимиром Рюриковичем[167]. Таким образом, Русская земля успешно отстаивала свои границы от польских феодалов. Когда же отношения между Русью и Польшей были хорошими, то «полки Росскии... великим заступом Ляцким полком и самому королевству были»[168]. Позднее, правда, древнерусские князья «сами з собою почали валчить, а некоторые до королей Ляцких прибегали о помочь. И тым почали малеть и ослабевать монархови и княжаты Росскии»[169]. Все это, однако, привело не к завоеванию белорусских и украинских земель, а к тому, что «русские князе добровольне за певными пактами» присоединились к Польскому королевству или к Литве[170]. Как проходило это присоединение, З. Копыстенский разъяснял подробнее в другом месте своего труда: «...гды Россия пришла под владзу королей и речи посполитой Ляцкой, теды Россове продком варовали себе права о веру и церкве, и королеве на своих коронациях права и привилея вшелякии князей Росских якому кольвек стану служачи, приняли и присягами ствердили»[171]. Так должен был сделать уже Казимир при переходе под его власть Львова в 1340 г.[172]

[163] Там же, стб. 1103.
[164] Там же, стб. 1106.
[165] Там же, стб. 1014.
[166] Там же, стб. 1018. Эти события привлекали внимание авторов и других украинских сочинений этого времени. См., например, о них в «Синопсисе», изданном Виленским братством (АрхЮЗР, ч. 1, т. 7, с. 539).
[167] РИБ, т. 4, стб. 1018.
[168] Там же, стб. 1109.
[169] Там же.
[170] Там же, стб. 1109—1110.
[171] Там же, стб. 1075.
[172] Там же, стб. 1026.

Последние высказывания З. Копыстенского вместе с тем позволяют отметить, что содержание прав и вольностей украинцев и белорусов включало в себя права и вольности всех «станов» — сословий, входящих в состав этих народов. Такое понимание свойственно и другим полемическим сочинениям 20-х годов. Так, И. Борецкий в своей «Justifikacii niewinności», следуя в этом отношении традициям братской литературы, утверждал, что права и вольности украинцев и белорусов — это права не только шляхты, но они были предоставлены и мещанам («y ludziom tegoż narodu condicey mieyskiey») [173]. Еще более важно появление в литературе этого времени представления о правах и вольностях казачества. В «Вершах на жалосный погреб» гетмана П. К. Сагайдачного, написанных в 1622 г. Кассианом Саковичем, в то время ректором школы Киевского братства, не только прямо и недвусмысленно говорилось об этих вольностях (неподсудность местным властям, свобода от налогов), но и содержался обращенный к Запорожскому войску призыв:

«Тую волность как клейнот дорогий ховайте,
Заслугами своими еще причиняйте» [174]

Это упоминание казацких прав и вольностей следует сопоставить с появившимся именно в сочинениях 20-х годов (в совершенно определенном и ясном виде уже в «Протестации» 1621 г.) тезисом о том, что казаки существовали уже во времена Киевской Руси и составляли войско киевских князей, ходившее в морские походы на Черное море: «... того это войско поколения, которое при монархе русском Олеге в своих однодревках по морю и по земле (поставив челны на колеса) плавали и к Константинополю приступали. Это они при Владимире Великом, святом монархе русском, Грецию, Македонию и Иллирик воевали» [175]. Тем самым к этому древнему времени возводились и казацкие права и вольности.

Таким образом, не только православная шляхта, но и мещанство, казачество уже в период существования Древнерусского государства имели свои права и вольности и добровольно подчинились власти польских королей только тогда, когда были торжественно гарантированы («утверждены присягами») их права и вольности. Иначе это и не могло произойти, так как украинцы и белорусы успешно отражали все попытки покорить их оружием.

Эта картина исторического развития Восточной Европы в прошлом сопоставлялась в полемических сочинениях 20-х годов с существующим положением. Политика правительства Речи Посполитой ясно и однозначно характеризовалась как систематическое и длительное нарушение этих прав и вольностей («prawa, wolności y swobody nasze podeptane»). В итоге украинцы и белорусы — коренные жители этой страны — находились в худшем положении, чем все другие народы и религиозные

[173] АрхЮЗР, ч. 1, т. 7, с. 511.
[174] *Тітов Ф. И.* Матеріяли..., с. 39.
[175] *Жукович П. Н.* Протестация..., с. 149.

меньшинства, жившие здесь [176]. Политика религиозных преследований православных была направлена на уничтожение самого существования украинского и белорусского народов, «чтобы Руси не оставили в Руси» [177]. Не случайно, по мнению публицистов, эта кампания сопровождается нападками на «славянский» и «русский язык» [178]. Украинцы и белорусы в Речи Посполитой, заключали они, не хотят и не могут мириться с таким положением. Эта острая характеристика была прямым продолжением смелых выступлений братств на рубеже XVI—XVII вв.

Отраженная в этих сочинениях историко-правовая доктрина не только давала солидно обоснованное историческими аргументами доказательство незаконности политики Речи Посполитой на белорусских и украинских землях, но и позволяла сформулировать цель движения — возвращение всем сословиям белорусского и украинского народов (конкретно имелось в виду духовенство, мещанство, казачество) тех прав и вольностей, которыми они пользовались еще в древности, в составе Древнерусского государства.

Какими же средствами рассчитывали добиться этих целей? Само появление указанных выше полемических сочинений то ли в виде «Протестации» — торжественного публичного протеста, то ли в виде «Супликации» — прошения, обращенного к сейму и к сенату, следует расценить как наличие у представителей ряда общественных слоев, участвовавших в движении, надежд и расчетов на то, что предпринятая сложившимся к 1621 г. объединением общественных сил «кампания протеста» может заставить правительство Речи Посполитой изменить свою политику. Вместе с тем отнюдь не исключалась и возможность пойти дальше. Об этом свидетельствуют, в частности, итоги деятельности созванного И. Борецким в мае 1621 г. собора «людей греческой религии». На соборе было принято решение требовать от короля признания новой православной иерархии, а в случае отказа казаки, как сообщал Сигизмунду III один из его информаторов, грозили захватывать в плен шляхту, «как советовал Борецкий» [179].

Этот образ действий также обосновывался аргументами от истории в подготовленной в том же 1621 г. «Палинодии». Конечно, не случайно ее автор включил в свой труд рассказ о восстании населения Галицкой земли в 1343 г. против Казимира, когда тот не стал выполнять данных в 1340 г. обещаний, в том числе не преследовать православной религии. «Уважай,— заключал рассказ З. Копыстенский,— як веры постерегали Россове» [180]. Еще более симптоматично отнесенное к 1430 г. сообщение (восходящее к труду польского хрониста XVI в. М. Кромера) о том, что в ответ на притеснения население Волыни «палило» и разрушало до основания костелы и после этого король Владислав Ягайло оказался

[176] Там же, с. 146—147; Документы, объясняющие историю..., с. 234 и сл.
[177] АрхЮЗР, ч. 1, т. 7, с. 335; Документы, объясняющие историю..., с. 244.
[178] АрхЮЗР, ч. 1, т. 7, с. 336.
[179] *Жукович П. Н.* Запорожские гетманы Бородавка и Сагайдачный в своих последних церковных и политических делах.— В кн.: Христианское чтение. СПб., 1907, т. 221, с. 206—208.
[180] РИБ, т. 4, стб. 1027.

вынужденным дать волынянам «привилей на вольности и абы церквей Роских не пустошоно»[181]. В этой ситуации и рассказы «Палинодии» о том, как в прошлом население Юго-Западной Руси отбило захватчиков, пытавшихся навязать свою власть и веру, приобретали особую актуальность[182]. Характерно, что один из читателей сохранившейся рукописи «Палинодии» сопроводил запись о поражении, нанесенном древнерусским войском армии Болеслава Кривоустого, следующим комментарием: «... козаки — потомкове оных валечных Россов»[183].

Несомненно, что в предстоящей борьбе с правительством казачеству отводилась самая важная и ответственная роль прежде всего как силе, способной противостоять армии Речи Посполитой. Однако, анализируя высказывания о казаках в полемической литературе 20-х годов (а именно в это время казацкая тема проникает в сочинения этого рода), можно сразу же убедиться, что для их авторов, идеологов народно-освободительного движения, казаки не были просто военной силой, которая могла быть использована в интересах новой церковной иерархии.

В словах украинских полемистов 20-х годов сквозит нескрываемая гордость славными делами Запорожского войска. Казаки — народ, закаленный на войне, «твердостью своей превосходят тех римских Сципионов и карфагенских Ганнибалов»,— писал автор Elenchus'a, сочинения, изданного в 1622 г. Виленским братством[184], а Борецкий в «Протестации» заявлял, что походы запорожцев нанесли османам больше ущерба, чем флот испанского короля — одного из самых могущественных европейских монархов[185]. Не менее существенно, что эти походы воспринимались как продолжение и обновление киевских традиций, боевой славы предков. Именно в этом заключался смысл утверждений, что запорожцы, плававшие на своих «чайках» по Черному морю,— прямые потомки воинов Олега, ходивших на своих «однодревках» на Царьград[186]. Эти «наследники старой Руси» предназначены для особо важных задач, писал И. Борецкий[187].

Эти положения вызвали нападки униатских публицистов, пытавшихся порвать связь между казачеством и Древней Русью. Они утверждали, что запорожские казаки появились лишь недавно[188] и что первыми казаками были польские шляхтичи — католики, ходившие биться с ко-

[181] Там же, стб. 1029.

[182] Униаты давали иное освещение исторического прошлого. Автор появившегося в 1634 г. сочинения «Rozmowa albo relatia z rozmowy dwoch Rusinów schizmatyka z unitem» К. Скупиньский возлагал всю вину за имевшие место в прошлом конфликты на русских князей, нападавших вместе с кочевниками на Польшу (АрхЮЗР. Киев, 1900, ч. 1, т. 6, с. 708—709). На этом примере хорошо видна антинациональная позиция униатских публицистов.

[183] РИБ, т. 4, стб. 1014.

[184] АрхЮЗР. Киев, 1914, ч. 1, т. 8, вып. 1, с. 618.

[185] *Жукович П. Н.* Протестация..., с. 150.

[186] Там же, с. 149; *Titов Ф. И.* Матеріали..., с. 38—39.

[187] *Жукович П. Н.* Протестация..., с. 150.

[188] «Нет еще и 50 лет, как появились казаки, а он (Борецкий) говорит, что они были еще во времена Владимира»,— написал униатский владелец на принадлежавшем ему экземпляре «Протестации» И. Борецкого (*Жукович П. Н.* Сеймовая борьба..., (с. 1609 г.). СПб., 1910, вып. 1, с. 195—196).

чевниками в степь при Сигизмунде I, от них и ведут свое происхождение запорожские казаки[189]. Можно не сомневаться, что эти рассуждения не оказывали воздействия на массы белорусского и украинского населения в Речи Посполитой, видевшего в казаках преемников киевских богатырей и ожидавшего, что они защитят его так же, как богатыри защищали Русь от кочевников. Не случайно королевские комиссары, отправляясь в 1624 г. расследовать дело об убийстве витебскими мещанами униатского епископа Иосафата Кунцевича, взяли с собой большой военный конвой, так как «опасались беды от казаков, к покровительству которых прибегнул город»[190], а крупный украинский магнат К. Збаражский летом 1625 г. с беспокойством писал королю, что казаков поддерживает и «Киевская Украина и Белая Русь»[191].

Готовясь к борьбе, и правительство Речи Посполитой, и противостоявшие ему силы обращали взгляды на восток, в сторону Русского государства. В марте 1622 г. литовский канцлер Лев Сапега обратился с специальным письмом к полоцкому униатскому епископу Иосафату Кунцевичу, порицая его за излишнюю ретивость в преследовании православных. Москва, писал он, может воспользоваться этим, чтобы разорвать Деулинское перемирие с Польшей[192].

С другими чувствами смотрело на Россию украинское и белорусское население Речи Посполитой. Наметившийся в начале 20-х годов патриотический подъем украинского и белорусского общества, усилившийся в его среде интерес к своему прошлому, и прежде всего к древнерусской исторической традиции, закономерно привели в то же самое время к усилению сознания общности исторических судеб восточнославянских народов, к более глубокому, чем ранее, пониманию необходимости солидарности и дружественных отношений между ними. Эти сдвиги уже в 1620—1621 гг. отчетливо проявились в действиях как казачества, так и связанного с братствами духовенства.

Весной 1620 г. в Москву прибыло посольство гетмана П. Сагайдачного и Запорожского войска с предложением восстановить ту службу Запорожского войска на южных границах Русского государства, которую оно несло во второй половине XVI—начале XVII в. Запорожцам было послано из Москвы «легкое жалованье», но соглашения между русским правительством и Запорожским войском, как видно из последующих фактов, заключено пока не было, по-видимому, потому, что тесно связанный с правительством Речи Посполитой Сагайдачный не казался царю и его советникам партнером, достойным доверия. Важно, однако, само стремление казачества к дружественным отношениям с Россией, проявившееся в этом событии[193]. С принципиальной точки зрения еще больший интерес представляет другое событие, происходившее примерно в то же время. По свидетельству М. Смотрицкого, гетман Сагайдачный от

[189] АрхЮЗР, ч. 1, т. 7, с. 721.
[190] Витебская старина. Витебск, 1883, т. 1, с. 239—240, 11 февраля 1624 г.
[191] Жерела до історії України — Русі. Львів, 1908, т. 8, с. 287, 20 июля 1625 г.
[192] *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба..., СПб., 1908, вып. 4 (1623—1625 гг.), с. 36—37.
[193] О запорожском посольстве 1620 г. см.: Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. т. 1, № 1—3, февраль — апрель 1620 г.

имени всего Запорожского войска просил иерусалимского патриарха «об отпущении греха разлития крови христианской в Москве» во время участия запорожцев в походе на Россию королевича Владислава [194]. Признание «грехом» участия запорожцев в войне против России было явным отражением усилившегося в среде казачества (в том числе и казацкой верхушки) в ходе борьбы против политики польско-литовского правительства сознания общности происхождения и судеб восточнославянских народов.

Проявления такого сознания обнаруживаются одновременно и в сочинениях идеологов движения: И. Борецкого и людей его круга. С «Москвой,— писал в своей „Протестации" 1621 г. И. Борецкий,— у нас одна вера и богослужение, одно происхождение, язык и обычай» [195]. Еще более яркие проявления той же тенденции можно обнаружить в неоднократно цитировавшейся выше «Палинодии». Сопоставляя этот труд с сочинениями полемистов конца XVI—начала XVII в., нельзя не видеть совершенно явного изменения отношения к Русскому государству. Если первые полемисты, выступавшие против унии, старались избегать упоминаний о России, то Копыстенский в своем труде говорил о России и великоруссах неоднократно, и каждый раз в положительном плане. Если первые полемисты обходили молчанием роль Московского княжества в крушении планов папства после Флорентийского собора, то З. Копыстенский открыто и с глубоким одобрением писал об изгнании Исидора Василием Темным, называя при этом Василия Васильевича не «великим князем Московским» (обычное наименование русских правителей в более ранней литературе), а «великим царем» [196].

Общую позицию З. Копыстенского по отношению к России можно определить как позицию солидарности. Так, возражая на утверждения униатов, что после схизмы у восточных славян не было святых и прекратились чудеса, он находит нужным указать на мощи многих святых не только на Украине и в Белоруссии, но и в России и это подчеркнуть [197]. Перечислив в ответ на упреки в необразованности «мудрых дидаскалов», подвизавшихся в украинских и белорусских братствах, он нашел нужным добавить, что и в Москве, по свидетельству патриарха Феофана, «теж суть люде мудрии и богослове православныи язык Греческий знаючии» [198]. Особый раздел «о зацности и мужестве народу Российского», где подробно описываются боевые подвиги «древних россов», завершается сообщением, что продолжение этих подвигов в современности — это не только морские походы запорожцев, но и взятие русскими Казани и Астрахани [199].

Наконец, нужно отметить еще одну важную, новаторскую черту труда Копыстенского. Для авторов более раннего времени «Русь», «рус-

[194] АрхЮЗР, ч. 1, т. 7, с. 340. Стоит также отметить, что в «Вершах на жалосный погреб», читавшихся в 1622 г. на похоронах Сагайдачного, об участии умершего в войне с Россией не говорилось ни слова.
[195] *Жукович П. Н.* Протестация..., с. 143.
[196] РИБ, т. 4, стб. 947, 1030—1031.
[197] Там же, стб. 811, 848 и сл.
[198] Там же, стб. 913—914.
[199] Там же, стб. 1110.

ский народ» — это прежде всего украинцы и белорусы в пределах Речи Посполитой, а Русское государство — это Москва. У Копыстенского тоже можно иногда встретить применительно к Русскому государству термин «Москва». Однако чаще он пользуется иными обозначениями: украинцы и белорусы в Речи Посполитой — это «Малая Россия»[200]. Русское государство и русские — это «Великая Россия» и «великороссове»[201]. После «Палинодии» это новое название Русского государства появилось и в других произведениях[202]. Употребление таких терминов подчеркивало родство восточнославянских народов, принадлежавших, по выражению З. Копыстенского, к одному «Росскому поколению». В употреблении таких названий отразились и размышления над характером судеб разных частей некогда единой Киевской Руси. З. Копыстенский называл Русское государство «Великой Россией», конечно, не потому, что отождествлял его с историческим центром Древнерусского государства. Он хорошо знал, что этот центр находился в Киеве. «Малой Россией» стали те части Древней Руси, которые оказались под чужой, иноземной властью, а «Великой Россией» стала Северо-Восточная и Северо-Западная Русь, сумевшая освободиться от иноземного господства и создать свою мощную державу. От этой державы украинское и белорусское население «Малой России» ждало помощи и поддержки. Эти чаяния и надежды получили яркое выражение в ходе резко усилившихся в 20-е годы русско-белорусско-украинских контактов.

Первые шаги к установлению таких связей предприняли в 1622—1623 гг. укрывавшийся от репрессий польско-литовских властей на Заднепровье епископ перемышльский Исайя Копинский и З. Копыстенский, пославший в подарок царю и патриарху экземпляры отпечатанных в Киево-Печерской лавре «Бесед Апостольских» И. Златоуста. Если первоначально, таким образом, речь шла об установлении связей с Левобережной Украиной и Киевом, то вскоре ареал контактов расширился: в 1626 г. в Москву прибыли посланцы православного епископа г. Львова И. Тиссаровского, а в 1628 г. ее посетили представители Виленского братства. Всего на протяжении 20-х годов в Москве побывало несколько десятков таких посольств. Послы — представители епископств, монастырей, братств — просили помощи, и с начала 20-х годов из Москвы в различные центры Украины и Белоруссии стали постоянно направляться церковная утварь, книги и прежде всего материальные средства: деньги и «мягкая рухлядь» — меха. Разумеется, известная часть этих средств расходилась на нужды различных мелких обителей, не игравших существенной роли в жизни страны, однако этого никак нельзя сказать о той помощи, которая оказывалась (и неоднократно) таким крупным центрам просвещения и культуры Украины и Белоруссии, тес-

[200] Там же, стб. 1030: «Россия Малая теж, то есть Киев и Литва». В другом месте, правда, иначе: «...мы в Малой России и в Литве правоверныи христиане» (там же, стб. 819).

[201] РИБ, т. 4, стб. 811, 863 и др.

[202] Так, в 1627 г., оправдывая перевод синаксаря на украинский язык, П. Берында писал в послесловии к своей «Постной триоди»: «...сему не перекуйте великороссии, болгари и срьби» (*Тітов Ф. И.* Матеріяли..., с. 179).

но связанным с нарождавшимся освободительным движением, как Киево-Печерская лавра, Киевское братство, Виленское братство. Большое значение имели и регулярные (и значительные по размерам) субсидии, предоставлявшиеся в 20-х годах киевской митрополичьей кафедре, ставшей в годы правления И. Борецкого одним из главных центров идейной борьбы с польско-литовской властью [203]. Позднее, оценивая значение постоянной помощи со стороны России, И. Борецкий писал, что если бы не эта поддержка, ему бы не осталось ничего другого, как «бежати в дальную страну где без вести» [204].

Обобщая в целом содержание посланий, направлявшихся в 20-е годы XVII в. в Москву из украинских и белорусских центров, можно отчетливо выделить два основных мотива. Первый — это констатация тяжелого положения, в котором находились церковные учреждения, что и вынуждало их обратиться к царю и патриарху за помощью [205]. Это тяжелое положение то в скрытой форме [206], то совершенно открыто [207] связывалось с политикой иноземной и иноверной власти. Другой мотив — это то, что с просьбами о помощи обращаются не к чужим, а к «своим» [208] и что речь идет о помощи храмам и обителям, основанным «прародителями великих и пресветлых князей и царей московских» [209]. Отсюда было уже недалеко до утверждения, что именно эти потомки «прародителей», правители «единокровного» народа являются представителями единственной законной власти, а короли Речи Посполитой — иноземные завоеватели, с которыми следует бороться.

Тенденция именно к таким выводам обозначилась в самом начале русско-украинских контактов. Уже первая известная нам грамота украинского деятеля, посланная в Москву, грамота Исайи Копинского от 4 декабря 1622 г., была адресована фактическому правителю Русского государства Филарету Никитичу, «патриарху Великой и Малой России и до

[203] Сведения о контактах русского правительства с белорусским и украинским духовенством в 20-х годах XVII в. систематизированы в кн.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, т. 1, с. 29—79. К сожалению, мы ничего не знаем о пропагандистской акции русского правительства, которой, вероятно, сопровождалась раздача этих средств, так как тексты царских грамот, направлявшихся на Украину и в Белоруссию, в архивных делах о приездах белорусского и украинского духовенства, как правило, не сохранились.

[204] ЦГАДА, ф. 124 (Малороссийские дела), 1628 г., д. 1, л. 19, 1628 г.

[205] Так, уже в грамоте И. Копинского 1622 г. читаем: «...отовсюду гонение, отовсюду нужда, отовсюду беда» (Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 15, 4 декабря 1622 г.).

[206] Как писал в январе 1625 г. игумен Густынского монастыря, царю самому известны «нашого роду належащее обстояние Лядское державы над нами и власт грех ради наших» (АрхЮЗР, ч. 1, т. 6, с. 548—549, 18 января 1625 г.).

[207] См. грамоту И. Тиссаровского, который в октябре 1625 г. писал «о нестроению барзо великом в земли нашой от съпостатов ляхов на церковь и веру нашу» (*Крыловский А. С.* Львовское ставропигийное братство. Прилож., с. 86—87, 4 октября 1625 г.)

[208] Как выражалась в грамоте царю братия киевского Кириллова монастыря: «аще чюжи требующим милости благотворительно есть, своем же множае паче» (ЦГАДА, ф. 124, 1627 г., д. 2, л. 6, 20 июня 1627 г.)

[209] Там же, л. 9.

последних Великого океана»[210]. Что речь не может идти о какой-то случайности, доказывается тем фактом, что аналогичный титул дан Филарету и в «Палинодии» З. Копыстенского[211].

Пожалуй, наиболее интересно то, что проявившаяся здесь политическая ориентация получила отражение и в печатном тексте, увидевшем свет в типографии Киево-Печерской лавры и распространявшемся в Речи Посполитой. Речь идет о написанном З. Копыстенским предисловии к «Беседам» И. Златоуста, опубликованным в 1623 г. Труд был посвящен одному из наиболее знатных представителей православной шляхты — кн. С. Четвертинскому, и это обстоятельство З. Копыстенский использовал, чтобы поместить в нем похвалу Владимиру Мономаху — предполагаемому предку Четвертинских. Главную заслугу этого правителя З. Копыстенский видел в том, что он «Речь Посполитую Российскую незгодами и внутрними войнами сынов и потомков оного великого Володимера... утрапленую успокоил... князства Роскии разорваныи зноу делностю своею в едно споил и злучил и до единовладства по-старому привел».

Эта «похвала» в его повествовании была соединена с рассказом «Хроники Росской» о походе Мономаха во Фракию и вручении ему императорских регалий, почерпнутым из русской исторической традиции с очень характерной концовкой: «И так от того часу князь великий Володимер Всеволодович назван бысть Мономахом и царем Великия России ... и от того часу тою короною царскою коронуются великие князи, где поставляни бывають на Великое княжение Российское».

Еще дальше разъяснялось, кто является этими преемниками «единовластца» «Речи Посполитой Российской» Мономаха — «од тоготеды Володимера Мономаха Всеволодовича все цареве Московскии»[212]. Это рассуждение интересно не только своей совершенно очевидной политической направленностью. Перед нами показательный пример рецепции на украинской почве памятников русской публицистики XVI в., связанных с «киевской» темой — рецепции, осуществленной в ходе начавшейся борьбы за воссоединение.

Высказывания эти были лишь жестами в сторону России, хотя и многозначительными. Вскоре, однако, появились и конкретные планы совместного выступления украинцев, белорусов и русских войск против польско-литовских феодалов.

Первое известное нам упоминание о подобных планах встречается в отписке путивльских воевод в Москву от июня 1621 г., т. е. как раз в то время, когда произошло крупное выступление ряда объединившихся групп украинского и белорусского общества против религиозной политики польско-литовского правительства. Это выступление сопровождалось заострением отношений между правительством и казачеством.

[210] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 15, 4 декабря 1622 г.

[211] РИБ, т. 4, стб. 1158.

[212] *Тітов Ф. И.* Матеріяли..., с. 69—70. Для направленности памятника характерно и то, что знатное происхождение Четвертинских автор аргументирует тем, что сам «великий царь» Иван IV признал их своими родственниками (там же, с. 71).

Именно в это время потерял гетманский пост сторонник соглашения с польско-литовскими феодалами П. Сагайдачный, гетманом стал склонявшийся к более радикальным действиям Яков Бородавка, а казацкое войско открыто взяло под свою защиту новых православных епископов, которых приказал арестовать Сигизмунд III.

На Украине польско-литовское правительство действовать силой не решилось, но на белорусское мещанство, посмевшее выступить против религиозной политики Сигизмунда III, обрушилась волна репрессий: руководители Виленского братства были брошены в тюрьму, а на их имущество наложен секвестр, представители православных мещан удалены из магистрата, православные ремесленники исключены из цехов, у них силой были отобраны ключи от сундуков с цеховыми привилегиями [213]. В этих условиях Я. Бородавкой была созвана в середине июня 1621 г. в Сухой Дубраве казацкая рада. На раде выступил И. Борецкий, обвиняя Сигизмунда III и его правительство в политике преследования «старой веры». В подтверждение этих обвинений им были зачитаны письма из Вильна. В Варшаву было направлено казацкое посольство с требованием прекратить преследования и признать новую православную иерархию. В противном случае казацкое войско угрожало прибегнуть к силе. «Надо очень опасаться, чтобы казаки не устроили какого-нибудь большого восстания и не вышло крестьянской войны»,— с беспокойством писал побывавший на раде королевский посланец [214].

Казаки при этом должны были, несомненно, задумываться над тем, что будет, если правительство откажется пойти на уступки и попытается проводить на Украине ту же политику суровых репрессий, что и в Белоруссии. Что они рассчитывали делать в этом случае, позволяет выявить упоминавшаяся выше отписка путивльских воевод. В ней говорилось, что казаки в случае наступления польского войска намерены «засесть Киев да те все городы, которые на мирном постановенье отданы к Литовской земле (имелась в виду захваченная интервентами Северская земля с главными городами Новгород-Северским и Черниговом.— *Б. Ф.*). А позаседь-де, государь, городы, хотят бити челом тебе, государю». Далее воеводы сообщали, что в Киеве собирают запасы, так как «боятца... осады от поляк. А черкасы... и киене (т. е. киевляне.— *Б. Ф.*) в одном совете» [215].

Это свидетельство представляет большой интерес по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, очевидно, что уже в самом начале 20-х годов в сознании части казаков идея активного отпора наступлению польско-литовских феодалов стала соединяться с представлением, что успешно защитить свои интересы казачество может лишь при поддержке России, лишь после воссоединения украинских земель с Русским го-

[213] *Жукович П. Н.* Архиепископ Мелетий Смотрицкий в Вильне в первые месяцы после своей хиротонии.— В кн.: Христианское чтение. СПб., 1906, т. 221, с. 862—863, 874—875.

[214] *Lukaszewicz J.* Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie. Poznan, 1843, s. 165—166.

[215] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 8, с. 17, 30 июня 1621 г.; *Гуслистый К. Г.* Исторические связи..., с. 38.

сударством. Во-вторых, важно, что такая позиция казаков совпадала с позицией горожан Киева — в то время главного очага украинского просвещения и культуры и главного очага идейной борьбы против политики польско-литовского правительства.

В той международной ситуации, в какой находилась Речь Посполитая в 1621 г., эти настроения не могли вылиться в какие-либо конкретные решения. Стране угрожало вторжение войск султана Османа. В этих условиях правительство не могло прибегать к репрессиям против казаков, а казаки, не желавшие допустить вторжения османов на Украину, должны были сражаться против них вместе с королевской армией (так называемая Хотинская война). С окончанием войны временно отступивший на задний план конфликт снова обострился. К 1624 г., отказавшись удовлетворить казацкие требования, правительство Речи Посполитой приступило к подготовке военной экспедиции, чтобы силой восстановить нарушенные позиции польско-литовских феодалов на Украине. В этой обстановке вопрос о воссоединении Украины с Россией стал предметом серьезных политических переговоров.

Осенью 1624 г. в Москву прибыл один из поставленных в 1621 г. православных иерархов — епископ луцкий И. Борискович. Хотя не все материалы переговоров сохранились, основные цели этой миссии не вызывают сомнений. Они вполне ясно, в достаточно прозрачной форме средневековой аллегории были изложены в доставленной посланцем грамоте И. Борецкого. В этой грамоте от 24 августа 1624 г. царь Михаил сравнивался в библейским Иосифом Прекрасным, который, перенеся тяжелые испытания и став наконец великим правителем, своего младшего брата «единоутробного Вениамина благоутробне с слезами приятова». Как Иосиф позаботился о Вениамине, так и царь, «отрасль и племя великих вся Россия самодержцов», должен позаботиться о «российского ти племени единоутробным людем державы ти и твоему самому царскому величеству родом плоти и родом духа единоя». Тем самым в грамоте подчеркивалось, что речь идет о помощи народу, связанному с русским народом не только единством веры, но и единством происхождения («единоутробные», «юнейшие братья»). При этом, что особенно важно, речь шла о помощи не только «хлебы прекормлением щедротами», но и «промыслом о свободе». Кто́ угрожает свободе «единоутробных» братьев, выяснялось в заключительной части документа, где давалась яркая картина тяжелого положения украинцев и белорусов в Речи Посполитой, где «всесилне королевскою державою меч на православных обостриша»[216]. Есть все основания рассматривать этот документ как первое официальное обращение высокопоставленного представителя украинского общества к русскому правительству с призывом начать борьбу за свержение иноземного господства над белорусскими и украинскими землями.

Как видно из сохранившегося фрагмента русского ответа на предложения, переданные И. Борисковичем[217], в происходивших в Москве в

[216] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. т. 1, № 22, 24 августа 1624 г.
[217] ЦГАДА, ф. 124, 1625 г., д. 1, январь 1625 г.

январе 1625 г. переговорах затрагивались вопросы о предоставлении на русской территории убежища для православных епископов и Запорожского войска, о предоставлении казакам военной помощи («казаков столко не будет, чтоб им стояти против поляков без помочи») и, наконец, о принятии украинских и белорусских земель под русскую власть («они все государьской милости рады и под государевою рукою быти хотят»).

Уже сам перечень обсуждавшихся вопросов позволяет предполагать, что организация посольства не была делом одного Борецкого (или даже шире: верхушки православного духовенства), что к нему имело непосредственное отношение и казачество. В этом убеждают и некоторые дополнительные наблюдения. Во время переговоров И. Борискович передал царю и патриарху «прошенье» И. Борецкого и всех епископов, чтоб они «милость показали» и простили запорожцам их участие в походе 1618 г. на Москву. На это последовал ответ, что о сделанном тогда запорожцами царь «вперед памятовати не будет, а они б за то царскому величеству служили»[218]. Представляется не случайным, что еще до отъезда И. Борисковича из Москвы туда в феврале 1625 г. прибыло казацкое посольство (во главе с И. Гирей) с грамотами от гетмана Каленика Андреева и всего войска Запорожского[219]. Материалы о пребывании посольства в Москве не сохранились, но, судя по данным более поздних источников, именно это посольство заключило новое соглашение о приеме Запорожского войска на царскую службу. В декабре 1625 г. в королевской инструкции на сеймики с тревогой говорилось о том, что запорожцы вступили в соглашение с Москвой, откуда получили жалованье («упоминки»). Обеспокоенный этим коронный гетман С. Конецпольский потребовал от запорожцев не только прервать всякие сношения с Москвой, но и выдать ему царские грамоты и самих ездивших в Россию послов. Однако казаки не только отказались это сделать, но и заявили, что служить московским государям и получать от них жалованье за борьбу с Крымом — это их старое право[220]. Зимой 1626/27 г. в Россию снова приехали за жалованьем послы от гетмана Дорошенка и Запорожского войска[221]. Запорожскому войску в эти годы неоднократно посылались с жалованьем царские грамоты, которые позднее были «сысканы» в войсковой казне, когда Б. Хмельницкий готовил-

[218] Там же, д. 1, л. 2.

[219] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 24, февраль 1625 г.

[220] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 32, декабрь 1625 г.; *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба... СПб., 1910, вып. 5, с. 11—12, 61—62. Более позднее упоминание о выданной казакам царской грамоте см.: *Соловьев С. М.* История России, кн. 5, с. 179.

[221] Сведения об утраченных материалах этого посольства сохранились в Описи архива Посольского приказа 1673 г. (ЦГАДА, ф. 138, кн. 4). Так, в ней упомянуты «2 листа» 1627 г. «запорских (!) черкас о посланцех о Семене Сомове с товарыщи, что посланы они к Москве, а бьют челом на государеве жалованье, что к ним прислано наперед сего и ныне б так же к ним прислать государского жалованья» (л. 227). В ней также отмечена адресованная царю грамота «запорожских казаков гетмана Дорошенка о трех старцах Техтемеровских (т. е. Терехтемирова монастыря, находившегося под патронатом Запорожского войска.— *Б. Ф.*) о милостыне», присланная из Путивля 18 февраля 1627 г. (л. 164 об.).

ся к соглашению с Россией[222]. Таким образом, контакты завязались довольно оживленные, но после Куруковского мира это были связи с реестровым войском, а с «неписьменными» казаками, собиравшимися на Запорожье, русское правительство сношений не имело[223]. Это в дальнейшем сказалось неблагоприятно на развитии русско-украинских политических связей накануне Смоленской войны.

Что касается главного на переговорах вопроса, то русские представители боярин И. Б. Черкасский и думный дьяк И. Т. Грамотин предложили через Исаакия выступившим против польско-литовской власти силам заключить между собой «соединенье и укрепленье» и после этого вернуться к переговорам с русским правительством, а «царское величество и святейший патриарх будут о том мыслити... как бы вас всех от еретиков во избавленье видети»[224]. По-видимому, для продолжения переговоров прибыли в июне 1625 г. в Москву посланцы И. Борецкого — В. Полочанин и Д. Балакирев — с его «изустным» приказом[225], но материалы этих переговоров не сохранились. К сожалению, нам очень мало известно и о последующем развитии русско-украинско-белорусских политических контактов во второй половине 20-х годов XVII в. в условиях продолжавшейся политики репрессий и преследований в Белоруссии и сложной и противоречивой ситуации на Украине после заключения в ноябре 1625 г. Куруковского соглашения.

В сентябре 1625 г. кварцяное войско вместе с посполитым рушением украинских воеводств попыталось разгромить собравшееся в районе Белой Церкви казацкое войско. На Украине началась настоящая большая война, продолжавшаяся несколько недель[226]. Эта война стала как бы кульминационным пунктом развернувшейся в первой половине 20-х годов борьбы казачества и поддерживавших его социальных группировок украинского общества против политики, проводившейся на Украине польско-литовскими феодалами. В ходе развития этой борьбы, по мере того как народные выступления приобретали все больший размах, наметилось социальное размежевание в блоке сил, которые в 1621 г. приняли участие в восстановлении православной иерархии. К началу польско-казацкой войны верхушка православной шляхты оказалась в польском военном лагере. Характерен отзыв виднейшего магната того времени Ю. Збаражского о кн. С. Четвертинском, представителе семьи, особо известной своим покровительством православию и поддержкой православных епископов: «Хотя он греческой религии, но... я знаю, что он рад был бы увидеть казаков утопленными в одной ложке»[227]. По-

[222] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М., 1954, т. 2, № 121, с. 284, отписка сентября 1649 г.

[223] См. относящееся к августу 1631 г. признание главного русского лазутчика на Украине Григория Гладкого, что «он, Гриша, там не бывал в Запорогах» (ЦГАДА, ф. 96, 1631 г., д. 9, л. 46, 4 августа 1631 г.)

[224] ЦГАДА, ф. 124, 1625 г., д. 1, л. 2, январь 1625 г.

[225] Там же, д. 3, май — июнь 1625 г.

[226] Подробный анализ хода польско-казацкой войны 1625 г. см.: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 197—201.

[227] *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба..., вып. 5, с. 36.

видимому, тот же фактор вызвал колебания и в рядах казацкой верхушки, что оказало свое влияние на исход войны.

Хотя момент для нападения был выбран удачно для правительства Речи Посполитой (значительная часть запорожцев была в это время в походе на Черном море), гетману С. Конецпольскому не удалось разбить казацкое войско. Заключенный после долгих затяжных боев договор носил характер компромисса между сторонами [228].

Явной уступкой казачеству был один из главных пунктов договора — создание 6-тысячного реестра, в то время как еще в 1623 г. польско-литовское правительство соглашалось лишь на 2-тысячный реестр [229]. Вошедшим в состав реестра казакам подтверждались их права и вольности (самоуправление, свобода от налогов, неподсудность местным властям), и правительство обязывалось ежегодно платить им жалованье. Это, однако, касалось лишь вошедших в реестр «старых» казаков, принадлежавших к наиболее состоятельной, зажиточной части казачества. Основной массе казаков договор предоставлял лишь амнистию за участие в восстании — они должны были вернуться в подданство к своим прежним господам, а реестровые казаки обязывались в будущем не принимать их в свои ряды. Еще более существенно, что в обмен за предоставленные им права реестровые казаки обязывались «не допускать сборищ и не созывать людей, выписанных из реестра» и подавлять «всякое своеволие и неповиновение», а также препятствовать походам запорожцев за море и сжигать казацкие «чайки». На Запорожье следовало поставить «залогу» из 1 тыс. человек, которая не должна была допускать сообщение между волостями и Запорожьем. В целом, таким образом, договор представлял собой попытку укрепить позиции польско-литовских феодалов на Украине путем соглашения с казацкой верхушкой, которая должна была стать дополнительной опорой для польско-литовской власти в этом районе [230].

У массы «неписьменных» казаков соглашение с самого начала вызвало глухой отпор. Они стремились продолжать борьбу, надеясь на помощь русского правительства. В декабре 1625 г. посланец И. Борецкого поп Филипп сообщил в Москве: «А которых-де людей от казачества отставливают, и те казаки все мыслят посылати бить челом тебе, государю... чтобы ты, государь, пожаловал их; велел им помочь учинить своими государевыми людьми на поляков. И оне-де, казаки, станут служить тебе, государю, и городы литовские станут очищать в твое государево имя» [231]. Таким образом, идея совместной вооруженной борьбы за воссоединение Украины и Белоруссии с Россией, впервые зафиксированная в 1621 г., продолжала жить среди казачества.

Аналогичные настроения можно проследить и в ряде грамот, направлявшихся в Москву представителями духовенства. Примером могут служить грамоты И. Борецкого, в которых он ясно давал понять, что

[228] Текст договора см.: АрхЮЗР, Киев, 1863, ч. 3, т. 1, № XXVIII, 6 ноября 1625 г.
[229] *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба..., вып. 4, с. 65.
[230] Подробнее о договоре см.: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 200—201.
[231] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 31, с. 62, декабрь 1625 г.

единственно законной властью он считает российских государей, а вовсе не польско-литовских правителей. Хотя, писал он, например, в грамоте 1627 г., приходится «иноверным работати нам властем», но «подобаше нам худым и озлобленным... российским сыном всегда к своим преимущим благодарованным вашим державным царским повиноватися скифетром». Он просил царя и патриарха «да воспоминают отечества вашего Российского селения и нас худых и нищетных тех населник» [232]. И. Борецкий и ряд других представителей украинского духовенства также систематически снабжали русское правительство разнообразной информацией о положении в Речи Посполитой.

Польско-литовскому правительству лишь частично удалось добиться тех целей, которые оно себе ставило при заключении Куруковского договора. Правда, после этого соглашения заметно обострились отношения между реестровыми и нереестровыми казаками, но добиться с помощью реестрового казачества стабилизации положения на Украине не удалось. К концу 20-х годов Запорожье снова стало очагом борьбы с господствующими порядками. Сюда собирались «неписьменные» казаки и вообще беглые, которые, как сообщали в Москву, «королевсково повеления ни в чом не слушают» [233]. В мае 1629 г. правительственный комиссар реестра Хмелецкий с тревогой сообщал королю: «На Запорожье собралось казаков почти столько, сколько их было под Хотином и даже больше» [234]. Собравшиеся на Запорожье казаки создали свою военную организацию, не подчинявшуюся реестровому гетману. Во главе их к 1630 г. стал свой гетман Тарас Федорович [235].

Вместе с тем польско-литовскому правительству и само реестровое казачество в целом не удалось превратить в послушный инструмент своей политики. Несмотря на пожалованные им права и привилегии часть реестровых казаков продолжала подвергаться притеснениям со стороны местных феодалов, пытавшихся овладеть их имуществом, не позволявшим казакам заниматься торговлей, правительство не выплачивало им обещанного жалованья и т. д. В итоге значительная часть реестровых казаков была также недовольна своим положением, и поэтому политика казацкой старшины, стремившейся к сотрудничеству с польско-литовскими властями, постепенно теряла поддержку и реестрового войска.

Насилия жолнеров кварцяной армии, размещенной зимой 1629/30 г. на постой на украинских землях, в этом напряженном положении сыграли роль спички, поднесенной к пороховой бочке. Весной 1630 г. на Украине разразилось казацкое восстание, которое возглавил Тарас Федорович [236]. Восстание охватило значительную часть Поднепровья и

[232] ЦГАДА, ф. 124, 1627 г., д. 1, л. 10, 16, 1 марта 1627 г.
[233] ЦГАДА, ф. 96 (Сношения России со Швецией), 1631 г., д. 9, л. 45, 4 августа 1631 г.
[234] Цит. по: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 203.
[235] Там же.
[236] Подробная картина восстания под руководством Тараса Федоровича дана в работах: *Гуслистый К. Г.* Крестьянско-казацкие восстания на Украине в 30-х годах XVII в.— В кн.: Воссоединение Украины с Россией: Сб. статей, с. 60—67; *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 204—209.

Левобережья, откуда бежала не сумевшая овладеть положением казацкая верхушка и часть верных правительству реестровых казаков, а также вынуждены были отступить войска Речи Посполитой. Центром сбора казацкого войска стал город Переяславль на Левобережье. Выбор этого пункта исследователи справедливо связывают с надеждами на получение помощи от русского правительства и воссоединение Украины с Русским государством. Уже в период восстания об этих планах стало известно польско-литовскому правительству [237], поэтому на переговорах с восставшими гетман С. Конецпольский требовал выдачи Тараса как изменника Речи Посполитой. На это требование последовал весьма характерный ответ: «Не он один виноват, но все войско» [238].

Как хорошо показано в литературе, восстание Тараса сочетало в себе черты народно-освободительного и антифеодального движения. Одним из главных лозунгов восстания была борьба «за веру», против проводившейся польско-литовским правительством политики притеснения православных. Как правильно указывал К. Г. Гуслистый, борьба «за веру» в тех условиях объективно означала борьбу за сохранение украинской народности, за развитие ее национальной культуры [239].

Другим важнейшим лозунгом восстания была борьба за казацкие права и вольности. При этом предводители восстания обещали эти права и вольности всем, кто вступит в состав казацкого войска. В итоге на охваченной восстанием территории произошло массовое «показаченье» населения — крестьян и мещан. Выходившие из подданства крестьяне громили шляхетские имения, уничтожали шляхетские имущественные документы. Активное участие приняло в восстании и мещанство ряда городов; так, жители Корсуни при подходе казаков сами напали на находившийся в городе польский гарнизон. Присоединилась к войску Тараса и значительная часть «реестровых» казаков.

Размах народного движения вел к обострению противоречий не только между польско-литовскими феодалами и украинскими народными массами, но и между отдельными социальными группировками украинского общества. Так, если рядовые горожане поддерживали Тараса, то богатая верхушка киевского мещанства помогала идущей против восставших кварцяной армии перейти Днепр [240]. По свидетельству «Львовской летописи», казаки убили 20 киевских купцов, возивших продовольствие в польский лагерь [241]. Наступил раскол и в среде православ-

[237] О них сообщал С. Конецпольский, докладывая о восстании на сейме 1631 г. (*Жукович П. Н.* Сеймовая борьба..., вып. 6, с. 87).

[238] Жерела..., т. 8, с. 346—347.

[239] *Гуслистый К. Г.* Крестьянско-казацкие восстания..., с. 64. Для украинских современников восстания выступление Тараса было войной за сохранение украинского народа. Автор так называемой «Львовской летописи» прямо писал о плане польско-литовского правительства, «аби впрод казаков, затим во вшисткой Україні Русь вистинати». В другом месте он говорил и о приведении этого плана в исполнение: польские войска «по дорозі людій невинных, быле бы тілько Русин был, забивали» (*Бевзо О. А.* Львівський літопис..., с. 105—106, 1630 г.).

[240] *Жукович П. Н.* Религиозный элемент в казацком восстании 1630 года под предводительством Тараса.— В кн.: Христианское чтение. М., 1912, т. 236, с. 799.

[241] *Бевзо О. А.* Львівський літопис..., с. 108, 1630 г.

ного духовенства. Если И. Борецкий принял активное участие в подготовке восстания[242], то иную позицию занял другой видный представитель православной иерархии — архимандрит Киево-Печерской лавры Петр Могила. Выходец из молдавского боярского рода, состоявший в родстве с рядом польских магнатских фамилий, он не только укрыл в монастыре польских шляхтичей, спасавшихся от восставших, но и жаловался им на притеснения, которые архимандрит и монахи терпят от казаков[243]. Размах народного движения, по-видимому, повлиял отрицательно и на зажиточные слои казачества, что сказалось на развитии последующих событий.

На Украину «кровью хлопов гасить своеволие» двинулась кварцяная армия во главе с С. Конецпольским. В начале мая 1630 г. под Переяславлем начались бои с казаками. Бои, продолжавшиеся в течение трех недель, были неудачными для польского войска, в тылах которого разворачивалась партизанская война, но и казаки не могли нанести ему полного поражения. Заключенный в конце мая договор вносил в условия Куруковского соглашения ряд изменений, благоприятных для казачества (некоторое расширение реестра, отказ правительства от вмешательства в выборы гетмана). О наказании участников восстания не было и речи.

Как правильно указал К. Г. Гуслистый[244], украинское общество восприняло такой итог войны как поражение польско-литовской власти и победу казацкого войска. Автор Львовской летописи с гордостью подчеркивал, что когда С. Конецпольский ходил на казаков, то лишь «людий много стратил, сам ледве ся выніс... і познал що казаки!»[245] Автор другого памятника украинского летописания первой половины XVII в., Острожской летописи, описывая поражение поляков, также саркастически замечал: «Ліпеи здобилися козаки дома, ніже на море ходячи, ні един шляхтич не пришол до дому»[246].

После восстания 1630 г. сила казацкого войска, его способность наносить сильные удары Речи Посполитой стали очевидными. По-видимому, итоги восстания 1630 г. в немалой мере повлияли на принятие русским правительством решения возобновить борьбу с Речью Посполитой за воссоединение украинских и белорусских земель и обратиться к запорожскому казачеству с предложением о совместном выступлении против польско-литовских феодалов[247]. Уже осенью 1630 г. И. Борецкому

[242] В своей реляции сейму Конецпольский сообщал, что казаков побудили к выступлению «от некоторых лиц греческой религии, как духовных, так и светских, грамоты, в которых извещали, что их веру разрушают... прося казаков, чтобы за веру стали» (*Жукович П. Н.* Религиозный элемент..., с. 785—786). Это свидетельство следует сопоставить с сообщением Львовской летописи, что о коварных планах польско-литовских властей «Русь жолніри» рассказали «отцу митрополиту», т. е. Борецкому (*Бевзо О. А.* Львівський літопис..., с. 106). Старший сын митрополита погиб в битве с поляками под Переяславлем (там же, с. 107; ЦГАДА, ф. 138, кн. 4, Опись архива Посольского приказа 1673 г., л. 167—167 об.)

[243] *Жукович П. Н.* Религиозный элемент..., с. 785—786.

[244] *Гуслистый К. Г.* Крестьянско-казацкие восстания..., с. 66—67.

[245] *Бевзо О. А.* Львівський літопис..., с. 105, 1630 г.

[246] Там же, с. 136, 1630 г.

[247] В этом направлении действовали и призывы с Украины. См., например, письмо близкого к И. Борецкому протопопа А. Мужиловского, где он призывал «безо вся-

для передачи «запорожским черкасам» были посланы царские грамоты, а с ними и грамоты восточных патриархов с призывом, «чтоб монарху московскому поклонилися»[248].

К началу 1631 г. положение на Украине снова осложнилось. Новый договор удовлетворил лишь интересы зажиточной части казачества. Массы «неписьменных» казаков он не касался, и попытки реестровой старшины вернуть их в прежнее состояние с помощью войска Речи Посполитой натолкнулись на открытое сопротивление. К лету 1631 г. запорожские войска во главе с Тарасом снова «стали в Черкасех да в Переясловле да в Каневе»[249]. Обнародование русских предложений могло в этой ситуации легко привести к новому восстанию. Однако смерть 2 марта 1631 г. митрополита И. Борецкого помешала ему выполнить просьбу русского правительства: грамоты попали в руки П. Могилы, который отказался передать их запорожцам[250]. Лишь осенью 1631 г. казакам стало известно о русских предложениях. Тогда же определилось и неодинаковое отношение к ним разных групп казачества. Донской казак, побывавший в Каневе на раде, созванной гетманом реестровых казаков П. Кулагой, сообщал, что «мелкие-де люди черкасы говорили все, что им служить тебе, государю», а им возражали «лучшие люди черкасы, которые пристали к поляком»[251]. Эти разногласия были лишь одним из проявлений острых расхождений между реестровым казачеством и запорожцами, которые в 1632 г. переросли в ряд открытых столкновений[252].

Для связей России с украинскими землями в этот период — период подготовки и начала так называемой Смоленской войны Русского государства с Речью Посполитой — было важно, что И. Борецкого сменил на киевской кафедре его близкий сподвижник, сторонник воссоединения с Россией, популярный среди казачества Исайя Копинский. В январе 1632 г. в Путивль прибыл с тайным поручением к царю и Филарету его посланец, игумен Иов[253]. Хотя содержание переговоров посланца с русскими дипломатами остается неизвестным, судя по ходу последующих событий, можно думать, что речь шла о том, чтобы вмешаться в борьбу разных слоев казачества, поддержав авторитетом кафедры сторонников выступления против Речи Посполитой.

Важной вехой в этой борьбе стала созванная в начале осени 1632 г. казацкая рада в Черняховской Дубраве (около Канева) с участием и реестровых, и «неписьменных» казаков, а также православного духовенства во главе с И. Копинским. При активном участии И. Копинского и

кого страха вооружатися, а силы польские не крепки... а хлопцы у них топерво желныре, а которые учатца в школах, и те у них сенатари, толко они страшны войском Запорожским», но оно служить Речи Посполитой не будет (ЦГАДА, ф. 96, 1631 г., д. 9, л. 80, 20 сентября 1631 г.)

248 ЦГАДА, ф. 124, 1630 г., д. 6; ф. 96, 1631 г., д. 9, л. 42, 81, инструкция Г. Гладкому от 4 августа 1631 г.; грамота А. Мужиловского от 20 сентября 1631 г.

249 *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 209.

250 ЦГАДА, ф. 96, 1631 г., д. 9, л. 68, распрос Г. Гладкого, 13 октября 1631 г.

251 Акты Московского государства. СПб., 1870, т. 1, № 328, с. 346, март 1632 г.

252 *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 211.

253 ЦГАДА, ф. 52 (Сношения России со странами Балканского полуострова), 1632 г., д. 6, январь 1632 г.

под давлением «неписьменных» казаков реестровая старшина во главе с П. Кулагой была отстранена от своих должностей, а вместо нее были выбраны новый гетман Деденко и полковники «из чорных людей, которые-де преж сего бились с поляки в прошлом во 138 году под Переяславлем» [254].

Позднее новая старшина, собравшись на раду в Корсуне, приняла весьма важные решения: если польско-литовское правительство будет продолжать религиозные преследования и репрессии казачества, то казаки «хотят бить челом государю, чтоб их ты, государь, принел под твою государеву руку... А они-де, черкасы, хотят застать от Киева по Днепру до устья и с поляки битца». И. Копинский обещал, со своей стороны, просить царя, чтобы он принял казаков «под свою руку» [255].

Хорошо осведомленное об этом от «выходцев» (казаков) русское правительство рассчитывало, что, может быть, не сразу, но действия русской армии будут поддержаны выступлением запорожского казачества. И эти надежды определенно подкреплялись активным взаимодействием населения Северской земли с вступившими на эту территорию русскими войсками. В грамоте от 30 января 1633 г., адресованной «розных городов детем боярским и северских украинных городов вольным людем, которые ныне объявились в войне на Севере», им запрещалось вести войну на территории «черкасских городов», так как «черкасы стоят за веру против еретиков... и за то у них с польскими людьми за веру бои были великие да и ныне есть» [256]. Перспектива скорого воссоединения становилась реальной, но в то время ей не суждено было осуществиться.

События 1632 г. крайне напугали польско-литовское правительство: восстание запорожского казачества в условиях войны с Русским государством могло поставить Речь Посполитую в критическое положение. Вместе с тем перспектива повторения восстания 1630 г. не устраивала также социальные и имущественные верхи украинского общества.

Устремления этих кругов ярко выразил несколько позже такой близкий к П. Могиле человек, как С. Коссов. Посвящая написанный им «Патерик печерский» А. Киселю, он восхвалял этого знатного православного феодала за то, что тот добился «удовлетворения русского народа без затруднения дел Речи Посполитой». Они, конечно, добивались определенной «культурно-национальной автономии» для украинского и белорусского населения в Речи Посполитой, но еще больше они были заинтересованы в сохранении традиционного общественного устройства этого государства. Так складывались условия для компромисса этих общественных слоев (православной шляхты, связанных с ней представителей иерархии, богатого мещанства, казацкой верхушки) и польско-литовской власти —

[254] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 72, с. 124, отписка от 20 октября 1632 г.; ср.: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 212—213.

[255] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 74, отписка ноября 1632 г.

[256] Акты Московского государства, т. 1, № 448, 30 января 1633 г.

компромисса, направленного против народно-освободительного движения на Украине и против Русского государства.

Первым актом этого компромисса было подписание новым королем Владиславом в декабре 1632 г. «Пунктов» о признании Речью Посполитой православной иерархии и о возвращении ей части церковных имуществ, захваченных униатами. Характерно, однако, что при этом правительство отказалось утвердить старых православных епископов — выходцев из мелкой шляхты и мещанства, связанных с братствами, казачеством, и они были заменены новыми лицами — лояльными по отношению к Речи Посполитой выходцами из знатной православной шляхты. Так, И. Копинский был заменен на киевской кафедре П. Могилой [257].

О политической ориентации нового митрополита красноречиво свидетельствует тот факт, что в его правление связи киевской кафедры с Москвой прервались на ряд лет, а в изданиях, выпускавшихся под его надзором типографией Киево-Печерской лавры, появились посвящения знатным православным феодалам, где восхвалялись их военные заслуги в Смоленской войне с Россией и при подавлении казацких восстаний [258]. Естественно, что новая иерархия служила интересам тех общественных сил, которые вызвали ее к жизни.

Значение этой меры было не только в том, что православной шляхте (прежде всего) возвращалась часть прав и вольностей, утраченных ею после Брестской унии. Эта акция, по существу, не затрагивала основы господства польско-литовских феодалов над белорусскими и украинскими землями, но могла оказать немалое воздействие на белорусское и украинское население, в первую очередь на казачество, и удержать его от перехода на сторону Русского государства [259], так как она трактовалась и изображалась как первый шаг по пути пересмотра новым «добрым монархом» традиционной польско-литовской политики на белорусских и украинских землях, шаг, за которым последуют другие. Реестр был временно вообще отменен. Рыльский воевода в мае 1633 г. сообщал, что на Украине «охочих людей... накликают, чтоб всякие охочие люди писались вновь в казаки, а которые-де старые казаки были отставлены, и тем... велено быти по прежнему и деньги и сукна тем ново прибылым и старым казаком велено ж давать» [260]. Еще ранее, 18 декабря 1632 г., Владислав IV обратился с письмом к Запорожскому войску, извещая о признании православной иерархии и призывая казаков к защите Речи Посполитой, он обещал удовлетворить все их пожелания

[257] Внешняя сторона событий, приведших П. Могилу на митрополичью кафедру, рассмотрена в кн.: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883, т. 1, разд. «Смерть Сигизмунда III и признание иерархии». Принципиальную оценку см.: История Украинской ССР. Киев, 1969, т. 1, с. 195.

[258] См. посвящения к таким изданиям, как «Евангелие учительное» 1637 г., «Тератургима» А. Кальнофойского 1638 г. и «Казане погребове над телом освецоного князя его милости Ильи Святополка на Четвертне», 1641 г.

[259] Об этом прямо говорил Владислав IV папскому нунцию (*Голубев С. Т.* Киевский митрополит..., т. 1, Прилож., с. 504, донесение нунция от 4 ноября 1632 г.).

[260] *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 212.

по окончании войны[261]. Пропагандистскую кампанию Владислава IV и польско-литовских властей энергично поддерживали их новые союзники. П. Могила лично благословил войско, собранное казацкой старшиной для похода на Россию[262]. Правда, собранное верхушкой реестра войско явно не проявляло боевого духа[263], однако благодаря совместным усилиям польско-литовского правительства и социальных верхов украинского общества до нового восстания против Речи Посполитой дело не дошло, и этим во многом надо объяснять безрезультатный для Русского государства исход Смоленской войны.

Сразу по ее окончании выяснилась лживость королевских обещаний казачеству. Назначенные королем специальные эмиссары сначала Лукаш Жолкевский, а затем Адам Кисель приступили к восстановлению прежнего реестра, пытаясь снова вернуть массу «неписьменных» казаков в зависимость от прежних господ. Они действовали в тесном контакте с реестровой старшиной и пытались использовать для воздействия на казаков авторитет нового киевского митрополита. У днепровских порогов, чтобы препятствовать бегству казаков и крестьян на Запорожье, была построена крепость Кодак[264]. Положение на Украине вновь обострилось. Зимой 1634/35 г. в Каневе состоялась казацкая рада, где гетман Тарас призывал казаков «стоять за крестьянскую веру против ляхов»[265]. Поднять большое восстание в тот момент не удалось, но на Запорожье и в степных городках постепенно возникали очаги сопротивления. Одним из важных центров сбора выступивших против польско-литовской власти казаков стал Дон, где нашли приют вожди восставших — Тарас Федорович и Сулима[266]. На Дону запорожцы получили не только приют, но и помощь. Летом 1635 г. Сулима пришел с Дона на Днепр и разрушил Кодак «з запорожскими и донскими казаками»[267]. Вместе с тем оживились и связи украинского населения с Русским государством. К середине 30-х годов XVII в. относятся первые попытки массового переселения украинцев на русскую территорию. Уже зимой 1634/35 г. полтавский полковник Яцко Острянин хотел идти «со всеми плотавцы на государево имя»[268], а летом того же года выражало желание перейти на русскую службу и просило разрешения селиться на русской территории «ниже Белагорода на Чюгуеве городище» собравшееся в степных городках казачье войско во главе с Тарасом Федоровичем[269]. Сразу по окончании войны русское правительство не решилось взять на службу целое казацкое войско, но разрешило «черкасам» поступать на русскую

[261] *Голубев С. Т.* Киевский митрополит..., т. 1, Прилож., с. 505—506, 18 декабря 1632 г.
[262] Z dziejów Ukrainy. Kraków, 1908, s. 195—196.
[263] Один из польских офицеров в сердцах писал: «Лучше мне было их (казаков.— *Б. Ф.*) не знать, чем такая мне от них помощь». (*Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 213).
[264] *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 215—216.
[265] ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Приказной стол, стб. 99, л. 6, отписка от 14 июня 1635 г.
[266] *Гуслистый К. Г.* Крестьянско-казацкие восстания..., с. 68—69.
[267] ЦГАДА, ф. 210, Белгородский стол, стб. 64, л. 139, 174.
[268] Там же, Приказной стол, стб. 99, л. 6, отписка от 14 июня 1635 г.
[269] Там же, л. 6, 10, 12.

службу в индивидуальном порядке. С этого времени переселение украинцев на территорию Русского государства стало одной из распространенных форм борьбы за воссоединение и против существовавших в Речи Посполитой порядков.

Выступление Сулимы было подавлено верными польско-литовскому правительству реестровыми казаками, но борьба против польско-литовской власти продолжала нарастать. Характерной чертой настроений широких слоев народа в эти годы было усиление ненависти не только к польско-литовским властям, но и к поддерживавшим их реестровым казакам и представителям православной иерархии, которых рассматривали как изменников народному делу. Переходившие на русскую территорию казаки и крестьяне прямо говорили, что реестровые казаки «учели быть с поляки в папежской в латынской вере заодно», и киевский митрополит «православные крестьянские веры отступил» [270].

Требование расправы с реестровой старшиной стало одним из главных лозунгов нового народного восстания.

Разразившееся в 1637—1638 гг. восстание, предводителями которого были на разных этапах Павел Бут (Павлюк), Яцко Острянин и Дмитрий Гуня [271], по охваченной им территории и движущим силам было очень близко восстанию 1630 г. Главными силами восстания были вышедшие из Запорожья «неписьменные» казаки, в ряды которых снова влилось большое число крестьян и мещан. К Запорожскому войску присоединилась и часть реестровых казаков. Восстание сопровождалось разгромами шляхетских имений, убийствами польских феодалов и католического духовенства. Наибольший размах народное движение снова приобрело на Левобережье, где концентрировались и главные военные силы восставших. Как и в 1630 г., это в известной мере было связано с расчетами на переход под «власть» московского царя и на получение военной помощи с Дона. О наличии у восставших таких планов сообщал в самом начале восстания гетману Конецпольскому один из предводителей реестровой старшины Ильяш Караимович [272]. Позднее в казацком войске Я. Острянина действительно сражался отряд из 500 донских казаков [273]. Предводители восставших пытались распространить восстание на всю Украину, посылали письма и гонцов «на Подолие, Покутье и Волынь» [274], но эти планы осуществить не удалось.

После длительной войны, продолжавшейся с перерывами с мая 1637 по август 1638 г., крестьянско-казацкое войско потерпело поражение, на

[270] Там же, Белгородский стол, стб. 82, л. 49, 77, 81. Высказывания «выходцев» позволяют ясно понять смысл столь популярного среди украинских народных масс лозунга борьбы «за веру», означавшего борьбу против польско-литовских феодалов и установленных ими порядков на Украине. Ортодоксальный митрополит П. Могила, когда казаки «посылали... чтоб он был с ними... в соединении», сам «к черкасом не поехал и никаво к ним не прислал» и сразу стал в глазах казаков «папежником».

[271] Подробные характеристики восстания см.: *Гуслистый К. Г.* Крестьянско-казацкие восстания..., с. 69—76; *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество..., с. 222—249.

[272] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1894, вып. 2, с. 174.

[273] Там же, с. 226, 229.

[274] Там же, с. 218—219.

население Восточной Украины, прежде всего Заднепровья, обрушились жестокие репрессии польско-литовских властей, выжигавших не только деревни, но и непокорные города и местечки. На неудаче восстания сказалось не только отрицательное отношение к восставшим верхушки богатого мещанства и православной иерархии, о чем свидетельствует торжественная встреча войск польного гетмана Н. Потоцкого в Киеве в январе 1638 г.[275], но и неустойчивая позиция реестрового казачества. Часть казаков, присоединившаяся к восстанию, после первых поражений восставших отошла от него, и в дальнейшем реестровое войско участвовало в военных действиях на стороне армии Речи Посполитой.

В истории Украины наступило так называемое «золотое десятилетие», как был назван этот период в шляхетской дворянской историографии. Это был период не только укрепления польско-литовской власти на Украине, но и резкого усиления феодальной колонизации и роста латифундий «кресовых» магнатов. Усиление феодальной эксплуатации, в частности заведение на землях Восточной Украины отсутствовавших здесь ранее барщинных повинностей, распространение феодальной зависимости на еще остававшуюся свободной часть крестьянства и «неписьменных» казаков, все более частые нарушения всемогущими магнатами городских прав и поглощение земель мелкой православной шляхты магнатскими латифундиями, а также восстановление крепости Кодак, чтобы воспрепятствовать бегству беглых на Запорожье,— вот главные характерные черты этого периода[276]. Резко ухудшилось в эти годы и положение реестрового войска. По так называемой «Ординации» 1638 г. самоуправление казацкого войска было ликвидировано, а казаки подчинены власти комиссара и полковников из среды польской шляхты. Эта новая «старшина» принуждала рядовых казаков нести повинности в свою пользу, облагала их поборами, совместно с магнатами и державцами захватывала их земли, на которые у казаков не было документов, и т. д.[277] Продолжалась также политика религиозных преследований и насильственного насаждения католицизма и унии.

Хотя в эти годы не происходило крупных восстаний, сопротивление народа политике польско-литовской власти не прекращалось. Одной из важных форм сопротивления было массовое переселение украинцев (в меньшей степени белорусов) на территорию Русского государства. Начавшееся еще перед Смоленской войной, оно приобрело по-настоящему широкий размах во время подавления восстания 1637—1638 гг., а затем в годы «золотого десятилетия». Всего на русскую территорию перешло в эти годы несколько десятков тысяч казаков, мещан, крестьян и представителей православного духовенства. Предоставление со стороны

[275] *Гуслистый К. Г.* Крестьянско-казацкие восстания..., с. 71.

[276] Подробную характеристику положения на Украине в эти годы см.: *Баранович А. И.* Украина накануне освободительной войны середины XVII в. М., 1959; *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький. Київ, 1954, с. 13—60.

[277] Яркая характеристика положения реестрового казачества в эти годы дана в таком памятнике украинского летописания второй половины XVII в., как написанная представителем казацкой старшины «Летопись Самовидца» (Літопис Самовидця. Київ, 1971, с. 45—46).

русского правительства убежища этим поселенцам, принятие их на русскую службу, предоставление им льгот и материальной помощи объективно было актом поддержки народно-освободительной борьбы украинского и белорусского народов. Возникавшие при этом контакты между русским и украинским населением в районе «засечной черты», их совместная оборона от Крымской Орды, их совместные выступления (уже в 40-х годах) против произвола и угнетения феодальной администрации стали важным фактором сближения русского и украинского народов в середине XVII в.[278]

Одним из очагов, где шла подготовка к возобновлению народно-освободительной войны, стал также Дон, куда после подавления восстания 1637—1638 гг. ушел с частью казацкого войска один из предводителей восстания, Д. Гуня. Собравшееся здесь большое запорожское войско вместе с донцами защищало отобранный у османов Азов и ходило в морские походы на Черное море[279].

Одним из важных проявлений нарастания национального подъема в 20-х годах XVII в. было, как указывалось выше, возрастание интереса к прошлому, обращение к древнерусским традициям и творческое их восприятие. Имели ли место подобные явления в период созревания предпосылок народно-освободительной войны? Определенный ответ на этот вопрос может дать анализ разнообразной деятельности той единственной части украинского и белорусского общества, которая дает в наше распоряжение обширный письменный материал — группы представителей белорусского и украинского духовенства, в 30—40-х годах XVII в. объединявшейся вокруг митрополита П. Могилы.

Выше уже приходилось отмечать, что группировка, возглавляемая П. Могилой, отражала интересы социальных верхов этого общества, опасавшихся широкого народного движения и потому лояльных по отношению к Речи Посполитой, что и проявилось во время Смоленской войны. Однако нет оснований считать эту общественную группировку простым орудием польско-литовских властей на Украине и Белоруссии. Она имела свои взгляды на будущее украинского и белорусского населения в рамках Речи Посполитой и, когда непосредственно не затрагивались ее классовые интересы, могла открыто противостоять распоряжениям польско-литовского правительства. Так, например, обстояло дело с предписанием Владислава IV о закрытии организованных митрополитом «латинских школ», т. е. школ с преподаванием на латинском языке, «чтобы их не было ни в Киеве, ни в Виннице, ни в каком другом месте», так как это «наносит большой ущерб отцам-иезуитам»[280]. Несмотря на появление такого предписания, П. Могила сумел создать так называемую «Киево-Могилянскую Академию» — первое высшее учебное заведение украинцев и белорусов. Следует также принять во внимание, что, даже преследуя свои узкоконфессиональные интересы (например, желая уси-

[278] Подробнее о переселении см.: *Апанович Е. М.* Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648—1654 гг.— В кн.: Воссоединение Украины с Россией: Сб. статей; *Абецедарский Л. С.* Белоруссия и Россия..., с. 60—63.

[279] *Тушин Ю. П.* Русское мореплавание..., с. 126—129.

[280] *Голубев С. Т.* Киевский митрополит..., т. 1, с. 441—442.

лить почитание печерских отцов), они должны были учитывать чаяния и устремления народных масс. Наконец, выявление определенных патриотических настроений даже у этой группировки, наиболее далекой от идеи воссоединения восточнославянских народов, все равно будет показательным для оценки общей ситуации на Украине.

В центре литературной продукции круга П. Могилы стояли сочинения, целью которых было прославление наиболее почитаемой православной обители на Украине — Киево-Печерской лавры и подвигов и посмертных чудес похороненных там печерских подвижников. Сопоставляя созданные с этой целью в 30—40-х годах XVII в. произведения с более ранними сочинениями — редакциями Киево-Печерского патерика второй половины XV в.,— исследователи выявили в первых некоторые новые черты. Даже в таком сочинении, как «Тератургима» А. Кальнофойского 1638 г., при описании могил «печерских отцов» и их посмертных чудес встречаются эпизоды, не связанные с темой сочинения, такие, как рассказ о первых русских князьях (во введении) или описание древнего Киева, для составления которого производились специальные разыскания [281]. Само издание украшено гравюрами с изображениями Владимира, Бориса и Глеба.

В другом сочинении этого времени, «Патерике печерском» С. Коссова 1635 г., как указал еще В. Н. Перетц [282], в традиционный текст жизнеописаний печерских монахов систематически вводятся особые экскурсы не только о крещении Руси (что имеет определенную связь с темой «Патерика»), но и о княжении Владимира, о строительстве Ярослава Мудрого в Киеве, о взаимоотношениях сыновей и внуков Ярослава. При этом сведения печатных польских хроник (прежде всего Стрыйковского) систематически сличались с текстом «Нестора» [283].

В новой редакции Киево-Печерского патерика, составленной И. Тризной в конце 40-х — начале 50-х годов XVII в. (позднее она легла в основу печатного издания 1661 г.), пополнение сборника житий печерских отцов общеисторическим материалом выступает как осознанная задача составителя-редактора. Во введении к сборнику он прямо заявлял, что традиционный предмет излагается здесь «ныне же мало пространнее от начала в лето Ноева по потопе, откуду корень изыде преславного словенского языка» [284]. Древней истории Руси до правления Ярослава Мудрого была посвящена почти четвертая часть труда. И в дальнейшем повествовании можно встретить многочисленные заимствования из летописей о важнейших событиях истории Древней Руси, часто не имевших никакого отношения к истории монастыря (как, например, обширный рассказ о событиях в Галицкой земле после смерти Романа Мстиславича). Интересно, что в сборнике помещены сообщения и о событиях, происходив-

[281] А. Кальнофойский первым использовал для характеристики древнего Киева хронику Титмара Мерзебургского, откуда заимствованы данные, что в городе некогда было 400 церквей — «Тератургима», с. 25.

[282] *Перетц В. Н.* Киево-Печерский патерик в польском и украинском переводе.— В кн.: Славянская филология. М., 1958, т. 3.

[283] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи..., с. 294—295.

[284] Цит. по: *Абрамович Д. И.* Исследование..., с. 99.

ших в Северо-Восточной Руси (например, рассказ об убийстве Андрея Боголюбского), а в его заключительную часть вставлена статья «Родословие пресветлых князей русских самодержец... како распространиша Великую Россию»[285]. Такая эволюция печерской агиографии была возможна лишь в условиях резкого роста в украинском обществе интереса к своему древнерусскому прошлому, сочетавшегося с интересом к истории братского русского народа. Не случайно к середине XVII в. относится появление украинских и белорусских списков таких прославлявших освободительную борьбу русского народа произведений, как «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина»[286]. Необходимость идти навстречу общественным запросам привела к концу интересующего нас периода к определенной смене настроений в Печерской обители, к ее сближению с теми кругами украинского общества, которые выступали за освобождение от власти польско-литовских феодалов и за воссоединение с Россией.

Другим важным явлением, явно свидетельствующим о патриотическом подъеме, может служить та небывалая популярность, которую в эти годы стал приобретать культ Владимира. В 1635 г. по инициативе П. Могилы были предприняты раскопки развалин Десятинной церкви, где была обнаружена мраморная гробница с останками этого киевского князя[287]. Останки Владимира были торжественно перенесены в храм Софии, а голова положена на алтарь Успенского собора лавры[288]. Эти действия ясно показывают, как энергично старалась митрополичья кафедра использовать культ Владимира не только в своих общеидеологических, но и чисто материальных интересах (расчеты на приток паломников в лавру), но все эти шаги были бы бессмысленны, если бы именно в это время культ Владимира по размерам почитания не выдвинулся на первое место среди культов других киевских святых. Кафедра охотно поддерживала культ Владимира как «крестителя Руси», но для широких масс украинского народа имя Владимира было символом эпохи всестороннего расцвета Древней Руси, силы и могущества Древнерусского государства и справедливых общественных отношений, за которые народ был намерен бороться с польско-литовскими феодалами.

О том, насколько велик был интерес к древнему наследию и какие острые переживания оно вызывало, наглядно свидетельствует целая серия высказываний в украинской литературе середины XVII в. о памятниках древнерусской архитектуры в Киеве и некоторых других центрах Древней Руси.

[285] *Абрамович Д. И.* Исследование..., с. 100—107.

[286] Список «Сказания» помещен в сборнике, переписанном в 1651 г. монахом Пустынно-Никольского монастыря в Киеве (Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде, Отдел рукописей, 21.2.14; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959, т. 3, вып. 1, с. 304—306). Список «Задонщины» находится в сборнике середины XVII в. с белорусской «Баркулабовской летописью» (Государственный исторический музей в Москве, ОР, Синод. собр., № 739; Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. Е. Невоструева). М., 1970, ч. 1, с. 117—118).

[287] *Голубев С. Т.* Киевский митрополит... Киев, 1898, т. 2, с. 426—427.

[288] Там же, с. 463.

Уже по крайней мере в конце XVI в., как видно из «Записок» Э. Ляссоты, киевские памятники стали привлекать к себе внимание общества, превращаясь при этом в объект легенды, относившей их возникновение ко времени легендарного Владимира [289]. Традиция эта получила дальнейшее развитие в первой половине XVII в., когда памятниками строительства Владимира считались, в частности, церковь Василия и церковь Спаса на Берестове [290].

Анализируя то, что писалось и говорилось в 20—50-х годах XVII в. о древних памятниках, можно констатировать как бы сплетение двух тем. Красота и великолепие древних памятников — это наглядное свидетельство былого расцвета, материальное воплощение славных дел предков. Вместе с тем плачевное состояние этих памятников, заброшенных и полузаброшенных, есть как бы живой символ плачевного состояния белорусского и украинского народа под иноземной властью.

Наиболее ярко такие настроения отразились в речи, произнесенной нежинским протопопом Максимом Филимоновичем перед Алексеем Михайловичем 27 сентября 1654 г.: «Кому есть тайно, в какой красоте за княжения великих князей русских преславный град Киев бяше, по прямому мати градов... ныне же едва что остатки толикого прежняго благолепия осташа. Что реку о славном граде Чернигове, идеже храмы святые каменные, предивным мастерством созданные, ныне же разоренные, точию на слезы и скорбь русским людем стоят!» [291] Печальный вид разрушавшихся памятников вызывал горькие мысли об утрате своего древнего драгоценного наследия. «Едва сень их обретающихся зрим тяжце и неутешиме желяще, яко мы последнии род сих зрети достигохом»,— писали в 1626 г. члены Киевского братства [292].

Возникал вопрос, кто виновен в создавшемся положении. Какие на него давались ответы, позволяет судить сочинение под названием «Indicium», написанное монахом из Винницы и напечатанное в 1638 г. Значительная часть этого сочинения посвящена ответу на вопрос, из-за кого старые храмы «дошли до такого великого разрушения и опустошения, так что теперь от них остались одни развалины» [293]. И автор дает определенный ответ: первым разрушил Киев польский король Болеслав Храбрый, отдавший город на разграбление своему войску, а по его стопам пошел другой польский правитель, Болеслав Смелый. Сделанное ими завершил Батый, а после них древние памятники разрушаются униатами [294]. Так как униаты были орудием польско-литовского правительства, такой ответ был по существу обвинением польско-литовской власти в разрушении древнерусского наследия.

Такие взгляды не были особенностью только данного памятника. Другим примером может служить письмо жителей Киева Запорожскому

[289] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890, вып. 1, с. 156—157.
[290] *Голубев С. Т.* Киевский митрополит..., т. 2, с. 435, 445.
[291] АЮЗР. СПб., 1889, т. 14, с. 176, 27 сентября 1654 г.
[292] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 1, № 33, 17 января 1626 г.
[293] АрхЮЗР, ч. 1, т. 8, вып. 1, с. 786.
[294] Там же, с. 787—790.

войску 1621 г., где выражалась сильная тревога по поводу состояния, в котором оказалась София Киевская. В 1609 г. по требованию правительства знаменитый храм, построенный Ярославом Мудрым, был передан униатам, но сторонников унии в Киеве не оказалось, и церковь стояла закрытой и заколоченной [295]. Констатировав, что новый хозяин с храма «олово обобрал и продал», киевские горожане выражали убеждение, что он сделал это нарочно («умыслне»), чтобы церковь обрушилась. Поэтому они и просили Запорожское войско принудить его к тому, «абы и накрыл, хотя соломою, жебы гнити ей не давал» [296].

Все это позволяет понять ту общественную обстановку, в которой в Киеве в 30—40-х годах XVII в. развернулись работы по укреплению и восстановлению древних храмов, построенных Владимиром и Ярославом. Начатые по инициативе П. Могилы эти работы проводились в значительной части на общественные пожертвования [297]. Для митрополичьей кафедры речь шла о защите своих интересов, об обновлении старых традиционных центров культа, но для казаков и мещан, собиравших деньги на строительство, речь шла о сохранении своего исторического наследия, о проявлении непокорства по отношению к польско-литовской власти, заинтересованной в его уничтожении. Для развития связей между Россией и Украиной накануне освободительной войны, думается, имело значение, что на проведение этих работ были отпущены значительные средства русским правительством, а над украшением Софии Киевской работали московские мастера [298].

Мастера из Москвы были приглашены по инициативе киевской митрополичьей кафедры. Разорвав в начале 30-х годов контакты с Россией, в 1640 г. киевский митрополит сам направил в Россию посольство с просьбой о помощи при восстановлении киевских памятников. Он призывал царя «святым твоим прародителем, создателем церкви святые Софии свято поревновати». Этот призыв сопровождался символическим жестом — передачей царю Михаилу части обнаруженных останков Владимира — «прадеда всесветлого величества твоего». В другом документе — челобитной П. Могилы с предложением прислать в Москву учителей Киево-Могилянской академии, чтобы они «детей боярских и простого чину грамоте Греческой и Славянской учили»,— царь выступал как «светило всему православному роду Российскому» [299].

Таким образом, в годы «золотого десятилетия» наметилось явное изменение ранее полностью лояльной по отношению к Речи Посполитой позиции киевской митрополичьей кафедры. Даже эта группировка нашла нужным сделать определенный шаг по пути сближения с Русским государством, одобрения его объединительной программы.

[295] Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888, с. 78—79.
[296] АСД. Вильно, 1867, т. 1, № 90, с. 266, 1621 г.
[297] Подробнее описание работ см.: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит..., т. 2, с. 411—460.
[298] О московских мастерах и их работах в Киеве см.: АЮЗР, СПб., 1861, т. 3, № 60—62, 6, 17 марта, 5 апреля 1644 г.
[299] Там же, № 18, 33, 29 октября, 7 апреля 1640 г.

Есть все основания полагать, что гораздо более радикальными были сдвиги в сознании широких слоев народных масс — казачества, мещанства, крестьянства. Именно годы «золотого десятилетия» были временем окончательного изживания их иллюзий о возможности добиться осуществления своих целей в рамках Речи Посполитой шляхетской, временем, когда укреплялось убеждение в необходимости полного разрыва с этим государством и воссоединения с Россией. Наблюдавшийся в эти годы рост интереса к древнерусской традиции, общему прошлому восточнославянских народов, несомненно, был важной и существенной частью происходивших перемен.

Эти сдвиги в сознании широких слоев народа нашли свое яркое выражение в ходе развернувшейся в 1648—1654 гг. народно-освободительной войны украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого, которая завершилась воссоединением Украины с Россией.

Воссоединение Украины с Россией и древнерусское наследие

Истории народно-освободительной войны и русско-украинских дипломатических контактов посвящен ряд фундаментальных исследований украинских историков [300].

Как убедительно показано в этих исследованиях, народно-освободительная война была массовым, общенародным движением, охватившим во второй половине 1648 г. всю территорию Украины. Главной силой движения было поднявшееся на борьбу против гнета польско-литовских феодалов крепостное крестьянство и городская беднота. Силой, объединявшей и организовывавшей это движение, было Запорожское войско, в состав которого уже на первом этапе восстания почти полностью влилось реестровое казачество. В рядах восставших сражались также многие представители низшего православного духовенства и мелкой православной шляхты. Представитель казацкой старшины, очевидец событий, описывает яркую картину подлинно всенародного участия в освободительной борьбе: «Так усе, що живо, поднялося в казацтво, же заледво знайшол в яком селі такого человіка жебы не міл албо сам, албо син до войска ити, а ежели сам нездужал, то слугу паробка послал, а иние килко их было всі ишли з двора, тилко одного заставали, же трудно было о наймита» [301]. В мощное русло народного движения оказались вовлеченными, нередко против их воли, и представители социальных верхов украин-

[300] *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький...; *Касименко О. К.* Російсько-українські взаємовідносини 1648 — початку 1651 р. Київ, 1955; *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959; *Голобуцкий В. А.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа, 1648—1654. Киев. 1962 и др.

[301] Літопис Самовидця, с. 57, 1649 г. Это свидетельство имеет яркую параллель в современной отписке русских воевод: на войну ушли «запороские козаки и всякие

ского общества. «Самовидец» позднее с неприязнью вспоминал: «И на тот час туга великая людем всякого стану значним была и наругания от посполитых людей, а наиболше от гултяйства, то есть от броварников, выннков, могилников, будников, наймитов, пастухов, же любо бы який человік значный и не хотіл привязоватися до того казацького войска, тілко мусіл задля позбитя того насмівиска и нестерпимых бід в побоях» [302]. Разумеется, объединившиеся в движении социальные силы преследовали разные цели, но их сближало желание покончить с господством польских феодалов на украинских землях.

В битвах под Желтыми Водами, затем под Корсунью и Пилявцами Запорожское войско разгромило вооруженные силы Речи Посполитой [303]. В итоге к концу 1648 г. на всей территории Украины к востоку от Горыни не было ни органов польской власти, ни землевладения феодалов и католической церкви. Польские феодалы (а в их числе и полонизировавшиеся украинские паны) были либо перебиты, либо бежали. На этой территории возникла новая держава — Украинское гетманство. Подобно Речи Посполитой, эта держава была также феодальным государством: в ходе освободительной войны казацкая верхушка, в состав которой влилось много представителей мелкой шляхты, постепенно превращалась в новый господствующий класс украинского общества. Между ним и широкими народными массами постепенно намечались социальные противоречия. В середине XVII в. эти противоречия, однако, отступали пока на задний план по сравнению с противоречиями между интересами украинского общества и господствующего класса Речи Посполитой. Ведь в гетманстве отсутствовал национальный гнет, города не подвергались угнетению могущественных магнатов, крестьяне стали лично свободными и поделили между собой имения бывших господ, а их эксплуатация со стороны казацкой верхушки, землевладение которой только зарождалось, не могла идти ни в какое сравнение с тем, что ожидало бы крестьянство в случае восстановления власти Речи Посполитой [304].

События, происходившие на Украине, победы казаков над кварцяной армией и посполитым рушением Речи Посполитой оказали влияние и на положение в Белоруссии. Во второй половине 1648 г. народно-освободительное движение охватило и значительную часть Белоруссии, где действия отрядов Хмельницкого сливались с выступлениями белорусских крестьян и мещан [305].

деревенские пашенные люди, конные и пешие..., и в городех остались только старые люди, да самые малые» (АЮЗР, т. 3. Допол. № 56, с. 58, 11 мая 1649 г.).

[302] Літопис Самовидця, с. 52, 1648 г. В другом месте тот же автор рассказывает, что городские бурмистры и райцы (городские советники) «свої уряди покидали и бороди голили и до того войска ишли», так как не имели другого выхода (там же, с. 57, 1649 г.).

[303] О начальном этапе восстания см. подробнее: *Апанович Е. М.* Победы украинского народа над польско-шляхетскими войсками на начальном этапе освободительной войны.— В кн.: Воссоединение Украины с Россией: Сб. статей, с. 145—177.

[304] Подробную характеристику социальных сдвигов на Украине в годы народно-освободительной войны см.: *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький..., ч. 3; *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки... розд. 3.

[305] Подробнее о народно-освободительной войне на территории Белоруссии см.: *Абецедарский Л. С.* Белоруссия и Россия..., с. 98—112.

Каковы же были перспективы развернувшейся борьбы в понимании рядовых участников народно-освободительного движения и его политического руководства?

Перспективы эти четко обрисовывались не сразу для всех слоев украинского общества. Часть социальных верхов, напуганная широким размахом народного движения, хотя и вынуждена была принять участие в освободительной войне, опасалась полного разрыва с Речью Посполитой, готова была пойти на компромисс, удовлетворившись рядом уступок своим требованиям. Приглушенные с размахом освободительной войны, эти стремления оживлялись в моменты известной стабилизации положения и особенно в периоды казацких неудач. Примером могут служить колебания богатого киевского мещанства [306] и двойственное отношение к восстанию верхушки православного духовенства во главе со сменившим П. Могилу на посту митрополита С. Коссовым [307]. Именно этим, вероятно, следует в значительной мере объяснить, почему яркие события освободительной войны не нашли адекватного отражения в литературной продукции своего времени. Не было единства и среди старшины, где, как свидетельствуют современники, сталкивались сторонники разных политических линий, при этом часть старшины, связанная по происхождению со шляхтой и верхушкой реестра, также обнаруживала тенденцию к компромиссу с Речью Посполитой.

Как показал Ф. П. Шевченко, еще после Корсунской победы настроения этой группировки оказывали влияние на позицию казацкой старшины в целом и получили отражение в первых казацких требованиях, направленных летом 1648 г. в Варшаву. Казацкое посольство во главе с Ф. Вешняком требовало прекращения захватов казацкого имущества старостами и державцами, подтверждения «прав и вольностей» Запорожского войска, расширения реестра до 12 тыс. человек. Эта программа соответствовала традиционным требованиям реестрового казачества [308]. Однако, как правильно указал И. П. Крипьякевич, уже в момент своего появления эта программа не отвечала устремлениям основной массы участников движения. Уже сразу после победы под Корсунью «мужики» называли Б. Хмельницкого «освободителем своим и своей религии» [309]. Для них уже в то время смысл происходившего заключался в полном свержении иноземного господства, олицетворявшегося для украинского крестьянства в господстве феодалов-«ляхов». Широкий размах народного движения, приведший к разгрому посполитого рушения под Пилявцами и победоносному походу казацких войск на западноукраинские земли, оказал воздействие на позиции всех слоев украинского общества, ускорил сложение гетманства как фактически независимого государства.

Эта новая ориентация нашла свое яркое выражение в торжественной встрече, устроенной Хмельницкому по возвращении из похода населени-

[306] О позиции верхушки мещанства см.: *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки..., с. 230—231.

[307] О позиции верхушки православного духовенства см.: *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки..., с. 212—214, 344—345.

[308] *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки..., с. 108—113.

[309] *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький..., с. 133.

ем Киева. «Весь народ», вышедший в поле встречать «гетмана», именовал его «избавителем» и «великим господарем», а ученики Киевской академии приветствовали его в своих выступлениях, «как [нового] Моисея, защитника, спасителя и освободителя народа из польской неволи» [310]. В условиях всеобщего стремления народа покончить с иноземным господством к началу 1649 г. приобрела окончательные очертания программа действий политического руководства восстанием. Для ее реконструкции могут быть использованы материалы двух документов: записи переговоров Б. Хмельницкого с представителями Речи Посполитой в феврале 1649 г. и записи его же бесед с русским посланцем Г. Унковским весной 1649 г.

Польские представители прибыли на Украину с сообщением, что правительство Речи Посполитой готово принять казацкие требования: расширить реестр и подтвердить старые «права и вольности» Запорожского войска и православной церкви. Однако в ответ на их заявления Хмельницкий дал ясно понять, что он правитель независимого государства, не входящего в состав Речи Посполитой: «я — человек малый и незнатный, но бог дал мне, что я стал единовладцем, самодержцем русским» [311]. Несколько иначе звучит этот ответ в передаче Г. Унковского: «... и мы за благословением божиим отныне и до скончания века под властию королей ваших и у вас в подданстве быти не хотим» [312].

Такая декларация не была в то время чем-то обычным. Не следует забывать, что существовала традиция длительной государственной принадлежности белорусских и украинских земель Речи Посполитой, и разрыв с этой традицией необходимо было мотивировать. Как показывает запись переговоров с Г. Унковским, в обосновании такого шага украинское правительство опиралось на памятники полемической литературы 20-х годов, из аргументации которых в обстановке военно-политического поражения Речи Посполитой были сделаны окончательные выводы. Полемисты 20-х годов утверждали, что белорусские и украинские земли вошли в состав Речи Посполитой по особым соглашениям, гарантировавшим «права и вольности» «русского народа», и требовали, чтобы правительство Речи Посполитой воздержалось от их нарушения. Содержащееся в этой схеме положение о взаимных обязательствах сторон и было использовано украинской дипломатией в середине XVII в.: раз заключенные некогда соглашения постоянно нарушались одной стороной (правительством Речи Посполитой), то другая сторона (Запорожское войско и Украина) может считать себя свободной от всяких обязательств. При этом особенно указывалось на политику насильственного насаждения католицизма [313].

Позднее эта аргументация была использована при составлении решения Земского собора 1653 г. Поскольку правительство Речи Посполитой (в лице короля Яна-Казимира) нарушило присяги, данные им Запорож-

[310] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 2, с. 109—110.
[311] Там же, с. 109, 23 февраля 1649 г.
[312] Там же, с. 154.
[313] «Как мы были под властью королей ваших, и тогда вы святым божиим церквам и нашей христианской вере непрестанно поругались и нас имели собак хуже» (там же, с. 158).

скому войску, то казаки «стали ныне присягою королевскою вольные люди» [314].

Однако заявлением о независимости гетманства Хмельницкий не ограничился. Он ясно дал понять своим собеседникам, что на этом ни он, ни другие участники восстания не остановятся, что их цель — освобождение всего украинского народа от власти польско-литовских феодалов: «Выбью из ляцкой неволи народ весь русский» [315]. В состав гетманства должны войти земли по Львов, Холм и Галич [316] или «всей Белой Руси по тем границам, как владели благочестивые великие князи» [317]. Таким образом, обращаясь к древнерусской (и к великорусской XVI в.) политической традиции, Хмельницкий требовал восстановления в Восточной Европе этнографических и политических границ, существовавших здесь до начала польской феодальной экспансии на Восток. Польские «дуки и князи», если они не согласятся на это добровольно, будут силой выброшены на польскую территорию — «за Вислу». «Не постоит нога ни одного князя и шляхотки здесь на Украине» [318].

Такая программа не только выражала в четкой политической форме стремления и чаяния широкой массы участников восстания, но и отвечала надеждам населения еще остававшихся под польской властью западноукраинских земель и Белоруссии, на основной территории которой литовским феодалам к зиме 1649 г. удалось подавить крестьянско-казацкое движение. Как сообщали в Москву в июле 1649 г. севские воеводы: «...белорусцы в литовских городех поветные люди, и те-де неволею слушают Литвы, а с козаки-де ссылаютца, чтоб их-де козаки от Литвы свободили» [319].

Другой важной частью этой программы было воссоединение освобожденных от польско-литовской власти украинских (а может быть, и белорусских) земель с Русским государством.

Такая перспектива с самого начала восстания вызывала беспокойство польско-литовских политиков. «Как поведет себя Россия перед лицом такого восстания? — с тревогой спрашивал А. Кисель,—одна кровь, одна религия» [320]. Стремление к сближению братских народов и в этих условиях подкреплялось обращением к древнерусской традиции, говорившей о единстве происхождения и исторических судеб восточных славян в период существования Древнерусского государства. Ее воздействие совершенно очевидно в известных словах Б. Хмельницкого, обращенных к русскому посланцу Г. Унковскому: «...от Владимерова святаго крещения одна наша благочестивая христианская вера с Московским государством, и имели одну власть, а отлучили нас неправдами и насилием лукавые ляхи» [321].

[314] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М., 1954, т. 3, с. 411—412, 1 октября 1653 г.
[315] Там же, т. 2, с. 109, 23 февраля 1649 г.
[316] Там же.
[317] Там же, с. 154.
[318] Там же, с. 109.
[319] Там же, № 295, с. 216, 7 июля 1649 г.
[320] Там же, № 10, 31 мая 1648 г.
[321] Там же, с. 152, 19 апреля 1649 г.

Сознание общности происхождения и исторических судеб подкреплялось в обстановке расширявшегося восстания боевым сотрудничеством запорожских и донских казаков. Отряды донцев, появившиеся в казацком войске в самом начале восстания, дошли с боями до Львова [322].

Как видно из донесений русских пограничных воевод, стремление широких кругов украинского населения к воссоединению проявилось уже в тот момент, когда на Левобережной Украине еще не завершилась ликвидация польско-литовской власти. Уже 7 июня 1648 г. севские воеводы сообщали в Москву: «Да и во многих, государь, польских городех в Киеве и в Чернигове и в ыных городех от белорусцов та молва и желание есть, чтоб им всем быть под твоею царскою высокою рукою» [323].

Как в тот момент смотрело на перспективы взаимоотношений России с Украиной руководство восстанием, показывает письмо Хмельницкого царю Алексею Михайловичу от 8 июня [324]. Рассказав о борьбе Запорожского войска за православную веру и свои «вольности» и о поражениях польско-литовских войск, Богдан Хмельницкий писал: «Зычилы быхмо собі самодержца господаря такого в своеи землі, яко ваша царская велможность». Из дальнейшего видно, что речь шла о кандидатуре Алексея Михайловича на опустевший польско-литовский трон. Хмельницкий призывал царя «на панство тое наступати, а ми зо всім войском Запорозским услужить вашой царской вельможности готовисмо». Речь шла, однако, отнюдь не об участии Запорожского войска в выборах на польско-литовский трон. Из заключительных слов грамоты («чим боржей поспешайся із своей стороны на іх наступати, а мы іх за божею помощу оттул возмем») видно, что имелось в виду совместным военным выступлением Запорожского войска и русской армии вынудить польско-литовских феодалов согласиться на избрание царя.

Ф. П. Шевченко убедительно показал, что разные группы украинского общества вкладывали в это предложение различный смысл. Для той части украинской старшины, которая опасалась полного разрыва с Речью Посполитой, выбор царя на польско-литовский трон мог быть определенной гарантией сохранения их прав в этом государстве, но народ вкладывал в него гораздо более радикальное содержание, связывая с ним идею полного разгрома польско-литовских феодалов. Об этом говорят рассказы захваченных поляками казаков отрядов Кривоноса, которые сообщали, что будто бы Московские послы говорили: «...мы, соединившись между собой, загоним поляков за Вислу и посадим на королевстве польском царя московского» [325]. Устремления народных масс обгоняли политику руководства восстания и воздействовали на нее [326]. Поэтому когда выборы на польский трон закончились в конце 1648 г.

[322] Подробнее об этом см.: *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки..., с. 94—95.

[323] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 2, № 11, 7 июля 1648 г.

[324] Документы Богдана Хмельницького. Київ, 1961, № 10.

[325] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 2, № 38, конец июля 1648 г.

[326] *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки..., с. 120—121.

избранием брата Владислава IV, руководство восстания (и прежде всего Богдан Хмельницкий, отражавший интересы более дальновидной части старшины, готовой бороться против польско-литовских феодалов в тесном союзе с «чернью»), взяло последовательный курс на отделение от Речи Посполитой и на непосредственное воссоединение с Россией. Вопрос о воссоединении стал предметом переговоров между русским правительством и первым украинским посольством, прибывшим в Москву в начале 1649 г.[327]

Эта ориентация в последующие годы стала главной магистральной линией украинской внешней политики. И это не удивительно, так как последующее развитие событий давало все новые доказательства того, что только воссоединение с Россией позволит украинскому народу добиться осуществления тех целей, ради которых он поднялся на борьбу.

В годы народно-освободительной войны даже та часть казацкой старшины, которая первоначально не хотела разрывать с Речью Посполитой, должна была убедиться в невозможности соглашения с польско-литовскими феодалами. Речь Посполитая стремилась любой ценой добиться уничтожения украинской государственности, восстановления положения, существовавшего до 1648 г. Опыт тяжелых лет войны показывал, что Речь Посполитая откажется от притязаний на украинские земли, только если ей будет нанесено самое серьезное поражение. Однако такого решающего удара украинское войско нанести не могло, не в последнюю очередь из-за двойственной позиции своего военного союзника — крымского хана. Если на начальном этапе восстания военный союз с ханством помог восставшим одержать первые победы в борьбе с польско-литовской армией, то в дальнейшем он все больше стал превращаться в тормоз в развитии народно-освободительной борьбы. Дело было не только в том, что «союзники» беспощадно грабили украинские земли, угоняя население. Крымская знать не была заинтересована в усилении гетманства, в его победе над Речью Посполитой, а стремилась к тому, чтобы в затянувшейся борьбе сохранялось равновесие сил и обе борющиеся стороны оказались бы от него в определенной зависимости. Поэтому Орда не допускала разгрома украинским войском польско-литовской армии (как в 1649 г. под Зборовом) или покидала войска восставших в наиболее важный момент войны (как в 1651 г. под Берестечком). Выступить против этой политики Хмельницкий не мог, так как не имел сил для борьбы одновременно и с Речью Посполитой, и с Крымом. Стремясь еще больше ослабить и подчинить себе гетманство, крымская знать пыталась навязать ему планы совместного похода на Россию, что должно было привести к изоляции гетманства на международной арене, к установлению его прямой зависимости от Крыма[328].

С развитием народно-освободительной войны стало возрастать и внимание к Украине со стороны Османской империи. К началу 50-х годов ее дипломатическая активность заметно усилилась и определилась

[327] Там же, с. 134 и сл.

[328] *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький..., с. 351—383; *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки..., с. 160—161, 286—289, 313, 342—343.

цель — установление турецкого протектората над Запорожским войском. Пока борьба за эту цель велась дипломатическими средствами, путем разного рода многозначных «обещаний», но это в значительной мере объяснялось тем, что силы Османской империи были пока связаны войной с Венецией за Крит. Положение, однако, могло измениться, как это и произошло позднее, когда в начале 70-х годов XVII в. на Украине появились османские войска. Вовлечение Украины в сферу политического влияния Османской империи грозило в перспективе установлением такого же жестокого режима иноземного господства, резко ограничивавшего все возможности поступательного развития, какой уже в течение длительного периода существовал в подчиненных империи Дунайских княжествах, и украинские политики, хорошо знакомые с положением дел в Молдавии, это понимали [329].

Положить конец попыткам польско-литовских феодалов восстановить свое господство над украинскими землями, защитить их от османско-крымской феодальной агрессии можно было лишь в тесном политическом сотрудничестве с Русским государством. Лишь воссоединение с Россией могло обеспечить украинскому народу возможность прогрессивного поступательного развития.

Знаменитая речь Хмельницкого на Переяславской раде как раз и формулировала этот вывод на языке понятий своего времени.

Политика Б. Хмельницкого, направленная на осуществление воссоединения, как показывают сообщения многочисленных русских дипломатов, побывавших на Украине в 1648—1653 гг., пользовалась постоянной поддержкой огромного большинства украинского народа.

Стремление к воссоединению с Россией все более заметно стало проявляться и в широких слоях белорусского общества. В годы народно-освободительной войны на Украине усилилось переселение белорусов на территорию Русского государства. Важным свидетельством настроений широких кругов белорусского населения могут служить «Распросные речи» игумена Афиногена Крыжановского (начало 1651 г.). Крыжановский, которого «послали ко государю ис Полоцка все белорусцы», просил царя, чтобы он «их, белорусцов, принял в свою государскую оборону, а ляхам их не выдал». Посланец заверял, что «как на ляхов за их многие неправды велит государь послати своих государевых ратных людей, и белорусцы... сколько их есть, в те поры востанут на ляхов заодно» [330]. Из сообщений Крыжановского и других представителей белорусского духовенства видно, что выступить против «ляхов» вместе с русским войском и казаками Хмельницкого были готовы не только крестьяне, но и мелкая шляхта и «купетцкие люди» (в их числе и магистрат Полоцка, пославший Крыжановского в Москву) [331].

Воссоединение белорусских и украинских земель не только полностью отвечало интересам Русского государства, но и было важнейшей цент-

[329] Подробнее о османско-украинских отношениях и османской политике по отношению к Украине см.: *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький..., с. 385—391.

[330] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 3, № 12. с. 22, 12 апреля 1651 г.

[331] См. подробнее: *Абецедарский Л. С.* Белоруссия и Россия..., с. 126—129.

ральной частью его внешнеполитической программы в самом широком значении этого понятия. Именно поэтому историков всегда волновал вопрос, почему русское правительство не сразу пошло навстречу устремлениям украинцев и белорусов, почему лишь в 1654 г. состоялось воссоединение Украины с Россией и началась борьба за Белоруссию.

На первых порах имело значение то, что события, развернувшиеся на Украине летом 1648 г., воспринимались представителями русской администрации как крестьянское восстание, направленное против феодального порядка, которое может перебросится на русскую территорию. Опасения эти были тем более оправданными, что явно под воздействием украинских событий летом 1648 г. вспыхнули волнения в пограничных южных городах, население которых состояло в значительной части из переселенцев с Украины. «Служилые люди», выступавшие против злоупотреблений администрации, вдохновлялись примером «черкас», которые «панов больших побили и повывели» [332]. Эти опасения постепенно улеглись лишь с определенным конституированием гетманства как феодального государства, хотя и отличавшегося от России по своему социальному облику и формам политической организации.

Следует согласиться с мнением тех исследователей, кто, как Ф. П. Шевченко, полагает, что политика русского правительства в годы народно-освободительной борьбы на Украине во многом определялась сложным внутренним положением в Русском государстве. 1648 год был годом охвативших многие центры страны городских восстаний, в ходе которых выявилось серьезное недовольство не только широких кругов городского населения, но (хотя и по разным мотивам) и крупного купечества, части дворянства и служилых людей внутренней политикой правительства. 1649 год стал годом крупных реформ, целью которых было, удовлетворив ряд требований дворянства и части горожан, добиться стабилизации положения в стране. Однако, несмотря на предпринятые усилия, в 1650 г. снова вспыхнули восстания в таких крупных центрах страны, как Новгород и Псков. В этих условиях возможности проведения активной внешней политики у боярского правительства Б. Морозова были очень ограниченными. Поэтому оно могло оказывать лишь разного рода косвенную помощь гетманству. В числе форм такой помощи следует указать разрешение украинским купцам вести беспошлинную торговлю с Россией всеми нужными товарами, прежде всего хлебом (это было очень существенно для Украины, в первые годы народно-освободительной войны страдавшей от неурожая), в то время как вывоз хлеба в Литву запрещался [333], имели место, по-видимому, также поставки оружия [334]. Украинцам, в ходе войны спасавшимся от репрессий польско-литовских войск, после поражения казацкого войска под Берестечком

[332] См. об этом подробнее: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975, с. 156—163; *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки..., с. 83, 89—91, 95.

[333] *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки..., с. 146, 385—386, 396, 415—418.

[334] Там же, с. 426—427.

была предоставлена возможность поселиться в России[335]. Наконец, сам Хмельницкий получил официальные заверения, что в случае неудачи восстания Запорожское войско получит убежище на русской территории[336].

Переход к более активной политике был отмечен созывом в начале 1651 г. Земского собора, на котором был поставлен вопрос о возможности перехода Запорожского войска под власть России. По крайней мере с осени 1651 г. начались приготовления к войне с Речью Посполитой[337]. Однако правительство продолжало колебаться. В конце января 1652 г. шведский резидент Родес сообщал в Стокгольм о причинах его нерешительности: «...мне кажется, что им нелегко было бы что-нибудь предпринять, что могло бы вызвать войну, и это я вывожу из того, что [здесь] непрерывно боятся внутреннего восстания или беспорядка, боярин Илья Данилович [Милославский, фактический глава правительства.— *Б. Ф.*], пожалуй, имел бы отвагу и охоту вступить в действие, если бы он не страшился легко могущаго возникнуть здесь внутреннего беспокойства. При возникшем здесь 3 года тому назад мятеже боярин Борис Иванович Морозов [предшественник Милославского.— *Б. Ф.*] находился в величайшей опасности»[338].

Непопулярное, боявшееся восстания боярское правительство не могло пойти на такой важный шаг, как воссоединение, означавшее войну с Речью Посполитой, а может быть, и на более крупный международный конфликт с участием ряда держав, не получив поддержки широких слоев русского общества. В этих условиях важнейшее значение приобретала деятельность созванного весной 1653 г. Земского собора[339]. В свете свидетельства Родеса особое внимание привлекают сообщения такого доверительного источника, как грамота Алексея Михайловича находившимся в Польше русским послам. В ней говорилось, что на соборе, «многое время розговор чинили», запрашивая мнение не только «всяких чинов», присутствовавших на соборе, но и «площадных людей»[340]. Эти слова делового документа (а не публичной декларации) никак нельзя считать пустой риторикой. Как видно из свидетельства Родеса, в сложившейся ситуации мнение «площадных людей» имело для правительства не последнее значение: ведь это они, простые московские горожане, подняли в 1648 г. восстание и свергли правительство Б. Морозова.

Правительство могло пойти на войну, лишь имея за собой не формальную, а фактическую поддержку самых широких слоев русского об-

[335] *Слюсарський А. Г.* Слобідська Україна. Історичний нарис XVII—XVIII ст. Харків, 1954, с. 12—61.

[336] Первое заверение было получено в июне 1649 г. (Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 2, № 90, 13 июня 1649 г.), затем повторялось неоднократно.

[337] *Курц Б. Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914, с. 77.

[338] Там же.

[339] Подробный анализ всех материалов, связанных с работой собора, см.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. с. 327—337.

[340] *Черепнин Л. В.* Земские соборы..., с. 331.

щества, и такая поддержка была ему оказана [341], о чем говорит приговор Земского собора, принятый 1 октября 1653 г. Вскоре вслед за этим приговором последовал созыв знаменитой рады в Переяславле, на которой 18 января 1654 г. решение о воссоединении было одобрено широкими кругами украинского общества. Хотя оба соединившихся государства были феодальными, в конкретной ситуации середины 50-х годов XVII в. воссоединение не могло быть осуществлено по соглашению между правящей верхушкой России и Украины. Оно могло осуществиться лишь при его активной поддержке с обеих сторон широкими кругами общества, так это и было в действительности.

Каким представлялось современникам историческое значение события, его место в многовековой уже истории восточнославянских народов? Приговор Земского собора 1653 г. не содержит сведений об этом. В нем, как известно, давалось лишь обоснование юридической правомерности перехода Запорожского войска в русское подданство. Попытки раскрыть историческое значение события обнаруживаются лишь в более поздних материалах двоякого рода. Во-первых, это серия публичных речей, произносившихся как московскими послами, так и высокопоставленными представителями украинского общества в период оформления самого акта воссоединения и несколько позже. Во-вторых, последовавшие вскоре после акта воссоединения письменные обращения представителей различных групп украинского общества к русскому правительству. Предпочтение при этом следует отдать материалам первой разновидности. Хотя в основном эти речи произносились представителями верхушки украинского духовенства, часть которых, как, например, С. Коссов, относилась враждебно к самому акту воссоединения, они должны были говорить то, что соответствовало в данный момент настроениям присутствовавшей при этом массы людей.

Но, прежде чем переходить к анализу этих выступлений, следует отметить одно важное обстоятельство. Формально говоря, заключенные в 1653—1654 гг. соглашения касались только перехода «в подданство» русского царя лишь свободной от власти польско-литовских феодалов части Украины (примерно к востоку от Горыни), на которую распространялась власть администрации Войска Запорожского [342]. Однако обе стороны исходили из того, что результаты этого соглашения определят судьбу гораздо более широкого круга территорий. Еще до созыва Переяславской рады в августе 1653 г. Б. Хмельницкий говорил московскому гонцу: «...только б-де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы к белорусским людем, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных лю-

[341] См. также отмеченное Ф. П. Шевченко свидетельство Павла Алеппского о пожертвованиях московских купцов на военные расходы: *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки..., с. 475.

[342] «Войско Запорожское з городами и з землями, которые в Малой России належат к княжеству Киевскому и Черниговскому» (Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 3, № 233, с. 543, 7 февраля 1654 г.).

дей своих послал. И те-де белорусские люди тотчас учнут с ляхи битца, а будет-де их 200 000» [343].

Вопрос о судьбе Белоруссии был снова поднят зимой 1654 г. на переговорах в Переяславле, где боярин В. В. Бутурлин заявил от имени русского правительства, что если белорусские города обратятся к царю с просьбой принять их «в подданство», то «государь наш... под свою государскую высокую руку всех их примет и стоять за них станет, так же, как и за них, за войско Запорожское» [344].

В не меньшей степени заключенное в Переяславле соглашение касалось земель Западной Украины. В речи перед царем в сентябре 1654 г. нежинский протопоп Максим Филимонович, один из наиболее стойких сторонников воссоединения среди украинского духовенства, призывал Алексея Михайловича: «...не пощади трудов... ради освобождения толикого правоверного народу христианского и земли свойственной Русской»,— и далее пояснил, что он говорит «о Львовской земли, Подолской, Покутцкой, Подгородской, Полесской, Белорусской и о их широких княжествах, славных городах» [345].

Еще ранее, в августе 1654 г., из царского лагеря под Смоленском были посланы грамоты православным епископам Львова и Перемышля, а также к «шляхте волынской, мещанам и всему посполству», «шляхте подолской, мещаном и всему посполству», «шляхте подгореской, мещаном и всему посполству» с призывом к совместному выступлению против польских феодалов [346].

Таким образом, Переяславская рада рассматривалась как важнейший переломный пункт в истории всех восточнославянских народов.

Как же осмысливалось это событие в указанных выше речах?

Во-первых, Переяславская рада и происшедшее при этом «соединение» «Великой и Малой России» воспринимались как акт окончательного свержения иноземного господства, освобождение от него. «В нынешнее время», говорил нежинский протопоп Максим Филимонович, бог «не попусти до конца развратитись и во истощание приити достоянию своему» и «нас православных сынов российских от сопостат наших свобожает» [347].

Во-вторых, подчеркивалось, что этим актом благодаря совместным усилиям обеих сторон восстанавливается древнее единство восточнославянских народов, существовавшее некогда при Владимире. Бог, говорил русский посол В. В. Бутурлин, обращаясь к украинцам, пожелал «воздвигнути... сию землю ... яко ж во времена благовернаго царя Владимира и прочих его наследников бысть, тако и ныне через ваше тщание соединити» [348]. Со своей стороны Максим Филимонович ставил в заслу-

[343] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 3, № 181, с. 357, 17 августа 1653 г.
[344] Там же, № 205, с. 474, 10 января 1654 г.
[345] АЮЗР, т. 14, стб. 176—177, 27 сентября 1654 г.
[346] Там же, стб. 199—204, 11 августа 1654 г.
[347] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 3, с. 485, 23 января 1654 г.
[348] Там же, с. 467, 8 января 1654 г.

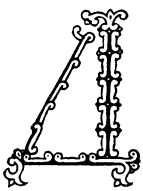
гу царю, что тот «расточенных сынов русских злохитрием ляцким воедино собрал, разделенных составов во едино тело русского великого княжения совокупил»[349]. Для людей того времени, воспитанных в понятиях средневековой феодальной идеологии, было существенно, что царь Алексей Михайлович, как «сродник» Владимира, наследник «прежних великих князей и самодержцев», был именно той фигурой, которая «законом божиим и естественным» предназначена к осуществлению этой задачи.

Наконец, третья, наиболее заметно звучащая тема — это тема возрождения их былой славы и могущества с обновлением исторического единства восточнославянских народов эпохи расцвета Древнерусского государства, отождествлявшейся с легендарными временами Владимира. «Вашим пришествием,— говорил киевский митрополит, встречая русских послов у Золотых ворот,— обновитца, яко орлу, юность наследия благочестивых великих князей русских»[350]. Направленная к царю летом 1654 г. грамота игумена Михайло-Златоверхого монастыря Ф. Василевича открывалась словами: «Воздвигнул [бог.— *Б. Ф.*] в нынешнее радостное лето от многих лет усопшаго великого... князя российского святого Владимира», «возвел погребенную российского рода честь и славу»[351]. Позднее Максим Филимонович говорил, что бог побудил русского монарха, «дабы преславное имя русское в Малороссии уничиженно и гноищем насильствования лятцкого погребенное воскресил и в первое достояние привел»[352].

Как частный вариант этих мотивов выступила и тема возрождения Киева — овеществленного носителя «древних великих князей русских наследия», где находится «седалище перваго благочестиваго российскаго великого князя Владимира»[353] — града «многими обительми святыми и церквами, аще и ныне розоренными, украшенна», «многих храбрством древних великих князей и нынешних православных сынов всему миру удивительна»[354].

[349] АЮЗР, т. 14, с. 175 (речь от 27 сентября 1654 г.).
[350] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 3, с. 478 (речь от 16 января 1654 г.).
[351] АЮЗР. СПб., 1878, т. 10, стб. 723—724, 28 июля 1654 г.
[352] Там же, т. 14, стб. 175.
[353] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы, т. 3, с. 478.
[354] АЮЗР, т. 10, стб. 725.

Заключение



ревнерусское наследие богато и разнообразно, исследование его как части традиции, как вечно современной общественно-политической категории — увлекательная задача. К ее решению наша наука еще только приступает по мере того, как глубже проникает в суть общественно-политической и культурной жизни самой Древней Руси и улавливает связь времен — взаимодействие древнерусского наследия с последующей жизнью восточнославянских народов. Это взаимодействие — процесс вечный, все усложняющийся.

Эта коллективная монография — лишь этап в изучении сложной темы. Древнерусские традиции были настолько многообразны, настолько пронизывали все сферы жизни восточного славянства, претворяясь в творчестве великоруссов, украинцев и белорусов, что их изучение во всей полноте и всесторонности — задача будущего.

Представление о Киеве как общем центре Древней Руси жило и в трудные годы разобщенности некогда единых восточных славян, и в пору борьбы за воссоединение украинцев и белорусов в общем государстве с великорусами.

Эта книга — дань неувядаемой традиции стремления к сохранению общей исторической памяти, которая заставляла средневекового книжника переписывать древнейшие летописные своды, создавая новые труды, в которых история братских народов рассматривалась как единое целое, а художника — вновь и вновь возвращаться к шедеврам искусства Древней Руси, черпая в них источники вдохновения.

Изучая эту тему, мы в новом свете видим Древнюю Русь, учимся оценивать ее непреходящее значение в судьбах трех крупнейших народов Европы, творивших свою судьбу, добиваясь воссоединения, нередко вопреки правителям, не только чужим, но и своим, вопреки воле классов, от которых политически зависел исход борьбы, длившейся не век, не два,— борьбы, в которой были пролиты реки крови.

Древнерусское наследие и в новое время сохраняло свое значение, когда после русско-турецких войн и Ясского мира граница России была отодвинута к Днестру, а Южная Украина, Крым и Предкавказье освободились от ига османов. Основание Херсона, Екатеринослава, Николаева, Одессы, Ставрополя — зримые вехи возрождения воссоединенных земель.

Значение этого наследия проявилось и тогда, когда в результате разделов Польши (1772, 1793, 1795 гг.) Украина и Белоруссия высвободи-

лись из-под господства польских панов. Братские народы совместно повели борьбу против социального бесправия. Историческая традиция братской дружбы — весьма важный элемент национальной психологии, которая сохраняется столетиями, переживая сменяющиеся государственные и правовые институты.

С победой Великого Октября, с торжеством дела социализма были окончательно определены исторические судьбы всех земель братских народов, их древнее этническое братство было скреплено классовой солидарностью, они воссоединились в СССР.

Братское единство народов выдержало суровые испытания: оно закалилось и окрепло в нелегких буднях строительства нового мира, оно прошло сквозь кровопролитные войны — гражданскую и мировую, оно освящало подвиг возрождения. Единство исторических судеб приобретало новые и все более зримые черты советской общности.

Этому единству не страшны никакие бури, оно неколебимой преградой стоит на пути зарубежных пропагандистов лжи, тщетно пытающихся сочинить ложную родословную нашей великой державы.

История неумолима, ее нельзя переписать. Чем глубже познаем мы ее, тем яснее обнажается несостоятельность сочинений псевдоисториков. История — великий наставник, она учит нас хранить братство и единство, с таким трудом завоеванное. Об этом с особым чувством вспоминаем мы в дни славного юбилея древнего Киева, старые камни которого равно дороги всем — и украинцам, и белорусам, и русским.

Список сокращений

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Академии наук.
АВАК	— Акты, изданные Виленской археографической комиссией
АЕ	— Археографический ежегодник.
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1; СПб., 1848. Т. 2.
АЛРГ	— Акты Литовско-Русского государства, изданные М. В. Довнар-Запольским. М., 1899. Вып. 1.
АрхЮЗР	— Архив Юго-Западной России. Киев, 1859—1914.
АСД	— Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа.
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси.
АЮЗР	— Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. 1861. т. 1.
БА	— Беларуский архиу. Менск, 1928. Т. 2; Менск. 1930. Т. 3.
ВАН БССР	— Весці Акадэмии навук БССР.
ВВ	— Византийский временник.
ВИ	— Вопросы истории.
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины.
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
ДКУ	— Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976.
ЕАИВЕ	— Ежегодник по аграрной истории Северо-Восточной Европы.
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения.
ЗНТШ	— Записки наукового товариства імени Шевченка.
ИЗ	— Исторические записки.
Известия ОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук.
ИЮМ	— Историко-юридические материалы Витебского архива.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
НС	— Нумизматика и сфрагистика.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика.

1/216 Заказ № 1263

ПВЛ — Повесть временных лет.

ПГ — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977. Вып. 1; М., 1978. Вып. 2; М., 1980. Вып. 3.

ПГКБ — Помнікі гісторыи и культуры Беларусі.

ПЛ — Псковские летописи.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека.

РППЗ — Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли / Сост. староста мстибоговский Григорий Богданович Волович. Вильно, 1867.

СА — Советская археология.

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.

СДГА — Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848.

Ст. ВКЛ 1529 г. — Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома).

УГ — *Розов В.* Українські грамоти XIV — першої половини XV ст. Київ, 1928. Т. 1.

УГ XV ст. — Українські грамоти XV ст. / Підготовка тексту, вступна стаття и коментарі В. М. Русанівського. Київ, 1965.

УІЖ — Український історичний журнал.

УЛС — Устюжский летописный свод.

ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца.

ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских.

ЧОЛДП — Чтения Общества любителей духовного просвещения.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЮГ — *Розов В.* Южнорусские грамоты. Киев, 1917.

AS — Archiwum książąt Lubartowiczów — Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1887, 1890. T. 1, 3.

AW — Ateneum wileńskie.

CDL — Codex Diplomaticus Lithuaniae.

LUB — Liv, Esth und Curländisches Urkundenbuch.

RAU — Rozprawy Akademii Umiejętności.

SRP — Scriptores rerum Prussicarum.

SZ — Studia źródłoznawcze.

Указатели

Указатель имен [1]

Абецедарский Л. С. 182, 185, 221, 227, 233
Абдуллах, хан *38*
Абрамович Д. И. 152, 170, 222, 223
Август, имп. римский *58, 59, 60, 131, 166*
Агриппина Ольгердовна, вел. княжна лит. *33*
Адамовичи, тяглые люди *108*
Адрианова-Перетц В. П. 42
Азбелев С. Н. 42
Аксинья, княг. тверская *142*
Александр, в. кн. лит., кор. польский *80, 85, 94, 105—107, 118, 120, 140*
Александр, кн. звенигородский *90, 135*
Александр Иванович, кн. псковский *141*
Александр Кориатович, кн. *93*
Александр Нос, кн. *90*
Александр (Олелько) Владимирович, кн. киевский *72, 73, 102, 116, 117, 121, 133, 139*
Александр (Олехно) Судимонтович, нам. полоцкий *136*
Александр Федорович, кн. *141*
Александр Ярославич Невский, в. кн. владимиро-суздальский *13, 17, 19, 25, 30, 47*
Алексеев Л. В. 11
Алексеев М. П. 55
Алексеев Ю. Г. 82, 83, 86, 106, 107, 109, 124, 125
Алексей, митр. *23, 37, 38, 169*
Алексей Михайлович, царь *68, 224, 231, 235, 237, 238*
Алеша (Александр) Попович, герой былинного эпоса *48, 158, 159*
Алпатов М. А. 55, 166
Анастасия Васильевна, княг. киевская, княжна московская *121*
Андреев Каленик, казацкий гетман *209*
Андрей, кн. лит., еп. тверской *142*
Андрей, мещ. полоцкий *108*
Андрей, сын еп. Луки *106*
Андрей Александрович, путный человек *106*
А[ндрей] Борисович, кн. *102*
Андрей Грек, землевладелец *107*
Андрей Дмитриевич, кн. белозерский *138*
Андрей Ольгердович, в. кн. полоцкий *41, 44, 72, 134, 135, 141, 142*
Андрей Розвей, дорогицкий земянин *92*
Андрей Юрьевич Боголюбский, в. кн. владимирский *13, 72, 90, 223*
Андриашев А. М. 10, 72, 75
Анічэнка У. В. 77
Анна, в. княжна московская *139*
Антоний Грек, землевладелец *92*
Антоний Печерский, св. *170*
Антонович В. 72, 136, 147
Апанович Е. М. 182, 221, 227
Апонаскевичи, путные люди *107*
Араб-шах, хан *40, 41*
Аристов Н. 86
Арциховский А. В. 74, 89, 97, 98, 109
Аскольд, легендарный кн. киевский *156, 164, 165*
Астахова А. М. 161
Афанасий, иг. *145*
Афанасий, митр. *165, 171*
Афанасьев А. 127

[1] Фамилии авторов исследовательских, коллективных и популярных трудов набраны курсивом и даны без пояснений. Принятые сокращения: в. кн.— великий князь; еп.— епископ; иг.— игумен, имп.— император; кн.— князь; княг.— княгиня; кор.— король; лит.— литовский; мещ.— мещанин; митр.— митрополит; нам.— наместник; патр.— патриарх; св.— святой.

Ахмед, хан *51*
Ашурков В. И. 45

Баба Г. Д., сын боярский *152*
Баба Иван Друцкий *см.* Друцкий Иван Семенович Баба
Багалей Д. И. 10
Базилевич К. В. 79, 140, 142, 147, 172, 173
Бакун, десятник полоцкий *109*
Бакус О. П. (Backus O. P.) 126
Балабан Г., еп. *192*
Балакирев Д., посол *210*
Балейковичи, путные люди *108*
Баненис Л. Д. 112
Баранович А. И. 220
Барбашев А. И. 137
Бардовский Богдан, полочанин, покупатель земли *108*
Баторий Стефан, кор. польский и в. кн. лит. *182, 197*
Батура Р. К. (Batūra R.) 27, 31, 36, 41, 71, 131
Батый (Бату), хан *9, 47, 54, 167, 224*
Бевзо О. А. 192, 213, 214
Бегич, мурза *40*
Бегунов Ю. К. 45, 56
Беднов В. А. 126
Белкин А. А. 129
Бельские, князья *140, 146*
Бельский Иван Владимирович, кн. *136*
Бельский Иоахим, польский хронист *182*
Бельский Семен Иванович, кн. *140*
Бельский Федор Иванович, кн. *136, 140*
Белый, дьяк *112*
Беляев И. Д. 110, 120
Беляева С. А. 79, 82—85, 89
Бенешевич В. Н. 10
Бердяев Н. А. 55, 56
Берендей Пименович, земянин киевский *92, 129*
Бернадский В. Н. 120
Бершадский С. А. 118
Бира Ш. 46
Благулиничи, путные люди *106*
Блок А. А., русский, советский поэт *45*
Блудова А. 132
Богдан Андреевич, нам. полоцкий *93*
Богданович А. Е. 127
Богун Иван, казацкий полковник *67*
Богуш Боговитинович, писарь *112*
Боден Ж. (Bodin J., Bodinus J.), французский государствовед *57, 60*
Болеслав Кривоустый, польский кн. *12, 198, 201*
Болеслав Смелый, кор. польский *224*
Болеслав Храбрый, кор. польский *156, 224*
Болеслав-Юрий II, кн. галицко-волынский *22*
Болобан Михаил Семенович, кн. *90*
Болотников И. И., вождь Первой Крестьянской войны *64, 65*
Борецкий Ион, митр. киевский *195—197, 199—201, 203, 205, 207, 209—212, 214, 215*
Борзаковский В. С. 10
Борис, кн. суздальский *33*
Борис, св. *47, 132, 222*
Борис Александрович, в. кн. тверской *119, 135*
Борис Годунов, царь *185*
Борис Граборуков, вассал Василия Шемячича *143*
Борис Ромболтовича, тяглый человек *105*
Борискович Исаакий, еп. *208—210*
Борисов Н. С. 48
Борг, легендарный кн. лит. *59*
Борковский В. И. 75, 97, 109
Бородавка Яков, казацкий гетман *207*
Босворт К. Э. 36
Брайчевський М. 84
Бренок Михаил, боярин *44*
Брицын М. А. 110
Бродчане, люди боярские *100*
Будовниц И. У. 16, 55
Булыка А. М. 77
Бутурлин В. В., боярин *237*
Быков Сенька, воин *42*
Бычкова М. Е. 55, 57

Вартберг Герман, ливонский хронист *34*
Василевич Ф., иг. *238*
Василевичи, люди тяглые *108*
Василенко-Полоньска Н. 55
Василенок С. И. 127
Василий Будучолна, кн. псковский *141*
Василий II Васильевич (Темный), в. кн. московский *50, 119, 121, 139, 141, 142, 143, 171, 190, 203*
Василий Демидович, путный человек *107*
Василий I Дмитриевич, в. кн. московский *55, 138*
Василий III Иванович, в. кн. всея Руси *58, 59, 142, 169, 174*
Василий Иванович, кн. стародубский *143*
Василий Иванович Шемячич, кн. новгород-северский *124, 140, 143*
Василий (Вассиан) Иванович Патрикеев, боярин *139*
Василий Львович Мамай *см.* Глинский Василий Львович Мамай
Василий Македонянин, имп. византийский *165*
Василий Михайлович, кн. тверской *142*
Василий Полочанин, посол *210*
Василий Псковитин, боярин *145*

Василий Сачкович, боярин *91*
Василий Семенович, кн. слуцкий *91*
Василий Хребтович, боярин *105*
Василий Юрьевич Косой, кн. звенигородский *139*
Василий Ярославич, кн. серпуховской *143*
Васкова Хонька, землевладелица *87*
Вассиан, еп. *54*
Васюк Сухоборец, воин *42*
Вацлав IV, кор. чешский *88*
Вацлав Костевич, землевладелец *100*
Вельяминов Тимофей, боярин *23*
Вениамин, библейский персонаж *208*
Веревчины, путные люди *106*
Верейский Василий Михайлович, кн. *139, 143*
Верзилов А. 144
Вернадский Г. (*Vernadsky G.*) *11, 24*
Веселовский С. Б. 14, 83, 91, 129, 147
Вешняк Ф., казацкий полковник *228*
Виганд из Марбурга, прусский хронист *34*
Витень, кн. лит. *72*
Витовт, в. кн. лит. *41, 72, 76, 94, 110, 120, 121, 123, 130, 131, 135, 137, 138, 140, 147, 168*
де Витте Е. И. 146
Вишневецкий Д., кн. *183*
Владимир, кн. серпуховской и боровский *23, 33, 35, 41, 44, 73, 99, 143*
Владимир Василькович, кн. волынский *92, 115*
Владимир Всеволодович Мономах, в. кн. киевский *10, 47, 54, 58, 166, 206*
Владимир Данильевич, кн. псковский *141*
Владимир Ольгердович, кн. киевский *72, 73, 87, 88, 117, 138—140, 142*
Владимир Святославич, кн. новгородский, киевский *12, 15, 47, 54, 59, 99, 101, 103, 114—116, 126, 138, 147, 159—163, 166, 170, 171, 191, 197, 198, 222—225, 237, 238*
Владимиров П. В. 145
Владислав IV, королевич, затем кор. польский и в. кн. лит. *203, 217, 218, 221, 232*
Владислав Ягайло, кор. польский и в. кн. лит. *200*
Владыка Ивашка, писарь *112*
Воинь, лит. кн. в Полоцке *72, 141*
Возняк М. 187, 188, 190, 197
Волович О., лит. подканцлер *161*
Володковичи, бояре *91*
Волос (Власий), славянский бог *127*
Волынец, монах *145*
Вороничи, путные люди *106*
Воротынский Семен Федорович, кн. *140*
Воротынский Федор Львович, кн. *137, 143*
Востоков А. Х. 146
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, в. кн. владимирский *13, 91, 153*
Воронин Н. Н. 11, 48, 54
Воротынский, кн. *142*
Вошка Кузьма, староста, тяглый человек *100*
Вяземский, кн. *142*
Вяземский Михаил Дмитриевич, кн. *146*

Габсбурги, немецкая имперская династия *184*
Гаштольд Альбрехт (Ольбрахт), лит. магнат *156*
Гаштольд Мартин, лит. магнат *93, 95*
Гаштольд Ян, воевода виленский *136*
Гваньини Александр, польский хронист *57*
Гедигольд Юрий, нам. подольский *74*
Гедимин (Гедиминас), в. кн. лит. *22, 31, 53, 59, 72, 73, 142, 157, 168*
Гедиминовичи, лит. княжеская династия *90*
Гейденштейн Р., польский хронист *130*
Геракл, герой древнегреческой мифологии *156*
Герасим, еп. *131*
Герасимов Д., русский дипломат *59*
Герберштейн Сигизмунд, дипломат, писатель *57, 59*
Гердень, кн. лит. *71, 142*
Германовіч У. К. 86
Геронтий, митр. *61*
Гиря И., войсковой судья Запорожского войска *209*
Глазунов И. С., сов. художник *45*
Глазырина Г. В. 6
Глеб, древнерусский св. *47, 132, 222*
Глебовичи, бояре *91*
Глинский Б. Ф., кн. *92*
Глинский Василий Львович Мамай, кн. *147*
Глинский Иван Львович, кн. *118*
Глинский М., кн. *173*
Голобуцкий В. А. 180—182, 211, 212, 215—219, 226
Голубев С. Т. 146, 152, 217, 218, 221, 223—225
Голубовский П. В. 10
Голубцов И. А. 21, 74, 98
Гольдберг А. Л. (*Goldberg A.*) *55, 56, 58, 61, 62, 166*
Гольшанские, князья *136*
Гольшанский Александр, кн., староста киевский *124*
Гольшанский Иван Олгимонтович (Ольгимунтович), кн. *72, 103*

Гольшанский П., еп. *156*
Гольшанский Юрий, кн. *136*
Гонгор Д. 46
Горане, люди боярские *100*
Горбач, дьяк *112*
Горностай Иван, писарь *112*
Горская Н. А. 89
Горский А. Д. 20, 52, 82, 100
Грамотин И. Т., дьяк *210*
Гребенюк В. П. 55
Греков Б. Д. 11, 13, 92, 96, 97, 117
Греков И. Б. 28
Григорий Болгарин, митр. *115*
Григорий Прасолович, боярин *91*
Гридка Ромболтовича, тяглый человек *105*
Гридя Хрулец, воин *42*
Гринько Мякулович, пан *102*
Грицкевич А. П. 92
Гриша, нам. *125*
Громыка Исаевич, писарь *112*
Грушевский А. С. 10, 74, 97, 100, 110, 114, 118, 125
Грушевский М. С. 10, 111, 114, 117, 136, 140
Губарь, тяглый человек, староста *100*
Губка, продавец шубы *87*
Гулевичи, бояре *91*
Гумилев Л. Н. 46
Гуня Дмитрий Тимофеевич, казацкий гетман *219, 221*
Гуслистый К. Г. 74, 171, 183, 207, 212, 213, 214, 218, 219, 220
Густав-Адольф, кор. шведский *67*

Давыд Дмитриевич, кн. городецкий *73*
Дажбог, славянский бог *129*
Даниил, кн. пронский *40*
Даниил, митр. *60, 61, 163*
Даниил Заточник, древнерусский писатель *20*
Даниил Романович, кн. галицко-волынский *13, 91*
Данила Александрович, кн. московский *147*
Данила Русанович, боярин 91
Данилевич В. Е. 10, 72
Данило Дажбогович, киевлянин *129*
Данило, полоцкий купец *193*
Даниловичи, тяглые люди *107*
Данковичи, тяглые люди *103*
Даркевич В. П. 11
Дашкевич Н. П. 10
Дашкевич Остафий, воевода черкасский *110*
Девлет-Гирей, крымский хан *62*
Дегтярев А. Я. 83
Дегтярев Зенов, путный человек *106*
Дегтярев Степан, путный человек *106*
Деденко Андрей, казацкий гетман *216*
Дедькович, землевладелец *87*
Демьян, св. *129, 133*
Денис, мещ. полоцкий *108*
Детмар из Любека, торуньский хронист 34
Джанибек, хан *38, 42*
Джовио Паоло, еп., писатель *57*
Джучи, хан *9*
Дионисий, художник *54*
Дир, легендарный кн. русский *156, 164, 165*
Длугош Ян, польский хронист *155—157*
Дмитр Максимович, мещ. полоцкий *108*
Дмитриев Л. А. 19
Дмитриева Р. П. 55, 59, 166, 168
Дмитрий Борисович, кн. *115*
Дмитрий Всеволодович, кн. *124*
Дмитрий Иванович Донской, в. кн. московский *20, 22—24, 28—30, 33, 35, 37, 39—51, 53, 54, 131, 138, 147*
Дмитрий Иванович Шемячич, кн. *140*
Дмитрий Михайлович Боброк, кн. *41, 44, 142*
Дмитрий Ольгердович, кн. *41, 44*
Дмитрий Павлович, кн. городецкий *90*
Дмитрий Семенович, кн., сторонник Свидригайло *90*
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. *139—141, 143*
Добрыня, герой народного эпоса *159*
Добрянский Ф. Н. 145, 146
Довмонт, кн. лит. и псковский *30*
Довнар-Запольский М. В. 94, 108, 123
Долгодат Долгодатович, землевладелец *97*
Домарадский, офицер польской армии *193*
Дорошенко Михаил, гетман казацкий *209*
Драгослав, писец 115
Друцкие, князья *146*
Друцкий Василий Семенович, кн. *90*
Друцкий Иван Семенович Баба, кн. *90, 139*
Дубровицкий Януш Юрьевич, нам. *98*
Дунай, герой народного эпоса *48*
Дурново Н. В. *146, 152*
Дьяконов М. А. 55
Дюк Степанович, герой народного эпоса *159*

Евстафий, св., лит. кн. *132*
Евфимий, еп. *115*
Егоров В. Л. 46
Егоров Ю. 132
Едигей, мурза *20, 49*
Еким Есипович, путный человек *108*

Елена Ольгердовна, княг. лит. *33, 99*
Елена Семеновна, княг. пинская *102*
Елена Стефановна Волошанка, в. кн. московская *129*
Ермак, новгородец *147*
Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири *62*
Ермолин Василий Дмитриевич, зодчий *147, 152*
Ермоловичи, путные люди *107*
Ефименко А. Я. 96, 107, 108

Жданов И. Н. 55
Жигимонт (Сигизмунд) I (Казимирович) Старый, в. кн. лит. и кор. польский *91, 93, 107, 110, 118, 202*
Жолкевский Л., польский магнат *218*
Жукович П. Н. 179, 188, 193, 195, 196, 199—203, 209—211, 213, 214
Жуковский В. А., русский поэт *45*
Жураускі А. І. 77

Загайко Л. К. 186
Закиров С. 36
Замойский Я., польский канцлер *190*
Занько, полочанин *106*
Захарьиничи, путные люди *108*
Збаражский К., украинский магнат *202*
Збаражский Ю., украинский магнат *210*
Зеновка, путный человек *105*
Зимин А. А. 14, 16, 55, 60, 91, 99, 104, 105, 109, 110, 117, 118, 120, 129, 138, 140, 142, 173, 174
Зосима, митр. *61*
Зубрицкий Д. 114, 121, 127
З-ч А. 128

Иаков-черноризец, монах *115*
Иван Андреевич, кн. псковский *141*
Иван III Васильевич, в. кн. всея Руси *24, 28, 49, 51, 52, 54, 57, 58, 61, 129, 136, 142, 143, 146, 147, 152, 162, 171, 172*
Иван IV Васильевич, Грозный, царь *40, 59, 62, 63, 173, 174, 184*
Иван Васильевич, посадник новгородский *121*
Иван Данилович Калита, в. кн. московский *20, 22, 23, 47, 50, 137, 147*
Иван Дмитриевич Шемячич, кн. путивльский *140*
Иван Иванович Молодой, в. кн. московский *146*
Иван (Купала), св. *127*
Иван Максимович, земянин полоцкий *107*
Иван Михайлович, в. кн. тверской *142*
Иван Савич, путный человек *107*
Иван Смера, половец *170*
Иван Юрьевич Патрикеев *см.* Патрикеев Иван Юрьевич
Иван Яцкович, писарь *112*
Иванко, дьяк *112*
Ивашка Петрович, писарь *112*
Игорь, в. кн. киевский *54, 59*
Изяслав, в. кн. киевский *130*
Изяслав, кн. полоцкий *71*
Ильин А. А. 87
Ильиничи, бояре *91*
Ильиничи, землевладельцы *95, 132*
Илья Вячкевич, землевладелец *83, 102*
Илья Муромец, герой народного эпоса *48, 159, 160, 161*
Инкин В. Ф. 108, 123
Иоанн (Евнутий), лит. кн. *138*
Иоанн Златоуст, писатель *204, 206*
Иоанн из Поссильге, торуньский хронист *34*
Иоанн, св., лит. кн. *132*
Иоанн, священник *152*
Иов, иг. *215*
Иодковский И. 133
Иосиф, митр. *112, 128*
Иосиф Волоцкий (Санин), публицист *60*
Иосиф Прекрасный, библейский персонаж *208*
Ираклий, имп. византийский *165*
Исаакий *см.* Борискович Исаакий
Исаевичи, путные люди *106*
Исайя Камянчанин, монах *170*
Ісаевіч Я. Д. 79, 185, 188
Исидор, митр. *190, 203*
Ишжамц Н. 46

Кадлубек, польский хронист *197*
Казакова Н. А. 25, 52, 60
Казимир Великий, кор. польский *33, 168, 198, 200*
Казимир Ягеллончик, в. кн. лит. и кор. польский *75, 80, 86, 91, 94, 95, 117, 120, 124, 125, 137, 138, 140, 171, 172*
Калинин Петр, новгородец *147*
Кальнофойский А., монах, писатель *180, 222*
Каманин П. 93, 118, 142
Кампанелла Томмазо, философ, поэт, политический деятель *57*
Караимович Ильяш, предводитель реестровой старшины *219*
Карамзин Н. М. 10, 114
Каргер М. К. 11
Карл IV, имп. *33*
Карлов В. В. 15
Карп Карпович, боярин *91*
Карский Е. Ф. 77, 127, 128, 132
Касименко О. К. *226*
Кацер М. С. *133*

Каштанов С. М. 56, 60
Квач, нам. речицкий *125*
Квитницкая Е. Д. 132, 133
Кейстут (Кейстутис), кн. лит. *31—34, 41, 141, 142, 168*
Керста Р. И. 129
Кий, легендарный кн. киевский *156, 163, 164*
Киприан, митр. *24, 28, 33, 38, 115, 145*
Киприан, старец *147, 152*
Кирилл, еп. *126*
Кирил[л] Иерусалимский *194*
Кирилл, митр. *17, 115*
Кирпичников А. Н. 42, 85
Кирьянов А. В. 11
Киселевы, путные люди *107*
Кисель А., украинский магнат *216, 218, 230*
Клейненберг И. Э. 25
Клепатский П. Г. 86, 98, 117, 137, 139
Клибанов А. И. 14
Климент VI, папа *33*
Клосс Б. М. 19, 55, 58, 163
Ключевский В. О. 10, 55
Кмита Ф., староста оршанский *161*
Кобрин В. Б. 6
Кобринские, князья *146*
Кобринский Иван Семенович, кн. *97, 101, 112*
Ковальский Н. П. 79
Козека Федор, кн. *90*
Козельский, кн. *142*
Колычева Е. И. 19, 104, 105, 111, 112, 117
Коммо Ш. (Commeaux Ch.) 46
Конецпольский С., гетман коронный *209, 211, 213, 214, 219*
Константин, имп. византийский *58, 59, 61*
Константин Всеволодович, кн. ростовский *158*
Константин Курч, кн. *90*
Константин Мономах, имп. византийский *166*
Копанев А. И. 92, 108
Копач, пан *104*
Копец, писарь *112*
Копинский Исайя, еп., митр. *204, 205, 215—217*
Копыстенский З., украинский писатель *170, 171, 197—199, 203, 204, 206*
Копыстенский М., еп. *192*
Кориатовичи, князья *117*
Корсак Иван Зиновьевич, боярин полоцкий *107, 108*
Корсаковичи, боярский род *91*
Косвен М. О. 107
Косинский К., казацкий гетман *184, 185*
Коссов С., митр. *216, 222, 228, 236*
Костомаров Н. И. 192
Косточкин В. В. 42
Котков С. И. 18
Котляр Н. Ф. 88, 89
Коунас, легендарный лит. кн. *59*
Кох Г. 56
Кочин Г. Е. 82, 83, 99
Крачковский Ю. Ф. 127—129
Крижанич Ю., писатель *62*
Крипьякевич І. П. 144, 181, 182, 220, 226, 227, 228, 232, 233
Кромер М., польский хронист *157, 200*
Кропоткин В. В. 11
Крошинские, князья *146*
Крошинский Константин, кн. *104*
Крупницкий В. 55
Крыжановский Афиноген, иг. *233*
Крыловский А. С. 188, 205
Ксенофонт, иг. *152*
Кубышев А. И. 84
Кузнецов А. Б. 173, 174
Кузьма, св. *133*
Кулага П., гетман реестровый *215, 216*
Кунцевич Иосафат, еп. *202*
Курицын Федор, еретик, дипломат *130*
Курц Б. Г. 235
Кусков В. В. 47, 54
Кучера М. П. 85
Кучкин В. А. 11, 21, 138, 171
Кушлейко, писарь *112*

Лазарев В. И. 11, 54
Лазарь Мошкевич, человек тяглый *96*
Лаппо И. И. 92
Ласота Э. *см.* Ляссота Э.
Лев X, папа *59*
Лев Данилович, кн. галицкий *114, 127*
Леонтович Ф. И. 110, 121, 124
Леонтьев А. К. 17
Леонтьев К. Н. 55
Лжедмитрий I, самозванец *192*
Лжедмитрий II, самозванец *192*
Лимонов Ю. А. 155
Линниченко Н. И. 10
Лихачев Д. С. 11, 47, 55, 60, 158, 159—161
Лихачев Н. П. 71
Логвин, писарь *112*
Логвин Г. Н. 132—134
Ломоносов М. В. *60*
Лука, еп. *106*
Лурье Я. С. 19, 55—57, 131, 132, 154, 155, 162, 164
Любавский М. К. 72—75, 86, 90—92, 95—97, 100, 103—105, 117, 120, 123—126, 135, 139
Любарт-Дмитрий, кн. волынский *32, 72, 103, 114, 117, 121*
Любко, кн. *140*

Лясков Иван, мещ. полоцкий *108*
Ляссота (Ласота) Э., австрийский дворянин *161, 224*

Мавродин В.В. 11
Макарий (Булгаков), митр. 132
Максим, митр. *72, 115*
Максим, патр. *72, 145*
Максим Грек, публицист, писатель, переводчик *60*
Максим Кривонос, соратник Б. Хмельницкого *67, 231*
Максим Филимонович, протопоп нежинский *224, 237, 238*
Максимейко Н. 110, 113
Максимовичи, люди боярские *100*
Малинин В. Н. 55, 61
Малиновский И. 116
Малчанава Л. А. *84*
Мальцев А. Н. 192
Малышевский И. И. 170
Мамай, хан *36—45, 47, 48*
Манка, мещанка полоцкая *108*
Манца, мещ. луцкий *92*
Марасинова Л. М. 82, 83
Марина, боярыня *105*
Мария, княжна витебская *31*
Мария Борисовна, в. княг. московская *146*
Мария Гедиминовна, княжна лит. *142*
Мария Дмитриевна, княжна московская *140*
Мария Ольгердовна, княжна лит. *73*
Маркс К. *40*
Марченко Т. І. 131
Марья, княг. слуцкая *91, 94, 110*
Масленникова Н. Н. 55, 56
Матвеева Г. С. 46
Матвеевы, путные люди *107*
Матвей Малый, иг. *145*
Матфей Иоаннович (Иванович) *145*
Медведев А. Ф. 130
Мелетий, патр. *194*
Мелетинский Е. М. 160
Менгли-Гирей, крымский хан *79, 82, 93, 142, 147*
Менгу-Тимур, хан *25*
Меховский Матвей, польский хронист *57, 143, 157*
Миколай (Николай), писарь *112*
Милов Л. В. 16
Миловидов А. 132
Милославский Илья Данилович, боярин *235*
Милюков П. Н. 55
Миндовг, кн. лит. *29*
Мирчук И. 55
Митковичи, бояре *91*
Митяй (Михаил), печатник, затем митр. *23, 24, 38*
Михаил, кн. черниговский *132*
Михаил Александрович, в. кн. тверской *30, 32, 37—39, 142*
Михаил Александрович (Олелькович), кн. слуцкий *73, 116, 121, 136, 139, 143*
Михаил Васильевич, сын Дурного, москвич *146*
Михаил Евнутьевич, кн. лит. *141*
Михаил Иванович, нам. киевский *72*
Михаил Сигизмундович, кн. лит. *104, 139*
Михаил Федорович Романов, царь *63, 64, 185, 194, 208, 225*
Михаил Черкашенин, донской атаман *182*
Михаил Ярославич, кн. тверской *142*
Михель Ребичкович, берестейский соляничий и восковничий *111*
Мнишек Марина *192*
Могила Петр, митр. *214—218, 221—223, 225, 228*
Можайский, кн. *142*
Можайский Василий Семенович, кн. *146*
Можайский Иван Андреевич, кн. *74, 137, 143*
Можайский Семен Иванович, кн. *143*
Моисеева Г. Н. 55
Моисей, библейский персонаж *229*
Мокей Ромболтовича, тяглый человек *105*
Морозов Борис Иванович, боярин *234, 235*
Морщиловы, путные люди *107*
Москвитин Митя, дьяк *146*
Мстислав, кн. галицкий *158*
Мстислав, кн. киевский *132, 158*
Мстислав Данилович, кн. волынский *98*
Муравьева Л. Л. 19
Мухаммед-Булак, хан *38*
Мухаринская Л. С. 127
Мышко Д. И. 110, 144

Назаров В. Д. 19, 20, 40, 51
Наливайко Северин (Семен), предводитель казацкого восстания *182, 185*
Наримонт, кн. лит. *138*
Наримонтович Александр Патрикеевич, кн. *139*
Наримонтович Патрикий, кн. звенигородский *90, 135, 138, 139*
Насонов А. Н. 19, 21, 46, 57, 153
Натько, мещанка берестейская *111*
Наумов Е. П. 146
Нацагдорж Ш. 46
Некомат, купец *23*
Нектарий, сербский художник *133*
Нелюба, крестьянка *105*

Немировичи, бояре *91*
Немировский Е. Л. 143
Немоевский С., дворянин польский *192*
Нерон, римский имп. *131*
Несвижский Федор, кн. *90*
Нечкина М. В. 6
Никита, писарь *112*
Никитский А. И. 10
Никифор, патр. *17*
Никифоровский Н. Я. 97, 101, 117, 118, 129
Николаева Т. В. 54
Николай, архимандрит *121*
Николай, св. *133*
Нікольскі Н. М. 127
Никон, патр. *62*
Новосельцев А. П. 36, 90
Ноздрин Прон Оксентьевич, боярин *91*
Ной, библейский персонаж *222*
Носов Н. Е. 93
Няфед У. *129*

Одоевский, кн. *142*
Озикиевы, путные люди *107*
Олаус Магнус, шведский хронист *57*
Олег, кн. киевский *164, 198, 199, 201*
Олег Иванович, в. кн. рязанский *40, 42, 47*
Олелько Владимирович *см.* Александр Владимирович
Олехновичи, бояре *91*
Олешко, дьяк *112*
Олизар Кирдеевич, луцкий староста *102*
Олизар Шилович, землевладелец *94*
Ольгерд (Альгирдас), в. кн. лит. *28, 31—35, 37—42, 53, 72, 133, 141, 147, 168*
Ольшанский Михаил, кн. *90*
Орлович, путный человек *106*
Осман, султан *208*
Осташковичи, земяне *107*
Острожские, князья *146*
Острожский Андрей Федорович, кн. *90*
Острожский Евстафий (Дашко, Остафий) Федорович, кн. *135*
Острожский Константин, кн. *149, 174, 187, 189, 190, 196, 197*
Острожский Павел, кн. *90*
Острожский Федор, кн. *132*
Острожский Юрий, кн. *136*
Острянин Яцко, казацкий полковник *218, 219*
Ось, тяглый человек *103*
Отамановский В. Д. 90
Охремов Белка, тяглый человек *105*
Охремов Иван, тяглый человек *105*
Охремов Петр, тяглый человек *105*
Охремовы, тяглые люди *105*

Павел, дьяк *145*
Павел Бут (Павлюк), предводитель казацкого восстания *219*
Павел Высокий, киево-печерский старец *145*
Павлов П. Н. 49
Палемон, легендарный кн. *59, 131*
Панеях В. М. 104
Панышевичи, путные люди *106*
Параска П. Ф. 36
Параскева-Пятница, св., покровительница торговли *129, 133*
Патрикеев Иван Юрьевич, кн. *139, 147, 152*
Пашуто В. Т. 9, 11, 14, 18, 22, 25, 30, 33, 36, 41, 49, 53, 56, 58, 59, 66, 70, 71, 79, 90, 97, 105, 115, 116, 119, 120, 124, 125, 130, 131, 157, 160
Пафнутий Боровский, св., основатель монастыря *169*
Пересвет, герой народного эпоса *44*
Перетц В. Н. 222
Пимен, митр. *23, 24*
Пичета В. И. 104, 105, 110, 112
Плещеев Михаил Андреевич, боярин *147, 152*
Погодин А. 49
Подолянин Ивашко (Иван) Пирог, казацкий атаман *184*
Подосинов А. В. 146
Полоз Сенька, боярин киевский *125*
Полозовичи, бояре *91*
Полубенский И. Ф., кн. *106, 107*
Поляк А. Г. 110
Попов А. Н. 61, 190
Поршнев Б. Ф. 67
Потин В. М. 11, 25, 88
Потоцкий Н., гетман *220*
Похилевич Д. Л. 82, 96, 104, 111
Преображенский А. А. 65
Прывалай Н. 128
Принтц Д., дипломат *59*
Приселков М. Д. 19, 20, 32, 33, 35, 37, 57, 155, 162, 163
Пропп В. Я. 48, 159
Прохоров Г. М. 23, 24, 33, 38
Прус, легендарный кн. *58, 59, 166*
Пузырь, писарь *112*
Пурятичи, путные люди *106*
Путилов Б. Н. 48
Путята Иван Семенович, кн. *90*
Пыпин А. А. 55

Рагдай, герой народного эпоса *164*
Радивил Ян Миколаевич, землевладелец *100*
Радкович Семен Григорьевич, боярин *106*
Радкович Яцко Сенкович, боярин *107*

Радковичи, бояре *91*
Разин Степан Тимофеевич, предводитель Крестьянской войны *65*
Раппопорт П. А. 85
Редка Василий Семенович, землевладелец *108*
Репчиничи, путные люди *106*
Ржевский Д., воевода *183*
Робинсон А. Н. 47
Рог, мещ. *93, 94*
Рогатинский, кн. *112*
Рогов А. И. 169, 171, 222
Родес И., шведский резидент *235*
Родион Несторович, боярин *22*
Рождественский Р., советский поэт *54*
Рожко, тяглый человек *109*
Розов Н. Н. 55
Роман, митр. *37*
Романов Михаил Федорович см. Михаил Федорович Романов
Роман Мстиславич, кн. галицко-волынский *13, 91, 222*
Роман Семенович, кн. пинский *102*
Ромодановский Василий Семенович, кн. *146*
Ромодановский Григорий Дмитриевич, кн. *146*
Ромодановский Михаил Васильевич, кн. *146, 152*
Ромодановский С. В., кн. *152*
Ростислав Иванович, кн. рязанский *140*
Ростислав Мстиславич, кн. киевский *132*
Рублев Андрей, художник *48, 54*
Ружинские, князья *184*
Ружинский Богдан, кн. *184*
Ружинский Кирик, кн. *184*
Ружинский Михаил, кн. *184*
Румбольд, нам. витебский *74*
Русанівський В. М. 79
Русанова И. П. 81
Рыбаков Б. А. 11, 40, 84
Рылеев К. Ф., поэт-декабрист *45*
Рюрик, кн. киевский *58, 59, 90, 162—167*
Рюриковичи, русская княжеская династия *90, 156, 165—167*
Рябцевич В. Н. 88
Ряполовский Семен Иванович, кн. *147, 152*

Сагайдачный П. К., казацкий гетман *199, 202, 207*
Сакович Кассиан, украинский писатель *199*
Салмина М. А. 47
Сальвиус, шведский дипломат *67*
Сангушка, кн. *95*
Сапега, писарь *112*
Сапега Иван Семенович, кн. *103*
Сапега Лев, лит. канцлер *193, 194, 202*
Саркисянц Э. 56
Сафаргалиев М. Г. 46
Сахаров А. М. 20, 86, 128
Саянов В. М. 45
Свенцицкий И. 102
Свидригайло, кн. лит. *72, 75, 85, 90, 120, 125, 135—137, 141*
Свинюско Михаил Васильевич, писарь *112*
Святополк Окаянный, кн. киевский *47, 198*
Святослав, кн. болгарский *17*
Святослав, кн. смоленский *134, 135*
Святослав Игоревич, в. кн. киевский *54, 59*
Седельников А. Д. 146
Седов В. В. 11
Седова М. В. 89
Селивестр, тяглый человек *107*
Семен, кн. перемышльский *135*
Семен, ремесленник *100*
Семен Александрович (Олелькович), кн. киевский, слуцкий *72, 73, 91, 102, 116, 121, 134, 136, 139, 148*
Семен Иванович Гордый, в. кн. московский *147*
Семен (Лугвень) Ольгердович, кн. *124, 140*
Семен Мелик, боярин *43, 45*
Семен Михайлович, кн. пинский *73*
Семен Романович, землевладелец *97*
Семен Шемячич, кн. *124*
Семен Юрьевич, староста луцкий *92*
Семенов А. И. 86, 119
Сенько Григорьевич *см.* Радкович Семен Григорьевич
Сенько Серегович, писарь *112*
Сербина К. Н. 131
Сергей Ромболтовича, тяглый человек *105*
Сергий Радонежский, основатель монастыря, св. *23, 38, 49, 146, 169*
Сержпутовский А. К. 82
Серов В. А., художник *45*
Сигизмунд I *см.* Жигимонт
Сигизмунд II Август, в. кн. лит. и кор. польский *63, 189, 197*
Сигизмунд III, в. кн. лит. и кор. польский *188, 193, 200, 207*
Сидоровичи, путные люди *107*
Силфен П. Г. (Silfen P. H.) 46
Симеон, монах *60*
Синицына Н. В. 55, 60
Скарга П., иезуит *193*
Скиргайло, кн. лит. *72, 73, 135*
Скопин-Шуйский М. В., кн. *193*

Скорина Г., белорусский просветитель *175*
Слуховский М. И. 130
Слюсарський А. Г. 235
Смотрицкий Мелетий, писатель *193, 196, 202*
Соболева Н. А. 71, 88
Созонов Федор Васильевич, москвич *146*
Соколова В. 128
Соколовский, дьяк *112*
Соловей Будимирович, герой народного эпоса *161*
Соловьев В. С. 55
Соловьев С. М. 10, 194, 209
Соломерецкий Василий Иванович, землевладелец *112*
Сопрон, мещ. *93*
Сотникова М. П. 87
Соундрс Дж. (Sanders J. J.) 46
Софоний, писатель *43*
Спер, легендарный кн. лит. *59*
Сперанский М. Н. 33
Спиридон-Савва, митр. *59*
Спиридонов М. Ф. 110, 117
Срезневский И. И. 86, 99, 129
Станислав Юрьевич, боярин *105*
Степун Ф. 56
Стефан, дворянин *106*
Стефан Великий, господарь молдавский *130, 136*
Стефан Зизаний, украинский писатель-публицист *194*
Стефан Сурожский, св. *165*
Стороженко А. В. 182
Струве П. Б. 10, 11
Стрыйковский М., польский хронист *59, 157, 171, 222*
Студеницкие, землевладельцы *106*
Сукарт К. У. 130
Сулима Иван, казацкий атаман *218, 219*
Сушицький Т. 131
Сырохож, посол Мамая *39*

Таракан В., купец *22*
Тарас Федорович, казацкий гетман *212, 213, 215, 218*
Татищев В. Н. 60
Творогов О. В. 19, 58, 170
Темир-мирза, мурза *44*
Тимоновичи, путные люди *106*
Тимофей, окольничий *40*
Тимощук Б. А. 81
Тимур (Тамерлан), завоеватель, основатель среднеазиатского государства *42, 49, 54*
Тиссаровский И., еп. *204*
Тітов Ф. И. 196, 199, 201, 204, 206
Тихомиров М. Н. 11, 13, 16, 19, 26, 40, 42, 55, 78, 120, 124, 144, 146
Тихон Колчижинич, мещ. *125*
Ткачоу М. А. 132, 133
Товтивил, кн. лит. *71*
Товтко (Тойто), нам. полоцкий *74*
Толочко П. П. 11
Тохтамыш, хан *22, 41, 45, 49*
Траузеттель Р. 46
Тризна Иосиф, монах *171, 222*
Тронько П. Т. 68
Трубецкой, кн. *142*
Тугарин Змеевич, герой народного эпоса *159*
Тушин Ю. П. 183, 221
Тюхоловы, путные люди *107*

Узбек, хан *22*
Улащик Н. Н. 79, 130, 131
Улу-Мухаммед, хан *49*
Ульяна, княг. кобринская *101, 102, 112*
Ульяна, княжна тверская и в. княг. лит. *133*
Унковский Г., дворянин *229, 230*
Урланис Б. Ц. 42
Урустай, кн. менский *135*

Фасмер М. М. 129
Федор Александрович, кн. путивльский *135*
Федор Бяконт, боярин *147*
Федор Данильевич, нам. луцкий *114*
Федор Иванович, царь *191*
Федор Патрикеевич, кн. *139*
Федор (Федорка-галичанин), зодчий *132*
Федор Григорьевич, писарь *98*
Федоров-Давыдов Г. А. 36, 46, 138
Феогност, митр. *37*
Феодора, княг. кобринская *97, 102, 112*
Феодорит, кандидат в митр. *37*
Феодосий, архиепископ *115*
Феодосий Великий, византийский имп. *165*
Феофан, патр. *195, 203*
Фехнер М. В. 11
Филарет Никитич, патр. *190, 205, 206*
Филин Ф. П. 18
Филипп, священник *211*
Филипповичи, тяглые люди *108*
Филофей, монах *61*
Фиоль Швайпольт, издатель *144*
Флоря Б. Н. 14, 27, 53, 143, 176, 184, 185
Фома, монах *60*
Фотий, митр. *165*
Франке Г. (Franke H.) 46

Ханковы, тяглые люди *105*
Харлампович К. В. 205
Харузин А. 83, 84, 127

Хмелецкий Стефан, шляхтич *212*
Хмельницкий Зиновий (Богдан) Михайлович, гетман Украины *67, 68, 209, 226—233, 235, 236*
Ходкевич Григорий Александрович, нам. киевский *98*
Ходкевич Иван, нам. киевский *92, 94*
Ходор, нам. велижский *125*
Ходосовичи, путные люди *106, 107*
Хорошкевич А. Л. 25, 27, 49, 75, 111
Хотеевы, тяглые люди *105*
Хотетовский Михаил Иванович, кн. *90*
Хубилай, хан *9*
Хулагу, хан *9*
Хутынский Варлаам, св. *169*

Цалкин В. И. 11
Цамблак Григорий, митр. *115*

Чагатай, хан *9*
Чаев Н. С. 55, 56
Чамарыцкі В. А. 130, 131, 155, 156
Чантурия В. А. 133
Чарторыйский Александр Васильевич, кн. *140—142*
Чарторыйский Иван, кн. *141*
Чарторыйский Семен, кн. *112*
Черепнин Л. В. 11, 13, 14, 18, 20, 21, 36, 40, 42, 52, 55, 65, 66, 75, 77, 82, 89, 90, 91, 97, 113, 122, 124, 167, 235
Черкасский И. Б., боярин *210*
Черников Савва Балыкчей, атаман *184*
Четвертинский Иван Александрович, кн. *90*
Четвертинский С., кн. *206, 210*
Чингисхан *8, 9, 46*
Чистякова Е. В. 234
Чубатый М. 121, 125
Чюрило Бродовский, мещ. *129*
Чюрило Пленкович, герой народного эпоса *129*

Шакун Л. М. 77, 78
Шапорин Ю. А., композитор *45*
Шафран Алексей, запорожец *183*
Шахматов А. А. 153, 155, 172
Шевченко Ф. П. 181, 226—228, 231, 232, 234, 236
Шейн П. В. 127
Шепель Иван, городничий киевский *92*
Шиловичи, бояре *91*
Шипиловичи, путные люди *108*
Шоловинич Гридка, путный человек *106*
Шоловиничи, путные люди *106*
Шпаков А. Я. 61
Шпулер Б. (Spuler B.) 24, 46
Штекль Г. 11
Шуйский Василий, царь *184*
Щапов Я. Н. (Chtchapov J.) 6, 15, 16, 60, 99, 101, 102, 110, 111, 114—116, 118, 122, 130
Щербаковский Д. М. 103, 114
Щусев А. В., архитектор *45*

Энгельс Ф. *11*

Юрга Витовтович, кн. *141*
Юргинис Ю. М. *27*
Юрий (Георгий), св. *127, 129, 133*
Юрий Данилович, в. кн. московский *168*
Юрий Дмитриевич, кн. галицкий *135*
Юрий Зиновьевич, боярин *125*
Юрий Патрикеевич, боярин *139*
Юрий Семенович (Лугвеньевич), кн. пинский *73, 91, 124, 136*
Юрий Семенович, кн. слуцкий *73*
Юрка (Юрий), воин, ремесленник *42*
Юршинин Иван, землевладелец *117*
Юхно, смерд *105*
Ючас М. А. 27, 28, 41, 45, 49
Юшка (Юрий) Драница, нам. нижегородский *139*
Юшков С. В. 16

Яблонскис К. (Jablonskis K.) 111
Явнут (Явнутис), кн. лит. *31*
Ягайло, в. кн. лит. *28, 37, 41—45, 72, 114, 168*
Ягеллоны, польская королевская династия *168, 172*
Яковлев А. 110, 117, 122
Якуб, писарь *112, 146*
Якубовский А. Ю. 46
Якубовский И. 80, 113
Ян-Казимир, кор. польский *229*
Янин В. Л. 11, 86, 87, 89, 92, 93, 119, 140
Янкявічане А. С. 133
Ярила, славянский бог *127*
Ярослав, кн. городецкий *135*
Ярослав Васильевич, кн. витебский *72*
Ярослав Владимирович Мудрый, в. кн. киевский *12, 19, 47, 111, 116, 119, 126, 222, 225*
Ярослав Владимирович Осмомысл, кн. галицко-волынский *13*
Ярослав Всеволодович, кн. владимиро-суздальский *13, 167*
Ярослав Ярославич, кн. владимиро-суздальский *113*
Ярославича Иван Васильевич, кн. *73, 143*
Ярославича Федор Иванович, кн. пинский *73, 82, 91, 94, 102, 110, 143, 146, 169*
Ясинский М. Н. 80, 104, 120
Ясінскі А. 112
Яцко Миневич, землевладелец *105*
Яцко Сенкович *см.* Радкович Яцко Сенкович

Backus O. P. 126, 136
Batūra R. см. Батура Р. К.
Bodin (Bodinus) J. *см.* Боден Ж.

O'Brien C. B. 68

Chodynicki K. 126, 131
Chtchapov J. см. Щапов Я. Н.
Condurachi A. 12
Czermak W. 126

Dlugosz J. 35

Franke H. см. Франке Г.
French R. A. 81

Goldberg A. см. Гольдберг А. Л.
Gumowski M. 71

Hejnosz W. 92, 104, 105

Jablonskis K. см. Яблонскис К.
Jakubowski J. 131

Kolankowski D. 172
Kuraszkiewicz Wl. 86

Lepkyj B. 131
Lukaszewicz J. 207

Perry M. 29
Prochaska A. 193

Sanders J. J. см. Соундрс Дж.
Silfen P. H. см. Силфен П. Г.
Spuler B. см. Шпулер Б.

Theiner A. 126
Theodorescu R. 12

Vernadsky G. см. Вернадский Г.

Wallenbank J. W. 29
Waring A. G. 78
Winter E. 37

Zinkevicius Z. 78

Указатель географических названий [1]

Австрия *5, 34, 52, 53*
Азия *9, 63*
Азия Передняя *9*
Азия Средняя *8, 9, 36, 51*
Азия Центральная *8, 9*
Азов *221*
Албания *63*
Америка *52*
Амударья, р. *9*
Англия *20, 25, 34, 50, 63, 65, 67, 78, 89*
Антиохия, г. *194*
Архангельск, г. *63*
Астраханское ханство *49*
Астрахань, г. *62, 203*
Аукштайтия, земля *27, 41*
Афон, гора *129*

Багдад, г. *8*
Балканы *17, 36, 48*
Балтийское море *24, 26, 50, 57*
Батог, с. *68*
Бездедовский стан *106*
Белая Русь *см.* Русь Белая
Белая Церковь, г. *68, 210*
Белгород, г. *218*
Белгород (Аккерман), г. *51*
Белоруссия, Белорусская земля *см.* по всему тексту
Бельск, г. *73*
Бельская земля *73*
Бельский повет *7, 73*
Березина, р. *73, 100*
Берестейская (Брестская) земля *73, 142*
Берестечко, г. *232, 234*
Берестье (Брест), г. *73, 94, 96, 98*
Бобруйск, г. *73*
Бобруйская вол. *100, 103*
Болгария *8, 26, 48, 49, 58, 63*
Большая Орда *49*
Борисов, г. *84, 94*
Борисовская вол. *94*
Браслав, г. *130*
Браславский повет *96*
Брест *см.* Берестье
Брест-Литовск, г. *179*
Брестская земля *см.* Берестейская земля
Брестская обл. *133*
Брянск, г. *24, 31, 44, 50, 51, 72, 139, 143, 168, 173*
Будники, с. *100*
Булгар, г. *36, 40*
Булгария (Волжская) *40, 53*
Бухара, г. *8*
Бчицкая вол. *97, 123*
Бчичь, земля *73*

Вавилон, г. *166*
Валахия *63*
Варшава, г. *189, 207, 228*
Ватикан *137, 179*
Ведроша, р. *131, 149*
Великая Россия *204, 205, 223, 237*
Великое княжество Владимирское *см.* Владимирское великое княжество
Великое княжество Московское *см.* Московское великое княжество
Великороссия *5, 6, 10, 17, 19, 21, 22, 27, 28, 36, 37, 43, 47, 49, 50, 53, 54, 57, 58, 76, 83, 95, 128, 129, 131, 144, 171, 191*
Величковичи, с. *107*
Велюона, г. *34*
Венгрия *5, 8, 9, 22, 24, 26, 52, 63, 72*
Венден (Цесис), г. *62*
Венеция, г. *26, 233*
Веница, г. *146*
Ветла, вол. *95*
Виелона, г. *34*
Византия, Византийская империя *12, 16, 18, 24, 26, 33, 40, 52, 53, 55, 58, 61, 160, 164, 170, 198*
Вильнюс (Вильно), г. *24, 26, 29, 30, 32—34, 37, 40, 51, 73, 135, 175, 193, 194*
Винница, г. *221, 224*
Висла, р. *230, 231*
Витебск, г. *72, 74, 80, 84, 91, 93, 119—121, 125, 136, 141, 149*
Витебская земля *70—72, 80, 81, 119, 142*
Владимир, г. *8, 15, 17, 23, 37, 39, 48, 54, 72, 86*
Владимир-Волынский, г. *84*
Владимир-на-Клязьме, г. *15*
Владимиро-суздальская земля *10, 11, 13, 16, 20, 38*
Владимирская земля *21*

[1] Принятые сокращения: вол.— волость, г.— город, обл.— область, о.— остров, р.— река, с.— село.

Владимирский повет *83, 101*
Владимирское великое княжество, Владимирское княжество *2—4, 13, 21—24, 35, 39*
Вожа, р. ***20, 40***
Волга, р. *9, 36, 38, 40, 50*
Волковыйск, г. *72, 84, 96, 130*
Волковыйский повет *124*
Вологда, г. *23*
Воложин, вол. *143*
Волок, г. *23*
Волынь, Волынская земля *17, 24, 31, 43, 70, 72, 73, 80, 87, 91, 92, 102, 117, 118, 126, 135, 139, 142, 168, 189, 200, 219*
Ворскла, р. *141*
Восточная Европа, Восточноевропейский регион *11, 29, 49, 53, 77, 83, 88, 89, 129, 145, 152, 156, 157, 165, 166, 171, 199, 230*
Восточная Украина *см.* Украина Восточная
Восточноевропейский регион *см.* Европа Восточная
Воятичи, с. *102*
Вручий, г. *84*
Всяжа, р. *112*
Выборг, г. *25*
Выдубичи, с. *83*
Высоцк, г. *84*
Вышгород, г. *84*
Вяземское княжество *173*
Вязьма, г. *24, 37, 140, 144*

Галицкая земля, Галицкое княжество *23, 70, 72, 123, 200, 222*
Галицко-Волынская земля, Галицко-Волынская Русь *11, 13, 20, 22, 38, 88, 90, 120, 198*
Галич (Галич Волынский), г. *8, 15, 37, 159, 198, 230*
Ганза *24—27, 35*
Гда, р. *158*
Генуя, г. *26*
Германия, Германская империя *34, 58, 62, 65, 67*
Гнезно, г. *156*
Гомель, г. *51, 84, 143*
Горволь, г. *73*
Горвольская вол. *123*
Горки, с. *105, 107, 108*
Городенская вол. *96*
Городенский повет *104, 124*
Городло, с. *92*
Городок, г. *73*
Горынь, р. *227, 236*
Готисвердер, крепость *34*
Греция *63, 199*
Гродно, г. *32, 34, 73, 84, 112, 132*
Грюнвальд *49*

Давыд-городок, г. *73, 84*
Дания *25, 50*
Дарданеллы, пролив *36*
Даугава, р. *33*
Двинская земля *19*
Демены, р., с. *124*
Дербент, г. *48*
Деречин, с. *104*
Дернцы, с. *107*
Дмитров, г. *30, 39, 144*
Днепр, р. *31, 36, 67, 85, 119, 156, 167, 168, 183, 213, 216, 218, 239*
Днестр, р. *36*
Довмонтово, с. *93*
Дон, р. *36, 43, 44, 64, 142, 177, 182, 183, 218, 219, 221*
Дорогицкий повет *102*
Дорогичин (Дрогичин), г. *73, 96*
Дорогичинская земля *73*
Древнемонгольское государство *8*
Древнепольское государство *156*
Древнерусское государство, Древняя Русь *см.* по всему тексту
Дрисецкая вол. *125*
Дрисецкий пригон *109*
Друцк, г. *84, 130*
Дубровки, с. *106*
Дубровна, г. *84*
Дунай, р. *36*

Европа *5, 6, 8, 9, 11, 12, 16, 20, 21, 25, 27, 33, 49, 50—53, 57—59, 62, 63, 65—67, 78, 136, 149, 157, 165, 177, 239*
Европа Восточная, Восточноевропейский регион *11, 29, 49, 53, 77, 83, 88, 89, 129, 145, 152, 156, 157, 165, 166, 171, 199, 230*
Европа Северная *25*
Европа Северо-Восточная *29, 58, 66*
Европа Центральная *90*
Египет *8, 36, 166*
Екатеринослав, г. *239*

Желачка, с. *141*
Желтые Воды, р. *68, 227*
Жемайтия, земля *27, 29, 41*
Житомир, г. *84, 93, 96*
Ярославль, г. *112*

Заднепровье *204, 220*
Закавказье *9*
Занеманье *34*
Западная Русь *см.* Русь Западная
Западная Украина *см.* Украина Западная

Западный Буг, р. *92*
Запорожская Сечь *67, 180, 184*
Запорожье *68, 182—184, 210—212, 218—220*
Зборов, г. *232*
Звенигород, г. в верховьях р. Москвы *23, 54*
Звенигород, г. на Украине *84*
Здитов, г. *73, 84, 96*
Золотая Орда, Орда *5, 9, 17, 21—24, 26, 27, 29—31, 33, 35—38, 40, 41, 45, 46, 48—53, 57, 59, 62—64, 66, 71, 149, 157, 167, 168*
Золочево, с. *134*

Иерусалим, г. *166*
Изборск, г. *141*
Изяславль, г. *84*
Иллирия, провинция *199*
Индия *8, 63*
Индокитай *8*
Индонезия *8*
Иное, с. *124*
Ирак *8, 9*
Иран *8, 9, 36, 63*
Ирнова Мошна, с. *93*
Иртыш, р. *9, 36*
Ислочь, вол. *143*
Испания *50, 52, 58, 65*
Италия *26, 63, 65*
Ишкольди, г. *133*

Кавказ *8, 9, 42, 63*
Казанское ханство *49*
Казань, г. *62, 203*
Калка (Каяла), р. *47, 48, 158*
Калуга, г. *37, 147, 152*
Каменец, г. *70, 73, 84*
Каменский стан *122*
Камень, с. *107*
Канев, г. *84, 110, 146, 183, 215, 218*
Каракорум, г. *8*
Карачаев, вол. *143*
Карелия *10, 24*
Кашин, г. *39*
Каунас, г. *34, 40*
Кафа (Феодосия), г. *24*
Каяла *см.* Калка
Кенигсберг, г. *34*
Киев, г. *5, 8, 17, 20, 22, 24, 37, 43, 57, 60, 68, 70, 72, 73, 79, 84, 87, 88, 91, 93—96, 115, 117—119, 127, 139, 140, 142, 145—149, 152, 156, 158, 159, 161, 163—166, 168, 172, 195, 196, 198, 204, 207, 208, 216, 220, 221—225, 229, 231, 238, 239*
Киевская земля *11, 21, 70—73, 79, 81, 87, 96, 97, 117, 145, 147, 189*
Киевская Русь *50, 95, 109, 118, 124, 132, 133, 160, 162, 199, 204 см.* также Древнерусское государство
Киевская Украина *см.* Украина Киевская
Киселевка, с. *103*
Китай *8, 9, 36*
Клецк, г. *73, 84, 96*
Клецкое княжество *73*
Кнутов, г. *94*
Кобрин, г. *73, 97, 101—103, 112*
Кобринское княжество *73*
Кодак, крепость *218, 220*
Кодын, г. *103*
Козельск, г. *37*
Койданово, вол. *143*
Кок-Орда *36, 42*
Колковичи, с. *124*
Коломна, г. *23, 43, 144*
Колчестер, г. *89*
Комаровка, с. *83*
Константинополь, Царьград, г. *38, 48, 49, 51, 58, 59, 61, 160, 164—166, 198, 199, 202*
Копыль, г. *73*
Копысь, г. *84, 130*
Корея *8*
Корона Польская *136, 137, 149, 197 см.* также Польша
Коросень, г. *133*
Корсунь, г. *68, 213, 216, 227, 228*
Корчин, с. *133*
Корчичи, с. *97*
Кострома, г. *23, 139, 147*
Кошице, г. *51*
Краков, г. *8, 51, 155, 186*
Кременец, г. *84, 96, 104*
Крит, о. *233*
Кричев, г. *73, 136*
Кричевская вол. *97, 123*
Крылос, с. *133*
Крым *8, 9, 22, 25, 36, 42, 63, 66, 71, 209, 232, 239*
Крымская Орда *149, 221, 232*
Крымское ханство *49, 142, 184*
Кубличи, с. *107*
Куликово поле *35, 44, 45, 47—49, 51, 142*

Лаба, р. *177*
Ладосна, с. *107*
Лань, р. *73*
Латвия *24*
Лаукиники, земля *35*
Левобережная Украина *см.* Украина Левобережная
Левобережье *см.* Украина Левобережная
Лейпциг, г. *51*

Лещинское, с. *102*
Ливония *24, 25, 27, 32, 34, 63, 136, 141*
Ливонский Орден *см.* Орден Ливонский
Липица, р. *159*
Литва, Литовское княжество, Литовское великое княжество *см.* по всему тексту
Ловожский стан *106*
Логожск, г. *84*
Ложице, вол. *95*
Лопасня, р. *44*
Лукомоль, г. *84*
Луцк, г. *84, 96, 121*
Луцкий повет *83, 101*
Львов, г. *15, 51, 134, 185, 188, 191, 198, 204, 230, 231, 237*
Львовская земля *237*
Любеч, г. *12, 83, 143*
Любошанская вол., Любошаны *73, 123*
Любуцк, г. *112*

Майшягала, г. *35*
Македония *199*
Макушев, г. 133
Малая Подолия *31*
Малая Россия *204, 205, 237*
Маломожейково, с. *133*
Малороссия *238*
Маньчжурия *9*
Медвежьи озера *99*
Медынь, г. *137*
Мельник, г. *73*
Мельникский повет *73*
Меница, с. *105*
Меречинское, о. *102*
Мещеск, г. *124*
Минск, г. *84, 112, 127, 130, 144, 146*
Минская земля *73*
Миткевича, с. *106*
Митковичи, с. *106*
Могилев, г. *236*
Могилевская вол. *95, 97, 98, 123*
Можайск, г. *23, 31, 144*
Мозырская вол. *97*
Мозырский повет *96*
Мозырь, г. *73, 84, 146*
Молдавия *9, 17, 52, 63, 136, 233*
Молдавское государство *36*
Монастырщина, с. *44*
Монголия, Монгольская империя *9, 18, 46*
Мордовия *40*
Морозовичи, с. *91*
Москва, г. *см.* по всему тексту
Москва, р. *21, 23*
Московия *52, 67, 137 см.* также Русское государство
Московская земля *76*
Московское княжество *28, 58, 76, 99, 120, 135, 137, 143, 145, 147, 203*
Московское Великое княжество, Московское государство *22—26, 28—32, 35, 39, 42, 43, 49, 50, 76, 230*
Мстиславль, г. *136, 140*
Мстиславское княжество *173*
Муром, г. *159*
Мценск, г. *37*

Нарва, г. *25*
Нева, р. *9*
Нев-Еглиз, г. *89*
Невель, г. *84*
Невицкое, с. *132*
Неглинная, р. *21*
Неман, р. *73*
Непрядва, р. *44, 47*
Нидерланды *25, 63, 65*
Нижегородское княжество *50*
Нижний Новгород, г. *15, 30, 39, 51, 139*
Николаев, г. *239*
Нобель, г. *94*
Новгород Великий, Новгород, г. *17—19, 23, 25, 28, 30—33, 35, 37, 39, 41, 43, 50, 51, 54, 57, 63, 79, 86, 88, 89, 92, 93, 101, 113, 119—121, 124, 125, 136, 137, 139, 140, 144, 145, 149, 152, 154, 162, 172, 234*
Новгород-Северский, г. *173, 207*
Новогородок, Новогрудок, г. *37, 73, 84, 100, 115, 118, 130, 132, 141*
Новгородская земля, республика *11. 19, 50, 64, 70, 76, 97, 98*
Новгородско-Псковская земля *13, 16*
Новогрудок *см.* Новогородок
Новое Ковно, г. *34*
Новосиль, г. *37*
Новый Константинов, г. *186*
Норвегия *25*

Обольцы, вол. *124*
Обонежье *97*
Обь, р. *36*
Овручский повет *96*
Одесса, г. *239*
Одоев, г. *45*
Озаричи, с. *83*
Озерицкая вол. *123*
Озолица, вол. *141*
Ока, р. *39, 40, 43, 44, 173*
Олешье, вол. *51*
Орда *см.* Золотая Орда
Орден *28, 29, 31, 33, 34, 35, 41, 50, 51, 53, 57, 66*
Орден Ливонский *10, 24, 62, 63, 70, 71, 140, 142, 149*
Орден Тевтонский *24, 58, 70, 71, 125*

Ортельсбург, г. *34*
Орша, г. *84, 135, 161, 174, 236*
Осеена, р. *107*
Османская империя (Турция) *48, 49, 53, 63, 66, 67, 232, 233*
Острин, г. *96*
Остринская волость *96*
Остров, с. *82*
Острог, г. *146*
Отулово, с. *107*

Перемышль, г. *15, 237*
Перемышльский повет *87*
Переяславль *23, 30, 39, 68, 213—216, 236, 237*
Переяславль-Залесский (Суздальский), г. *54, 153*
Переяславль Рязанский, г. *40*
Пермская земля *50*
Пешт, г. *8*
Пилявцы, с. *68, 227, 228*
Пина, р. *73*
Пинск, г. *84, 91, 96, 102, 110, 115, 130, 146*
Пинская вол. *83*
Пинский повет *83*
Пинское княжество *73, 132*
Плотницы, с. *91*
Поволжье *5, 8, 9, 18, 40, 42, 45, 51*
Подвинье, Подвинские земли *34, 64, 72*
Подгорская земля *237*
Подляшское воеводство, Подляшье *73*
Поднепровье, Поднепровские земли *72, 73, 212*
Подольск, г. *135*
Подольская земля, Подолье *70, 72, 96, 142, 219, 237*
Познань, г. *51*
Покутье *219*
Полесье, Полесская земля *73, 84, 237*
Полоцк, г. *42, 50, 62, 71, 72, 74, 80, 84, 86, 91, 96, 105, 114, 115, 119—122, 124, 125, 127, 130, 134—136, 145, 149, 172, 173, 193, 233*
Полоцкая земля *70, 71, 80, 81, 119, 121, 142*
Полоцко-Минская земля *11, 20*
Польское государство *172, 198*
Польское королевство *175, 176, 189, 197, 198*
Польша *8, 9, 12, 14, 22, 24, 28, 31, 37, 41, 49, 50, 52, 53, 57, 66—68, 72, 75, 78, 88, 171, 176, 198, 202, 235, 239*
Понеманье *34*
Поречье, с. *103*
Правобережная Украина *см.* Украина Правобережная
Преголь, с. *33*
Предкавказье *239*
Прибалтика *5, 9, 18, 63*
Припять, р. *73, 97, 98*
Причерноморье *5, 9, 26, 36, 51*
Пронск, г. *37*
Пропойск, г. *73*
Пропойская вол. *123*
Пруссия *24, 25, 27*
Псков, г. *10, 19, 25, 30—32, 35, 37, 41, 50, 57, 87, 88, 93, 110, 121, 136, 137, 139—141, 144, 149, 234*
Псковская земля, Псковская обл. *70, 76, 141*
Путивль, г. *173, 215*
Пьяна, р. *40*

Радошковичи, вол. *143*
Радруж, г. *133*
Рамигала, земля *34*
Ратно, вол. *95*
Речица, г. *73*
Речицкая вол. *123*
Речь Посполитая *5, 53, 61, 63, 66, 171, 194, 206, 221, 225—229, 231, 232, 235*
Ржева, г. *37, 137*
Рига, г. *32, 34, 99, 121*
Рим, г. *48, 49, 55, 56, 58—62, 166, 170, 194*
Римская империя *166, 198*
Рогачев, г. *73*
Рославль, г. *96*
Россия, Российское государство *5, 6, 12, 17, 19—21, 23—25, 29, 35, 43, 46, 48, 50, 51—68, 137, 169, 174—176, 179, 184, 188, 190—194, 198, 202, 203, 205, 207—211, 215, 217, 218, 223, 225, 226, 230—236, 239*
Рошский повет *143*
Рубежевичи, с. *143*
Рудава, р. *33, 34*
Русское централизованное государство *5, 6, 13, 15, 20, 21, 28, 36, 65*
Русь, Русская земля *см.* по всему тексту
Русь Белая *202, 230*
Русь Западная *71, 74, 84, 93, 101, 103, 115, 129, 131, 136, 138, 140, 142, 146*
Русь Карпатская *24*
Русь Новгородская *25*
Русь Северо-Восточная *13, 15, 21, 70, 72, 74, 77, 81, 84, 85, 88, 90, 91, 96—101, 104, 105, 109, 111, 113, 117, 118, 122, 125, 129, 130, 132, 133, 135—138, 145, 147—149, 153—155, 204, 222*
Русь Северо-Западная *77, 96, 99, 105, 111, 124, 131—133, 137, 138, 145, 147, 154, 155, 204*
Русь Центральная *107*

Русь Черная *72, 73, 84*
Русь Юго-Западная *9, 71, 74, 84, 93, 101, 129, 131, 138, 142, 201*
Русь Южная *79, 129*
Рылковичи, с. *108*
Рязанская земля *39, 40, 42, 44*
Рязань, г. *28, 37, 39, 40, 43, 50, 57, 79, 88, 140, 145, 159*

Самарканд, г. *8*
Сарай, г. *9, 17, 23, 29, 38, 39, 45*
Сарай ад-Джедид, г. *36, 42*
Сарай ал-Махрус, г. *42*
Свислоцкая вол. *95, 100, 123*
Свислочь, р. *73, 100*
Себежская вол. *125*
Северный Кавказ *5, 9, 36, 51*
Северо-Восточная Русь *см.* Русь Северо-Восточная
Северо-Западная Русь *см.* Русь Северо-Западная
Северская земля *173, 207, 216*
Семенчинская земля *95*
Семятичи, с. *102*
Сербия *28, 48, 58, 63*
Серпухов, г. *30*
Сибирь *8, 62*
Синие Воды, р. *36*
Сирия *8*
Словенская земля *165*
Слоним, г. *73, 84, 94, 96, 111, 127*
Слуцк, г. *73, 91, 96, 130, 146*
Слуцкое княжество *73*
Случь, р. *73*
Смоленск, г. *9, 24, 30, 31, 37, 66, 99, 131, 136, 140, 153, 155, 156, 168, 169, 172—174, 190, 193, 194, 237*
Смоленская земля, Смоленщина *11, 80, 142, 173*
Сожь, р. *73*
Средиземное море *36*
СССР *56*
Ставрополь, г. *239*
Станыли, с. *133*
Старинка, вол. *143*
Стародуб (Северский), г. *41, 51, 143*
Стокгольм, г. *25, 235*
Стырь, р. *94*
Судак (Сурож), г. *22, 24*
Суздаль, г. *24, 72, 139*
Суздальская земля *22, 167*
Сула, р. *156*
Супрасль, г. *145*
Сурож *см.* Судак
Сухая Дубрава *207*
США *53, 56*
Сынковичи, г. *133*

Тана (Азов), г. *24*
Тверская земля *70, 76*
Тверское княжество *137*
Тверь, г. *15, 28, 30—32, 34, 37—39, 43, 50, 51, 54, 57, 79, 86, 88, 136, 141, 142, 144*
Тебриз, г. *8, 36*
Тевтонский Орден *см.* Орден Тевтонский
Терек, р. *64*
Тилич, с. *133*
Тоболчиничи, с. *106*
Торжок, г. *23, 39*
Торопец, г. *145*
Тракай, г. *34*
Трапезунд, г. *183*
Троки, г. *73*
Трокское воеводство *73*
Трубчевск, г. *41, 42*
Турийск, г. *84*
Туров, г. *84, 102, 115, 146*
Турово-Пинская земля *114*
Туровское княжество *73*
Турция *см.* Османская империя
Тырнов, г. *48*

Углицкое княжество *23*
Углич, г. *139*
Угра, р. *51, 54, 61, 124, 173*
Украина *см.* по всему тексту
Украина Восточная *182, 220*
Украина Западная *237*
Украина Киевская *202*
Украина Левобережная, Левобережье *42, 68, 173, 204, 213, 219, 231*
Украина Правобережная *49*
Украина Южная *239*
Упите, г. *34*
Усая, вол. *143*
Усвятская вол. *123*

Финляндия *24*
Финский залив *66*
Фландрия *89*
Фракия *206*
Франция *34, 50, 52, 58, 65, 67, 78*
ФРГ *53, 56*

Хаджитархан, г. *42*
Хазария *53*
Херсон, г. *165, 239*
Холм, г. *15, 230*
Хорватия *8*
Хорезм *9, 36*
Хотимль, вол. *143*
Хотин, г. *132, 212*

Царьград *см.* Константинополь
Центральная Русь *см.* Русь Центральная

Черкас, г. *110*
Черная Русь *см.* Русь Черная
Чернигов, г. *43, 51, 66, 84, 87, 143, 146, 168, 173, 207, 224, 231*
Черниговская земля, Чернигово-Северская земля, Черниговщина *11, 70, 88, 147*
Черное море *31, 50, 57, 182, 199, 201, 211, 221*
Черняховская Дубрава *215*
Черсвятская вол. *107*
Чехия *88*
Чжунду, г. *8*
Чичерск, г. *73*
Чичерская вол. *123*
Чуднов, г. *94*
Чухлома, г. *24*
Чхольчжу, г. *8*

Швентойе, р. *136*
Швеция *10, 24, 25, 50, 53, 66—68, 140*
Шелоньская вол. *31*

Щерчев, г. *103*

Эстония *24*

Юго-Западная Русь *см.* Русь Юго-Западная
Южная Украина *см.* Украина Южная
Южный Буг, р. *85*
Юрьев Польский, г. *23*

Яик, р. *64*
Япония *8*
Ярополч, г. *23*
Яуза, р. *21*

Содержание

От авторов 5

В. Т. ПАШУТО

Часть первая
Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян 7

Монголо-татарское нашествие и его последствия для восточнославянских земель 8

Возрождение Великороссии и общественно-политическое наследие Древней Руси 10

Возрождение Великороссии и древнерусские традиции национально-освободительной борьбы 27

Культурное возрождение Великороссии и роль древнерусского наследия 54

На пути к воссоединению 62

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

Часть вторая
Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI в. 69

Территория, язык, население 70

Материальная культура 81

Сословия и повинности 90
Политический строй 116
Духовная культура 127
Связи великорусских, украинских и белорусских земель 134

Б. Н. ФЛОРЯ

Часть третья
Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение 151

Древнерусские традиции в общественной жизни восточных славян XV—XVI вв. и объединительная политика Русского государства 152
Зарождение на Украине и в Белоруссии народно-освободительного движения и Россия 176
Народно-освободительное движение на Украине и в Белоруссии (20—40-е годы XVII в.) Его политическая идеология и цели 195
Воссоединение Украины с Россией и древнерусское наследие 226

Заключение 239

Список сокращений 241
Указатель имен 243
Указатель географических названий 255

Владимир Терентьевич ПАШУТО
Борис Николаевич ФЛОРЯ
Анна Леонидовна ХОРОШКЕВИЧ

Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства

Утверждено к печати
Отделением истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
Р. И. Коробейникова

Художник
Б. И. Астафьев

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Художественно-технические редакторы
Т. А. Прусакова, И. Н. Жмуркина

Корректоры
Л. И. Карасева, Н. А. Несмеева

ИБ № 25457

Сдано в набор 21.01.82
Подписано к печати 05.03.82
Т-03260. Формат 70×90¹/₁₆
Бумага для глубокой печати
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 19,3. Усл. кр. отт. 20,9
Уч.- изд. л. 21,2. Тираж 10000 экз.
Тип. зак. 1263. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10